

Уральский государственный педагогический университет
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

**Актуальные проблемы германистики,
романистики и русистики**

Часть I

МАТЕРИАЛЫ
ежегодной международной научной конференции
4–5 февраля 2011 года
г. Екатеринбург, Россия

Екатеринбург 2011

УДК 811.1/2
ББК Ш 140/159
А 43

Под редакцией:
доктор педагогических наук, профессор
Н. Н. Сергеева

Научный редактор:
кандидат педагогических наук, доцент
Е. Е. Горшкова

Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Матери-
А 43 алы ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 4—5 февраля
2011 г. [Текст] / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. — Ч. I. — 287 с.

Сборник включает тезисы докладов и сообщений, прочитанных в рамках конфе-
ренции «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики», организо-
ванных кафедрой немецкого языка и методики его преподавания, ГОУ ВПО
«Уральский государственный педагогический университет» 4—5 февраля 2011 г.

Для студентов, аспирантов и преподавателей, филологических и лингвистических
специальностей высших учебных заведений.

ISBN 978-5-7186-0463-4

УДК 811.1/2
ББК Ш 140/159
А 43

© Институт иностранных языков, 2011
© ГОУ ВПО «Уральский государственный
педагогический университет», 2011

Оглавление

Общетеоретические проблемы германистики, русистики, индоевропеистики: исследования в области терминоведения, лексикологии, диалектологии, языковых систем и др.

<i>Абдуллаева С. Ф.</i> Сопоставительный анализ глаголов LECIEC и UÇMAQ	7
<i>Андреанова А. Н., Федуленкова Т. Н.</i> Специфичность сдвига смысла во фразеологии.....	15
<i>Баваева О. К.</i> Особенности словообразования метафорических параллелей нейтральной номинации «плохой человек» в английском языке.....	18
<i>Баева Е. В.</i> Синтаксис немецкого предложения речи российских немцев	24
<i>Берчатова И. С.</i> Семантический анализ интернет-сленга.....	27
<i>Ванягина М. Р.</i> Современные англоязычные заимствования.....	30
<i>Гаврилова Н. В.</i> Неологизация во французской экономической и финансовой терминологии и ее результаты	34
<i>Грачева Н. О.</i> К вопросу о выделении типов времен в языкознании	37
<i>Гузикова В. В.</i> К вопросу о существовании односторонней идиоматичности	43
<i>Демидова К. И.</i> Особенности восприятия диалектным социумом окружающего мира и их репрезентация в речи	50
<i>Дрожащих А. В.</i> Метафора в подязыке экономики: семантика, модели, функции	57
<i>Калмыкова Г. А.</i> Синтаксическая вариативность каузальных структур в немецком языке	63
<i>Кантышева Н. Г.</i> Концепция электронного терминологического глоссария «Экологический аудит»	68
<i>Колесниченко И. И.</i> Источники пополнения сниженной лексики немецкого языка	72
<i>Колтунова С. В.</i> Падежная парадигма в грамматике Сезара Удена (1612)	76
<i>Комарова З. И.</i> Идиоматичность единиц научных языков	82
<i>Конопляник Е. А.</i> Особенности прагматики модальных слов	90
<i>Лукин О. В.</i> О частях речи, классах слов и трояком аспекте языковых явлений	93

<i>Матвеева И. В.</i> Парадигматические характеристики компонентов поля персональности в современном немецком языке.....	99
<i>Меликова И. Э.</i> История развития наречий в русском языке (XVIII–XIX вв.).....	104
<i>Плетнева Н. В.</i> Функциональные особенности усечений в современном английском языке.....	105
<i>Попова Л. Г.</i> Вербализация понятийной и ценностной частей фрейма «ремесло» в немецкой и русской лингвокультурах	110
<i>Попова Л. В.</i> Особенности трактовки терминографии и лексикографии в работах отечественных и зарубежных исследователей	112
<i>Скребова Е. Г.</i> Особенности функционирования немецких сложноподчиненных предложений локализации в тексте	115
<i>Томилова А. И.</i> Теоретические основы изучения контекстуальной псевдоэквивалентности	120
<i>Федуленкова Т. Н.</i> Различие между фразеологическими единицами и их библейскими прототипами.....	125
<i>Филипаци Ю. А.</i> К вопросу о происхождении формы глагола <i>he</i> в венецианском диалекте: синтагматический аспект	130
<i>Хрущева О. А.</i> Онимы-бленды в современном русском и английском языках	136
<i>Хузина Е. А.</i> К вопросу о выражении модальности долженствования инфинитивных конструкций в языке русских пословиц и поговорок	141
<i>Чукреева Е. И.</i> Гносеологические аспекты технических артефактов	146
<i>Шагеева А. А.</i> Формирование познавательной стратегии научного исследования: лингвистический аспект (на материале естественнонаучного текста).....	149
<i>Ширпужева Н. В.</i> Связь глагольного значения со значением имён	152
<i>Шумарин С. И.</i> Антропонимические аббревиатуры в современном русском языке: семантика и функции.....	155
Общетеоретические проблемы германистики, русистики, индоевропеистики: исследования в области когнитивной лингвистики, дискурса и стилистики	
<i>Быкова Т. Ю.</i> Милитарная метафорика в советской прессе 1930–1935 гг.....	161

Ваганова Т. П. Сопоставительный анализ концепта СМЕРТЬ/DEATH в английском и русском языках.....	164
Гайворонская А. М. Инверсии концептов «доверие» и «обман» в русской и английских эпистемах XIX века.....	168
Григорьева Н. Ю. Когнитивные аспекты репрезентации политического комикса.....	173
Гудина О. В. Сказка как отражение национально-культурных особенностей восприятия окружающего мира	177
Денисова С. Н. Лингвокультурная идея воздаяния в научном дискурсе.....	184
Евдак А. Н. Роль метафоры в языке с точки зрения социолингвистики (на примере концепта КРИЗИС).....	188
Жилина И. С. Семантическая характеристика несобственно-прямой речи — понимания, осмысления в английских, немецких и русских художественных текстах XX века.....	192
Завьялова Н. А. Генезис китайских и японских ФЕ как отражение дискурса повседневности	197
Кошкарлова Н. Н. «Борис, ты не прав!», или о пользе одной реплики	203
Мандрикова Г. М. Инвективная лексика в студенческой речи (на примере русского и польского языков).....	208
Нахимова Е. А. Прецедентные онимы-неологизмы	217
Олешков М. Ю. Макроинтенция в дискурсе: интеграция смыслов.....	222
Пименов Е. А. Типология когнитивных моделей: метаязык описания.....	226
Подвигина Н. Б. Концепт «Петров пост»: национальное и индивидуальное (на материале анализа произведения «Лето Господне»)	232
Попова Н. В. Вербализация диады понятий внутреннего безобразия и внешней красоты в немецких и русских идиомах	234
Салатова Л. М. Экономический кризис сквозь призму метафорических моделей	237
Степанова Е. Д. Отражение национальной специфики русского, английского и немецкого языков во фразеологизмах со значением потери собственности	241
Теркулов В. И. Лингвальная когнитология.....	245
Саниань Шань Relevant Features and Image of Barack Obama from One Word «Measure» on.....	250

Шемчук Ю. М. Эвфемистические переименования в современном немецком языке.....	258
Шимко Е. А. Роль ментальных и вербальных структур национального культурного пространства в рамках этнолингвистического перевода.....	263
Шишкина Т. С. Эмоционально-экспрессивный потенциал констативного речевого акта в функции инициирующей реплики в жанре неформального интервью.....	267
Сведения об авторах.....	273

***Общетеоретические проблемы германистики,
русистики, индоевропеистики: исследования
в области терминоведения, лексикологии,
диалектологии, языковых систем и др.***

С. Ф. Абдуллаева

S. F. K. Abdullaeva

Баку, Азербайджан, durdana_a@mail.ru

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ
LECIEĆ И UÇMAQ
COMPARATIVE ANALYSIS OF THE VERBS
LECIEĆ AND UÇMAQ**

Аннотация. В статье проводится сопоставительный анализ польского и азербайджанского языков, в частности глаголов *lecieć* и *uçmaq*. Глаголы имеют как отличительные черты, так и сходства.

Abstract. The article deals with the comparative analysis of Polish and Azerbaijani languages. The verbs *lecieć* and *uçmaq* are in the focus. The analysis has revealed that this equivalent verbs have many different features. Polish word in comparison with Azerbaijani one is more expressive. At the same time analysis finds out dictionary mistakes. In the first place it reveals itself in the explanation of phrase logical units.

Ключевые слова: глаголы *lecieć* и *uçmaq*; семантика; фразеологическая единица.

Keywords: the verbs *lecieć* and *uçmaq*; semantics; phraseological unit.

УДК 811.162.1+811.512.162

Семема «лететь» в современном азербайджанском языке обозначена лексемой *uçmaq* [Русско-азербайджанский словарь 1982: 19]. В АРС данная лексема описывается следующим образом: «UÇMAQ 1. летать (о движении в разное время, в разных направлениях): 1) передвигаться, перемещаться по воздуху с помощью крыльев (о птицах, насекомых и т. п.); иметь способность держаться в воздухе. 1) летать роем (о насекомых); 2) летать стаями (о птицах); 2) передвигаться, перемещаться по воздуху, а также в космическом пространстве (о летательных аппаратах и о людях,

© Абдуллаева С. Ф., 2011

находящихся в них); 3) уметь управлять летательным аппаратом, быть летчиком, членом экипажа самолета; 4) *перен.* двигаться, передвигаться легко и быстро, едва касаясь земли и т. п. (обычно о руках, ногах); 5) торопливо бегать, ходить, ездить, почти не останавливаясь в разных направлениях в течение длительного времени; 2. лететь (движение в одно время, в одном направлении): 1) передвигаться, перемещаться по воздуху с помощью крыльев (о птицах, насекомых и т. п.). 2) перемещаться, передвигаться по воздуху, а также в космическом пространстве (о летательных аппаратах и людях, находящихся в них). 3) перемещаться, двигаться по воздуху силой ветра, толчка и т. п. 4) мчаться (по земной или водной поверхности). *Atlar kəndə doğru uçurdu* кони летели в направлении села; *uç, yelkənim, uç, apar tənəi uzaq sahillərə* лети, парус мой, лети, неси меня к дальним берегам; 5) быстро проходить (о времени). 6) стремиться (душой, мыслями и т. п.), уноситься. 7) *перен.* быстро тратиться, расходовать (о средствах). 3. вылетать, вылететь: 1) полететь откуда-л. наружу или куда-л. 2) отправиться, начать полет на самолете. 3) внезапно и стремительно выпасть откуда-л., из чего-л. *At büdrədi və tən uəhərdəm uçdum* конь споткнулся, и я вылетел из седла. 4. улетать, улететь: 1) летя, удалиться откуда-л. куда-л. 2) отбыть, отправиться (на самолете). 5. слетать, слететь: 1) взлетев, покинуть какое-л. место. 2) упасть, не удержавшись, сорвавшись откуда-л. 6. полететь. 7. налетать (пролетать в общей сложности какое-л. расстояние. 8. улечучиваться, улечучиться: 1) испариться. 2) *перен. разг.* постепенно исчезнуть. 9. разрушаться, разрушиться (разломаться, развалиться, превратиться в развалины). 9. обваливаться, обвалиться, обрушиваться, обрушиться (разрушаясь, упасть, рухнуть). 10. линять, вылинять (потерять первоначальный яркий цвет). \diamond *göüə uçmaq* пропасть, исчезнуть; *quş olub uçmaq istəyirəm (sevincdən)* хочу лететь как птица (от радости); *qanadlanıb uçmaq* быть готовым лететь (от радости); *uçmağa qanadım yoxdur* см. *quş olub uçmaq istəyirəm*» [Азербайджанско-русский словарь 2000: 606—607].

Анализ приведенной статьи свидетельствует о чрезвычайной сложности как семантической структуры глагола *uçmaq* в азербайджанском языке, так и словарной статьи, посвященной ее описанию в АРС.

Прежде всего, необходимо отметить, что сложность семантической структуры данного глагола отражает сложность семантической структуры азербайджанского глагола вообще. Так, азербайджанский глагол вбирает в себя семантику всех возможных приставочных образований в тех языках, например, индоевропейских, где существуют приставочные глаголы, производные от не приставочных.

Безусловно, в этом явлении сказывается своеобразие асимметрии языкового знака, характерное для тюркских языков. Приставочное образование

означает членение означающих знаков в структуре парадигмы в соответствии с функцией означаемого. Это своеобразное стремление избежать асимметрии кода, сделать его проще. Иначе обстоит дело в азербайджанском языке, где, как мы видим, означающее векторно усложняется. В *приставочных* языках такое сложное значение распределяется по приставкам, точнее, по приставочным производным. В азербайджанском языке глагол становится сложным естественным путем. Здесь отсутствует метафоризация, поскольку концептуальное ядро лексического значения остается неизменным. В определенном смысле здесь нет сугубо выраженной асимметрии, поскольку знак не переносится ни на новый объект, ни на даже на смежный объект. Тем не менее, усложнение означающего налицо. Семантика приставки значительно усложняет значение глагола, в принципе усложняется и концептуальное ядро. Следовательно, всё же правомерно говорить о большей асимметрии кода в системе глаголов азербайджанского языка.

Не совсем понятно распределение сем по разным значениям, представленным в этой статье. Например, отсутствует четкость в нумерации значений: «1. летать (о движении в разное время, в разных направлениях): 1) передвигаться, перемещаться по воздуху с помощью крыльев (о птицах, насекомых и т. п.); иметь способность держаться в воздухе. 1) летать роем (о насекомых); 2) летать стайей (о птицах); 2) передвигаться, перемещаться по воздуху, а также в космическом пространстве (о летательных аппаратах и о людях, находящихся в них)».

Всего, согласно АРС, лексема *uçmaq* имеет в азербайджанском языке десять значений. Пытаясь разобраться в структуре представленных значений, цифры без скобок мы соотносим с семемами, цифры за скобками — с вариантами семем. В таком случае не совсем ясно, почему два раза за скобками повторяются цифры 1 и 2, следующие за семемой 1. Например: 1) «передвигаться, перемещаться по воздуху с помощью крыльев (о птицах, насекомых и т. п.); иметь способность держаться в воздухе» и 1) летать роем (о насекомых); 2) «летать стайей (о птицах)» и 2) передвигаться, перемещаться по воздуху, а также в космическом пространстве (о летательных аппаратах и о людях, находящихся в них)». На семном уровне совершенно неправомерно разграничение «летать роем о насекомых» и «летать стайей о птицах». Кроме того, что меняется в структуре семемы в зависимости от того «передвигаются, перемещаются по воздуху с помощью крыльев (о птицах, насекомых и т. п.); иметь способность держаться в воздухе» насекомые или птицы? Что дает основание для разграничения 1) и 2), где 1) является вторым 1), поскольку первым оказывается именно способность передвигаться по воздуху?

В семантической структуре глагола *uçmaq* составители АРС выделяют семемы «летать» и «лететь». При желании можно дифференцировать эти

значения или, во всяком случае, понять логику этой дифференциации как общего и частного, или общего и конкретного. Например, «летать» вообще обладать способностью к такому движению и «лететь» как реализовать соответствующую способность. Но в АРС эти семемы не разграничены, на наш взгляд. Ведь разграничить эти значения означает дифференцировать прежде всего дефиниции. Но в АРС в обоих случаях представлена дефиниция «передвигаться, перемещаться по воздуху с помощью крыльев (о птицах, насекомых и т. п.)». Эта дефиниция дана и значению 1.1) и по значению 2.1). То же самое относится и ко второму значению. Например, значение 1.2) определяется как «передвигаться, перемещаться по воздуху, а также в космическом пространстве (о летательных аппаратах и о людях, находящихся в них). *Təyyarədə uçmaq* летать на самолете, *kosmik gəmidə uçmaq* летать на космическом корабле, *okeanın üstündən uçmaq* летать через океан» и 2.2) «передвигаться, перемещаться по воздуху, а также в космическом пространстве (о летательных аппаратах и о людях, находящихся в них)». По этому значению дается иллюстративный материал: «*Bu gün Londona uçuram* сегодня лечу в Лондон, *ezamiyyətə uçuruq* летим в командировку, *buludların içində uçmaq* лететь в облаках, *Aya uçmaq* лететь на луну, *hansı yüksəklikdə uçmaq* лететь на какой высоте» [Азербайджанско-русский словарь 2000: 606].

Как видим, дефиниции одни и те же, они совершенно не разграничены на семном уровне. Иллюстративный материал, на наш взгляд, также не всегда служит прояснению смысла. Почему это, спрашивается, *Moskvaya uçmaq* переводится как летать в Москву, а *Aya uçmaq* — как лететь на луну?

Не совсем верно, на наш взгляд, обстоит дело и с описанием фразеологических единиц на базе глагола *uçmaq*. Так, в АРС, как мы видим, приводятся следующие фразеологизмы: *göyə uçmaq* пропасть, исчезнуть; *quş olub uçmaq istəyirəm (sevinədən)* хочу лететь как птица (от радости); *qanadlanıb uçmaq* быть готовым лететь (от радости); *uçmağa qanadım yoxdur* см. *quş olub uçmaq istəyirəm*» [Азербайджанско-русский словарь 2000: 606—607].

Выражение *quş olub uçmaq istəyirəm (sevinədən)* вообще фразеологическим не является. Буквально оно означает «хочу стать птицей (превратиться в птицу) и летать (от радости)». Во-первых, это выражение почти не встречается в азербайджанском языке и носит надуманный характер. Во-вторых, в структуре этого обычного выражения, которое в лучшем случае может расцениваться как выражение радости, совершенно отсутствует вторичная номинация. Все компоненты этого предложения, а это именно законченное предложение, а не устойчивое словосочетание или фразеологизированный лексический комплекс, сохраняют основную и первичную денотативную направленность, нет даже намек на переосмысленность. *Я хочу стать*

королем, а кто-то хочет стать птицей, только и всего. В-третьих, это выражение может с большой натяжкой считаться поговоркой, т. е. тем, что говорится в том или ином случае. Строго говоря и на поговорку выражение *quş olub uçmaq istəyirəm (sevincdən)* не тянет, поскольку отсутствует традиция использования, основанная на естественном соотношении ситуаций. Например, такой устойчивостью употребления в азербайджанском языке характеризуются такие выражения, как *dəli olub küçələrə düşmək, qarı-qarı düşmək (dilənçə kimi), siçan olub girməyə bir deşik axtarmaq* и т. д.

Такого рода выражения сближаются с компаративами, устойчивыми сравнительными оборотами, которых много во всех языках. Как известно, сравнительные обороты могут относиться как к языку, так и к речи. Иными словами, в повседневной речи наблюдается множество различных сравнений, выполняющих экспрессивную функцию и созданных по случаю, для повышения коммуникативной эффективности речи.

Что касается выражения *quş olub uçmaq istəyirəm (sevincdən)*, то и компаративом в собственном смысле слова оно не является. В основе образования такого рода лежит не сравнение, а метаморфоза. Причем метаморфоза представлена в исходной форме *quş olub uçmaq istəmək*, а вовсе не *quş olub uçmaq istəyirəm*. Следовательно, и форма, в которой дано это выражение в АРС, также вызывает возражение.

Все остальные выражения, приведенные в этой статье, действительно представляют собой единицы вторичной номинации, полностью десемантизированные.

Выражение *uçmağa qanadım yoxdur* также дано не в исходной форме, поскольку исходной является форма *uçmağa qanadı yoxdur* у кого-то, т. е. окружение состоит из существительного с семантикой лица.

В польском языке семема «лететь» обозначается лексемой *lecieć* [3, 1, 540]. Семантическая структура этого слова в ПРС описывается следующим образом: «*lecieć* 1. лететь ~ а ptaki летят птицы; samolot ~i z szybkością самолет летит со скоростью ...; ~а pociski летят снаряды; ~а iskry (drzazgi) летят искры (щепки); flaga ~i w góre флаг взвивается вверх; ~ samolotem (śmigłowcem) ... лететь на самолете (на вертолете); 2. доноситься, нестись; ~а głosy несутся голоса; 3. разг. лететь, бежать, мчаться, нестись; pociąg ~i поезд летит (мчится); dni (lata) ~а дни (года) летят (бегут); leć szybko разг. скорей беги!; ~jak wiecher мчаться вихрем; ~jak na skrzydłach мчаться словно на крыльях; 4. лететь, падать, валиться; ~ na podłogę лететь (падать) на пол; ~ z krzesła падать (лететь) со стула; wszystko ~i z rąk всё валится из рук; ~ z nóg (падать) (валиться) с ног; 5. течь, литься, бежать; woda ~i z kranu вода льется из крана; łzy ~ а слезы текут; krew ~ i z nosa кровь идет (течет) из носа; ∅ jak ~i подряд, без разбора; ~ na coś гнаться

за чем-л., зариться на что-л.; ~na kogoś быть равнодушным к кому-л., быть увлеченным кем-л., ~ na siebie а) сшибаться; б) сливаться; *litery ~a* на *siebie* буквы сливаются; ~*przez ręce* обмякать, обвисать у кого-л. на руках; *jak ci ~i?* как твои дела? ~i *komuś dobrze (źle)* дела *чи-л.* идут хорошо (плохо); *głowa ~i do tyłu* голова откидывается назад; *ceny ~a w górę* цены стремительно идут вверх; *ślinka ~ i na coś* слюнки текут при виде чего-л.» [Гессен, Стыпула, 1998: 385].

Анализ приведенной статьи показывает, что первые четыре значения слова *lecieć* полностью обусловлены предметно-логическим значением. Если основное номинативное значение слова носит предметно-логический характер, то все переносные значения также логически обусловлены. В основе эволюции означающего лежит образ перемещения в воздухе. Исключение составляет пятое значение «течь, литься». Сами значения определяются на основе валентности слова *lecieć* в составе конфигураций. Ясно, что эти конфигурации и соответствующие словосочетания носят устойчивый характер. Только по этой причине они приводятся в Словаре.

Следует отметить, что уже по первому основному значению наблюдается эволюция означающего. Так, *lecieć a ptaki* и *samolot lecieci z szybkością* не совпадает по денотату и, следовательно, по значению в целом. Если анализировать эти словосочетания на семемном уровне, то полет самолета, как бы он ни ассоциировался с полетом птицы, не может с ним отождествляться. Не говоря уже о полете снарядов, искр, щепок. Тем более неожиданно связывать понятие «лететь» с реющим флагом. Хотя следует обратить внимание на то обстоятельство, что и в русском языке глагол *реять* обнаруживает валентность, связывающую его и с птицей, и с флагом. Но иначе обстоит дело с глаголом *лететь*. Тем не менее, значит, понятийное соответствие возможно на ментальном уровне.

Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что в ПРС не разграничивается на семемном уровне полет самолета и полет на самолете. На наш взгляд, такая интерпретация более верна, нежели то, что мы видели в АРС.

Логическое или логико-предметное возражение способно вызвать только пятое значение глагола *lecieć*. Иными словами, семема «лететь» трудно соотносится с таким референтом, как вода, льющаяся из крана. То же самое можно сказать и о слезах, которые могут «бежать», но «лететь» *вряд ли*. Выражение *вряд ли* лучше чем что-либо другое отражает ментальные характеристики. Действительно, нам трудно соотносить семему «лететь» с водой или слезами, тем не менее, если в ПРС приводятся эти устойчивые сочетания, следовательно, польское мышление соотносит полет и с водой, и со слезами.

Польский глагол *lecieć* обнаруживает полное соответствие с азербайджанским глаголом *uçmaq* по первому, третьему и четвертому значениям. Так, *uçmaq* свободно соотносится с такими понятиями, как «птица», «самолет», «снаряд», «искра», «щепка». Как было выше отмечено, несмотря на эволюцию означаемого, во всех этих случаях можно говорить о манифестации предметно-логического значения. Точно так же глагол *uçmaq* свободно соотносится с понятиями «поезд», «дни», «года», «вихрь» и т. п. Образ падающего предмета великолепно соотносится с семемой «лететь», что, на наш взгляд, носит универсальное содержание, следовательно и с глаголом *uçmaq*.

Азербайджанской ментальности не соответствует соотношение доносящихся издали звуков/голосов с полетом. Поэтому второе значение польского глагола *lecieć* не находит соответствия в азербайджанском языке. В азербайджанском языке в идентичной ситуации устойчиво употребляется глагол *gəlmək*, также представляющий собой глагол движения, но значительно менее интенсивный и, таким образом, менее экспрессивный.

Что касается пятого значения глагола *lecieć*, то оно также не находит соответствия в азербайджанском языке. В азербайджанском языке и в этом случае используются менее экспрессивные глаголы. Обычным является использование глагола *tökmək*.

В области фразеологии экспрессивность польского языка представлена также выпукло. Например, в обычной этикетной фразе, *osведомляющей* о делах встречного, в польском языке используется глагол *lecieć*. В азербайджанском языке в идентичной ситуации используется семема «идти»: *işlərin necə gedir?*

На наш взгляд, в подобной ситуации с логической или логико-предметной точки зрения более уместна семема «идти», ср. также *ход дел*. Или азербайджанское *işlərin gedişi*. Тем не менее, существование в польском языке фразеологизма *~i komuś dobrze (źle)* является фактом, из которого следует исходить. Вывод может быть только один: польский менталитет вполне увязывает семему «лететь» с делами. Более того, семема «лететь» не воспринимается польским менталитетом как особо экспрессивное средство, или средство, нагнетающее экспрессию в обычной ситуации. Со всей очевидностью это свойство польского менталитета демонстрирует дистрибуция. Так, *dobrze* или *źle* означает, что что-то дела могут *лететь* или *хорошо* или *плохо*. Семема «хорошо» еще может в азербайджанской ментальности ассоциироваться с «лететь», но «плохо» уже никак нельзя «лететь». Если дела идут плохо, то они даже не идут, а плетутся. Как видим, в польском коллективном сознании даже *źle* дела вполне могут *lecieć*.

Вполне идентичны и в духе времени фразеологизмы *çeny ~q w górę* и *qiyəmətlər uçur*.

Вызывает возражение описание фразеологизмов с глаголом *lecieć* в ПРС. Как и в АРС, не всегда учитывается степень фразеологизации свободных словесных комплексов. Например, слюнки могут течь, а могут и лететь, но слюнки остаются слюнками, т. е. слово *ślinka* вовсе не подвергается деактуализации и, следовательно, не становится компонентом фразеологизма. А если это так, то не приходится говорить о фразеологизации словосочетания *ślinka ~ i na coś*.

То же самое относится и к словосочетанию *głowa ~i do tyłu*, где лексема *głowa* абсолютно никакой деактуализации не подвергается. Во всех этих и вообще подобных примерах мы имеем дело с переносным значением глагола *lecieć*. Все же остальные компоненты словесного комплекса употребляются в своих основных значениях, не утрачивая ни в малейшей степени связи с исконным денотатом. Следовательно, о фразеологизации говорить излишне. Ясно, что во всех этих примерах наблюдается эволюция означающего *lecieć*. Но это проблема исключительно глагола *lecieć*, никоим образом не распространяющаяся на конфигурацию в целом.

Таким образом, сопоставительный анализ польского глагола *lecieć* и азербайджанского глагола *uçmaq* говорит о частичном совпадении асимметрии кода, но также о несовпадении как лексических, так и фразеологических значений.

Сопоставительный анализ этих слов позволяет констатировать большую экспрессивность содержания польской лексемы. Подобная экспрессивность при регулярной встречаемости вполне может интерпретироваться в когнитивном аспекте. Иными словами, можно констатировать особенность польского менталитета, предполагающую использование более экспрессивного слова для обозначения менее экспрессивного денотата.

Как Азербайджанско-русский словарь, так и Польско-русский словарь обнаруживают неточность в описании фразеологических единиц с рассматриваемыми глаголами. Обычным для словарей является выдача устойчивых словосочетаний за фразеологические. При этом не учитываются явления, имеющие место на стыке ядра фразеологизма и его окружения. Словосочетания с глаголом движения в переносном значении и словом, не утратившим исконной денотативной направленности, описываются как фразеологические, что совершенно неоправданно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Азербайджанско-русский словарь в 4-х томах. — Баку: Элм, 1986. — Т. 1. — 576 с.
Азербайджанско-русский словарь в 4-х томах. — Баку: Мутарджим, 2000. — Т. 4. — 1288 с.
ГЕССЕН Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь. — Варшава: Wiedza Powszechna, 1998. — Т. 1. — 656 с.

ГЕССЕН Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь. — Варшава: Wiedza Powszechna, 1998. — Т. 2. — 844 с.

МИРОВИЧ А., Дулевич И., Грек-Пабис И., Марыняк И. Большой русско-польский словарь. — Варшава: Wiedza Powszechna, 2004. — Т. 1. — 863 с.

Большой русско-польский словарь /Мирович А., Дулевич И., Грек-Пабис И. [и др.]. — Варшава: Wiedza Powszechna, 2004. — Т. 2. — 799 с.

Русско-азербайджанский словарь в 3-х томах. — Баку: Маариф, 1982. — Т. 1. — 607 с.

Русско-азербайджанский словарь в 3-х томах. — Баку: Гянджлик, 1983. — Т. 3. — 555 с.

А. Н. Андрианова, Т. Н. Федуленкова

A. N. Andrianova, T. N. Fedulenkova

Северодвинск, Россия, kitty-105@mail.ru

СПЕЦИФИЧНОСТЬ СДВИГА СМЫСЛА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ **SPECIFICITY OF THE SIMPLE SHIFT OF MEANING** **IN PHRASEOLOGY**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос расширения современной английской фондовой фразеологии, специфика сдвига перевода фразеологических единиц.

Abstract. In the article the question of enlarging modern English stock of phraseology is raised and the simple shift of meaning in phraseology.

Ключевые слова: *современная английская фразеология; фразеологическая единица; сдвиг перевода.*

Keywords: *modern English stock of phraseology; phraseology unit; shift of meaning in phraseology.*

УДК 81'25

Shift of meaning is one of the most debatable issues in modern phraseology. By means of simple shift of meaning many phraseological units appeared in English, the prototypes of those PUs being variable combinations of words or sentences, e. g.: *to go to town* — to work hard, *the appetite comes with eating* — the more you have, the more you want, etc. The main mechanisms employed here are metaphor, metonymy and hyperbole.

Metaphoric shift of meaning is a transference of denomination from one denotate to another associated with it on the base of real and unreal similarity. Metaphoric shift of meaning is the widest spread one. Different types of similarity can serve as the ground of metaphoric shift of meaning (for details see: [Федуленкова 2000: 36—37]).

Metaphor often has hyperbolic features. Hyperbole is the figure of speech which has intensifying expressiveness exaggeration, it adds emphatic character to the utterance. Prototypical denotata of such phraseological units are hardly probable but possible situations such as: *split hairs, set one's eyes at flow, etc.*

A good deal of hyperbolic metaphors are based on unreal and absolutely fantastic situations. Images associated with such situations make the inner form of phraseological units: *(as) innocent as a babe unborn, make a mountain out of a molehill, pull the devil by the tail, etc.*

Metaphors also can have euphemistic character. Such transfer expresses a wish of drawing a veil over unpleasant facts, making milder undesirable and too abrupt expressions, e. g.: *join the majority, beyond the veil, etc.*

We maintain, there are two basic types of essential connections between meanings in the word: implicational and qualificatory ones [Кунин 1996: 144]. Implicational connections reflect actual interaction and dependences of objective-world essences (cause — consequence, initial — derivational, action — purpose, process — result, the part — the whole, contiguity in space and so on). Metonymy is a particular case of implication, e. g.: *prick up one's ears, etc.*

The base of classificatory connections is the generality of objective-world essences according to the features they reveal. Metaphor is considered as a particular case of classification. Metaphor can designate not only the generality of the signs which are inherited to objective-world essences but the signs which the person ascribes to them. That is why metaphor is less objective than metonymy. Metonymy excludes imagination as it is based on associative connections. Metaphor in comparison with metonymy has a higher degree of abstraction [Fedulenkova 2009: 48]; it is more removed from denotatum and has more independence of choosing the sign assumed as the basis of the meaning-shift. Beside full shift of meaning phraseological units have partial shift of meaning, which is a feature of similes both adjectival and verbal: *(as) bold (brave) as a lion, (as) mute as a fish, fight like cat and dog, swim like a fish, etc.*

The PU-shift of meaning can be based on the set of literal meanings of its components in those cases when the variable prototype is not used in the language. In some cases the totality of literal meanings of the PU-components designate non-existent idealized objects and situations: *when pigs fly, hitch one's wagon to a star, find a mare's nest, etc.* The characteristic feature of such phraseological units, which have fantastical images in their base, is their (PUs') designation of quite real denotata. Thus the real is designated through the unreal.

The phraseological units, which totality of literal meanings of components designate imaginary objects, are often based on infringements of formal logic [Артемова 1976: 9] and semantic incompatibility of components:

a) logical contradiction which is connected with two incompatible concepts, e. g.: *run with the hair and hunt with the hounds, cook one's hare before it is caught, eat one's cake and have it*;

b) immediate contradiction which consists in that the concept is understood with the feature, not characteristic of it, for example: *(as) drunk as a boiled owl (colloq.), make darkness visible, smb's pet aversion*;

c) absurd contradiction which consists in unification of features from different areas that makes concepts absurd, for example: *a hog in armour*.

Phraseological units are distinguished considerably from words by their graphic function. Metaphorical and metonymical images are easily transferred by visual means. The denotata of PU-prototypes including fantastical ones, i. e. pseudodenotata, can be graphically represented as they are determined by the totality of literal meanings of the components of phraseological units and are characterized by extra expressiveness [Дубровин 1988: 17].

Simple shift of meaning is observed also when the second phraseo-semantic variant is derived from the first one which has a literal but complicated meaning. This type of shift of meaning is characteristic of idiophraseo-semantic expressions, for example: *trim one's sails to the wind* — 1) to put a sail to a wind, 2) to put the nose to wind; to know where a wind blows from.

The majority of variable combinations of words which are prototypes of anthropocentric phraseological units, also have an anthropocentric character, i. e. refer to the person or to what is connected with him [Федуленкова 1989: 7]. It concerns actions, statements, etc.: *grasp the nettle* — to operate resolutely, courageously to overcome difficulties, *put all one's eggs in one basket* — to stake one's all, to risk.

In all the similar cases narrowing of meaning of the phraseological unit in comparison with its prototype is observed. There are cases when the PU-prototype names a subject or refers to an animal and the correspondent phraseological unit refers only to a person: *a back number* — the retrograde; *a new broom* — the new head; *a big fish in a little (or small) pond* — the boss, a local ace, etc.

Many phraseological units, which refer to a person, go back not to the variable word combinations but to the potential phraseological units; they are associated with unreal images: *have nine lives like a cat* — to be hardy as a cat, be distinguished by amazing survivability; *like a bat out of hell* — very quickly; *wrestle with an angel (bookish)* — to struggle with the mighty opponent (biblical expression), etc. In similar cases both phraseological units and their prototypes refer to a person.

In conclusion we should underline the idea that simple shift of meaning of the phraseological prototype: a) obtains a set of mechanisms of semantic transfer, b) may be considered as one of the most powerful means of enlarging modern English stock of phraseology.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- АРТЕМОВА А. Ф. Механизм создания комического в английской фразеологии: Автореф. дис... канд. филол. наук. — М., 1976.
- ДУБРОВИН М. И. Русские фразеологизмы в картинках (для говорящих на датском, норвежском и шведском языках). — М.: Рус. яз., 1988.
- КУНИН А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для интов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. — М.: Высшая школа, Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996.
- ФЕДУЛЕНКОВА Т. Н. Английская фразеология: Курс лекций. — Архангельск, 2000.
- ФЕДУЛЕНКОВА Т. Н. О семантической роли соматического компонента в фразеологических единицах современного английского, немецкого и шведского языков // Пятигорский гос. пед. ин-т иностр. яз. — Пятигорск, 1989. 53 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 40531 от 26.12.89 г. См. Библиограф. указатель «Нов. сов. лит. по обществ. наукам. Языкознание», 1990. № 6.
- FEDULENKOVA T. Phraseological Abstraction // Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology: ESSE-9, Aarhus, 22—26 April 2008 / T. Fedulenkova (ed.). — Arkhangelsk; Aarhus, 2009. P. 42—54.

О. К. Баваева

О. К. Bavaeva

Москва, Россия, olgabov97@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ НЕЙТРАЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ «ПЛОХОЙ ЧЕЛОВЕК» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

SPECIALTIES OF WORLD-FORMATION OF METAPHORICAL PARALLELS OF NEUTRAL NOMINATION «BAD MAN» IN THE ENGLISH LANGUAGE

Аннотация. Статья посвящена метафоре, как средству номинации явлений действительности в контексте языкового параллелизма, способам образования метафорических параллелей.

Abstract. This article is devoted to the metaphor as a means of nomination of phenomena of reality in the context of language parallelism, methods of formation of metaphorical parallels.

Ключевые слова: метафора, номинация, метафорическая параллель, словообразование.

Keywords: metaphor, nomination, metaphorical parallel, word-formation.

Язык — постоянно изменяющийся, растущий и развивающийся организм. Согласно его законам, одни языковые явления отмирают, другие появляются. Язык зеркально отражает изменения в том обществе, в котором он функционирует. Именно поэтому Виноградов В. В. подчеркивал важность «изучения законов развития смысловой стороны слов и выражений того или иного языка в связи с развитием этого языка, в связи с историей этого народа» [Виноградов В. В., 1977: 162].

Лексические единицы в языке не создаются заново, из ничего. Язык при всей его изменчивости и гибкости, достаточно консервативен. совершенно новые языковые единицы редко изобретаются, «формирование и создание нового понятия или нового понимания предмета осуществляется на базе имеющегося языкового материала» [Виноградов В. В., 1977: 164].

Неугасающий интерес к метафоре в современном языкознании как средству вторичной номинации объясняется широкой употребительностью этой категории во многих сферах языка. Метафора с ее выразительными возможностями оказывается незаменимым стилистическим средством научных и публицистических текстов, в то время как художественные и поэтические произведения просто невысказаны без нее.

В данной работе метафора рассматривается с ономазиологической точки зрения, как средство номинации явлений действительности и впервые делается попытка рассмотреть метафоры в контексте языкового параллелизма.

Человек в своем стремлении говорить ярко, выразительно, образно постоянно обновляет язык, создавая новые языковые средства. Р. А. Будагов писал: «появление в языке параллельных номинаций неизбежно, и обусловлено дуализмом языкового знака, отмеченного Соссюром, и Карцевским, который, оперируя соссюровскими понятиями обозначающего (*le signifiant*) и обозначаемого (*le signifié*), констатирует, что «обозначающее стремится иметь, кроме своей собственной функции, еще и другие функции, а обозначаемое стремится иметь не только одно средство выражения в языке, но и множество других». [Будагов Р. А., 1983: 120] Согласно этому положению многие известные явления языка, такие как синонимы, варианты, переименования можно отнести к случаям языкового параллелизма. Проблема вариантов, например, разрабатывалась А. И. Смирницким, О. С. Ахмановой, М. А. Ильиной, В. В. Лопатиным, Р. П. Рогожниковой и др. Такие лингвисты, как В. И. Шувалов, В. Д. Девкин, Н. Б. Савинкова, И. И. Кромых, изучая явление пейорации и мелиорации языкового значения, косвенно затрагивали проблему языкового параллелизма. Так, например, И. В. Кромех, исследуя проблему пейоративов и механизмов пейорации писал, что экспрессивная лексика с ярко выраженной коннотацией уничи-

жительности, оскорбительности, грубости «дублируют слова, входящие в нейтральный стандартный литературный слой словарного состава языка». Но он называет их синонимичными вариантами нейтральной лексики. В. Д. Девкин отмечает, что «механизм мелиорации/пейорации включает в себя несколько разных шкал: стилистическую, общечеловеческую, и персоналогическую. В основе этого механизма лежит отношение минимум двух лексем при наличии определенной точки отсчета». Он также относит эти явления к синонимии.

Ю. М. Шемчук в своем исследовании путей обновления лексики немецкого языка касается проблемы языкового параллелизма, где отмечает, что «первоначально, еще до определения слова как переименования, его и лексему, имеющую то же значение, можно причислить к параллелям». [Шемчук Ю. М., 2010: 16]

Необходимость выделения метафорических параллелей как языкового явления, вызвана попыткой систематизировать обширный лексический материал, представленный образными выражениями, которые активно используются в процессе коммуникации для замены менее ярких, пресных нейтральных выражений. Метафорическими параллелями мы называем все образные, экспрессивно-оценочные номинации, бытующие в языке, наряду с нейтральными номинациями.

Семантику метафорических параллелей, репрезентирующих понятие «плохой человек», составляют представления о человеке как о нарушителе закона, правил социального поведения. Они содержат коннотацию хулиган, преступник, шулер, вымогатель. Некоторые метафорические параллели выражают субъективную оценку человека как неприятного в общении, человека с плохим, тяжелым характером, человека с неприятной внешностью. Несомненно, коннотация параллелей зависит от семантики исходных слов нежеле от моделей словообразования. Человек в своем стремлении говорить ярко, эмоционально создает различные параллельные номинации, обогащающие язык.

Для обозначения «плохого человека» ассоциативное мышление говорящего находит подобия в окружающей действительности. Посредством различных видов метафорических переносов создаются зооморфные метафорические параллели как *kite* для обозначения мошенника, шулера; преступник сравнивается с паразитами *vermin*; убийца, бандит *gorilla*; *tiger* используется в значении задира, хулиган; *hound* негодяй, *shark* или *leech* вымогатель, *vulture* или *wolf* человек-хищник, жестокий человек; *shrimp* маленький и неприятный человек; *tyke* человек с резким неприятным характером или, это же значение передается предметной метафорой *rasper*; *beast* неприятный упрямый человек. В данных примерах, благода-

ря дуализму языкового знака, единицы языка получают дополнительные значения. Традиционные словообразовательные модели, существующие в языке, активно используются для создания новых номинаций.

Аффиксация (affixation) — способ образования новых слов посредством присоединения аффиксов к основе слова широко применяется при создании метафорических параллелей. В значении подхалим образована единица от глагола *grovel* (лежать ниц, ползать, пресмыкаться) путем присоединения продуктивного и для нейтральной лексики суффикса *-er* *groveller*; наглый, беззастенчивый человек, пробивной делец *hustler*; лодырь, бездельник *slacker*; *player* человек, который играя на чувствах приятелей, обманывает, мошенничает, т. е. тот, который играет людьми; *stinker* отталкивающий, неприятный человек. Используются и другие суффиксы для образования метафорических параллелей: *heartless* жестокий человек; *funkie* — подхалим, подлиза; от существительного *scruff* — мусор, образована адъективная метафорическая параллель *scruffy* грязный, нечистоплотный человек.

Словосложение один из частотных способов образования метафорических параллелей, когда в результате сложения двух полнозначных лексем, образуется новое наименование. Так в значении вымогатель, кровопийца образовано слово *horseleach*; хитрый человек *slyboots*; презренный человек *low-life*, *earthworm*, *shitehawk*; бесчестный человек *cowboy*; опустившийся человек *was-bird*; подлец *ratfink*; хулиган, буян, задира *rough-neck*.

Как видно из приведенных примеров, сложные слова образуются из основ, относящихся к разным грамматическим классам. Их отличает выразительность, эмоциональная насыщенность. Как отмечает Карашук П. М. «... именно сложные слова наиболее полно отражают гибкость и подвижность английской лексико-семантической системы, ее стремление к определенной экономичности и выразительности» [Карашук П. М. 1978: 60]

Продуктивна модель сложных слов, где один из компонентов является производной основой, например: жестокий, бесчувственный человек *hard-grained*; *hard-boiled*; *stony-hearted*, *black-hearted*; лицемер *two-faced*, *hollow-hearted*, *eyebrowlifter*; неухоженный, неряшливый человек «избегающий мыла» *soap-dodger*; высокомерный *high-handed*; подхалим *apple-polisher*; *cookie-poosher*; *ear-banger*; *soft-soaper*; *toadeater*, вероломный, двуличный, лицемерный *double-faced*, *double-hearted*, *a double dealer*, *doble-minded*, *double-tongued* или *two-tongued*, *honey-mouthed*; *A mealy-mouthed person* никогда не скажет открыто и прямо, что он имеет в виду; нахлебник, паразит, тунеядец *freeloader*.

В английском языке принято выделять суффиксоиды, слова, утратившие свое референциальное значение и служащие элементами для образо-

вания сложных слов. Такими десемантизированными лексемами являются *nut, bag, ball, head, man, bucket* в следующих метафорических параллелях: жестокий, упрямый человек *hard-nut, hardhead*; хам, дикарь, пещерный человек *caveman*. Scum в прямом значении слой грязи, образующийся на поверхности жидкости. Даже очень богатое воображение не обнаружит внешнего сходства человека с данной субстанцией, но ощущения, вызываемые этими явлениями действительности, не трудно совместить на основе «принципа фиктивности», присущей метафорам и в результате образуется метафорическая номинация *scumbag, scumbucket*. [Телия В. Н.: 43] Параллельные номинации с суффиксоидами *bag, ball: sleazebag, sleazeball* обозначают крайне неприятного человека.

Конверсия также используется для создания метафорических параллелей. Так от прилагательного *sharp* образована параллельная номинация в значении жулик; *skank* в значении неприятный человек от прилагательного *skanky* — нечто чрезвычайно неприятное, грязное.

Для метафорического описания человека широко используются словосочетания. В параллелях, обозначающих черты характера человека, говорящий посредством метафор дает наглядное определение абстрактному чувству, вызываемому неприятным, нечестным человеком. Для более выразительного описания неприятного чувства, вызванного грубостью, непорядочностью, неискренностью, говорящий ищет подобия в окружающей действительности. Так рождается яркая оценочно-экспрессивная метафора на основе сходства ощущений, порождаемых таксономически далекими объектами, как в следующих параллелях: от *slime* — слизь, выделяемая рыбами, улитками образовано словосочетание *slime ball*, обозначающая очень неприятного человека, чьи дружеские проявления неискренны. Презренный человек *shit eater*, неприятный человек *poison dwarf*; развращенный, испорченный человек *bad egg*; человек, попадающий в неприятные ситуации *walking disaster; bad news*; человек, нивнушающий доверия *a dirty dog*; лживый, неприятный человек *a lap dog*; хитрый, пронырливый человек *a sly dog; poor fish*; шайка бандитов *black hand*.

Среди идиоматических выражений, отражающих понятие «плохой человек», встречается множество образований в форме сравнительной конструкции с *as... as*. По словам Гак В. Г.: «метафора делает абстрактное легче воспринимаемым, не случайно поэтому один из магистральных путей метафорического переноса — от конкретного к абстрактному, от материального — к духовному.» [Гак В. Г.: 12]. В приведенных примерах абстрактные понятия грубость, подлость, непорядочность, хитрость, вероломство, т. е. негативные черты характера или поведения человека, вербализируются через сравнение с материальными объектами действи-

тельности. Высокая образность подобных сравнений позволяет отнести их к метафорическим параллелям: *rough as a robber's dog, bent as a bottle of chips, bent as a nine bob note, crooked as a dog's hind legs, lower than a snake's belly, as sly as a fox; a snake in the grass.*

Поведение неординарного человека описывается через сравнения с возможными действиями, характерными для плохого, нечестного человека: *sell someone down the river; sails under false colours (colors); speak with a forked tongue.*

Итак, метафорические параллели являются неотъемлемой и необходимой частью любого языка. Их богатство и разнообразие обусловлено как лингвистическими факторами (морфологическими, синтаксическими возможностями языка), так и экстралингвистическими факторами (ассоциативным мышлением человека). Одни метафорические параллели образуются путем переноса значений с одного объекта на другой, без изменения структуры слова, другие возникают как результат морфологических изменений лексической единицы, и посредством различных синтаксических и семантических средств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- БУДАГОВ Р. А. Язык — реальность-язык. — М.: Наука, 1983. — 262 с.
- ВИНОГРАДОВ В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1977. — 312 с.
- ГАК В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте / под ред. В. Н. Телия. — М.: Наука, 1988. — С. 11—25.
- ДЕВКИН В. Д. Прагматика слова: межв. сб. науч. тр. — М.: МПГИ им. В. И. Ленина, 1985. — 110 с.
- КРОМИХ И. И. Отрицательный оценочный компонент в семантической структуре слова // Прагматика слова. — М.: МПГИ им. В. И. Ленина, 1985. — С. 28—40.
- КАРАЩУК П. М. Роль семантического фактора в образовании сложных глаголов в английском языке // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. Ежегодный межвузовский тематический научный сборник / Отв. ред. П. М. Карашук — Владивосток: Изд-во ДГВУ, 1978. — Вып. 6. — С. 60—64
- ТЕЛИЯ В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция. // Метафора в языке и тексте. / под ред. В. Н. Телия. — М.: Наука, 1988. — С. 26—52.
- ШЕМЧУК Ю. М. Обновление лексики современного немецкого языка. — М.: Редакционно-издательский центр, 2010. — 182 с.
- The Oxford Dictionary of New Words. — Oxford-N. Y.: Oxford Univ. Press, 1997. — 357 p.
- LEWIN A., Lewin. E. The Thesaurus of Slang. Revised & Expanded Edition. — New York: Facts on File, 1994. — 456 p.
- SPWARS A. R. American Idioms Dictionary. — М.: Russki yazyk, 1991. — 464 p.

Е. В. Баева

Е. V. Baeva

Киров, Россия, evgenia.baeva@mail.ru

**СИНТАКСИС НЕМЕЦКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ РЕЧИ
РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ
THE GERMAN SENTANCE SINTAX IN THE RUSSIAN
GERMAN SPEACH**

Аннотация. В данной статье рассматриваются исследования диалектного синтаксиса, его особенностей и функций в речи российских немцев. Автор статьи проводит анализ теоретической литературы по данному вопросу.

Abstract. The researches of dialectic syntax, its functions and features in the speach of the Russian German are showed. The author analyses the theortical literature on this topic.

Ключевые слова: *диалектный синтаксис, речь российских немцев, диалектные черты.*

Keywords: *the dialectic sintaxis, the speach of the Russian German, the dialectic features.*

УДК 811.112.2

В современной немецкой диалектологии существует на сегодняшний день большое количество публикаций и исследований по российским немцам. И предметом этих исследований является не только история появления и жизнь немцев в России, жизнь трудармейцев, отдельные персоналии, миграционные и эмиграционные проблемы, межнациональные отношения, но и речь этих этнических меньшинств. Многие ученые выбрали российских немцев предметом своих диссертационных исследований, изучая фонетический, морфологический, синтаксический строй речи немецких переселенцев. Однако, стоит отметить, что большинство исследований подобного типа описывают языковую ситуацию середины XX века. Исследования того времени, бесспорно, имеют огромное теоретическое значение, однако практический потенциал таких исследований со временем утрачивается, т. к. исследуемые информанты, а точнее потомки первых переселенцев ассимилируются с местным населением своего региона, создают семьи вне своей национальной группы, вследствие чего характерные языковые черты как первых переселенцев, так и их потомков постепенно утрачиваются.

На сегодняшний день ситуация изменилась, т. к. языковая интерференция, пересечение культур прогрессируют, накладывая отпечаток на речь

© Баева Е. В., 2011

русских немцев. Необходимо подчеркнуть, что актуальностью исследования островных диалектов в их нынешнем состоянии является необходимость синтаксических исследований в историческом ракурсе с проекцией на современное состояние и развитие диалектов. Она (актуальность) также связана с необходимостью усиленного использования страноведческого материала, развития диалога различных культур. Работа с информантами, знакомство с их судьбами формирует духовные качества и имеет огромное воспитательное и культурное значение для каждого исследователя.

На ранних этапах исследования устной речи лингвисты предпочитали работать с предложением как основной единицей устного текста и единицей анализа [Трубавина 2003: 11] и исследование синтаксических явлений представляет большой интерес, т. к. носители того или иного говора находятся в условиях иноязычного окружения, являясь билингвами. По мнению Н. А. Ермакиной, немаловажным фактором здесь является то, что говор не имеет письменной формы, реализуясь лишь в устной разговорной речи, для которой характерны конситуативность и широкое использование в речевом акте паралингвистических средств. Все это не может не оказывать влияния на структурную организацию предложения и его актуальное членение [Ермакина 2005: 171].

Долгое время, по мнению Н. М. Кахро, считалось, что синтаксис диалектов представляет собой упрощенный вариант синтаксиса литературного языка и имеет много общих черт с синтаксисом разговорной речи и, в отличие от других уровней языка, не обнаруживает ареальности, и вследствие этого не интересен с точки зрения диалектографии. Поэтому синтаксис очень долгое время не попадал в поле зрения диалектологов и не подвергался комплексному анализу [Кахро 2006: 4]. С этой точкой зрения согласна и И. Г. Гамалей, отмечавшая, что диалектальный синтаксис является наименее исследованной сферой диалектологии и выбравшей это направление в качестве объекта своего научного исследования [Гамалей 2007: 4].

Однако в конце XX века в крупнейших университетах Великобритании, Германии, Швейцарии началась разработка этого раздела диалектологии путем формирования методико-теоретической базы, накопление материала и его анализа. Результаты показали, что диалектам присущ особый синтаксис, отличный и от литературного, и от разговорного, и что весьма существенно, диалектальный синтаксическое варьирование во многом обусловлено регионально, то есть синтаксис диалектов обладает ареальностью, вследствие отсутствия которой он долгое время был забыт диалектологами [Кахро 2006: 8]. Г. Леффлер говорил, что синтаксис, во-первых, располагает лишь незначительным количеством отправных моментов для

исторического и географического сравнения, и, во-вторых, исследования в области синтаксиса требуют неизмеримо большего объема языкового материала, чем исследования в области фонетики и морфологии [Löffler 1974: 124]. Следует еще раз подчеркнуть, что исключительная важность такого исследования заключается в том, что в настоящий момент происходит быстрое разрушение немецкой этноязыковой общности по причине эмиграции немецкого населения из страны и ассимиляция остающихся его представителей в русскоязычной среде.

Известно, что диалектный синтаксис характеризуется меньшим числом диалектных черт, чем диалектная фонетика или диалектная морфология. Различия в говорах наблюдаются главным образом в способах построения словосочетаний, способах выражения сказуемого, видах синтаксических связей и т. д. Все синтаксические явления являются архаизмами, либо продуктами относительно позднего внутридиалектного развития и поэтому с точки зрения языка представляют большой интерес [Ермякина 2005: 171].

Проблема порядка слов занимает одно из центральных мест в теории предложения немецкого языка. В нашем исследовании мы рассматриваем только простое предложение, т. к., на наш взгляд, оно более характерно для речи российских немцев, вследствие интерференции русского языка, для разговорной речи которого характерны простые неполносоставные предложения. И прежде чем перейти к рассмотрению порядка слов в простом предложении, нужно дать определение этому понятию. Так, Н. А. Таранец, под порядком слов понимает взаимное расположение членов предложения, мыслимое как взаимное расположение тех слов, которыми они выражены [Таранец 2000: 13]. Традиционная грамматика выделяет главные члены предложения — подлежащее и сказуемое и второстепенные члены — дополнение, определение, обстоятельство [Таранец 2000: 13].

В заключении необходимо отметить, что немецкие говоры нашей страны уникальны, т. к. они остались почти единственной формой естественного немецкого языка, не подвергавшемуся сколько-нибудь влиянию литературной нормы. И только при изучении народных говоров появляется возможность увидеть безграничность вариантной способности языка для выражения одной и той же мысли, для передачи однозначного содержания. Только так появляется возможность проникнуть в механизмы естественной речи, в тайны внутренних закономерностей ее функционирования и развития в условиях спонтанной речи. Исследования в области диалектологии полезны еще и тем, что они знакомят нас с носителем языка, резко отличающегося от носителя литературного языка, его письменных норм, отличающимся именно активностью позиции в общении. Именно в островных диалектах мы найдем материал, не подвергшийся влиянию литера-

турных норм, именно в говорах, развивающихся не по нормам, мы найдем уникальный язык, который необходимо исследовать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

ТРУБАВИНА Н. В. Особенности развития предикативных конструкций в островном верхненемецком говоре: дисс... канд. филол. наук. 10.02.04. — Барнаул, 2003. — 171 с.

ЕРМЯКИНА Н. А. К вопросу о порядке слов в диалектном предложении // Немцы в Сибири: история, язык, культура: Материалы международной научной конференции, г. Красноярск, 13—16 октября 2004 г. / Отв. ред. В. А. Дятлова. — Красноярск: РИО ГОУ КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. — С. 171

КАХРО Н. А. Синтаксические особенности алеманских диалектов Швейцарии (на примере анкет Георга Венкера). Дис... канд. филол. наук: 10.02.04. — С.-Петербург 2006. — 241 с. С ил.

ГАМАЛЕЙ И. Г. Структура повествовательного предложения островного северношвабского диалекта Алтая: Дис... канд. наук. — Барнаул, 2007. — 163 с.

ТАРАНЕЦ Н. А. Порядок слов в простом и сложном предложениях: лингвопрагматический аспект (на материале немецкого и русского языков): Дис... канд. филол. наук. — Краснодар, 2000.

LÖFFLER, H. Probleme der Dialektologie: eine Einführung. — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1974. — 173 S.

И. С. Берчатова

I. S. Berchatova

Екатеринбург, Россия, berchinka@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГА THE SEMANTIC ANALYSIS OF INTERNET-SLANG

Аннотация. В статье анализируются некоторые выражения современного интернет сленга и их связь с филологией.

Abstract. Some expressions on Internet-slang are analysed by the author, its connection with philology.

Ключевые слова: семантика; интернет-сленг; Интернет и филология.

Keywords: semantics, Internet-slang, Internet and philology.

УДК 811.111.1

Ученые, занимающиеся семантикой, понимают ее предмет по-разному. Звегинцев В. А. сравнивал семантику с «владельческой принцессой», которая «обладает волшебным качеством: каждый из поклоняющихся ей

© Берчатова И. С., 2011

видит ее по-иному — в том виде, в котором она представляется ему привлекательной» [Звегинцев 1976: 60]. Существуют две концепции семантики, которые условно называются *узкой* и *широкой*. В нашей статье мы будем опираться на широкую концепцию семантики, сформулированную Кибриком А. Е.: «К области семантики (в широком смысле) относится вся информация, которую имеет в виду говорящий при развертывании высказывания и которую необходимо восстановить слушающему для правильной интерпретации этого высказывания» [Кибрик 1992: 25].

Традиционно к лексическому значению относят наиболее существенную часть связанной с лексемой информации — ее денотат, сигнификат и некоторую часть прагматической информации.

Сигнификативный компонент — слой, связанный не с действительностью, а с ее отражением в сознании человека, причем отражением не всей действительности или предмета, а совокупности существенных признаков.

Существование у слова денотата, или денотативного значения, обусловлено предметностью мышления, его обращенностью к миру. Предметный мир, отражаемый в языковом значении лексемы мыслится широко и включает в себя не только реально воспринимаемые объекты внеязыковой действительности, но и другие виды означаемых — чувства, эмоции, психические состояния, признаки, отношения и т. д.

Кобозева И. М. также отмечает, что существует несколько разновидностей коннотативного слоя значения — отношение говорящего к обозначаемому, отношение говорящего к адресату, информация о прагматических функциях лексемы, коннотации лексемы [Кобозева 2009: 88—89].

Сочетание понятий Интернет и Филология слегка непривычно, и то, что мы понимаем под классической филологией, находится весьма далеко от сетевой лингвистики. Филология призвана изучать сущность духовной культуры общества, на основе изучения языка, литературы и т. п., но в настоящее время Интернет и интернет-сообщества прочно и глубоко вошли в нашу жизнь, дополнив ее своей особой культурой, но самое главное — новым языком и текстами. Язык блоггеров и просто людей, ведущих переписку в Интернете, наполнен разными словами, не всегда понятными обычному «чайнику» — новичку. Поэтому мы решили рассмотреть новое явление, охватившее наше общество.

Сленг — это совокупность слов и выражений, которые отходят от норм литературного языка или имеют значения, отличные от общеупотребительных, и употребляются представителями определенных сообществ, групп, профессий и т. п.

Современный сетевой сленг широк и разнообразен. Аббревиатуры, созданные интернет-пользователями, включают в себя не только короткие и

известные всем сокращения — *LOL* (laughing out loud), *IMHO* (in my humble opinion), *JK* (just kidding), *OMG* (Oh my god) и прочие, но другие, более сложные. Если вы хотите выразить свою неприязнь к собеседнику и быстро оборвать разговор, вы можете сказать *KTHXBAI* (OK, thanx, bye) или же, наоборот, чтобы подчеркнуть свое хорошее отношение к нему, можете использовать *LYLAB* (Love You Like A Brother) или *LYLAS* (Love You Like A Sister).

Мы проанализировали ряд единиц интернет-сленга. Приведем примеры некоторых из них.

Интернет-сленгизм *IMHO* (In My Humble Opinion — по моему скромному мнению) используется, в основном, для указания на то, что некоторое высказывание — не общепризнанный факт, а только личное мнение автора, и слушающему необходимо понять, что говорящий никому не навязывает свое мнение, скорее даже наоборот, он пытается указывать на то, что он не до конца уверен в верности своего заявления. Такое же предположение можно сделать в отношении интернет-сленгизма *AFAIK* (As Far As I Know — насколько я знаю).

Семантика следующей пары исследуемых нами единиц отличается употреблением одного слова, от которого зависит стилистическая окраска выражений: *TTYL* (Talk To You Later — поговорим попозже) и *CWYL* — (Chat With You Later — поболтаем попозже). Во-первых, оба высказывания подразумевают, что говорящий не может общаться в данный момент по каким-либо причинам. Во-вторых, первая аббревиатура более нейтральна из-за использования глагола *to talk*, не имеющего разговорную окраску как глагол *to chat*. В-третьих, имеет значение адресат, к которому обращен один из интернет-сленгизмов: в первом случае им может оказаться кто угодно (и друг, и сестра, и преподаватель, и начальник), во втором случае круг адресатов сужен (люди одной возрастной категории или социального положения с говорящим).

Интересна следующая группа аббревиатур. При прощаниях интернет пользователь часто пишет **H** (*hug* — обнимаю), **K** (*kiss* — целую), выражая тем самым не только теплые и дружелюбные чувства по отношению к адресату, но и сообщая ему о том как дорог адресат говорящему. Для передачи более сильных чувств и указания на близость конкретного адресата говорящему креативные пользователи пошли дальше. Сначала они объединили эти две лексемы — *H&K* (*Hug And Kiss* — обнимаю и целую), потом добавили к ним прилагательное *big* — *BH* (*Big Hug* — крепко обнимаю), *BK* (*Big Kiss* — крепко целую), потом прилагательное *great* — *GBH* (*Great Big Hug* — очень крепко обнимаю), и в итоге у нас есть *GBH&K* (*Great Big Hug And Kiss* — очень крепко обнимаю и целую).

Эта пара выражений *LYLAB* (Love You Like A Brother) или *LYLAS* (Love You Like A Sister) может использоваться для передачи и хорошего отно-

шения говорящего к адресату и значимости адресата, который, очевидно, занимает в жизни говорящего большее место, чем просто друг.

Мы знаем, что язык — это средство выражения и передачи информации. В ходе анализа единиц интернет-сленга мы выяснили, что: 1) в современном обществе Интернет и Филология вступают в тесный контакт между собой — Интернет участвует в пополнении словарного запаса людей (не только письменного, но и устного, поскольку сейчас идет тенденция к обильному использованию интернет-сленга в устной речи), а Филология изучает эти новые явления; 2) даже за виртуальным языком есть свой смысл и свой значение (а, значит, и своя семантическая мотивировка, которую пользователи Интернета, ежедневно использующие в своей речи интернет-сленг, безусловно, понимают, даже не смотря на «шифрование» фраз и предложений в аббревиатуры).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ЗВЕГИНЦЕВ В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. — М.: МГУ, 1976. — 307 с.
- КИБРИК А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. — М.: КомКнига, 1992. — 156 с.
- КОБОЗЕВА И. М. Лингвистическая семантика: Учебник. Изд. 4-е. — М.: Книжный дом «Либриком», 2009. — 352 с.

М. Р. Ванягина

M. R. Vanyagina

Екатеринбург, Россия, marmalkina@rambler.ru

СОВРЕМЕННЫЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ MODERN ENGLISH BORROWINGS

Аннотация. в статье автор поднимает проблему англоязычных заимствований, их влияние на современный русский язык.

Abstract. The author raise the English borrowing problem, its influence on the modern Russian language.

Ключевые слова: англоязычные заимствования; англицизмы; американизации.

Keywords: English borrowings; anglicism; americanism.

УДК 81'373.45

Интенсивное проникновение в последнее время английских заимствований в русский язык вызвало озабоченность и полемику не толь-

ко среди лингвистов. С одной стороны, представителей широкой российской общественности заявляют о необходимости очищения языка от «чужих» слов и защите русского языка от агрессивного вторжения иноязычных заимствований. С другой стороны, данные заимствования пришли в русский язык в процессе социально-экономических и культурных отношений между народами и странами, являются неизбежными показателями мировой глобализации и обогащают русский язык новыми словами, понятиями, реалиями. Проблеме современных английских заимствований в русском языке представляется актуальной ввиду тенденции к «американизации» российской жизни и русского языка, выражающейся во внедрении в язык огромного числа англицизмов и американизмов.

Крысин Л. П. считал, что заимствование в языке воспроизводится фонетическими и морфологическими средствами одного языка морфем, слов или словосочетаний другого языка. Лексика чаще других уровней чаще поддается заимствованию. Также он выделил четыре основные причины появления в языках мира лексического заимствования. Они связаны: с заимствованием новых вещей (трактор, танк) или понятий (республика, экзамен); с дублированием уже имеющихся в языке слов для использования терминологии (импорт, экспорт) наряду с русскими (вывоз, ввоз); со стремлением выделить тот или иной оттенок значения (школа — студия), (приспособлять — аранжировать); с влиянием моды («виктория» — победа) [Крысин 1968: 65—73].

Заимствование слова есть активный процесс: заимствованный язык не пассивно воспринимает чужое слово, а так или иначе перестраивает, переделывает его, подчиняет его в той или иной мере своим внутренним закономерностям, включает его в сеть своих внутренних системных отношений. Во-первых, все фонемы в составе экспонента материального заимствования чужого слова заменяются своими фонемами, наиболее близкими по слуховому впечатлению. Во-вторых, заимствуемое слово включается в морфологическую систему заимствующего языка, получая соответствующие грамматические категории. В-третьих, заимствуемое слово включается в систему семантических связей и противопоставлений, наличных в заимствующем языке, входит в то или иное семантическое поле или даже в несколько полей. Обычно при заимствовании происходит суждение объема значения. После того, как заимствованное слово вошло в язык, оно начинает «жить своей жизнью», независимой, как правило, от жизни прототипа этого слова в языке-источнике. В итоге изменений заимствованные слова настолько осваиваются языком, что перестают ощущаться рядовыми его носителями как чужие, иностранные

и их иноязычное происхождение может быть вскрыто только этимологическим анализом.

В конце XX — начале XXI века русский язык активно вбирает в себя лексические единицы из английского языка, а процесс заимствования, по мнению исследователей А. В. Васильева, Э. Ф. Володарской, Л. П. Крыгина, В. Г. Костомарова, Л. М. Баш, Е. В. Мариновой, Т. В. Новиковой, Е. В. Урысон, О. С. Хлыновой и других приобретает массовые масштабы. Главной особенностью современного процесса заимствования является стремительная фонетическая, графическая, грамматическая, семантическая и словообразовательная адаптация новых английских заимствований в русском языке. Функционирование в современном русском языке значительного количества англицизмов обусловило появление перед исследователями новых задач: с одной стороны, в разных аспектах изучить влияние новой англоязычной лексики на систему русского языка, а с другой стороны, определить закономерности интеграции заимствований в фонетическую, лексическую, словообразовательную и грамматическую системы русского языка.

Заимствованные из английского языка слова можно условно поделить на следующие темы:

Темы	Причины появления заимствованных слов	Примеры заимствований
Политика, экономика, СМИ	Политические и экономические связи между странами, глобализация и международное сотрудничество в сфере торговли, культуры, туризма вызвали заимствования в сфере политики и экономики. СМИ, как правило, первые отражают все новые и реалии и заимствования.	Рейтинг, электорат, импичмент, инаугурация, провайдер, менеджмент, маркетинг, дефолт, саммит, дэдлайн, паблисити, брэнд, офис, бизнесвумен, прайслист, холдинг, шопинг, баргер, брокер, дилер, дистрибьютер.
Мода, красота, спорт	Люди стремятся следовать моде и заниматься спортом. Появление новых средств по уходу за телом, новых косметических процедур, новых видов спорта и спортивного технического оснащения вызвало появление заимствованных слов.	Имидж, мэйк-ап, СПА, боулинг, дайвинг, скейтборд, сноуборд, байкер, шейпинг, фитнес, бодибилдинг, стретчинг, лифтинг, скраб, пилинг, карвинг, голкипер, форвард, пауэр-лифтинг.

Компьютеры, интернет, техника	Распространение компьютеров, появление и расширение глобальной сети Интернет, развитие техники вызвало появление огромного количества технических и компьютерных терминов из английского языка.	Интернет, e-mail, CDROM, чат, флешка, сайт, он-лайн, смайлик, СМС, спам, Web-дизайн, миксер, тостер, мобильник, иммобилайзер, спойлер, ноутбук, органайзер.
Культура, искусство (кино, музыка)	Восприятие США как центра музыкальной моды, популярность голливудских фильмов привела к появлению новых слов в нашей лексике.	Блокбастер, вестерн, прайм-тайм, киборг, терминатор, хит, сингл, ремейк, саунд-трэк, постер, супермен, шоу, киллер.

Этот список далеко не полный, можно привести другие темы, которые «впитывают» в себя англоязычные заимствования: молодежный сленг (герла, кульно, драйв, унс, вау), еда (чизбургер, фишбургер, нагетсы). Процесс заимствования из английского языка сейчас настолько глобальный и интенсивный, что, возможно, в это самое время какое-то новое английское слово употребляется в системе русского языка.

В наш век научно-технического прогресса, мировой глобализации и международного сотрудничества происходит создание международной терминологии, единых наименований и понятий, явлений современной науки, экономики, культуры, что способствует закреплению заимствованных слов, получивших интернациональный характер. Процессы обогащения лексики за счет заимствований происходят сегодня во всех современных языках, в том числе и в русском. Однако как это повлияет на русский язык, обогатит его, или наоборот, покажет время. Оно определит и судьбу заимствований, которые, в конце концов, будут одобрены или отвергнуты лингвистами современности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- БРЕЙТЕР М. А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: пособие для иностранных студентов-русистов. — Владивосток: Диалог, 1998. — 210 с.
- КРЫСИН Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. — М.: Просвещение, 1968. — 86 с.
- ШАРИПОВА Н. Б. Траектория англоязычных заимствований и их лексическое значение в русском языке: на материале лексикографических источников конца XIX — начала XXI веков: дис... канд. филол. н. — Челябинск, 2008. — 185 с.
- ШМЕЛЁВ Д. Н. Современный словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1997. — 283 с.
- HORNBY A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English: Oxford University Press, 2000. — 1540 с.

Н. В. Гаврилова

N. V. Gavrilova

Екатеринбург, Россия, natalvik_2000@mail.ru

НЕОЛОГИЗАЦИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ФИНАНСОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

NEOLOGIZING IN FRENCH ECONOMIC AND FINANCE TERMINOLOGY AND ITS RESULTS

Аннотация. В статье поднимается вопрос неологизации экономической и финансовой терминологии французского языка, а также рассмотрены результаты неологизации.

Abstract. The question of neologizing in French economic and finance terminology is raised and the results if neologizing are looking through.

Ключевые слова: *неологизация; экономическая терминология; финансовая терминология; англицизмы.*

Keywords: *neologizing; economic terminology; finance terminology; anglicism.*

УДК 811.133.1

В области экономики и финансов французского языка система понятий уже сложилась, то есть за каждым словесным знаком-термином стоит определенное понятие со всем набором присущих ему признаков, а поэтому можно считать, что терминология экономики и финансов в данном языке уже сформировалась. В настоящее время ни одно государство не может успешно развиваться без интеграции в мировую экономику. Причем прослеживается прямая пропорциональная зависимость между степенью интеграции в мировое хозяйство и уровнем развития внутренней экономики. Это не может не отразиться на словарном фонде французского языка.

Язык и словотворчество зависит от ситуативных потребностей. Как известно, появление неологизмов связано с необходимостью: 1) назвать новое понятие в данном языке; 2) переименовать уже существующий термин, который ставит проблемы в понимании среди специалистов. Создание новых терминов экономики и финансов во французском языке вызвано проникновением большого числа англицизмов, которые не терпят практически никаких морфологических и фонетических изменений. Английский язык пронизывает вокабуляр каждого другого языка из-за вездесущей слепо следующей моды, из-за силы доллара. Все страны мира приспособляются к факту глобализации, управляемой американ-

© Гаврилова Н. В., 2011

ским вариантом английского языка, который рискует стать *lingua franca* (Schäffner 2000) или *global language* (Crystal 1997) в торговых связях мирового масштаба [Dancette, 2007].

Согласно Ж. Дансетт, деятельность международных организаций способствует чрезвычайно быстрому распространению идей, связанных с глобализацией. С одной стороны, констатируют тенденцию к унификации терминологии (массовое внедрение дефиниций, которые являются базовыми во всех разработках и принятие национальными языками терминов этих организаций). С другой стороны, широту и сложность феноменов, связанных с глобализацией, и множество точек зрения в определенной области, которые приводят к расколу терминологии [Dancette, 2007].

Массовое распространение языка международных организаций отражает заимствованные англицизмы, присутствие которых во французском языке не удивительно, поскольку господствующее положение в экономической науке занимают именно английские и американские школы. Кроме того, проникновение англицизмов и американизмов увеличивается в связи с глобализацией финансового мира, появлением электронных игр и Интернета, музыки, быстрого питания и т. д. Однако во французском языке идет интенсивная работа по снижению англо-американского влияния. Несмотря на то, что самой трудной задачей является найти французский эквивалент английскому термину или правильно передать семантическое значение терминов при переводе, значение, которое, к тому же, изменяется в зависимости от ситуации их употребления. Основная цель — это позволить французскому языку располагать необходимыми лексическими единицами для выражения новых понятий и помочь французам понимать друг друга.

В 1973 во Франции создается первая министерская комиссия (*la première commission ministérielle*), которая занимается разработкой и публикацией первого списка терминов. Только в 1997 году была организована специальная Комиссия по вопросам терминологии и образования неологизмов в области экономики и финансов (*la Commission de terminologie et de néologie en matière économique et financière*), призванная обогащать и развивать вокабуляр французского языка, называя все современные реалии. С этого времени устанавливается новая процедура по принятию терминов (*la nouvelle procédure d'adoption des termes*), которая проходит в три этапа. Изначально новый термин должен быть предложен на рассмотрение специальной комиссии по вопросам терминологии и образования неологизмов, организованной при каждом министерстве и состоящей из экспертов. Задачей настоящих экспертов является рассмотрение необходимости создания неологизма для данной области. На втором этапе новый термин с дефиницией передается на анализ общей комиссии по вопросам терминологии и обра-

зования неологизмов (*la commission générale de terminologie et de néologie*), которая, в свою очередь, адресует данный термин Французской академии (*l'Académie française*). Только после одобрения Французской академии термины могут публиковаться общей комиссией по вопросам терминологии и образования неологизмов в Официальной газете (*le Journal officiel*). Именно эта процедура позволила Французской академии официально и систематически участвовать в коллективной работе по созданию терминологии и неологизмов. Как отмечает Ж. Сэн-Жур, «*в настоящем случае ролью государства является ни его решение отбора необходимого специализированных числа терминов для различных профессий, ни навязывание их другим, а побуждение к созданию собственно французских терминов, «очищению» французского языка от иностранных слов и созданию неологизмов*» [Saint-Geours, 2008]. Таким образом, оно пытается продвинуть содержание своих выводов среди журналистов, профессионалов в области промышленности, сферы услуг и рекламы, также как среди широкой публики.

С 1973 года по сегодняшний день список терминов в области экономики и финансов достиг более 500 терминов. В настоящий момент Комиссия по вопросам терминологии и образования неологизмов в области экономики и финансов работает над двенадцатым терминологическим списком. Ж. Сэн-Жур считает, что существует «*потребность бесконечного обновления терминологии и создания собственных французских терминов и их разъяснения*» [Saint-Geours, 2008]. Как показывает опыт, внедрение терминологии может быть успешным, во-первых, при выборе терминов в зависимости от значимости свойственной им и от частоты их использования, во-вторых, при их обычном широком использовании. Работа Комиссии считается эффективной в том случае, когда вновь созданные термины приживаются во французском языке [Saint-Geours, 2008]. Например, допустимые французские термины и терминологические сочетания *gestion* и *gestionnaire* вместо *management* и *manager* (менеджмент и менеджер), *chef du crédit* вместо *credit manager* (менеджер по кредитам). А также такие наиболее удачно прижившиеся в языке терминологические сочетания как *commerce en ligne* вместо терминологического сочетания *commerce on-line* (электронная торговля), образованного путем смешения французского и английского языков; *gouvernement de l'entreprise* вместо *corporate governance* (высшее руководство компании), *haut de gamme* вместо *full size* (высококачественный), *vente agressive* вместо *hard selling* (навязывание товара), *stratégie d'entreprise* вместо *business strategy* (стратегия предпринимательской деятельности). Но, к сожалению, можно наблюдать и медленную ассимиляцию вновь образованного термина в языке. Одним из ярких примеров является французский неологизм *mercatique* (английский термин *marketing*

(маркетинг)) был создан в 1973 году Франсуа Перру (François Perroux) и Жаном Фурастье (Jean Fourastié), членами первой Министерской комиссии по вопросам создания экономической и финансовой терминологии. Однако, как подчеркивает Ж. Сэн-Жур, «англицизмы или американизмы на -ing, кроме их широкого распространения, часто имеют преимущество, обладая достаточно расплывчатым семантическим содержанием, что и вызывает одобрение данных лексических единиц» [Saint-Geours, 2008].

В заключении хотелось бы отметить что, распространение нового экономического и финансового термина в языке связано с социолингвистическими явлениями и теми реалиями, которые послужили толчком к появлению и использованию слова в определенный момент развития рыночной экономики, ее истории, а также с социальными условиями, благоприятными для принятия и распространения данного термина. Процесс заимствования, являющийся яркой чертой современного общества, всегда имел место в формировании экономической и финансовой терминологии, в результате существования внешних торговых и производственных отношений с другими странами. А образование на основе существующих терминов новых единиц обусловлено в определенной степени экстралингвистическими факторами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

DANCETTE, J. Questions sociolinguistiques et terminologiques de la mondialisation du travail — un dictionnaire encyclopédique basé sur les relations sémantiques [Электронный ресурс] 2007. — Режим доступа: http://www.uqtr.ca/revue_travail/Articles/2007Vol5Num2pp64-83Dancette.pdf свободный. — Загл. с экрана. — Яз. фр.
SAINT-GEOURS, J. Terminologie économique et financière [Электронный ресурс] / 2008. — Режим доступа: http://www.finances.gouv.fr/notes_bleues/nbb/nbb215/termi.htm свободный. — Загл. с экрана. — Яз. фр.

Н. О. Грачева

N. O. Gracheva

Самара, Россия, Natta63@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ТИПОВ ВРЕМЕН В ЯЗЫКОЗНАНИИ

TO THE QUESTION OF TENCES ALLOCATION IN LINGUISTICS

Аннотация. В статье ставится вопрос о категории и значении времени, автор выделяет и характеризует основные типы категории времен в языкознании.

Abstract. The question of the tenses category and the meaning is raised, the author distinguishes and characterises the main types of the tenses categories in linguistics.

Ключевые слова: *типы времени; категории времени; языкознание.*

Keywords: *tenses types; tenses categories; linguistics.*

УДК 81'366.58+811.111.1

В ходе развития общества и науки фактор времени приобретает все большее значение, что вызывает неизменный интерес к изучению категории времени во всех ее аспектах, в т. ч. в языковом выражении. Это объясняется, с одной стороны, фундаментальностью категории времени для человеческого существования, а, с другой стороны, невозможностью дать времени исчерпывающее и неоспоримое объяснение на данной стадии развития науки и однозначно определить его свойства и структуру. Поэтому, изучение языковых средств выражения этой категории остается актуальным.

Необходимо отметить, что интерес к категории времени возник с самых первых шагов науки. Исследователи с давних времен пытались проникнуть в тайну категории Времени. Так, например, древние греки мифологизировали абстрактное понятие Времени. Аристотель связывал понятие Времени с категорией Пространства и ввел определение «вечности» как «бесконечности», обращал внимание на форму глагола, который, в отличие от имени, выражает значение времени.

В наши дни время в самом общем виде определяется как одна из основных (наряду с пространством) форм бытия материи. Философы, как правило, выделяют качественное время (прошедшее — настоящее — будущее) и количественное (раньше — позже).

Категория времени многосторонне изучена на материале разных языков, однако остаются еще нерешенные вопросы, в т. ч. сложная видо-временная система английского языка, которая до конца не исследована в когнитивном, лингвокультурном и других аспектах. Особый интерес представляет типологизация времен, их отражение в сознании англоговорящих, а также их реализация в текстах разных стилей.

Разнообразные исследования, проводившиеся в области категории времени (темпоральности), привели к мнению о существовании двух типов времени — абсолютном и относительном. В нашей статье мы тоже хотим уделить внимание данной проблеме и ставим перед собой следующую задачу — выделить и охарактеризовать основные типы категории времени.

Время является абсолютным, когда событие предложения выражает

временное отношение лишь к моменту речи (как к настоящему, прошлому или будущему) без учета его отношения к моменту события другого (например, главного) предложения. В отличие от абсолютного времени относительное время это грамматическое временное значение или глагольное время, указывающее на хронологическое расположение действия по отношению к какому-либо другому событию (предшествующему, одновременному или следующему).

По сравнению с приведенным выше разделением категории времени на два типа, Б. Комри, С. Чанг и А. Тимберлейк различают трехчленную классификацию средств выражения времени: абсолютные, относительные и абсолютно-относительные времена. Абсолютно-относительная темпоральность соотносится с тремя моментами: моментом речи, событием главного предложения и событием придаточного [Comrie 1985: 156; Chung, Timberlake 1985: 235].

В отечественной науке значительный вклад в освещение проблемы дихотомии абсолютного и относительного времени внесли такие ученые, как А. М. Пешковский, Ю. С. Маслов, Б. П. Ардентов и другие исследователи. Т. И. Дешериева, к примеру, высказывает мнение о том, что абсолютная система, включающая прошедшее, настоящее и будущее, имеет в качестве момента отсчета реальное время акта коммуникации. Относительная же система ориентирована на момент отсчета, располагающийся внутри одной из абсолютных временных сфер. Сфера относительного времени определяется в зависимости от конфигурации системы точек координат (момента речи, абсолютного момента отсчета и др.), которая схематически представлена как максимальная модель лингвистического времени, где физический аспект времени выступает в качестве исходной базы [Дешериева 1975: 115].

Н. А. Слюсарева, затрагивая вопрос об относительном времени, отмечает, что причастные предложения оказываются выразителями относительного времени, но только в тех случаях, когда отсутствуют дополнительные указания лексическими средствами на время совершения события. Однако, выражение относительного времени осуществляется не в системе личных форм глагола, а в сопоставлении с какими-либо другими событиями (фактами), ясными из текста [Слюсарева 1986: 122].

Дальнейшее развитие представлений о категории относительного времени в отечественной лингвистике содержится в трудах А. И. Смирницкого, З. Я. Тураевой, М. Ю. Рябовой. У А. И. Смирницкого реакцией на теорию абсолютных и относительных времен явилось утверждение о том, что перфектные формы — это особая категория *временной отнесенности*, которая не является ни видом, ни временем, но скорее ближе

последнее. Он выводит перфектные формы за пределы временных [Смирницкий 1959: 308—316]. По его мнению, перфектные формы выражают предшествование, а остальные глагольные формы обозначают процесс как непосредственно данный.

В продолжение описания понятия абсолютного и относительного времени, хотелось бы отметить, что в некоторых современных работах термины абсолютный — относительный были заменены терминами дейктический — анафорический. Дж. Мак-Коли и Б. Партии называют дейктическим употребление глагольного времени, у которого есть свой собственный момент соотносения, а анафорическим — употребление времени, антецедентом которого является уже упомянутый в тексте другой момент времени. Б. Партии говорит об анафорических употреблениях, а не об анафорических глагольных временах, соотносит их не с моментом речи, а с предыдущим контекстом. Время, по его мнению, представлено не только в глаголе, но и в отношениях между глаголом и обстоятельством времени [McCawley 1976: 120; Partee 1973: 203].

Английский ученый Б. Комри утверждает: «Термин абсолютное время — традиционный, хотя и не совсем точный. . . Термин не точен потому, что, абсолютная временная референция невозможна, так как локализовать ситуацию во времени можно лишь в соотносении с другой временной точкой, определенной ранее» [Comrie 1985: 147].

Если говорить об отечественном языкознании, то термины «дейктические» и «анафорические» времена используются и здесь. Р. О. Якобсон [Якобсон 1972: 101], заметил, что время является категорией-шифтером, поскольку оно характеризует сообщаемый факт по отношению к факту сообщения. Дейктический способ временной референции также выделяет М. Ю. Рябова, которая понимает под дейктическими формами формы референции к субъекту (в момент протекания высказывания); сущность дейктической референции состоит в указании на момент физического реального времени акта коммуникации, или в указании на ситуацию присутствия предмета в условиях данной коммуникации. При этом вся система видовременных форм глагола представляется в виде двучленной оппозиции: дейктические времена — абсолютные:: недейктические времена — относительные [Рябова 1996: 84].

В произведении Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер», соединяющем в себе черты волшебной сказки и фэнтези, все виды времени (абсолютное, относительное, абсолютно-относительное) реализуются весьма своеобразно. В этом произведении встречается значительное количество случаев употребления относительного и абсолютно-относительного времен, т. к. волшебное пространство характеризуется необычным течением времени (перемещение сквозь пространство и время; предшествование событий,

выраженных в главном и придаточном предложениях и соотносении этих событий с другими временными моментами в тексте).

Рассмотрим как проявляется абсолютное время:

Harry dashed to the bed, untied the cords around Errol's legs, took off the parcel, and then carried Errol to Hedwig's cage [Harry Potter and the Prisoner of Azkaban, p. 10].

Здесь событие предложения отнесено к прошлому. Вся ситуация происходит в определенный момент речи в прошлом и выражает временное отношение только лишь к этому моменту. Действия совершаются последовательно, не наблюдается никакого соотношения с другими моментами предложения.

Теперь представим один из многочисленных примеров реализации относительного времени, найденных в произведении «Гарри Поттер»:

Harry suspected that Ron had warned Hermione not to call, which was a pity, because Hermione, the cleverest witch in Harry's year, had Muggle parents, knew perfectly well how to use a telephone, and would probably have had enough sense not to say that she went to Hogwarts [Harry Potter and the Prisoner of Azkaban, p. 6].

Это предложение можно разбить на несколько временных отрезков, т. к. в составе сложного предложения можно выделить отдельные двусоставные предложения (смысловые группы). Основное время событий всего предложения соотносится с моментом речи главного героя — Гарри Поттера и реализуется в Past Simple. Далее, время придаточного предложения *...that Ron had warned Hermione not...* располагается хронологически по отношению к главному предложению *Harry suspected*. Событие придаточного предложения предшествует событию этого главного предложения и выражается временем Past Perfect. Время следующего двусоставного предложения *...because Hermione...had Muggle parents, knew perfectly well...* одновременно по отношению к событиям, выраженным в таких предложениях, как *Harry suspected* и *which was a pity*. И, наконец, событие придаточного предложения *...that she went to Hogwarts* соотносится посредством сослагательного наклонения со временем события предложения *...Hermione...would probably have had enough....* Таким образом, на уровне всего целостного предложения мы видим сложное взаимодействие временных пластов, создающих эффект необходимый для погружения читателя в воображаемый мир автора, чтобы проникнуть в самую суть повествования и неотрывно следить за развертыванием сюжета и быстро сменяющимися друг друга событиями.

Также приведем пример, демонстрирующий случай абсолютно-относительного времени, которое, как отмечалось выше, широко представлено в произведении «Гарри Поттер»:

I asked Dad, and he reckons I shouldn't have shouted [Harry Potter and the Prisoner of Azkaban, p. 13].

В данном примере момент речи реализуется в настоящем времени (Present Simple), герой сообщает нам информацию сейчас, в данный момент. Но событие главного предложения *I asked Dad...* случилось в прошедшем времени (Past Simple), герой уже узнал ту самую, необходимую ему информацию. Событие придаточного предложения *...I shouldn't have shouted* тоже отнесено к прошедшему времени и соотносится с другим событием в тексте.

Говоря об абсолютном и относительном времени, мы считаем необходимым добавить, что некоторые ученые лингвисты, среди них, к примеру, А. Ф. Папина, З. Я. Тураева, выделяют еще одну разновидность типов времени — волшебное время, характерное для так называемого волшебного пространства [А. Ф. Папина 2002: 205]. Волшебное время по некоторым свойствам соотносимо с относительным временем из-за его непоследовательности, нелинейной стройности повествования. Тем не менее, волшебное время обладает и своими собственными, специфическими характеристиками. Однако, в рамках настоящей статьи мы не будем подробно рассматривать вопрос, касающийся особенностей волшебного времени, т. к. наша задача — выделить и охарактеризовать основные типы категории времени, как уже было сказано выше. Но, вместе с тем, понятие «волшебное время» является мало изученным явлением и представляется интересной темой для нашего дальнейшего исследования.

Итак, подводя итог всему вышесказанному, нужно отметить, что изучаемая учеными категория времени в различных языках играет важную роль в осознании человеком устройства мира природы, общества людей, она способствует отображению всевозможных событий, процессов и фактов в человеческой речи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ДЕШЕРИЕВА Т. И. Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспектам. — Вопросы языкознания, 1975. — № 2. — С. 111—117.
- ПАПИНА А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. — М.: УРСС, 2002. — 367 с.
- СЛЮСАРЕВА Н. А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. — М.: Наука, 1986. — 215 с.
- СМИРНЦКИЙ А. И. Морфология английского языка. — М.: издательство иностранной литературы, 1959. — 207 с.
- ЯКОБСОН Р. О. Шифтеры, глагольные категории. — М.: Наука, 1971. — 269 с.
- CHUNG S., Timberlake A. Tense, aspect and mood. — Cambridge: Cambridge University Press, 1985. — 258 p.
- COMRIE B. Tense. — Cambridge: Cambridge University Press, 1985. — 240 p.

- McCRAWLEY J. Grammar and meaning: papers on syntactic and semantic topics. — New York: Academic Press Inc., 1977. — 388 p.
- PARTEE B. The major syntactic structures of English. — New York: Holt, Rinehart & Winston, 1973. — 847 p.
- ROWLING J. K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban. — London: Bloomsbury Publishing Plc., 1999. — 560 p.

В. В. Гузикова

V. V. Guzikova

Екатеринбург, Россия, V.Guzikova@e1.ru

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ОДНОСТОРОННЕЙ ИДИОМАТИЧНОСТИ

TO THE ISSUE OF UNILATERAL IDIOMATICITY EXISTENCE

Аннотация. Статья посвящена проблеме существования односторонней идиоматичности, использованию идиоматического языка, который не понятен другим участникам процесса коммуникации.

Abstract. The article deals with the problem of unilateral existence, the use by speakers and writers of idiomatic language which is not understood by the other participants in the interaction.

Ключевые слова: *односторонняя идиоматичность, идиоматический язык, межкультурная коммуникация, универсальный язык.*

Keywords: *unilateral idiomaticity, idiomatic language, cross-cultural communication, lingua franca.*

УДК 811.111.1+81'373

В любом языке имеются выражения, в которых отдельные слова, образующие это выражение, теряют свой первоначальный смысл. Общий смысл такого выражения не складывается из значений отдельных слов. Для носителей языка такие словосочетания являются привычными, а для изучающих этот язык как иностранный они являются непонятными. Английский язык имеет длинную историю. На протяжении веков в нем накопилось большое количество идиоматических выражений, которые были когда-то однажды произнесены кем-то, понравились людям и закрепились в языке, будучи удачными, меткими и красивыми. Так и возник особый слой языка — идиоматика, совокупность устойчивых выражений, имеющих переосмысленное значение.

С помощью фразеологических выражений, которые не переводятся дословно, а воспринимаются переосмыслено, усиливается эстетический

© Гузикова В. В., 2011

аспект языка. Благодаря фразеологическим выражениям, иначе называемыми идиомами, информационный аспект языка дополняется чувственно-интуитивным описанием нашего мира, нашей жизни.

Идиоматика представляет трудность на стадии изучения языка, но зато после усвоения идиом вы начинаете говорить как англичане, вы понимаете их с полуслова, ваша речевая готовность резко возрастает. Вы кратко и очень точно можете выразить свою мысль, будучи уверенными в правильности ее выражения. Во многих случаях знание английской идиоматики помогает избегать руссизмов, т. е. дословных переводов предложений с русского языка на английский.

В данной статье внимание обращено на явление, называемое «односторонняя идиоматичность» (ОИ): использование говорящими или пишущими идиоматического языка, который не понятен другим участникам процесса коммуникации. Сайдлхофер (2001) устанавливает идиоматику как одну из областей, в которой английский в качестве «родного языка» и английский как иностранный частично отличается: «[Английский как родной язык] изобилует условностями и маркировочными знаками, понятными для посвященного круга людей, такими как характерные типы произношений, специальная лексика и идиоматическая фразеология» [2001: 136].

Она создает термин «*односторонняя идиоматичность*» для тех ситуаций в ELF, когда собеседник использует идиоматическое выражение, которое не понятно другому. Говорят, что традиционная идиома (или неясная устойчивая фраза) ведет к «*односторонней идиоматичности*»: нарушение коммуникации в результате использования идиом, известных одному собеседнику, но непонятных другому. Клоуз [1981: 7] привел пример этого явления задолго до того, как Сайдлхофер дала ему название:

Недопонимание в процессе общения может произойти, когда носители английского языка позволяют себе употребление разговорных слов или неологизмов, с которыми их аудитория, возможно, ранее не встречалась. Он заметил выражение озадаченности на лицах русских специалистов в области английского языка, когда известный британский лингвист читал им лекцию и продолжал употреблять фразовый глагол «*home in on*» (нацелиться на что-л. и быстро двигаться к этому) — выражение, несомненно, модное в то время в его собственной привычной аудитории.

Стоит отметить то, что в этом случае ‘идиоматического непонимания’ слушателями явились «эксперты по английскому языку».

Наконец, Дженкинз считает ‘неуместным’ познания «идиоматического употребления, сленга, фразовых глаголов, игры слов, пословиц, культурных аллюзий и подобного», если ELF (Английский как иностранный язык) должен преуспеть в качестве всемирного языка (*lingua franca*) [2000: 220].

Однако, основной вопрос, который данная статья пытается рассмотреть, является трудность, с которой сталкиваются даже продвинутое слушатели и пользователи английского языка, имея дело с идиоматикой.

Лук Продрому, известный британский лингвист и методист, отмечает, что более серьезный пример ОИ, провоцирующий прагматическую неудачу при написании, имел место, когда он использовал красочное выражение *a different kettle of fish* в статье в ЕТ [Prodromou, 2003]. Статья была об идиоматическом творчестве в ENL (Английский как родной язык) и о том, как она редко встречается в ELF.

Он писал: «English as a Second language and nativized varieties of English are different... uh, kettle of fish» [2003: 47].

Его довод заключался в том, что употребления ESL (Английский как второй язык) в Азии и Африке на самом деле характеризуются творческим использованием языка, включая творческую идиоматичность, в отличие от ELF в его интернациональных и межкультурных проявлениях. Кахру (2005), реагируя на использование идиомы *a different kettle of fish* (в значении «это совершенно разные вещи»), выразил обиду по поводу замечаний Л. Продрому, интерпретируя их совершенно противоположным значением того, что данный исследователь имел в виду. Он цитирует словарную дефиницию выражения «*a kettle of fish*»: [2005: 238]:

Сфера значений выражения «*a kettle of fish*» включает «запутанное, неприятное положение дел...» и «нежелательную ситуацию, обычно вызванную халатностью или некомпетентностью кого-л».

Кахру казалось, что Л. Продрому допускает, что разновидности английского представляют из себя путаницу, нетворческое дело как таковое. Ему пришлось проверить самые современные словари, которые все подтвердили современное использование идиомы и ее сочетания со словом «*different*», как следующее:

A different kettle of fish. *Неформальное*; ситуация или предмет, которые не связаны с тем, о чем идет речь. — *Macmillan English Dictionary on line*.

Кахру, опустив прилагательное *different* из словосочетания в своем рассмотрении данной фразы (*a different kettle of fish*), получил вполне очень четкое значение. Недоразумение подтверждает важность рассмотрения лексических единиц в качестве фраз (словосочетаний в целом), а не однословных единиц.

На самом деле существуют две распространенные идиомы с основной фразы *a kettle of fish*. Первая идиома, которую Продрому применил в своей статье: она всегда сочетается со словом *different* и означает «это совершенно другое дело, отличное от упомянутого ранее». Другая же идиома сочетается с прилагательными *pretty* или *fine* и является, скорее всего,

восклицанием: (*That's*) *a pretty kettle of fish!* или *a fine kettle of fish!*, означая «непонятное состояние дел, неразбериху». Вторая из этих идиом намного старше по употреблению, датируемая XVIII веком, в то время как фразеологизм, используемый Продромоу, впервые появился в XX в. и, оказывается, происходит от более ранней идиомы [Аллен, 2006: 411].

Национальный корпус английского языка (BNC) содержит около 50 примеров выражения *a kettle of fish*, из них 47 сочетаются с прилагательным *different* и только 3 со словами *pretty* или *nice*. Приведем некоторые примеры использования данной идиомы:

- 1) The «ontinental» volcanoes' are a **different kettle fish**.
- 2) The Austrians, however, were a **different kettle fish**.
- 3) But Irish sign language is a **different kettle fish**.

Исходя из примера односторонней идиоматичности, можно сделать вывод о том, что понятие реально и может вызывать случаи прагматической неудачи и непонимания. Во-вторых, мы можем заключить, что идиоматические выражения склонны выходить из употребления и могут мешать взаимопониманию. Гамлет, персонаж трагедии В. Шекспира, знал об этом, когда он сократил старую поговорку *While the grass grows the good horse starves*, означающую «пока трава вырастет, лошадь околеет» (впервые зафиксированную в 1350 г. согласно OED).

Розенкранц заверил Гамлета, что однажды он взойдет на престол Дании, а Гамлет говорит: «*Ah, but while the grass grows, the proverb is something musty*» (III, 2). Он передает свое сообщение, несмотря на использование устаревшей усеченной идиомы, т. к. он знает, какие общие сведения он может предположить со стороны своих собеседников – два университетских приятеля с общей «датской» культурой.

Наконец, из примера с выражением *a kettle of fish* мы понимаем, как важно все словосочетание: измените одно его слово и только представьте, какое последует разногласие!

Проблема ОИ в английском языке в качестве *Lingua Franca* не является слишком серьезной и не часто встречаются ситуации, когда употребление данной идиоматики приводит к непониманию между участниками диалога.

Хотя исследователи ELF считают ОИ не только «неуместной» при употреблении Английского как *lingua franca*, но также видят в ней препятствие к пониманию, приводя немногочисленные примеры данного явления в естественно происходящей речи. На самом деле трудно уловить одностороннюю идиоматичность в действии: тип идиом, которые она включает, являются редкими в дискурсе ENL и еще реже встречающиеся в ELF (ср. Мун, 1998).

Л. Продромуо рассмотрел другие корпуса, содержащие взаимодействия носителей языка. В следующем примере (из исследования лексического состава, проведенного Робертсом, 2005), выражение *bottom line*, кажется, провоцирует одностороннюю идиоматичность как в нижеприведенном разговоре (из Roberts 2006: 151):

Dialogue 1

- S1 Let's say we need decorations and we need it cleaned up.
What's your *bottom line*?
- S2 What's my what?
- S1 What is the *bottom line*. What...what's the...
- S2 *Bottom line*, yes
- S1 ...least you can do it for? The least it can be done for?
- S2 The lowest... er...
- S1 Yeah
- S2 ...price? Four thousand.
- S1 Four thousand.

В следующем примере оба собеседника являются поляками и разговаривают об университетской экзаменационной сессии, которая прошла год назад (из Штайнбрих, 2006: 133):

Dialogue 2

- S1 Last year, I had problems with getting a signature for Practical English and I had to take an exam in September cos, you know, I didn't have it and I couldn't take it normally.
- S2 Oh!
- S1 Yeah. And I didn't have holidays.
- S2 Poor thing!
- S1 But then I failed in September and you know I was
- S2 *Back to the drawing board*.
- S1 Yeah. Back.

Штайнбрих комментирует следующим образом: «Прослушав запись и обратив внимание на интонацию последней реплики, я бы предположил, что собеседник 1 не имеет никакого понятия, что означает выражение *back to the drawing board* (разг. все начинается сначала). Отсюда что-то вроде непонятного ответа Yeah. Back» [email, 30 Mar 07].

В третьем диалоге два человека, разговаривают на английском языке, который является для них иностранным. Они обсуждают довольно неудачный семейный пикник. S2 комментирует реплики S1, употребляя идиому '*Too many chiefs and not enough Indians*', которая, несомненно, ведет к об-

ратному результату, сбивая с толку S1. В результате S2 дает полную версию идиоматической фразы (*Руководителей много, а исполнителей мало*), постепенно объясняя ее.

Dialogue 3

S1 There were five of us, you know.

S2 Ahah.

S1 Me, my mother, my two brothers and my sister and you know, everybody wanted to go somewhere else and, you know, my sister says 'I want this', my brother 'I want that', you know,

S2 Ahah.

S1 And I'm 20 and I'm not a child, yeah?

S2 Right.

S1 That was horrible.

S2 Yeah. *Too many chiefs.*

S1 *Chiefs. Bosses. And not enough Indians.*

S2 Indians?

S1 Yeah. *Too many chiefs and not enough Indians.*

I mean everybody wants to make a decision.

S2 Ahah.

[Штайнбрих, 2006:139:140]

Кроме вышеприведенных примеров односторонней идиоматичности, Л. Продрому собрал дополнительные образцы в электронном обзоре, проведенном с членами BAAL (Британская ассоциация прикладной лингвистики). Данный обзор выявил наличие единично зафиксированных случаев ОИ (согласно категориям О'Киф и др. 2007), а именно:

1. Оценка действий людей, состояний и ситуаций

look for hen's teeth, push the envelope, burn one's fingers, have a chip on one's shoulder, throw out the baby with the bath water, teach your grandmother to suck eggs, cash in on something, go to pot, go like a bomb, put one's thumb on the scales, kick the bucket, grass someone up, make ends meet, make a good fist of (something), keep a stiff upper lip, get one's nose put out of joint/bent out of shape, to be home and dry, feel cockahoop

2. Оценка предметов и событий

as rare as hen's teeth; be cold enough to freeze the balls off a brass monkey; when the shit hits the fan; make a pig's ear of (something), break the logjam

3. Описание предметов и событий

see a man about a dog; jot something down; wind down (chill out); as the crow flies; the urine was extracted ('took the piss')

4. Имена людей

the bee's knees, the cat's whiskers

5. Имена вещей/событий

the bottom line, a pig in a poke, a one-off, blue-sky thinking

6. Функциональные операции

bottoms up; you scratch my back and I'll scratch yours; have a read; have a think; jot down; couldn't agree more; that's better; (just) keep it/this/this news (etc.) under your hat

7. Идиомы, переведенные носителями английского языка

mix frogs and grandmothers (сербский)

he had a wide bottom (греческий)

the Moors are on the coast (испанский)

Примеры односторонней идиоматичности, приведенные выше, могли бы приводить собеседников к некоторому роду «замешательства». Но просьба разъяснить значение той или иной идиомы, возникающей в процессе разговора, помогает участникам беседы понять друг друга. В противном случае, такая односторонняя идиома остается незамеченной, если она не влияет на общее взаимопонимание.

Самой распространенной проблемой, касающейся односторонних идиоматических выражений, представляют случаи, когда носители языка пытаются воспроизвести идиому на иностранном языке и совершают ошибку или, вероятно, «ошибку» согласно нормам ENL, но являющейся характерной формой в универсальном английском языке. Следовательно, ОИ представляет интерес; она напоминает нам, что в контексте ELF односторонняя идиоматичность может явиться причиной использования носителем языка идиомы его родного языка, просто переведенной на английский. Сербский коллега описывает случай ОИ, который был спровоцирован Сербским министром иностранных дел, выступающим на заседании Совета Европы. Пытаясь объяснить сложную историю Косово, Вук Драскович сказал: «*One should not mix frogs and grandmothers!*» Смысл данной идиомы в том, что не следует сравнивать несопоставимые вещи. Можно представить, как такая односторонняя идиома привела в замешательство других министров, присутствующих на этой встрече.

Таким образом, необходимо избегать употребления односторонней идиоматичности, приводящей к прагматической неудаче. Успешные пользователи английского языка должны учитывать границы своей собственной компетенции, а также нужды своих адресатов, для того, чтобы достигать коммуникации и понимания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ALLEN, J. 2006. English Phrases. London: Penguin.
- Canagarajah, S. 2006. 'Changing communicative needs, revised assessment objectives: Testing English as an international language.' In Language Assessment Quarterly 3/3, pp. 229—242.
- CLOSE, R. A. 1981. 'English as a world language and as a mother tongue.' In World Language English 1/1, p. 7.
- JENKINS, J. 200. The Phonology of English as an International Language Oxford: University Press.
- KACHRU, B. 2005. Asian Englishes: beyond the canon. Hong Kong: Hong Kong University Press.
- O'KEEFE, A., M. MCCARTHY, & R. Carter. 2007. From Corpus to Classroom. Cambridge: University Press.
- MCCARTHY, M., & R. Carter. 1994. Language as Discourse. London: Longman.
- MOON, R. 1998. Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-Based Approach. Oxford: The Clarendon Press.
- PRODROMOU, L. 2003. 'Idiomacity and the non-native speaker.' In English Today 19/2, pp. 42—48. — 2007. 'Bumping into creative idiomacity.' In English Today 23/1, pp. 14—25.
- ROBERTS, P. 2005. 'English as a world language in international and intranational settings.' Unpublished doctoral dissertation, the University of Nottigham.
- SEIDHOFER, B. 2001. 'Towards making «Euro-English» a linguistic reality.' In English Today 68, pp. 14—16.
- STEINBRICH, Piotr. 2006. 'Idioms as textual patterns in conversational discourse.' Unpublished doctoral dissertation, the Catholic University of Lublin.
- Национальный корпус английского языка — Режим доступа: www.natcor.ox.ac.uk.

К. И. Демидова

K. I. Demidova

Екатеринбург, Россия, Demidova_K_I@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ДИАЛЕКТНЫМ СОЦИУМОМ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РЕЧИ

THE DIALECT SOCIETY PERCEPTION FEATURES OF ENVIRONMENT AND ITS SPEECH REPRESENTATION

Аннотация. В статье рассматривается диалектная речь и её восприятие окружающими, рассматриваются аспекты психолингвистического исследования диалектной ЯКМ.

Abstract. The dialect speech and its perception by surroundings are looking through, the aspects of polylinguistics research of the dialect linguistics world picture.

© Демидова К. И., 2011

Ключевые слова: диалектная речь; языковая картина мира; полилингвистический аспект.

Keywords: the dialect speech; linguistics world picture; the aspects of polylinguistics.

УДК 81'282

В современных лингвистических исследованиях наблюдается полипарадигмальный подход к исследованию языковой картины мира (ЯКМ), который даёт возможность глубже изучить параметры и особенности последней, причины и факторы, влияющие на её характер.

Русская национальная языковая картина мира — неоднородное явление: существуют разные системы, входящие в национальную ЯКМ: детская ЯКМ, индивидуальная, художественная, профессиональная, региональная и др. Нами исследуется региональная (диалектная) ЯКМ, которая рассматривается как одна из составляющих национальной ЯКМ, имеющая как общие черты с последней, так и отличные, проявляющиеся прежде всего в характере восприятия диалектоносителями окружающего пространства и его репрезентации в языке.

Предлагаемая статья посвящена некоторым аспектам психолингвистического исследования ДЯКМ, основным языковым материалом для неё явилась диалектная лексика русских говоров Среднего Урала.

Начиная с Бодуэна де Куртенэ, лингвисты стали внимательнее анализировать процессы говорения, восприятия речи на слух и её понимания, то есть речевую деятельность. И Бодуэн де Куртенэ, и Л. В. Щерба стремились исследовать речевую деятельность своих информантов, подходя к языку как к феномену, существующему прежде всего в психике индивидов и обеспечивающему социальные связи и общение. Права Р. М. Фрумкина, утверждая, что точна фраза «мы видим не глазом, а умом», что значит представления о сходствах и различиях объектов окружающего мира не заданы нам изначально, они формируются в нашей психике в процессе приобретения опыта.

В последние годы в диалектологии появилась концепция об использовании диалектной личностью двух модусов речемыслительной деятельности: модус «свой» и модус «чужой». Первый модус используется тогда, когда диалектная личность осуществляет коммуникативные действия с другим или другими диалектными личностями одного и того же диалектного социума. В индивидуальном опыте коммуниканта уже существуют определённые образы окружающего мира, и их воспроизведение в речи не вызывает дополнительных познавательных операций, они уже присутствуют в сознании индивида и в социальном опыте коммуникантов и

репрезентированы в закреплённых за ними словах, находящихся в памяти коммуникантов. Говорящий диалектоносите́ль не испытывает трудностей в выборе образов и слов, вербализующих эти образы: они у него как бы «на слуху». И у коммуникантов тоже есть социальный опыт, поэтому сельская коммуникация осуществляется довольно легко и результативно.

Другое дело использование «чужого» модуса, при котором общение диалектной личности осуществляется с носителями другой языковой подсистемы, имеющей свои особенности восприятия окружающего мира и иной характер репрезентации её концептов в языке и речи. Поэтому дисгlossия (переключение с диалектной речи на литературно-разговорную) у диалектоносителей связана с более сложными речемыслительными операциями, чем при регрессии (возвращение диалектоносителя к родному для него говору), ибо ей нужно актуализировать существующие в её памяти схемы знаний о мире и сопоставить их со схемами, наличествующими в диалектном сообществе, выбрать нужные в данной конкретной ситуации и использовать в коммуникативном акте. В данном случае речь может идти об иных ассоциативных связях и образах. Сравним отрывки речи диалектоносителя при дисгlossии и регрессии: *Капризлива девка, всё не то ей, невозлюбчива, значит* (Сукс.); *Дронощёпина: всё на ней висит* (Верхот.) — примеры регрессии; *Некудаку ты вырастила: опять никуда на работу не вышел* (Сыс.); *Невеста-то неткошиха-непрямиха, одно слово лентяйка* (Верхот.) — примеры дисгlossии.

Кроме того, диалектная речь, которая является объектом нашего исследования, имеет и другие особенности: она свойственна социуму определённой территории, существует в отличие от литературной речи только в устной форме, её реализация зависит от характера собеседников, поэтому в ней и выделяются два основных модуса: модус «свой» и модус «чужой». В первом преобладает диалог, режим свободного дискурса, при нём используется в речи местный говор. В повседневном сельском общении наблюдается переключение диалектной личности с одного модуса на другой. Сказанное даёт основание утверждать, что речь диалектоносителя — сложное явление, в котором сочетаются общерусские и специфические диалектные особенности.

Кроме того, диалектная речь имеет особенности, связанные с характером видения окружающего мира диалектным социумом определённой территории функционирования языка, обусловленного историческими процессами как лингвистического, так и внелингвистического характера. Есть культурно-дефинированные психологические структуры в сознании русского социума, проживающего на разной территории функционирования русского языка. И это ярко проявляется в ассоциативных экспери-

ментах. Например, в одних говорах Урала умершего человека называют общенародным словом *мертвец*, в других словом *жмур*, что можно объяснить разным мировидением и миропониманием диалектоносителей: в первом примере отражено понимание того, что человек умер; во втором он лишь навсегда зажмурил глаза, но не умер, а перешёл в другой 'мир', что обусловлено верой диалектоносителей в загробную жизнь.

Культурологический концепт, вербализуемый в литературном языке словоформой *без отдыха*, на уральской территории передаётся словоформами: *без отхода* («не отходя от рабочего места» — Красноуфимский район Свердловской области), *без передыху* («не имея возможности передохнуть» — Ирбитский район, там же; *беспережжю* («не перемежая работу и отдых» — Новоуральский район, там же), что можно объяснить особенностями культуры сельских жителей, образа их жизни, обычаями. Феномен ассоциативная связь определяется именно культурой во всём её многообразии: всеми знаниями, в том числе — чувственным опытом, но при этом таким опытом, который мы уже не осознаём, а используем автоматически.

Вслед за С. М. Беляковой (2005), мы рассматриваем ДЯКМ как территориальный вариант национального образа мира, отражённый в совокупности коммуникативных средств и в системе ценностных ориентаций диалектного сообщества. Это схема восприятия действительности, сформировавшаяся в течение многих веков существования социума, ограниченного определённой территорией, имеющего свою историю, определённые природные, экономические, хозяйственные условия жизни, что и определило особенности мировосприятия, мировидения, мироощущения диалектного социума определённой территории. И этим же объясняется одна из особенностей ДЯКМ: её неоднородность на разной территории функционирования русского языка.

Современное диалектное сообщество характеризуется как территориально ограниченный социум, сформировавшийся в условиях сельской жизни, её культуры, поэтому имеющий особенности восприятия окружающего мира, вербализованные в говоре, обслуживающем этот социум. Особенности мировосприятия диалектного сообщества наиболее ярко проявляется в его лексике. Диалектная личность — субъект диалектного сообщества, отражающий в своей речи, в частности в лексике, особенности познавательного процесса окружающего пространства, специфику его концептуализации и вербализации в языке и речи.

Одной из особенностей мировосприятия диалектным сообществом окружающего пространства является образное его видение. Новые знания познавались и познаются через известные реалии, окружающие социум в

повседневной жизни, их образы. Эту особенность мышления диалектоносителей можно рассматривать не только как способ восприятия мира, но и как основу мыслительного процесса и структурирования мира, средство воздействия на психику и эмоциональный мир адресата.

Характер видения окружающего диалектоносителей мира зависит от многих факторов, в том числе и от условий быта сельского жителя. Поэтому при процессе номинации в качестве ассоциативного образа диалектный социум использует реалии, окружающие его в повседневной жизни. В ходе познавательного процесса использования ассоциативных образов и процесса номинирования диалектные сообщества разной территории обращаются к неодинаковым ассоциативным образам, поэтому и репрезентация концептов отличается по ЧДС (частным диалектным системам). Например, низкорослый лес в ЧДС Пышминского района Свердловской области называют словом *коряжник* (мотивировочный признак слова — форма реалии: похож на корягу (зрительное восприятие). В ЧДС Асбестовского района та же реалия именуется словом *дровник* (ассоциативная связь со словом *дрова*: лес идёт на дрова.), в ЧДС Нижнетагильского района употребляется слово *древник* (ассоциация со словами *древний*, *старый*).

Жизнь многообразна, поэтому и разнообразны её реалии, послужившие в качестве ассоциации в познавательном процессе и его репрезентации в лексике говора. Например, в говорах Урала вертлявого человека называют словом *жигало* через образ хорошо известного крестьянского предмета («палка для ворошения углей»), большеголового человека именуют через образ предмета сельского быта *корчага* (ср. с прямым значением этого слова «большой глиняный сосуд для приготовления кваса, пива»). В речи диалектоносителей Артинского района Свердловской области подножие возвышенности номинируется словом *подошва* (*Раньше река по подошве текла* — из речи диалектоносителя). Ср. с прямым значением слова *подошва* — «нижняя часть обуви человека».

Этим можно объяснить и высокую частотность антропоморфной модели (в её основе лежит окружающий диалектный социум мир вещей и предметов) и её разновидности бытийной метафоры в говорах вообще и уральских в частности. Например, в говорах Урала словом *заскрёбыш* номинируют ребёнка, родившегося последним (ср. с прямым значением слова «остатки теста в квашне»). Созвездие Большой Медведицы именуют словами *коромысло*, *ковиш*. Жадного человека называют словосочетанием *большая крома* (*У их фсе сроду большекромые были.* — Полев.). Глупого человека — *колун* (Шал.), *пусторылый* (Н-Тавд.). Причём на разной территории Урала сознание диалектоносителей выбирало неодинаковые ассоциативные образы. В процессе номинирования диалектные сообщества разной

территории Урала обращались к неодинаковым ассоциативным образам, поэтому и репрезентация концептов отличается по ЧДС. Приведём пример эксперимента, неоднократно проводимого нами с целью изучения причин различного видения окружающего мира диалектоносителями уральской территории. Гипотеза эксперимента: различия в номинации человека-болтуна связаны с неодинаковыми образами, ассоциациями в психике диалектоносителей. Задание для испытуемых: нужно выбрать из перечисленных слов *долгоязыкий* (Верхот.), *пустобайка* (Сукс.), *собироха* (Камен, Копт.), *щекоталиха* (Шал.), *балаболка* (Тал.) одно или несколько, которым (и) в Вашем населённом пункте называют человека, много болтающего, говорящего попусту. Как Вы можете объяснить эти номинации? Ответы испытуемых: *долгоязыкий* — человек, который имеет длинный (в диалекте долгий) язык, поэтому много говорит; *собироха* — говорит, «собирает» что на ум придёт; *щекоталиха* — много болтает, как бы «щекотит» наш слух; *балаболка* — много болтает, «балаболит», говорит о пустяках. Подобные эксперименты помогают исследователю выявить характер отражения разнообразных свойств окружающих человека предметов, явлений, который определяется ощущениями разных сенсорных модальностей (зрительных, слуховых, тактильных и др.), задействованных в познавательном и номинативном процессах на разной территории функционирования языка.

Как уже отмечалось нами (Демидова, 2008, с. 70), диалектный социум воспринимает себя в единстве с природой, поэтому в процессе номинации широко используются фитоморфная (основанная на образах окружающего растительного мира) и зооморфная (основанная на образах окружающего животного мира) метафоры. Растительный и животный мир на разной территории неодинаков, поэтому и образы для номинации в речи диалектоносителей разные. Например, *жаба* «болезнь горла», *бурундук* — «местный коренной житель», *боров* «лежащая дымовая труба», *однокрылок* «односкатная крыша» (в основе номинации лежит образ крыла птицы), *роща* (Тур., Ирб.) «люди одного возраста», Н-Серг. — «озимая пшеница». Высокого и очень худого человека номинируют словом *жердина* — Верхот. (фитоморфная модель), действие бездельничать словом *тараканничать* — В-Салд. (зооморфная модель) и т. д.

С психологической точки зрения, образ рассматривается как результат сенсорно-перцептивных действий индивида или всего социума, так как это феномен психической деятельности человека. Поэтому диалектное сообщество характеризует чувственно-эмоциональный тип познания мира. Психологи объясняют это абсолютно доминирующей активностью правополушарного, эмпирического типа мыслительной деятельности носителей диалекта. Например, на территории Урала крапиву называют словами *ожог*, *ожига* по

её свойству обжигать открытые места тела человека (образ предмета основан на перцептивных ассоциациях индивида, — чувственно-осязательных); сапоги с высокими бортами для ходьбы по болоту в некоторых говорах Урала именуют словом *шептуны*, мотивировочным признаком этой номинации является лёгкий звук, который они издают при ходьбе человека, надевшего их (используется чувственно-слуховой образ). Ассоциации у слова *шептуны* иные в диалекте, чем в литературном языке (в первом случае — *шептуны*, *скрипуны*, во втором — *шептуны*, *говорунны*, *болтуны* и т. д.).

В условиях сельской жизни диалектное сообщество при репрезентации тех или других концептов выбирает те признаки концепта, которые имеют практическую значимость для сельского жителя в его повседневной жизни. Например, уральские диалектоносители называют тяпку словами *окучник*, *пропольник*, внутренняя форма которых говорит о назначении реалии (в первом слове служит для окучивания растений, во втором для прополки, чтобы растения лучше росли).

Конкретность мышления диалектного социума во многом определяет в процессе познания и номинирования прозрачность внутренней формы и выбор мотивировочных признаков слов, связанных с миропониманием и мироощущением диалектного социума.

Анализ особенностей характера восприятия окружающего мира диалектным социумом с психолингвистических позиций важен потому, что он даёт материал о том, что диалектное сообщество выделяет, как и почему определяет и использует для номинации концептов окружающей концептосферы, то есть каковы факторы с точки зрения психики диалектной личности обуславливают региональные особенности способов языковой концептуализации и категоризации объективной действительности.

С этим связаны виды мотивации номинируемого диалектным социумом и степень их продуктивности. Наш материал по уральским говорам даёт возможность выделить три типа мотивации в речемыслительном процессе диалектного сообщества: семантическую мотивацию (см. слова выше: *жаба*, *бурундук* и др.), структурно-семантическую (см. слова типа *однокрылок*), структурную (см. слова типа *дровник*). С психологической точки зрения, наиболее продуктивны в диалектном континууме первые два типа, так как они основаны на глубинном уровне лексикона и имеют прочную основу, обусловленную опытом диалектного социума, проявляющимся в многообразии ассоциативных связей и выборе как общих, так и отличных образов в процессе познания концептосферы, концептуальных операций и их вербализации в лексике.

Таким образом, диалектная коммуникация — довольно сложный феномен, изучение которого необходимо с целью выявления особенностей

познавательного процесса, характера ассоциативных связей и их репрезентации в языке и речи, функционирующих на определённой территории. Рассмотренные аспекты психолингвистического исследования ДЯКМ могут быть использованы при изучении других говоров не только русского языка, что будет способствовать более глубокому анализу ДЯКМ, а следовательно, и в целом ЯКМ, её сущности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- БЕЛЯКОВА С. М. Образ времени в диалектной языковой картине мира: монография. — Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2005. — 264 с.
- ДЕМИДОВА К. И. Диалектная языковая картина мира и аспекты её изучения: монография. — Екатеринбург: УрГПУ, 2008. — Ч. 1.: 2009. — Ч. 2.: 2010. — Ч. 3.
- ЗАЛЕВСКАЯ А. А. Психолингвистическое исследование. — Воронеж: изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. — 206 с.
- ЗАЛЕВСКАЯ А. А. Слово в лексиконе человека. — М.: АСТ — Астрель, 2002. — 342 с.
- ФРУМКИНА Р. М. Психолингвистика. — М.: Академия, 2001 — 320 с.

СОКРАЩЕНИЯ

- В. Тавд. — Верхнетавдинский район Свердловской области
Верхот. — Верхотурский район Свердловской области
Ирб. — Ирбитский район Свердловской области
Н-Серг. — Нижнесергинский район Свердловской области
Н-Тавд. — Нижнетавдинский район Свердловской области
Полев. — Полевской район Свердловской области
Сукс. — Суксунский район Пермской области

А. В. Дрожащих
A. V. Drozhaschikh

Тюмень, Россия, ndro2004@rambler.ru

МЕТАФОРА В ПОДЪЯЗЫКЕ ЭКОНОМИКИ: СЕМАНТИКА, МОДЕЛИ, ФУНКЦИИ

METAPHOR IN THE SUBLANGUAGE OF ECONOMICS: SEMANTICS, MODELS, FUNCTIONS

Аннотация. В статье рассматривается современный подъязык экономики, его характеристики, метафорические номинации и построения, раскрыты функции и модели.

Abstract. The modern economic sublanguage and its characteristics are shown, metaphor nominations and constructions, functions and models are looking through in this article.

Ключевые слова: метафора; подъязык экономики; метафорические функции и модели.

Keywords: metaphor; metaphorical models and functions, sublanguage of economics.

УДК 811.111.1+81'37

Метафора как одна из центральных категорий языка является предметом многочисленных лингвистических исследований. Традиционно метафора рассматривается как риторическая фигура характерная для языка поэзии и художественной литературы (И. В. Арнольд, Н. А. Кожевникова, И. А. Стернин, В. Н. Телия, Д. Н. Шмелев). В последние десятилетия в связи с развитием когнитивного направления в языкознании метафора изучается преимущественно как когнитивный инструмент, играющий важную роль в познании, структурировании и объяснении окружающего мира, а также в процессе переноса человеческих знаний из одной содержательной области в другую [подробнее о теории когнитивной метафоры см., например, Лапшина 1999:93—97]. При этом приоритет получают исследования, ориентированные на выявление особенностей функционирования когнитивной метафоры в различных сферах профессиональной коммуникации, в том числе и в профессиональной экономической коммуникации [Бородулина 2009; Bielenia-Grajewska 2009; Bratož 2004]. В настоящей статье ставится цель отразить новые тенденции использования метафоры в подъязыке экономики и обозначить специфику рассматриваемого явления в активно развивающейся области современной экономики — области валютно-биржевых и инвестиционных операций. Приводимый в работе языковой материал собран из имеющихся зарубежных и отечественных лексикографических и справочных изданий по бизнесу и экономике, а также из разнообразных англоязычных текстовых источников, включающих крупные специальные монографии и учебники по экономике, медиатексты экономического профиля, годовые отчеты и электронные сайты крупных западных компаний.

Метафора имеет длительную историю употребления в подъязыке экономики. Как правило, авторство и реальные обстоятельства появления конкретных экономических метафор установить достаточно сложно, хотя можно привести и обратные примеры. Так, метафора *Old Lady*, которая имеет отношение к Банку Англии, принадлежит английскому драматургу Р. Шеридану, а поводом для появления известного выражения *money laundering* ‘отмывание денег’, как предполагается, послужил знаменитый Уотергейтский скандал 1973 года в США [Bratož 2004: 180—181]. На сов-

ременном этапе развития мировой экономики важную роль в создании новых метафорически мотивированных экономических номинаций играют экономисты-теоретики, непосредственные участники экономической деятельности и журналисты профессиональных экономических изданий.

Высокий удельный вес метафорических конструктов является одной из ярких особенностей подязыка экономики XXI века. Популярность метафоры объясняется возрастающей толерантностью и демократичностью профессионального общения в сфере экономики, постепенным отходом от стилистически нейтрального стандарта языкового выражения, а также тем обстоятельством, что метафоры представляют быстрый и удобный инструмент репрезентации устоявшихся экономических концептов типа «рынок», «конкуренция» и «участники рынка» и вербализации новых экономических реалий и понятий.

Метафоры, обслуживающие профессиональные экономические коммуникации, характеризуются большим разнообразием. При этом многие метафоры, фигурирующие в экономических текстах, являются классическими, широко функционируют в разных стилевых разновидностях современного английского языка и по существу уже имеют статус фразеологизмов. Например: *The bourse's sole liquid stock, private syringe-maker Sanevit, grabbed the lion's share of trading* [Central European Economic Review 1997]; *Today, building sites are blossoming throughout the city* [Financial Times 1994]. С другой стороны, в рассматриваемом подязыке можно найти свежие образные метафоры, которые выделяются на общем фоне своей изобразительностью. К числу таковых можно отнести, например, метафорический перенос, построенный по модели «добровольное слияние компаний — это брак по любви». Основу для данного метафорического переноса составляют следующие ассоциативные параллели: 1. компании — любовники; 2. деловые отношения — любовные отношения; 3. подписание контракта — переговоры о свадьбе; 4. добровольное слияние компаний — брак по любви. Например: *The richest corporate marriage in the personal computer industry took place this week as Novell and WordPerfect announced the completion of their merger* [Financial Times 1995]. Определенную живость и экспрессию экономическим публикациям придают случаи использования военной и спортивной метафоры. Вышеуказанные метафоры встречаются в основном в медиатекстах экономического профиля, в том числе в публикациях, посвященных исследованию рыночной конъюнктуры, и в так называемых страновых отчетах. При этом частотностью выделяется военная метафора, которая отражает агрессивный настрой участников экономической деятельности. По мнению В. А. Пономаренко, появление в экономическом дискурсе метафор данного типа связано с тем, что «в современном

бизнесе чаще всего представитель другой стороны как конкурент ассоциируется с противником, с которым надо всегда быть начеку, чтобы он не застал врасплох, выстраивать стратегию, придерживаться определённой тактики и т. д.» [Пономаренко 2007: 21]. Вербальными маркерами военной метафоры в англоязычных экономических публикациях выступают следующие лексемы *battleground* «поле битвы», *barrier* «барьер», *mobilization* «мобилизация», *target* «цель», *trigger* «спусковой крючок», *war* «война» и некоторые другие. Например: *Barbados found itself in the line of fire of the Organization for Economic Co-operation and Development's war against harmful tax completion* [Banker 2006]. Альтернативой военной метафоре является спортивная метафора, позволяющая в известной степени снять отрицательные коннотации и концептуальные векторы агрессивности и ожесточенности, привносимые военными метафорами в экономический дискурс [Алямкина 2010: 14]. Действительно, спортивные метафоры красочно представляют экономическую деятельность как спортивное состязание через систему спортивных понятий типа *heavyweight* «тяжеловес», *jump* «прыжок», *leader* «лидер», *looser* «проигравшая сторона», *marathon* «марафонский забег», *rally* «ралли», *record* «рекорд», *team game* «командная игра», *winner* «победитель» и т. д. Например: *Brussels needs more power over in-country mergers to stop the creation of «national champions»* [Banker 2006]. Среди других образных метафор, которые используют журналисты при описании реалий экономической жизни, можно также выделить медицинские, погодные и гастрономические метафоры. Например: *A number of banks will be unable to withstand the 'mega-competition' without drastic remedial action* [Banker 1997]. *The outlook for the development of the Russian banking services market remains cloudy* [Euromoney 2005]; *For creditors to want to go to the table, Argentina will have to put something more appetizing on it* [Euromoney 2004].

Помимо выполнения образной и оценочной нагрузки в экономическом тексте метафоры также играют важную роль в развитии концептуальной системы экономики. Известно, что метафорическая модель позволяет перенести структуры уже накопленного знания на новые фрагменты действительности. Поскольку регулярно появляющиеся новые экономические понятия и реалии во многих случаях являются слишком абстрактными и сложными для восприятия, они требуют семантизации, основанной на метафорическом переосмыслении базисных понятий человеческого опыта. С другой стороны, при наименовании ряда экономических реалий релевантными могут оказаться более тонкие, завуалированные и не всегда понятные непрофессионалу ассоциации, о чем свидетельствуют примеры типа *domino effect*, *red herring* и *tombstone*.

Возникающие в результате метафорических переносов новые номинации представлены в разных сферах подъязыка экономики с различной интенсивностью. Так, некоторые важные конститuentы лексической системы подъязыка экономики, например, терминосистемы кредитования и бухгалтерского учета отличаются консерватизмом и редко пополняются за счет новых метафорических конструкций. Вместе с тем, наблюдается рост метафоризации экономического лексикона, обслуживающего динамично развивающийся рынок валютно-биржевых и инвестиционных операций. По-видимому, это создает определенные предпосылки для обеспечения профессионального взаимопонимания в условиях усложнения экономической деятельности, а также позволяет оптимизировать профессиональные коммуникации для неопытных участников рынка, в массовом масштабе вовлекаемых в современный экономический процесс.

Особенно важную роль метафорические переносы играют, например, при наименовании участников валютно-биржевого и инвестиционного рынка, при этом общее число таких метафорических наименований оценивается на уровне 70 лексических единиц [Труфанова 2006: 18]. Новые номинации возникают не только благодаря переосмыслению привычных понятий, но и в результате творческой переработки средневекового фольклора и литературных источников. Примером могут служить выражения типа *barefoot pilgrim*, *black knight*, *giant*, *goldbug*, *grey knight*, *sleeping beauty*, *white knight* и некоторые другие. В тематической группе «участники валютно-биржевого и инвестиционного рынка» также представлены интересные слова и выражения, созданные с использованием цветовой и религиозной символики, однако самый большой пласт названной лексики составляют зоонимы, которые лингвисты иногда остроумно называют «биржевой зоологией» [Евстифеева 2007: 14] или «зоопарком» [Свиридова 2010: 107]. В основе таких номинаций лежит метафорическая модель «животное-человек», а соответствующий семантический сдвиг может быть мотивирован стереотипными представлениями о внешнем виде, характере, повадках или ареале обитания того или иного животного.

Классическими зоонимами принято считать английские термины *bear* «медведь» — биржевой дилер, играющий на понижение, и *bull* «бык» — биржевой дилер, играющий на повышение. В данном случае мотивом для метафорического переноса послужили знания человека о том, что медведь подминает противника под себя и давит своей массой, а бык дерется, поднимая противника на рога. Другими известными зоонимами являются *Asian tigers* «быстро растущие азиатские экономики», *fat cat* «состоятельный бизнесмен или пассивный инвестор, живущий на дивиденды или процентный доход», *shark* «рейдер», *watchdog* «регулирующий орган» и др. Интересно, что в последнее время для номинации участников экономической

деятельности стали привлекать названия представителей доисторической фауны. Примером может служить лексема *mammoth*, которая в результате метафорического переосмысления приобрела новое значение «крупное предприятие, выпускающее неконкурентную продукцию или не вписывающееся в современные рыночные условия» по аналогии с размером и неприспособленностью мамонтов к возникшим в результате эволюции новым условиям жизни.

Таким образом, современный подъязык экономики характеризуется достаточно высоким удельным весом метафорических номинаций и построений, что объясняется возрастающей толерантностью и демократичностью профессионального общения в сфере экономики и постепенным отходом от стилистически нейтрального стандарта языкового выражения. Метафора придает образно-экспрессивную окраску публикациям на экономическую тематику, а как когнитивный инструмент участвует в процессе вербализации новых экономических понятий и реалий, в том числе особенно продуктивно в активно развивающихся сферах валютно-биржевых и инвестиционных операций. Рассмотренные в настоящей статье языковые процессы носят весьма устойчивый характер и, по всей видимости, сохраняют свое влияние на ближайшую перспективу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- АЛЯМКИНА А. С. Спортивная и игровая метафора в англоязычном и русскоязычном экономическом дискурсе // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. — Т. 1. — Челябинск: Энциклопедия, 2010. — С. 13—15.
- БОРОДУЛИНА Н. Ю. Метафорическая репрезентация экономических понятий в семиотическом аспекте: автореф. дис... д-ра филол. наук. — Курск, 2009. — 47 с.
- ЕВСТИФЕЕВА М. В. Терминологическая система валютного рынка на современном этапе ее развития: автореф. дис... канд. филол. наук. — М., 2007. — 23 с.
- ЛАПШИНА М. Н. Семантическая эволюция английского слова. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1998. — 159 с.
- ПОНОМАРЕНКО В. А. Фразеологические единицы в деловом дискурсе (на материале английского и русского языков): автореф. дис... канд. филол. наук. — Краснодар, 2007. — 23 с.
- СВИРИДОВА Е. А. Зоонимы в английской экономической терминологии // Современная лингвистическая ситуация в международном пространстве. — Тюмень: РИА «Омега-принт», 2010. — С. 106—109.
- ТРУФАНОВА Н. О. Проблема номинации лиц в финансово-экономической терминологии (на материале русского и английского языков): автореф. дис... канд. филол. наук. — М., 2006. — 26 с.
- BIELENIA-GRAJEWSKA M. The role of metaphors in the language of investment banking // IBERICA. Vol. 17. 2009. — P. 139—156.

Г. А. Калмыкова

G. A. Kalmykova

Ульяновск, Россия dr.kalmykova_g@mail.ru

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КАУЗАЛЬНЫХ СТРУКТУР В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

SYNTAX VARIABILITY OF CAUSAL STRUCTURES IN GERMAN LANGUAGE

Аннотация. Автор рассматривает вариативность синтаксических единиц, синтаксические варианты каузальности в немецком языке.

Abstract. The author determines variability of syntactical units, syntax variants of causal structures in German language.

Ключевые слова: *синтаксическая вариативность; варианты каузальности; казуальные структуры.*

Keywords: *syntax variability; causal variants; causal structures.*

УДК 811.112.2

Вариативность синтаксических единиц основана на асимметричном дуализме языкового знака, определение которого сформулировал в свое время С. Карцевский [Карцевский 1965]. Однако проблема вариативности языковой единицы решалась еще риториками XVIII в. [Олдырева: 18].

На протяжении последних примерно ста лет идут исследования в этом русле в отечественном языкознании. Первоначально вариативность определялась преимущественно в разделе фонологии, однако постепенно это понятие стало входить и в область лексикологии, грамматики, стилистики.

Так в грамматике появился термин, введенный А. М. Пешковским, «грамматические синонимы», которые он рассматривает как значения слов и словосочетаний, близкие друг другу по грамматическому смыслу. А. М. Пешковского и восприемников его идей [Е. М. Галкина-Федорук, Г. И. Рихтер, А. И. Гвоздев, И. М. Ковтунова, В. П. Сухотин, Е. И. Шендельс, В. Н. Ярцева и другие] интересовали средства, в частности, синтаксические средства, имеющиеся в языке для выражения одной и той же мысли. Иными словами, рассматривались различные грамматические конструкции, которые, в конечном счете, служили для того, чтобы передать один и тот же смысл.

А. М. Пешковский членил грамматические синонимы на две группы: а) морфологические и б) синтаксические. Синтаксическая синонимия (по терминологии А. Н. Гвоздева — «синтаксические синонимы» или «параллельные обороты речи») основана на том, что имеет в своей основе единую понятийную схему. Однако сам термин «синоним», на наш взгляд, не дает полного представления о том, как формируются подобные языковые комплексы. Достаточно информативным является термин «синтаксические варианты», поскольку при сохранении единой понятийной основы мы наблюдаем различные синтаксические конструкции. Это так называемые переменные единого инварианта. «Сущность языковой переменной состоит в том, что она участвует в определенном языковом процессе, а именно процессе выбора говорящим одного из конкурирующих в его репертуаре вариантов, как оптимального для данной речевой ситуации. В ходе этого выбора говорящий как бы перебирает все варианты, и, с одной стороны, сличает их с вариантом-эталоном, с другой — сличает реальную речевую ситуацию с ситуацией-эталоном» [Бродович: 5—6]. Высказанную Бродович О. И. мысль подтверждают и наши исследования, проведенные на материале немецкого языка. Мы исследовали каузальные структуры в различного типа текстах. Результатом нашей работы стало формирование функционально-семантического поля каузальности в немецком языке [Калмыкова 1994, 2007].

Синтаксическими вариантами единой понятийной категории каузальности являются в первую очередь сложноподчиненные предложения. К ним относятся сложноподчиненные предложения причины:

Außerdem erübrigen sich alle Spekulationen, **weil** sich mein Vater nicht reinreden läßt». [Alexi: 7]

Wir gehen gern spazieren, **weil** das Wetter schön ist.
следствия:

Aber lieb ist mir doch Nussknacker gar zu sehr, weil er so komisch ist und doch so gutmütig, und darum muss er gepflegt werden. [Hoffmann: 268]

условия:

Wenn du das Geschirr fertig hast, kannst du bis um sechs freihaben.
[Welsh: 24]

цели:

Der kleine Muck bedachte nun ernstlich, was er wohl anfangen könnte, um sich ein Stück Geld zu verdienen. [Hauff: 357]

уступки:

Aber obgleich sie ganz nahe schien, konnte er sie erst gegen Mittag erreichen. [Hauff: 351]

Каждый из этих пяти типов предложений имеет свои синтаксические варианты. Остановимся на двух самых распространенных: причины и усло-

вия. Сложноподчиненные предложения причины могут маркироваться не только союзом *weil*, но и союзом *da*. Ещё одним вариантом является структура с союзами *weil/da* и коррелятом *so*. Вариантами союзов *weil/da* служат и некоторые связки. Так, *zumal (da)* и *um so mehr als* могут присоединять фактическое основание. Й. Эрбен приводит пример использования *wo doch* для введения придаточного предложения причины в разговорной речи.

Wo die Kinder doch so brav waren, sollten wir es eigentlich erlauben.

[Erben: 140]

В микрополе причины входят не только предложения с *weil* и *da* и их вариантами, но и сложносочиненные предложения с союзом *denn*, которые также однозначно выражают причинно-следственные отношения. Некоторые лингвисты, в частности Э. Хенчель и Г. Вайдт [Hentschel, Weydt 1990], относят подобного рода предложения к каузальным предложениям. Несмотря на то, что по своей форме (относительная независимость частей предложения), структура с *denn* традиционно относится к паратаксису, семантика союза *denn* оказывает влияние на все предложение в целом. Н. Стоянова считает, что в логическом плане причинно-следственные отношения можно отнести к несимметричным отношениям, имеющим черты гипотаксиса [Stojanova: 93]. Анализ предложений с союзом *denn* показывает, что они обладают семантическим потенциалом каузальности и могут быть отнесены к пограничной области гипо- и паратаксиса.

Синонимами союза *denn* служат корреляты следствия *ja, doch, nämlich*, придающие второму предложению гипотаксиса значение разъяснения, схожего с обоснованием.

Er besucht den Kranken täglich. Er ist nämlich (как указание на что-то совсем известное — *ja*, или еще более эмоциональное — *doch*) *sein Bruder.*

[Erben: 129]

Утверждение, имеющее значение общеизвестного положения, сопровождается *eben* или *halt*, что также придает структуре причинно-следственную коннотацию.

Jetzt regnet es täglich. Es ist eben (halt) April. [Erben: 129]

Словами, которые не вводят причину, но реверсивно указывают на нее, являются местоименные наречия *dacher, darum, deshalb, deswegen*.

Aber lieb ist mir doch Nussknacker gar zu sehr, weil er so komisch ist und doch so gutmütig (причина), *und darum muss er gepflegt werden.* [Hoffmann: 268]

Сложноподчиненные предложения условия также являются синтаксическими вариантами понятийной категории каузальности, поскольку в них проявляются отношения *условия* — *следствия*. Базовой синтаксической структурой является структура маркируемая *wenn*. Её вариантом, как и в случае с *weil* является предложение с коррелятом *so*. Формула *wenn A,*

so B имеет две разновидности: *falls A, so/dann B* и *A, so/dann B*, которые, в свою очередь, могут варьироваться: *angenommen [dass], im Falle dass, vorausgesetzt dass, sofern, wo [fern]/wo nicht*.

... wenn er Schätze finde, dachte er, werden ihm die Herren schon geneigter werden. [Hauff: 360]

Степень условия может быть различной. Так *фактически возможное условие* эксплицируется всегда изъявительным наклонением.

— ... wenn ich an die alten Zeiten zurückdenken will, so kommen gleich mächtigere Gedanken dazwischen... [Novalis: 38]

В этом случае может быть использован коррелят *sonst*, стоящий в главном предложении, который также в поверхностной структуре маркирует фактически возможное условие придаточного предложения.

Jetzt war sein Schicksal entschieden, jetzt musste er entfliehen, *sonst* schlug ihn die Alte tot. [Hauff: 354]

Реальное или фактическое условие нельзя объединить знаком равенства с выполнимостью условия, «оно может быть как осуществленным, так и неосуществленным» [Hartung: 356].

Wenn du das Geschirr fertig hast, kannst du bis um sechs freihaben.

В данном предложении следует рассматривать два варианта осуществления. Первый эксплицирован, второй же находится в подтексте, но легко прочитывается. Во втором случае предложение приобретает негативный смысл:

Wenn du das Geschirr *nicht* fertig hast, kannst du bis um sechs nicht freihaben.

Неосуществленность условия имеет некоторые семантико-синтаксические особенности. Она связана не только с *nicht*, но и с наличием в условном предложении определенных наречных ограничений условия: *auch, selbst, nur*.

Wenn nur du das Geschirr fertig hast, kannst du bis um sechs freihaben. (Необходимое условие)

Selbst wenn du das Geschirr fertig hast, kannst du bis um sechs nicht freihaben. (Недостаточное условие)

Auch wenn du das Geschirr fertig hast, kannst du bis um sechs nicht freihaben. (Недостаточное условие)

Наличие *dann* в главном предложении сложноподчиненного предложения условия, стоящем на первом месте, приближает условие к фактическому основанию.

Du kannst dann bis um sechs freihaben, wenn du das Geschirr fertig hast.

Гипотетически возможное условие эксплицируется конъюнктивом.

... wenn er Schütze finde, dachte er, werden ihm die Herren schon geneigter werden. [Hauff: 360]

... wenn Ihr mit dem Husarenregiment zu ihm kommen wollet, wolle Er Euch zum Stadthalter des ehrlichen Landes machen... [Brentano: 111]

Особый случай представляют условные основания, когда они эксплицируются предложениями, заключающими в себе вопрос, какое-либо желание, просьбу, а также требование.

... aber lass es uns einmal in die Weite versuchen, dann wollen wir sehen, wer gewinnt! [Tieck: 54]

Мы рассмотрели синтаксические варианты каузальности на примере двух типов сложноподчиненных предложений. В любом языке существует достаточное количество вариантов для репрезентации той или иной понятийной категории. С чем это связано? В первую очередь с тем, что разного рода ситуации требуют различных способов выражения одной и той же понятийной категории. Во-вторых, каждый имеет свою индивидуальную картину мира, в которой преобладают определенные способы языкового выражения. «Говорящий субъект, выступающий координатором между языковым знаком и мыслительным понятием, вкладывает в произносимое слово не только социально и национально обусловленный смысл, но и свою «душу», другими словами, собственное переживание и силу собственного опыта. В этой связи можно говорить о наличии у каждого человека индивидуальной КМ (картины мира)» [Ганюшина 2007:12]. И, наконец, в третьих, для каждого языка характерны свои способы репрезентации и своё количество синтаксических вариантов, но «в силу единой логико-понятийной базы, совокупности ментальных универсалий и универсально-предметного кода происходит взаимопонимание между людьми разных национальностей. Различие же формируется в результате развития, конкретизации и детализации каждым этносом универсальной логико-понятийной основы» [Ганюшина 2007: 10].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- БРОДОВИЧ О. И. Способ представления инварианта языковой переменной / Константность и вариативность языковых единиц // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Вып. 6. — Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1989. — С. 3—7.
- ГАНЮШИНА М. А. Символика константных и вариативных черт в языковой картине мира (на материале английского и русского языков): автореф. дисс... канд. филол. наук. — М., 2007. — 22 с.
- КАЛМЫКОВА Г. А. Семантико-синтаксическая единица импликации и способы ее вербализации: автореф. дис... канд. филол. наук. — Н. Новгород, 1994.
- КАЛМЫКОВА Г. А. Структура каузальности. — Ульяновск: УлГПУ, 2007.
- КАРЦЕВСКИЙ С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. — М.: Просвещение, 1965. — С. 85—19.

- ОЛДЫРЕВА Л. П. Проблема вариативности языковой единицы в английских риториках XVIII века / Константность и вариативность языковых единиц // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Вып. 6. — Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1989. — С. 12—18.
- ALEXI M. Schatz, was wäre ich ohne dich? / BASTEI-Verlag: Bergisch Gladbach, Band 576.
- BRENTANO C. Das Märchen von dem Myrtenfräulein / Deutsche romantische Märchen, Moskau: Progress, 1980. — S. 79—98.
- BRENTANO C. Das Märchen von dem Baron von Hüpfenstich / Deutsche romantische Märchen, Moskau: Progress, 1980. — S. 99—132.
- ERBEN J. Abriss der deutschen Grammatik. — Berlin: AkademieVerlag, 1962.
- HARTUNG W. Die bedingenden Konjunktionen der deutschen Gegenwartssprache // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Halle, 1964. — S. 350—387.
- HAUFF W. Die Geschichte von dem kleinen Muck / Deutsche romantische Märchen, Moskau: Progress, 1980. — S. 345—370.
- HENTSCHEL E., WEYDT H. Handbuch der deutschen Grammatik. Berlin, 1990.
- HOFFMANN E. T. A. Der goldene Topf / Deutsche romantische Märchen, Moskau: Progress, 1980. — S. 133—250.
- NOVALIS. Das Märchen von Hyazinth und Rosenblüte / Deutsche romantische Märchen, Moskau: Progress, 1980. — S. 33—40.
- STOJANOVA N. Zur Problematik der denn-Saetze // DaF, 1987, N 2. — S. 93—97.
- TIECK L. Die Elfen / Deutsche romantische Märchen, Moskau: Progress, 1980. — S. 49—78.
- WELSH R. Johanna. // Reinbek, 1982.

Н. Г. Кантышева

N. G. Kantysheva

Тюмень, Россия, nkantysheva_@mail.ru

**КОНЦЕПЦИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО
ГЛОССАРИЯ «ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АУДИТ»
THE ELECTRONIC TERMINOLOGY GLOSSARY'S
CONCEPT "ECOLOGICAL AUDIT"**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о создании терминологического глоссария для специалистов области экологического аудита.

Abstract. The question of electronic terminology glossary creation for specialists in the environmental audit is raised.

Ключевые слова: электронный терминологический глоссарий, экологический аудит.

Keywords: the electronic terminology glossary, the environmental audit.

УДК 81'33

Проектирование словарного продукта по отраслевой дисциплине способствует упорядочению и систематизации понятийно-терминологического аппарата, повышению уровня подготовленности к профессиональной деятельности потенциальных пользователей словаря.

Актуальность разработки глоссария заключается не только в теоретическом осмыслении терминологической лексики экологического аудита с позиции единой системы взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, объединяющей целый ряд отраслей, но и в лексикографическом описании данной терминологии, что позволяет специалистам устанавливать взаимовыгодные контакты и обеспечивать адекватную коммуникацию. Глоссарий выполнен в электронной форме, что обеспечивает эффективную оптимизацию макро- и микроструктурных параметров глоссария.

Адресатом глоссария являются отраслевые специалисты области экологического аудита, а также лингвисты и переводчики.

Методы лексикографического описания. При составлении словника для глоссария использован метод сплошной выборки терминов из корпуса текстов выборочной совокупности. Метод логико-понятийного моделирования обеспечил объективные основания для выделения полей, отражающих системность в презентации терминов. Метод категориального моделирования позволил выстроить понятийную иерархию по принципу от общего к частному. Категориальные понятия были использованы нами для построения краткого классифицирующего определения термина в процессе составления словарной статьи.

Языковой материал. Терминологический корпус глоссария включает наименования понятий предметной области «экологический аудит». Основным языком является русский, дополнительно даны переводные соответствия на немецком и английском языках (из аутентичных текстов ГОСТов соответствующих языков).

В основе электронного систематизирующего глоссария «Экологический аудит» лежат следующие *концептуальные положения*:

1. Макро- и микроструктура (композиционные параметры) глоссария строятся по законам гипертекста;
2. Цифровой формат представляет ряд технических возможностей для реализации средств лексикографического описания, задаваемого спецификой терминологической лексики экологического аудита;

3. Глоссарий относится к словарям «открытого» типа, что позволяет регулярно обновлять и корректировать его информацию.

Типологические параметры глоссария. Современное «словаростроение» характеризуется возросшим потоком всевозможных словарей и чрезвычайным увеличением их разнообразия [Караулов 1981: 37]. Это разнообразие представлено в не менее разнообразных классификациях словарных продуктов. Необходимым условием успешной научной межъязыковой коммуникации в настоящее время является наличие комбинированных словарей, объединяющих черты сразу нескольких лексикографических форм [Карпова, Коробейникова 2007: 12]. Важными свойствами современных лексикографических продуктов, на наш взгляд, являются:

— *избирательность*, предполагающая строгий и целенаправленный отбор терминов, подлежащих включению в словарь, ориентацию на минимальный объем словаря, необходимый и достаточный при изучении данной дисциплины, поскольку в словаре «должен быть воплощен основной лексикографический принцип: максимум информации на минимуме места — без ущерба для интересов читателя» [Берков 1996: 4]; Исходный список слов должен быть, с одной стороны, минимальным, с другой стороны, достаточным. Данное условие будет выполняться при использовании количественных параметров для отбора тематически наиболее существенных терминов;

— *систематичность*, состоящая в показе смысловых связей, в четком соотнесении термина с другими словами, в ориентации на упорядоченное, систематизированное представление понятийного аппарата дисциплины.

— *полнота представления сведений*, отражающая степень охвата понятийного аппарата, необходимого для обеспечения полноценной подготовки специалиста;

— *многофункциональность*, то есть способность выполнять одновременно универсальные функции словаря — справочную, систематизирующую, учебную и нормативную.

Примером такого типа является разработанная нами модель электронного систематизирующего глоссария «Экологический аудит», интегрирующего в себе *параметры* различных типов словарей:

- *толкового* (значение терминов толкуется с помощью логического определения концептуального значения; дополнительное толкование осуществляется посредством подбора синонимов/дублетов или в форме указания на отношение к другому термину);

- *отраслевого терминологического* (описана терминология отрасли экологического аудита);

- *переводного* (термины сопровождаются переводными соответствиями на немецком и английском языках);
- *идеографического* (представлены понятийные отношения между терминами внутри терминосистемы на основании логико-понятийной и категориальной классификаций; входы в словарь также обозначают отношения между понятиями);
- *энциклопедического* (в словарную статью включены экстралингвистические данные о терминах: примечания, комментарии различного рода);
- *нормативного* (фиксируется нормативное употребление терминологических единиц в ГОСстандартах) в глоссарий включается предпочтительный вариант термина);
- *учебного* (формируется профессиональный тезаурус специалиста);
- *электронного* (глоссарий выполнен в цифровом формате).

Систематизация терминов в глоссарии «Экологический аудит» достигается при условии использования комплексного подхода, соблюдения логических, лексикографических и языковых принципов на уровне макро— и микроструктуры словаря и реализуется в системном описании лексики, демонстрации парадигматических связей единиц; упорядочении языкового материала в аспекте внешнего и внутреннего структурирования; гнездовом расположении материала; возможности выхода в ходе пользования на разные уровни иерархии структуры.

Многопараметровость и многоаспектность проектируемого словаря обусловлена позицией комплексного подхода к изучаемой дисциплине. Полученная в результате исследования модель систематизирующего глоссария может стать универсальной базовой основой для создания полного словаря по экологическому аудиту.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- БЕРКОВ В. П. Двухязычная лексикография. — СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1996. — 248 с.
- КАРАУЛОВ Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. — М.: Наука, 1981. — 366 с.
- КАРПОВА О. М., Коробейникова О. В. Словари языка писателей и цитат в английской лексикографии. — М.: Изд-во МГОУ, 2007. — 213 с.

И. И. Колесниченко

I. I. Kolesnichenko

Ульяновск, Россия, NIrishka@yandex.ru

**ИСТОЧНИКИ ПОПОЛНЕНИЯ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
THE VOCABULARY SUBSTANDARD ADDING SOURCES
IN GERMAN**

Аннотация. Причины неоднородности лексического состава разговорных текстов. Причины притягательности несалонной лексики. Неологизация современного немецкого языка.

Abstract. The causes of peculiarity of lexical structure of the colloquial texts. The causes of the possession of the nonsalon vocabulary. The usage of neologism in the modern German language.

Ключевые слова: разговорная лексика; англизация немецкой разговорной речи; табуированная и нецензурная лексика; демократизация языка; ПК продукция.

Keywords: colloquial vocabulary; Anglicism in German colloquial speech; taboo and obscene words; democracy in the speech; computer production.

УДК 811.112.2

Неоднородность лексического состава разговорных текстов, в которых можно встретить, прежде всего, слова, связанные с повседневной жизнью, бытом: *Löffel* «ложка», *Kochtopf* «кастрюля», *Besen* «веник»; слова, имеющие ярко выраженный сниженный оттенок: *bleuen* «мутузить», *einbringen* «вкалывать» «выкладываться», *Flederwisch* «живчик»; слова стилистически нейтральные, составляющие основной словарный фонд современного литературного языка: *arbeiten* «работать», *sich erholen* «отдыхать», *jung* «молодой», *jetzt* «сейчас», *nie* «никогда»; специальную терминологическую лексику и отдельные жаргонные вкрапления, приводит к тому, что возникает ряд затруднений при попытке дать четкую дефиницию как понятию «разговорная/сниженная лексика», так и понятию «разговорность» вообще. Существуют следующие дефиниции данных понятий:

«Разговорность» — это традиционное, весьма условное и собирательное название того, что противопоставлено идеально правильному, непогрешимому образцово-показательному культурному стандарту. Отступление от этой эталонности может быть разной степени — минимальным (без нарушения литературности), среднесниженным, заметным

© Колесниченко И. И., 2011

(фамильярный слой) и значительным (грубая и вульгарная лексика) [Девкин 1994: 12].

Разговорная лексика понимается как самая близкая к нейтральной в противопоставленности фамильярной, сильно сниженной — такая интерпретация, по мнению В. Д. Девкина, является характерной для лексикографической практики.

Разговорно-окрашенная лексика отличается от нейтральной своей некоторой сниженностью (оценочного, этического и эстетического порядка) и типична для неофициальной среды общения [Девкин 1994: 12].

Н. И. Гез, характеризуя разговорный регистр, относит к нему как лексику нейтрального или общеупотребительного стиля, так и слова с эмоционально экспрессивной окраской (ласкательные, бранные, иронические, шуточные и т. д.) [Гез 1974: 74].

Таким образом, мы можем отметить несколько общих положений:

- 1) разговорная лексика противопоставлена литературному языку;
- 2) между лексическим составом литературного и разговорного языка существуют явления переходности и взаимопроникновения;
- 3) разговорная лексика функционирует в быту, в стихии свободного общения, вне официальных норм языка.

Не в последнюю очередь с проблемой ускоренного темпа развития информационных технологий (большинство компьютерных программ издаются на английском языке) связана проблема англизации немецкой разговорной речи. Это привело даже к появлению шуточных терминов «Denglish» (компонатив «deutsch» + «english») и «Germeng» («german» + «english»). По последним данным, в немецкий язык перешло приблизительно 4000 заимствованных слов из английского языка и его американского варианта. Английский язык, ставший языком интернет-общения, активно используется не только молодым поколением, но и на телевидении, в прессе. Процесс заимствований усилился настолько, что словари не успевают фиксировать все изменения в языке.

Второй важной причиной употребления жаргона (и сниженной лексики внутри последнего как таковой) является стремление коммуникантов к выразительности, зачастую невозможной при использовании литературной лексики. Также жаргоны используются и для забавы. Их возникновение не связывается с особой необходимостью в этом, в них отсутствует секретность или условность.

Но наибольшей экспрессивной окраской в любом языке обладает табуированная лексика. Частота употребления последней в разговорной речи значительно выше, чем в остальных возрастных группах, а в последнее время заметен явный подъем частотного числа бранных выражений от общего числа употребляемых лексических единиц, что вызывает значительное беспокойство европейской общественности [Галино Т. Дж. 2003: 4].

В настоящее время происходит легализация данной лексики, которая, в конце концов, идет параллельно с общей демократизацией языка. Что было сильно сниженным, становится фамиллярным, фамиллярное превращается в разговорное, а разговорное переходит в нейтральный пласт словаря.

Несалонная лексика неоднородна. То, что вызывает отрицательную оценку, может быть представлено словами вполне литературными и нелитературными (*разгов.*, *фам.*, *бран.*, *вульг.*, *неценз.*). По этическому измерению нецензурная лексика занимает последнюю, самую низшую ступень.

В чем же все-таки притягательная сила данной лексики? Причин здесь несколько. Не в последнюю очередь занимает ее утилитарность, удобство, доступность, простота и даже гибкость. Степень этико-эстетической сниженности способствует интенсификации признака, заложенного в значении слова. С нагнетанием грубости, неприличности повышается степень выраженного словом свойства. Данная лексика может служить для эмоциональной разрядки.

Психологи считают, что во многих случаях «выругаться» — полезно для здоровья. Еще Ф. Ницше заметил, что фрустрация порождает в человеке чувство агрессии и аффекты [Ницше Ф. 1997: 300]. И если человек не дает волю своим накопившимся эмоциям, своей злости, ненависти, гневу или подавляет в себе досаду, то это может привести его к психическим заболеваниям, которые в свою очередь могут спровоцировать заболевания таких жизненно важных органов как сердце, желудок, желчный пузырь и т. д.

В тоже время некоторые ругательства, не подкрепленные ярким эмоциональным выражением ругателя, могут быть восприняты в шутку, не со зла. Т. Дж. Галино уверен, что употребление бранной лексики происходит чаще всего «из любви к искусству», т. е. только потому что людям нравится ругаться, выражая таким образом грубую и не всегда уместную, но иронию [Галино Т. Дж. 2003: 4].

Говоря об общих особенностях разговорной речи, было упомянуто о том влиянии, какое оказывает на современный немецкий язык и, особенно на речь молодежи англоязычная ПК продукция и развитие web-коммуникаций. При столь активном влиянии иноязычной культуры одним из основных источников пополнения регистра сниженной лексики остаются заимствования. Лидирующие позиции здесь занимают заимствования из английского языка:

konnackten «соединять/ся (с помощью электронных средств связи)»,

auf Double-Timer «правильно распределив свое время»,

faxen «совершать глупости»,

Lessness «искусство из малого получать многое»,

Looser «ненадежный человек»,

Mega-Deal «большой бизнес и одновременно большая, хорошая вещь»,
Mc-Job «непрестижная, низкооплачиваемая работа»,
hi-heissen «зваться (об имени, употребляемом при приветствии)»,
Hunk «проблемный субъект»,
harryenden «хорошо заканчивать/ся»,
Antibabypille «противозачаточные средства»,
Handy «сотовый телефон» и т. д.

Почти полностью потеряли свою актуальность итальянский и французский языки. Практически все лексемы французского и итальянского происхождения, используемые на сегодняшний день, были заимствованы в конце девятнадцатого — в начале двадцатого века: *der Louis* «сутенер», *bisirieren* «содомировать», *die Razzia* «облава», *Vambino* «детка» — и относятся уже к «высокому слогу» внесалонной лексики.

Вторым по значимости источником пополнения регистра разговорной лексики является словообразование. По мнению В. Д. Девкина, разговорное словообразование практически не располагает своим собственным арсеналом средств и сколько бы то ни было значительной избирательностью словообразовательных типов [Девкин 1994: 16]. Однако, именно «неразборчивость в средствах» (вольное словообразование), а не наличие собственных средств являются отличительной чертой народного словотворчества, его фирменной маркой. Так зачастую заимствованная лексика, являвшаяся в исходном языке нейтральной и перешедшая в принимающий язык без переосмысления понятия или с расширением/сужением понятия, приобретает разговорную окраску ввиду звукового онемечивания или фонологической германизации (средство, которого литературный язык старается избегать):

Monnis < англ. *money* «деньги»,
Workman < англ. *workman* «рабочий»,
worken/worken < англ. *to work* «работать»,
konnackten < англ. *to connect* «соединяться».

Здесь налицо фонологизация по принципу: «Говори и пиши так, как слышишь ты сам».

Наряду с онемечиванием заимствованных лексем наблюдается и обратный процесс, связанный с таким средством словообразования как «словоискажение» или лексическая мутация:

laschi «ленивый, скучный» < *lasch* «вялый, ленивый»,
alleinsam «одинокий» < *allein* «один» и *einsam* «одинокий».

Все приведенные выше примеры наряду с лексической мутацией иллюстрируют и такую словообразовательную возможность как «творческая

словоигра» (kreatives Wortspiel). В большей мере сюда относятся слова, образованные не по какой-либо словообразовательной модели (с нарушением семантической сочетаемости или же при транспозиции), а спонтанные фонологические уподобления (а иногда и ошибки-оговорки), ввиду своей неожиданной оригинальности закрепившиеся в языке:

labundig «живой» < *lebendig* «живой»,

hoppeldihopp «быстро, оп-оп» < *horpen* «прыгать» и *hopp* «гон».

Во всех случаях можно говорить о неологизации, которая позволяет говорящему (изначально — автору) выделиться, показать свою оригинальность. Ряд неологизмов в современной разговорной речи довольно широк:

Halbbomber «полоумный», *Proggi* «прога, программа».

По изменению значения можно выделить следующие варианты:

1) полное изменение значения (семантическая вариация):

Massage «драка, удар», *Melone* «голова»;

2) расширение значения: *cool* «спокойно, расслабленно, очень хорошо», *schorpen* «делать покупки, употреблять алкоголь»;

3) сужение значения: *Looser* «ненадежный человек», *Mega-Deal* «большая, хорошая вещь».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

ГАЛЛИНО Т. Дж. Маг из любви к искусству. — 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grammar.ru>.

ГЕЗ Н. И. Устная речь // Очерки по методике обучения немецкому языку. (Для педагогических вузов): Учебное пособие / под ред. И. В. Рахманова. — М.: Высшая школа, 1974. — С. 50—97.

ДЕВКИН В. Д. Специфика словаря разговорной лексики // Немецко-русский словарь разговорной лексики — М.: Русский язык, 1994. — 768 с.

НИЦШЕ Ф. Человеческое, слишком человеческое; Веселая наука; Злая мудрость. — Минск: Попурри, 1997. — 656 с.

С. В. Колтунова

S. V. Koltunova

Белгород, Россия, svkoltunova85@yandex.ru

ПАДЕЖНАЯ ПАРАДИГМА В ГРАММАТИКЕ СЕЗАРА УДЕНА (1612)

THE CASE PARADIGM IN CÉSAR OUDIN'S GRAMMAR (1612)

Аннотация. В помощь желающим изучать испанскую лингвистическую мысль. Научное наследие французского грамматиста Сезара Удена (ок.1560—1625). Описание категории падежа в грамматике.

© Колтунова С. В., 2011

Abstract. To help people studying Spanish linguistic thought. The scientific heritage of French grammarian César Oudin (app. 1560—1625). The description of the case category in grammar.

Ключевые слова: грамматика; части речи; грамматическая категория; категория падежа; падежная парадигма; склонение; латинская грамматическая традиция.

Keywords: grammar; parts of speech; grammatical category; case category; case paradigm; declension; Latin grammar traditions.

УДК 811.133.1

Европейская грамматическая традиция XVI—XVII вв. немыслима без выдающихся ученых А. Небрихи, Л. Мегре, Санчеса, Р. и А. Этьенов, Скалигера, П. де ла Раме и многих других авторов. В этот период появились грамматические описания романских языков, в том числе испанского языка, после завершения Реконкисты получившего широкое распространение не только на территории Пиренейского полуострова, но и за его пределами. Желание иностранцев изучать испанский язык побудило ученых создать специальные грамматические описания, раскрывавшие суть грамматических явлений этого языка. К числу таких работ относится грамматика французского ученого Сезара Удена (ок. 1560—1625).

Как сообщает биограф Удена М. Зуили, сведений о жизни и научном наследии этого французского грамматиста не так много. Прежде всего, Уден известен как первый переводчик первой части романа Сервантеса «Дон Кихот» (1614). Прекрасное владение не только испанским, но и немецким и итальянским языками позволило Удену работать секретарем-переводчиком при французских королях Генрихе IV и Людовике XIII. Особая заслуга этого ученого состоит в том, что он заботился об обучении своих соотечественников испанскому языку. С этой целью он сначала опубликовал в 1597 г. «Grammaire espagnolle expliquée en françois», первоначально названную «Grammaire et observations de la langue espagnolle recueillies et mises en françois». В свое время она пользовалась огромной популярностью, что подтверждают ее многочисленные переиздания (более двадцати). Кроме того, о ее популярности говорит и то, что она была переведена на латинский (1607) и английский (1622) языки. За грамматикой последовал двуязычный сборник диалогов «Diálogos en español y francés» (1604), включивший помимо восьми диалогов испано-французский тематический словарь, и ставший образцовой работой по лексикологии XVII в. двуязычный словарь под названием «Tesoro de las dos lenguas española y francesa» (1607). Для желающих усовершенствовать свой испанский Уден издал сборник испанских пословиц, сопровождавшихся французским пе-

реводом, «Refranes o proverbios castellanos traduzidos en lengua francesa» (1605). Однако истинное педагогическое мастерство французского ученого проявилось в редакторской правке таких французских литературных произведений, как «La conversion d'Athis et de Chloride. La conversion de Atis y Clórida» (1608) и «Les Épistres morales et consolatoires. Cartas morales y consolatorias» (1610), которые написали Николая Бодуэн и Антуан де Нербез соответственно, и анонимное «Le jugement de Pâris. El juyzio de Paris» (1612), — которые Уден снабдил подстрочным переводом на испанский язык. Такой методический прием призван был помочь начинавшим французам и всем, увлекавшимся испанским языком, лучше понять содержание испанского текста, ведь рядом был представлен перевод на родной язык. Последователем Сезара Удена стал его сын, лексикограф и грамматист Антуан Уден, благодаря которому стали возможны неоднократные переиздания работ его отца [Zuili 2005; Zuili].

В грамматике Удена дается описание фонетических, грамматических и лексических особенностей испанского языка. Раздел о грамматических особенностях испанского языка посвящен частям речи: артиклю (*article*), имени (*nombre*), местоимению (*pronom*), глаголу (*verbe*), герундию (*Gerondif*), причастию (*Participe*), наречию (*Aduerbe*), предлогу (*Preposition*), союзу (*Conionetion*) и междометию (*Interieetion*), и грамматическим категориям каждой из них. Среди грамматических категорий склоняемых частей речи (артикля, имени, местоимения, причастия) особого внимания заслуживает падеж, поскольку, с одной стороны, языковая реальность свидетельствовала о его отсутствии в испанском языке, а с другой, он находил свое отражение во всех грамматиках указанного периода. Рассмотрим, как описана категория падежа в грамматике французского ученого Сезара Удена.

Анализ грамматики показывает, что существенное влияние на падежную парадигму, получившую отражение в работе Удена, оказывает греко-латинский канон. Французский ученый сохраняет то количество и ту последовательность падежей, которые были созданы еще в эпоху эллинизма. Шесть классических падежей автор называет не испанскими, а французскими терминами: *nominatif*, *genitif*, *datif*, *accusatif*, *vocatif*, *ablatif* [Oudin 1612: 15]. Таким образом, грамматист показывает, что выбор родного языка при описании грамматических правил и терминов не мешает изучению испанского, ведь они восходят к латыни.

Как известно, в латинском языке флексии выступали отличительным признаком падежного словоизменения. В своей грамматике вместо флексий Уден предлагает служебные слова, которые помогают различать падежи. Однако он не является новатором этих средств, а заимствует их у своих предшественников, как испанских, так и французских грамматистов. К

таким служебным словам ученый относит предлоги *de* — для генитива и аблатива, *al à* — для датива и аккузатива, а для вокатива — наречие *o*.

Из грамматики Удена следует, что, падежная парадигма склоняемых частей речи (артикля, имени, местоимения и причастия) представлена по-разному. Рассмотрим особенности каждой из них. Падежная парадигма как артиклей мужского и женского родов единственного и множественного числа, так и артикля *lo* представлена без вокатива, что наглядно показано в следующем примере, в котором при слитном написании предлога *de* и артикля *el* происходит элизия, в результате которой сокращается одна гласная *e*:

	<i>Singulier</i>	<i>Plurier</i>
<i>Nom.</i>	<i>el</i>	<i>los</i>
<i>Gen.</i>	<i>del</i>	<i>de los</i>
<i>Dat.</i>	<i>al</i>	<i>a los</i>
<i>Accuf.</i>	<i>el,</i>	<i>al los σ à los</i>
<i>Ablat.</i>	<i>del</i>	<i>de los</i> [Oudin 1612: 9].

Более подробное рассмотрение падежной парадигмы представлено при описании имени — части речи, которую согласно требованиям канона грамматического описания Уден разделяет на существительные (*Substantifs*) и прилагательные (*Adiectifs*), а затем подразделяет существительные на собственные (*Propres*) и нарицательные (*Communs, appellatifs*). К именам грамматист также относит отыменные (*denominatifs*), уменьшительные (*diminutifs*) и числительные (*numeraux*), из которых пример падежного словоизменения приведен только с именем отыменным, представленным формами *el valerofo, la valerofa, los valerofos, las valerofas, lo valerofo*. Рассмотрим склонение имени отыменного мужского и женского рода единственного числа:

	<i>Masc.</i>	<i>Sing.</i>	<i>Fem.</i>
<i>Nom.</i>	<i>El Valerofo,</i>		<i>la valerofa.</i>
<i>Gen.</i>	<i>del valerofo,</i>		<i>de la valerofa.</i>
<i>Dat.</i>	<i>al valerofo,</i>		<i>à la velerofa.</i>
<i>Accuf.</i>	<i>el valerofo,</i>		<i>la valerofa.</i>
<i>Vocat.</i>	<i>ô valerofo,</i>		<i>ô valerofa.</i>
<i>Ablat.</i>	<i>del valerofo,</i>		<i>de la valerofa</i> [Oudin 1612: 22].

Из примера видно, что в аккузативе имя стоит без предлога *a*, о котором упоминал сам автор грамматики. Дальнейшее изучение примеров, иллюстрирующих склонение имени, показывает, что предлог *a* в аккузативе может использоваться только с существительными, как собственными, так и нарицательными (только одушевленными, хотя ученый не учитывает этот признак при классификации имен), при этом допускается два варианта: с

предлогом *a* и без него. Во всех остальных случаях имена в accusative стоят без предлога *a*. Кроме того, неодушевленные имена, как *el pan, el reloj* в грамматике Удена представлены без вокатива.

После описания имени Уден останавливается на местоимениях, которые разделяет на изначальные или личные (Primitifs), производные (Derivez) или указательные (Demonstratifs), притяжательные (Possessifs), относительные (Relatifs), вопросительные (Interrogatif), совпадающие по форме с относительными, и возвратные (Reciproques), и приводит для каждого из них пример падежной парадигмы. Рассмотрим особенности падежного словоизменения каждого класса.

К личным местоимениям ученый относит местоимения первого лица *yo, nos* и *nosotros*, второго — *tu, vos* и *vosotros*, и третьего — *de fi*. Все эти местоимения склоняются практически одинаково, с незначительными расхождениями. Так, местоимение *de fi* не имеет формы номинатива, а вокатив присутствует только при *tu, vos* и *vosotros*. Заметим также, что формы *yo* и *tu* соответствуют только номинативу и вокативу (для *tu*), при дальнейшем склонении они меняются на *mi* и *ti* соответственно. Привлекает к себе внимание accusative, для которого Уден ранее предлагал предлог *a*, применительно к местоимениям допускает употребление предлога *por*. Вариативность предложных форм *a/por* в accusative свидетельствует об отсутствии жестких норм в именной группе в испанском языке того времени. Кроме того, в accusative личные местоимения имеют по две формы: предложную *por mi, por ti, por fi* и беспредложную *me, te, fe*. В ablativе снова наблюдается вариативность: с местоимением *fi* наряду с предлогом *de* стоит предлог *para*, который расширяет смысловые границы этого падежа.

Склонение всех притяжательных местоимений дается однотипно, что позволяет автору представить каждый падеж с разным притяжательным местоимением, например, в номинативе французский грамматист записывает местоимения *el mio, la mia, lo mio*, а в генитиве — *del tuyo, de la tuya, de lo tuyo* и так далее. В accusative Уден использует притяжательные местоимения без предлога *a*, однако указательные и относительные местоимения наделяет двумя равнозначными вариантами: с предлогом *a* и без него.

Наблюдаемая в падежной парадигме артикля элизия находит свое отражение и в падежной парадигме указательных местоимений, начинающихся с гласной *e*, которые в генитиве и ablativе автор записывает слитно с предлогом *de*: *defte, deffos* и так далее, хотя отдельное написание *de este, de estos* Уден не исключает. Возвратные *me, te, fe*, по мнению французского ученого, не склоняются, что объясняется существованием форм лишь для датива.

К склоняемым частям речи грамматист также относит причастие. Однако падежная парадигма причастия представлена в грамматике Удена имплицитно, без описания особенностей склонения этой части речи и без примеров.

Не могут остаться без должного внимания примеры, которыми Уден описывает падежную парадигму. Таких примеров в грамматике насчитывается огромное количество, что подтверждает ее обучающий характер. Отдельные примеры автор сопровождает французскими эквивалентами, которые, судя по всему, предназначены для тех, кто изучал испанский самостоятельно. Сравнение служебных слов в испанском и французском языках не вызывает никаких сомнений о родственности этих языков, что можно проследить на примере падежной парадигмы местоимения *tu*, в котором перечислим лишь предлоги и наречие:

<i>Nom.</i>	—	—
<i>Gen.</i>	<i>de</i>	<i>de</i>
<i>Dat.</i>	<i>à</i>	<i>à</i>
<i>Accuf.</i>	<i>por</i>	<i>par</i>
<i>Vocat.</i>	<i>ô</i>	<i>ô</i>
<i>Ablat.</i>	<i>de</i>	<i>de</i> [Oudin 1612: 31].

Некоторые примеры в работе Удена заимствованы из более ранних испанских грамматик: пример склонения имени прилагательного *bueno* взят из грамматики А. Небрихи, а склонение имени собственного *Pedro* с незначительными дополнениями — из грамматики К. Вильялона.

Наконец, мы не можем не обратить внимания на презентацию падежной парадигмы, которая в работе Удена представлена в столбик. В результате совершенствования полиграфического искусства эта форма настолько укоренилась в сознании как испанских, так и французских грамматистов, что возвращение к первоначальной форме в строчку едва ли было возможно в XVI—XVII вв.

Итак, анализ грамматики Удена показал, что категория падежа описана автором в рамках латинской грамматической традиции. Внешние признаки греко-латинского канона (названия и последовательность падежей) представлены в падежной парадигме склоняемых частей речи без изменений. Однако падежное словоизменение, присущее флективным языкам, т. е. греческому и латыни, в испанской грамматике Удена заменено предлогами: *de*, *a/à*, *por*, *para*. Вариативность этих служебных слов говорит о том, что в XVI—XVII вв. еще отсутствовала жесткая норма в именной группе испанского языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

OULDIN C. Grammaire espagnolle, mise et expliqvee en françois. Paris, Chez Estienne Orry, rue Sainet Jacques, 1612, 204 p.

ZUILI M. Nuevas aportaciones sobre el hispanista francés César Oudin (1560? —1625) // Thélème. Revista Complutense de Estudios Franceses, 2005. №20, p. 203—211.

ZUILI M. César Oudin y la difusión del español en Francia en el siglo XVII: [Электронный ресурс]: http://www.culturadelotro.us.es/actasehfi/pdf/2_zuili.pdf

З. И. Комарова

Z. I. Komarova

Екатеринбург, Россия, zikomarova@bk.ru

ИДИОМАТИЧНОСТЬ ЕДИНИЦ НАУЧНЫХ ЯЗЫКОВ THE IDIOMATICITY OF THE SCIENCE SPEECH STANDARD

Аннотация. Выявление факторов, обуславливающих идиоматичность терминов в языке науки. Проблема мотивированности терминов. Логико-языковой подход в основе работы КТТ (Комитета научно-технической терминологии).

Abstract. The indication of the factors making conditional on the idiomaticity of the terms in the science speech. The problem of the terms reasoning. The logical-linguistic method as the base of the work of the scientific-lexical terminology committee.

Ключевые слова: языковая идиоматика; мотивированность термина; критерии идиоматичности; динамика научных понятий; способы терминотворчества.

Keywords: linguistic study of idioms; reasoning of the term; criteria of the idiomaticity; dynamics of scientific conceptions; ways of termcreations.

УДК 81'38:81'373

К началу XXI века в лингвистике сложились две традиции исследования языковой идиоматики. Одну из них можно назвать европейской континентальной, а другую — англо-американской [Савицкий 2006: 9].

Европейская континентальная традиция своими корнями уходит в учение Шарля Балли (1909 г.) и ранние труды российских учёных: В. К. Поржезинского, А. А. Потебни, И. И. Срезневского, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова и др. Их почин развился далее на почве французского, немецкого и отечественного языкознания и завершился созданием в 20—40-е годы XX века самостоятельной отрасли лингвистики — фразеологии.

Англо-американская традиция в изучении идиоматики восходит к работам Г. Суита (1900 г.), развивается в русле различных отраслей лингвистики и характеризуется очень широким охватом языкового материала, что привело в

© Комарова З. И., 2011

наши дни, к чрезвычайно широкому пониманию идиоматики на базе теории лексико-семантической и грамматической сочетаемости слов и их элементов.

Изучение этих двух традиций и их развитие, к сожалению, не привели к формированию «единой системы воззрений на идиоматику, которая пока не разработана» [Баранов, Добровольский 1996: 51; Савицкий 2006: 3].

Потому, уходя от дискуссионности проблемы, отметим, что в данной работе под идиоматичностью понимается свойство единиц языка, состоящее в неразложимости их значений на значения единиц, вычленимых в их формальном строении. Из такого понимания следует, что идиоматичность любой языковой единицы, в том числе — и терминов, возникает вследствие утраты регулярной мотивированности отношений между планом содержания и планом выражения языковой единицы за счёт переосмысления составляющих её элементов.

Следовательно, установление идиоматичности терминов научных языков напрямую связано с одной из кардинальных, но нерешенных проблем современного терминоведения, «требующих скорейшего решения» [Лейчик 2007: 201].

Более того, наше исследование проблемы мотивированности термина свидетельствует о том, что решение этой проблемы возможно только в рамках строго определенной научной парадигмы, с опорой на её методологию [Комарова 2008-а: 140].

В терминоведении выделяем четыре основных парадигмы [Там же: 141—142], а, следовательно, анализ идиоматичности терминов следует проводить в рамках каждой из них, что невозможно в формате статьи. Если же к тому учесть ещё и проблему языка науки как среды обитания исследуемых терминов [Комарова 2010], то понятно, что проблема полностью может быть рассмотрена только в жанре монографии.

В связи с этим сузим и трансформируем обозначенную проблему: цель статьи заключается в выявлении факторов, обуславливающих идиоматичность терминов в языке науки.

Для этой цели можно ограничиться только первым подходом к термину и последним, современным.

На первом этапе развития терминоведения (20—60-е годы XX века) господствовал «нормоцентрический», а точнее нормативно-прескриптивный подход к термину, при котором основной целью исследования терминов было создание «правильного построенной терминологии» [Лотте 1961], в которой должен проявиться изоморфизм системы понятий и системы терминов.

Были сформулированы требования к «правильным» терминам. Для этого Д. С. Лотте выдвинул категорию «соответствия термина», в

основу которой был положен критерий «соответствия буквального значения термина его действительному значению» [Лотте 1961: 47], выраженному дефиницией термина.

С этой позиции, проанализировав научно-техническую терминологию, Д. С. Лотте установил три типа терминов: правильно ориентирующие; неправильно, или ложно ориентирующие термины и нейтральные термины.

Под правильно ориентирующими терминами понимаются такие, буквальное значение которых создаёт правильное представление о самом понятии, то есть это мотивированные неидиоматические термины, например: *электродвигатель*, *двигатель внутреннего сгорания*, *килокалория* и др.

К неправильно, или ложно ориентирующим терминам принадлежат такие, в которых терминологические элементы противоречат действительному значению термина и вызывают неправильное представление о понятии, например: *атом* («неделимый»), *азот* («безжизненный»), *громоотвод* («отводящий гром») и др. Это полностью идиоматические термины.

Нейтральные термины — это такие термины, буквальное значение которых не противоречит понятию, выраженному термином, но связано с его действительным значением косвенно, то есть опосредовано, через несущественные признаки, например, «фамильные» термины типа: *дизель*, *кардан*, *ом*, *герц*, которые не содержат никакой производной семантики, кроме внутренней формы — имени изобретателя. Это частично идиоматические термины.

Такой логико-языковой подход оказался достаточно продуктивным и был положен в основу работы КТТ (Комитета научно-технической терминологии), возглавившего работу по упорядочиванию, унификации и стандартизации терминов на протяжении всего XX века. Более того, такой критерий идиоматичности принят рядом исследователей и в наши дни [Савицкий 2006: 166].

Однако в современной когнитивно-дискурсивной парадигме, то есть в дескриптивном терминоведении (с 80-х годов XX века), в которой термин стал пониматься как определённая информационно-когнитивная структура, как «квант» научного знания, осознана полиморфная природа термина [Налимов 2003: 129] и многомерность соотношения формы и содержания термина.

Это привело к семиотически широкому пониманию мотивированности: неизвестное мотивируется известным [Алексеева, Мишланова 2002; Лейчик 2007], при котором внутренняя форма понимается как «телеологический способ коррелирования креативных и лингвистических феноменов» [Татаринев 2006: 275].

Такая структура внутренней формы позволяет, чтобы поименованное понятие «вместило» в себя весь концептуальный спектр относящихся к данному понятию информационно-фоновых знаний номинатора (профессиональной языковой личности), а также соответствующую сеть когнитивно-языковых структур для выбора одной из них. Иначе говоря, внутренняя форма предстаёт как сложная (многокомпонентная и многоуровневая) система воплощения научной мысли в слове-термине.

Такой подход привёл к тому, что в современном терминоведении мотивированность стала пониматься **расчлененно**: мотивированность **формы** и мотивированность **семантики** и **функций**. Так, по нашему мнению, следует рассматривать и идиоматичность.

Мотивированность **формы** термина понимается как объясненность выбора этой формы языковым субстратом термина — лексической единицей определенного естественного языка [Лейчик 2007: 39]. В этом смысле мотивированность формы термина является **вторичной** по отношению к мотивированности лексической единицы как таковой: немотивированное слово общего языка может быть мотивированным термином. Вот почему в момент создания новых терминов (период первоначального наименования) они являются всегда **формально мотивированными**, т. е. неидиоматичными.

Мотивированность **семантики** и **функции** термина определяется прямым отношением к объекту обозначения и местом термина в терминосистеме, для чего изучается **одновременно** и формальная, и содержательная структура термина с точки зрения того, какие именно признаки терминируемого понятия кладутся в основу номинации и каково оптимальное число этих признаков, необходимых и достаточных для создания мотивированности.

Такой оптимальной формально-содержательной структурой, по мнению В. М. Лейчика, обладают термины, включающие название объекта и как минимум один отличительный (*differentia specifica*) существенный признак. Таковы, например, названия каталогов в терминосистеме библиотечного дела: *алфавитный каталог, предметный каталог, хронологический каталог* и др. Таковы многие названия наук и научных областей: *патентоведение, вирусология, ревматология, языкознание...* [Лейчик 2007:43]. Такие термины в формально-семантическом плане можно отнести к терминам с нулевой идиоматичностью.

Однако, существует множество факторов, которые приводят к идиоматичности терминов.

В качестве одного из важнейших факторов, обуславливающих утрату мотивированности и возникновение идиоматичности разной степени, следует указать то, что объем и содержание терминированных понятий

постоянно модифицируются от одного этапа развития науки к другому, от одной теории к другой.

В связи с этим очень частотными факторами являются **расширение** или **сужение** объема терминируемого понятия. Так, в момент своего возникновения термин *телефония* (греч. tele — «дальний» и phone — «звук») был и формально, и семантически мотивированным, так как это был единственный способ передачи звука на дальнейшее расстояние.

Но с появлением других видов связи этот термин стал семантически немотивированным, поскольку существенный признак «с помощью кабеля» был утрачен, возникла семантическая идиоматичность, которая имеет тенденцию к нарастанию.

Отметим, что при этом действует логический закон обратно пропорциональной связи между объемом и содержанием понятия: увеличение объема понятия неизбежно приводит к сужению содержания этого понятия и наоборот.

К примеру, термин ботаники *хвойные* был мотивирован существенным диагностическим признаком: *хвоя* — «игловидные листья растения». Однако по мере развития ботанической таксономии объем терминируемого понятия значительно расширился: подкласс этих голосеменных растений сейчас насчитывает более 600 видов, среди которых часть видов растений не имеет листьев в виде хвои. Признак, положенный в основу номинации, стал несущественным, недиагностирующим, потому семантика термина стала идиоматичной.

Более того, динамика научных понятий как фактор, определяющий степень идиоматичности терминов, как мы уже указывали, связан не только с развитием науки, теории, методов и приёмов анализа, но и с характером научного мышления учёных, отражённым в знаковой структуре единиц научных языков.

В ряде научных областей, особенно новых, малоизученных, объект осмысливается исследователем **по аналогии** с чем-то уже известным, что приводит к созданию терминологических метафор и, следовательно, к идиоматичности семантики таких терминов, как например: *усталость и утомление металлов, сухой двигатель* (в технике); *замороженность и омертвление синтаксических связей, слияние и спаянность лексических компонентов слов* (в лингвистике); *возмущение плазмы, тушение молекул* (в биофизике); *солнечность глаза* (в биологии); *стада, рои, косяки, стаи, выводки объектов* (в системологии); *ворота инфекции, хозяин паразита* (в фитопатологии) и др.

Названные факторы идиоматичности терминов в научных языках ещё связаны с таким объективным фактором, как вторичность семиозиса

термина, который заключается в том, что терминопорождение является сложным многомерным процессом, в котором терминологическая категоризация и номинация являются вторичными по отношению к языковой категоризации и номинации.

Иначе говоря, «номинативным материалом» для выражения понятийно-специальных смыслов служит в целом естественно-языковой субстрат.

А это обуславливает, во-первых, сложное взаимодействие общенародного лексикона с терминологическим и целый ряд специфических процессов их взаимодействия: 1) терминологизация (переход общеупотребительного слова в термин); 2) дeтeрминологизация (переход терминов в общеупотребительную лексику); 3) транcтeрминологизация (переход терминов из одной отрасли в другую); 4) рeтeрминологизация (возвращение термина в свою область после его транcтeрминологизации).

Хотя сами эти процессы на первый взгляд просты и очевидны (в приведённых здесь определениях!), но при их изучении оказываются очень неоднозначными и противоречивыми, что уже было выявлено ранее нами [Комарова 2008-б].

А во-вторых, вторичность семиозиса термина связана ещё и со спoсoбaми терминотворчества.

Что касается первого фактора, который ранее был уже рассмотрен нами [см. Комарова 2008-б], то приведём лишь несколько примеров.

1. Самая высокая степень семантической идиоматичности возникает у термина тогда, когда в результате тeрминологизации у общенародного слова как бы «отсекается» его семантика (в объеме элементарного языкового понятия) и ему «приписывается» научная дефиниция (в объеме научного понятия), например: *кибернетика* (греч. κυβερναο — «правлю рулём судна») — «наука об общих законах получения, хранения, передачи и переработки информации». Термин формально частично мотивирован (на уровне «дальнейшего понятия» по А. А. Потембне), но семантически почти абсолютно идиоматичен, если учесть градуальность идиоматичности [Баранов, Добровольский 1996: 57].

Термин *боронование* — «приём обработки почвы зубовой или игольчатой бороной, обеспечивающий крошение, рыхление и выравнивание поверхности почвы, а также частичное уничтожение проростков и всходов сорняков» — формально мотивированный на уровне бытового языкового понятия (*боронование* — «действие по глаголу бороновать», а *бороновать/боронить* — «рыхлить бороной вспаханную землю»), — который выражает научное агрономическое понятие, семантически является слабо

идиоматичным, так как включает в свою семантику бытовое понятие как «предзнание» в результате взаимодействия разных типов знания.

Таков в общих чертах механизм идиоматичности терминов при терминологизации.

Остановимся на других типах взаимодействия общенародного лексикона и терминологического.

2. При транстерминологизации и ретерминологизации термины, сохранив частичную формальную мотивированность, в результате множественной перекаатегоризации становятся семантически идиоматичными, причем в высокой степени. Например, *субстрат*⁸ — «общая и относительно элементарная основа содержания явлений; строительный материал того или иного структурного уровня бытия либо бытия в целом». Эту идиоматичную семантику современный философский термин приобрёл, пройдя указанные процессы, тогда как термин античной философии был формально — семантически мотивированным: *субстрат*¹ (в поздней латыни *substratum* — «подстилка, основа, подкладка») — «то, что лежит в основе каких-либо явлений, состояний» [См.: Комарова 2008-б: 72—73].

Как мы уже указали, фактор вторичности семиозиса термина органично «сопряжен» со способами терминотворчества, которые широко освещаются в научной литературе по терминоведению и достаточно эмпирически обследованы в разных научных языках.

Степень идиоматичности терминов, обусловленная способами терминотворчества, проявляется настолько многообразно и сложно, что её освещение требует самостоятельного отдельного рассмотрения. К тому же в этом явлении участвует ещё один фактор — логосная и лексическая системность термина. Потому в данной работе раскроем лишь основные закономерности.

- **Базовые**, как правило, **однословные термины** (их, к примеру, в агрономической терминосистеме всего лишь чуть более 200) какой-либо науки или области знания в целом подчинены действию выше описанных факторов. Формально они чаще являются в разной степени мотивированными, реже — идиоматичными, а семантически, как правило, обладают разной степенью идиоматичности.

- У **узкоспециальных составных терминов** (в агрономической терминосистеме — от двухсловных до шестисловных моделей), созданных синтаксическим способом образования (фразообразования), в группе взаимодействующих факторов, обуславливающих семантическую идиоматичность, самым сильным является фактор *логосной* (понятийной) *системности*, который задает строго определенное место термина в терминосистеме.

Показательно, что сама формальная структура термина обычно отражает иерархический уровень данного термина. Так, в агрономической терминосистеме установлено девять иерархических уровней терминов, на каждом из которых выделяется определённое число словообразовательных моделей. При этом ярко проявляется закономерная тенденция: с понижением уровня иерархии количество моделей и их «словность» увеличивается, но наполняемость моделей снижается, вплоть до единичных.

Исходным является положение о том, что «формальные границы термина находятся в прямой зависимости от содержательных границ терминируемого понятия» [Даниленко 1977: 36]. Иначе говоря, каждый понятийный признак имеет самостоятельное «словное» выражение, что приводит к разной степени формальной мотивированности и очень слабой семантической идиоматичности, вплоть до нулевой. Подтвердим примерами терминов многословных моделей: *питомник испытания клонов первого года, степень гумификации органических веществ почвы, минеральная теория питания растений, локализация очага карантинного объекта, степень обеспеченности почвы питательными веществами* [Комарова 1991].

Наконец, упомянем ещё один объективный фактор, обуславливающий идиоматичность терминов, — это степень формализации конкретного научного языка.

Ещё в 60-е годы XX века Н. Д. Андреев обосновал идею иерархичности подязыков науки и элементы типологии подязыков. Согласно этой теории подязыки «вещной» тематики (ботаники, зоологии, астрономии...) менее формализованы, чем подязыки «антропоморфической» тематики (антропология, медицина, юриспруденция...) и тем более подязыки «науки о коммуникации» (языкознание, информатика, кибернетика...).

Ясно, что степень семантической идиоматичности находится в прямой зависимости от уровня формализации данного научного языка.

Таковы основные факторы, обуславливающие идиоматичность языковых единиц научных языков.

В завершение подчеркнём, что как проблема мотивированности, так и проблема идиоматичности терминов на сегодняшний день ещё далеки от исчерпывающего решения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- АЛЕКСЕЕВА Л. М., МИШЛАНОВА С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. — Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002. — 200 с.
АНДРЕЕВ Н. Д. Статистико-комбинаторное моделирование подязыков. — М.; Л.: Наука, 1995. — 403 с.

- БАРАНОВ А. Н., ДОБРОВОЛЬСКИЙ Д. О. Идиоматичность и идиомы // Вопросы языкознания. — 1996. — №5. — С. 51—64.
- ДАНИЛЕНКО В. П. Русская терминология. Опыт лингвостического описания. — М.: Наука, 1977. — 243 с.
- КОМАРОВА З. И. Семантические проблемы русской отраслевой терминологии: автореф. дис... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 1991. — 48 с.
- КОМАРОВА З. И. Проблема мотивированности терминов в различных научных парадигмах // Детская речь как лингвокреативная деятельность. Формы и механизмы лингвокреативной деятельности. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2008-а — С. 139—153.
- КОМАРОВА З. И. Гармония/дисгармония терминов в научном дискурсе в аспекте гармонизации // Язык и культура: сб. ст. — Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ, 2008-б. — С. 61—86.
- КОМАРОВА З. И. Проблема языка науки // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2010. — С. 7—23.
- ЛЕЙЧИК В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. — М.: КомКнига, 2007. — 256 с.
- ЛОТТЕ Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. — М.: АН СССР, 1961. — 107 с.
- НАЛИМОВ В. В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков. — Томск — М.: Водолей Publishers, 2003. — 368 с.
- САВИЦКИЙ В. М. Основы общей теории идиоматики. — М.: Гнозис, 2006. — 208 с.

Е. А. Конопляник

Е. А. Konoplyanik

Гродно, Беларусь, katerina.konoplyanik@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПРАГМАТИКИ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ THE PRAGMATIC SPECIFICITY OF MODAL WORDS

Аннотация. Влияние прагматики на отрасли языкознания. Прагматические функции модальных слов. Частотность и особенность употребления модальных слов носителями немецкого и русского языков.

Abstract. The influence of the pragmatics on the spheres of linguistics. The pragmatical functions of modal words. Frequency and specification of modal words usage by the German and Russian native speakers.

Ключевые слова: прагматический поворот в языкознании, прагматические функции модальных слов, индивидуализм говорящего.

Keywords: the pragmatic turn in linguistics, pragmatic functions of modal words, individualism of the speaker.

УДК 81'37

© Конопляник Е. А., 2011

Несмотря на тот факт, что прагматика как раздел теории знака существует недавно, на сегодняшний день её влияние ощущают на себе все отрасли языкознания. Прагматический поворот в лингвистике означает, что в центре внимания оказывается живой язык в действии, во всём многообразии его функций и социально-функциональных вариантов. В связи с этим значительное внимание уделяется изучению речевых тактик и типов речевого поведения языковой личности, а также отношения говорящего к содержанию его высказывания, целевой установки речи. Наиболее ярко данные характеристики проявляются в использовании говорящим в речи модальных слов.

Х. Бусманн характеризует модальные слова как «семантически-синтаксически дефинированный субкласс прилагательных и наречий, который выражает субъективную оценку положения вещей говорящим» [Busmann 1990:304]. Специфика модальных слов заключается в том, что они выступают переключателями и переводят высказывание с индикативом из поля действительности в поле недействительности. Благодаря своему ярко выраженному лексическому значению, модальные слова тонко передают всю гамму оттенков предположения, а также выражают субъективно-модальное отношение говорящего к содержанию своего высказывания.

Прагматические функции модальных слов имеют отношение к организации процесса коммуникативного взаимодействия. Модальные слова несут на себе весь коммуникативный пласт высказывания, передают отношение к ситуации, отношения говорящих между собой, а также к системе «общего фонда знаний», объединяющей адресанта и адресата. Таким образом, это слова максимально ответственные за удачу общения [Николаева 1985:14].

В качестве одной из наиболее важных прагматических функций модальных слов можно отметить их способность выступать маркерами такой речевой тактики, как проявление индивидуализма говорящего. Под индивидуализмом мы понимаем степень, в которой общество согласно с тем, что взгляды и поступки отдельной личности могут быть независимы от коллективных или групповых убеждений и действий. Однако не следует понимать индивидуализм как противопоставление личности коллективу и полный разрыв её связей с обществом: как отметил В. Соловьев, «индивидуальный и общественные элементы совмещаются в сознательной нравственной солидарности, не ограничивая, а восполняя друг друга» [Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона 2010]. Таким образом, под индивидуализмом понимается не полная свобода личности от общества, а лишь определенная её степень, которая варьируется в зависимости от специфики нации. Выявить степень данной свободы, проявляющуюся в естественном языке, и является задачей данного исследования.

Итак, если в речи индивида преобладают модальные слова подтверждения и идентификации, а также усиления и увеличения/повышения (нем.: *sehr* «очень», *besonders* «особенно», *außerordentlich* «чрезвычайно», *natürlich* «конечно», *gewiss* «определенно», рус.: конечно, действительно, несомненно), то здесь мы можем говорить о четком позиционировании носителя языка как уверенной в себе личности, в значительной степени не зависящей от общества. И наоборот, если велика частотность употребления модальных слов ограничения и ослабления (нем.: *aber* «но», *allein* «но», *beinahe* «почти», *bloß* «только», *vielleicht* «может быть», *wahrscheinlich* «возможно», *vermutlich* «предположительно», *möglicherweise* «возможно», *fast* «почти», *kaum* «едва», *eigentlich* «собственно»); рус.: возможно, может быть, почти, кажется), то это является свидетельством неуверенности в себе и, как следствие, сильной зависимости от общества. Рассмотрим употребление модальных слов в немецком языке:

Es kommt natürlich schon vor. «Это, конечно, случается».

Besonders verwöhnt wurde ich immer von meinen Großeltern... «Особенно баловали меня мои дедушка с бабушкой...»

Früher hab' ich vor allem zur Unterhaltung gelesen, besonders als Schulkind. «Раньше я читала, прежде всего, для развлечения, особенно школьницей».

Vielleicht gibt es reale Vorbilder. «Наверное, существуют реальные примеры» [Живой немецкий Lite 2001].

Проанализировав частотность употребления в данных высказываниях модальных слов, мы пришли к выводу, что модальные слова подтверждения и усиления в значительной степени преобладают над модальными словами ослабления и ограничения. Данный факт свидетельствует о том, что носители немецкого языка, в большинстве случаев, уверены в своих высказываниях и готовы нести ответственность за свои слова, что является показателем высокой степени выраженности индивидуализма.

Изучим особенности употребления модальных слов в русском языке:

Но на данном мероприятии никто так не делал, и мы с подругой, конечно, тоже.

В этом году, наверное, увижу снег только в морозилке.

Может быть, у него получилось бы создать свой театр.

Правда, надо отдать должное Кениш, море там не хуже.

Но там, и правда, мы много делали для молодежи [Cosmopolitan Россия 2010].

В речи носителей русского языка соотношение модальных слов совершенно противоположное. Мы наблюдаем ярко выраженное доминирование модальных слов ослабления и ограничения, чье количество практически в

три раза превышает частотность встречаемости модальных слов подтверждения и усиления. Данный факт можно интерпретировать как свидетельство неуверенности говорящего в своих утверждениях, избегания им категоричности и высокой степени личностной зависимости от общества.

Анализ частотности употребления модальных слов в речи носителей немецкого и русского языков позволил установить, что носители немецкого языка в наибольшей степени уверены в своих утверждениях и готовы нести ответственность за свои слова, что является показателем высокой степени индивидуализма и одновременно слабой связи отдельной личности с обществом. Степень выраженности индивидуализма значительно снижается в русском языке, что, однако, свидетельствует также и о тесной связи индивида с окружающими его людьми. Носители русского языка активно включены в общественную жизнь и считают себя частью общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Живой немецкий Lite [Электронный ресурс]: полный интерактивный курс в 3 ч. — Электрон. дан. (315 Мб). — М.: Магнамедиа, 2001. — Электрон. опт. диски (CD-ROM): зв., цв. — Ч. 2. — 1 диск.

НИКОЛАЕВА Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков) / Т. М. Николаева. — М.: Наука, 1985. — 168 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона (1890—1907) [Электронный ресурс]. — 2010. — Mode of access: <http://www.vehi.net/brokgauz/index.html>. — Date of access: 05.01.2010.

BUSSMANN H. Heckenausdruck / H. Bußmann // Lexikon der Sprachwissenschaft / Stuttgart, 1990. — S. 304—305.

Cosmopolitan Россия [Electronic resource]. — 2010. — Mode of access: www.cosmo.ru. — Date of access: 13.01.2010.

О. В. Лукин

O. V. Lukin

Ярославль, Россия, oloukine@mail.ru

О ЧАСТЯХ РЕЧИ, КЛАССАХ СЛОВ И ТРОЯКОМ АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

ABOUT THE PARTS OF SPEECH, THE CATEGORIES OF THE WORDS AND THE THREEFOLD ASPECT OF LINGUISTIC PHENOMENA

Аннотация. О терминологии частеречной теории. Смещение терминов части речи и классы слов. Проблема взаимоотношений лексемы и словоформы.

© Лукин О. В., 2011

Abstract. About the terminology of the speech parts theory. The confusion of the terms like the parts of the speech and the categories of the words. The problem of interrelations of lexeme and wordform.

Ключевые слова: частеречная теория; терминологическая путаница в теории частей речи; реализация лексемы.

Keywords: the theory of the speech parts; the terminological confusion in the theory of the parts of speech; the realization of the lexeme.

УДК 81'366+811.112.2

Теория частей речи в том виде, как она существует сейчас, столь часто критикуемая за свою неразрешимость, противоречивость, запутанность, никак не способствующие адекватному описанию языкового материала и во многом несет на себе отпечаток противоречивости и запутанности терминологии языкознания вообще, когда «...разнообразие пониманий обиходных терминов в лингвистике встречается гораздо чаще, нежели в естественных науках...» [Перцов 2009:106]. Возникшая в античной философии и филологии как отражение теоретических и практических потребностей этих наук и того времени, частеречная теория вдруг однажды стала составной частью лингвистики — науки, разумеется, иной, нежели философия или филология. Когда говорят о терминологии частеречной теории, всегда указывают на два момента:

1. С одной стороны, это ее традиционность, практическая пригодность и стабильность, проверенная тысячелетиями, стабильность, сопоставимая со стабильностью терминологии других наук [Бюлер 1993:61]. Здесь принято говорить о естественности традиционных терминов частеречной терминологии на фоне прочих лингвистических понятий, хотя в последнее время все чаще и чаще раздаются голоса сомнения в этой естественности и возможности описать язык с помощью старых терминов [Кибрик 2001: 43—44].

2. С другой стороны, подчеркивается несовершенство и противоречивость терминологии, и говорится о том, что дискуссия по частеречной проблематике отличается нечеткостью терминологии, инвариантностью и связностью терминов в метаязыковом пространстве [Kaltz 1983: 27]. К палитре факторов, влияющих на выбор частеречных терминов, относят и традицию, и семантику выделенных классов, и признаки части речи, и эквиваленты в родном языке ученого, и многое другое [Тестелец 1990: 82].

Тот факт, что лингвистическая терминология, вышедшая из колыбели античной грамматической традиции, с небольшими изменениями используется в современном языкознании, не устраивает многих исследователей, которые говорят о целесообразности ревизии основных научных понятий, в том числе, частеречной терминологии (ср., например, [Бюлер 1993: 25—26]).

Несовершенство терминологии теории частей речи вызвано многими факторами, и в качестве основного можно назвать далекое от совершенства состояние терминологии науки о языке вообще. На несовершенство частеречной терминологии обращали внимание многие языковеды, подчеркивая прежде всего концептуальные интерференции и смешения терминов [Бюлер 1993: 111]. Терминологическое наследство описательной лингвистики А. Е. Кибрик называет тяжелым, а терминологический и понятийный аппараты крайне неудовлетворительно разработанными [Кибрик 2001: 43]. Необходимость преодоления такого положения вещей диктуется, в первую очередь тем, что «... язык не может быть беспорядочным скоплением единиц и множеств, иначе он не был бы совершенен» [Всеволодова 2009: 76].

Одной из немаловажных причин этой терминологической путаницы в теории частей речи оказалось (в числе прочих факторов) противопоставление языка и речи: сложилось мнение, будто из *«речи»* выделяются члены предложения (хотя логичнее сказать, что из речи выделяются и классифицируются ее части, т. е. *части речи*), а из словаря, *«языка»* — *классы слов*. Вытекающее из этого едва ли не параллельное существование двух терминов (*части речи* и *классы слов*) воспринимается исследователями неоднозначно. В качестве примера достаточно привести два высказывания, иллюстрирующие полярные, но весьма распространенные точки зрения. Первая решительно противопоставляет эти термины, ср.: «Понятие части речи следует отграничивать от понятия класса слов» [Омельянович 1990: 138]. Вторая не проводит между ними никакого различия, ср.: «Классы слов (или части речи) — группы слов, объединяемые определенной общностью значения и грамматических (морфологических и синтаксических) признаков» [Шутова 1969: 143].

Однако в работах, связанных с теорией частей речи, как правило, используется один, в силу традиции наиболее часто употребляемый термин. При этом нельзя сказать, что во всех языках термин *«части речи»* — это буквальный перевод на национальный язык одного определенного термина, будь то *«части речи»*, *«классы слов»*, *«виды слов»*, не говоря уже о *«частях словесного изложения»* и т. п. (ср. русские термины *«части речи»* и *«классы слов»*, немецкие *«Wortarten»* и *«Redeteile»*, английские *«parts of speech»* и *«classes of words»* и т. п.). Другие термины — это либо принятые в том или ином случае синонимы первого, либо — специально оговоренные обозначения других языковых феноменов.

В связи с этим вопрос о предмете частеречной теории приводит к проблеме взаимоотношений лексемы и словоформы, которые представляются как отношения единиц языка и единиц речи. Обычно словоформы

трактуются как модификации слова (лексемы) и его конкретные проявления (ср. [Адмони 1988: 14—15]), а слово (лексема) — как абстракция от словоформы, выделяемой из текста. Различение между словоформой и лексемой нередко проводят как различение между грамматическим и лексическим словом. Словоформа трактуется как возможная реализация лексемы и всегда принадлежит той же части речи (см. [Vogel 1996: 104]).

Х. Бергенхольц и Б. Шэдер под лексемой понимают единицу языковой системы, тогда как слово представляет собой реализацию лексемы, выполняет в предложении определенные функции и занимает определенные позиции [Bergenholtz, Schaefer 1977: 58]. Поэтому отношения между словом и лексемой, с одной стороны, и частью речи и классом лексем, с другой, выглядят следующим образом: как единица речи слово принадлежит части речи как классу (виду) слов (нем. *Wortart*), как единица языка (языковой системы) каждая лексема принадлежит классу лексем (нем. *Lexemklasse*). Каждый класс лексем репрезентирует одну или более из подчиненных ему частей речи [Bergenholtz, Schaefer 1977: 56].

В этом смысле «виды слов» (*Wortarten*) противопоставляются «классам лексем» (*Lexemklassen*). Первые непосредственно выделяются из текста и определяются синтаксически. Вторые представляют собой классы абстрактных единиц, которые в речи реализуются как слова (ср. [Bergenholtz, Schaefer 1977: 55]). Слова как единицы речи классифицируются по частям речи, а лексеммы как единицы языка классифицируются по классам лексем. Так как слово — это реализация лексемы, то каждый класс лексем репрезентирует несколько подчиненных ему частей речи. Части речи (*Wortarten*, т. е. виды слов) вычленяются из текста на основании синтаксических признаков и являются грамматическими категориями, а классы лексем — это классы единиц, конституирующих речь и устанавливаемых как лексические категории (см. [Bergenholtz, Schaefer 1977: 56—57]).

Приведенные положения приводят к вопросу: из чего исходит исследователь языка, что для него первично — язык как система, речь как деятельность или ее результат в виде текстов? Если следовать логике авторов, утверждающих, что в речи реализуются единицы языковой системы, то первичным предметом исследования предстает система, реализующаяся в речи. А это соответственно оправдывает исследования частей речи как классов слов словаря, а не частей речи [Bergenholtz, Schaefer 1977: 64].

Троякий аспект языковых явлений (по Л. В. Щербе — языковая система, речевая деятельность и тексты) смог бы поставить точки над «i». Части речи выделяются из *текста* как результата, как продукта *речевой деятельности* (по Л. В. Щербе, тексты как третий аспект языковых явле-

ний — это «... совокупность всего говоримого и понимаемого ... в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы» [Щерба 2004: 26]). Результат их выделения и последующей классификации принадлежит, разумеется, *языковой системе* — одному из аспектов языковых явлений наряду с *речевой деятельностью и текстами*.

Словоформа выделяется из потока речи и обладает как лексическими, так и грамматическими признаками. Слово (лексема) есть словоформа, выделенная из множества других, причем так, чтобы их лексическое значение было представлено почти в чистом виде, т. е. чтобы данная форма осуществляла функцию номинации, а грамматические значения были бы менее выделены (у существительного такой формой является форма именительного падежа единственного числа, у глагола — инфинитив и т. п.). Эта форма представлена в словаре и является репрезентантом всех словоформ, принадлежащих данной части речи, ср. также: «Словоформа — слово (лексема) в некоторой грамматической форме (в частном случае — в единственно имеющейся у слова форме)...» [Зализняк 1998: 470].

В русле идей Л. В. Щербы, В. Б. Касевича [Касевич 1983: 8] и Л. С. Ермолаевой [Ермолаева 1987: 59] смешение терминов «*части речи*» и «*классы слов*» можно элиминировать так: выделение словоформы и ее последующая лингвистическая обработка происходит из текста, лишь при такой процедуре можно исключить описание форм, которых нет в языковой действительности, ср.: «Лишь в направлении «текст — языковая система» можно избежать включения и описания форм, не имеющих опоры в языковой действительности...» [Ермолаева 1987: 59]. Лингвистическое описание каждого нового текста осуществляется с опорой на знания данного ученого о языковой системе, уже описанной в результате обследования множества текстов. Однако при этом изучаемый текст может поставить исследователя перед необходимостью пересмотра его (и не только его) представлений о языковой системе [Ермолаева 1987: 60].

В этом смысле очень важно подчеркнуть теснейшую диалектическую взаимосвязь понятий «*части речи*» и «*классы слов*», которые соответственно являются единицами текста (речи) и языковой системы (языка). Между этими двумя феноменами нет непроходимой границы, их нельзя противопоставлять как совершенно разные языковые явления. Подобно тому, как в лингвистической литературе термин «слово» может употребляться и как слово в тексте (речи) и как слово в системе (языке), следует, очевидно, видеть в термине «*части речи*» в известном смысле оба понятия, ср.: «Части речи — классы слов языка, выделяемые ...» [Живов 1998: 578].

Понятие «*части речи*» в исконном древнегреческом (прежде всего, платоновском и аристотелевском) понимании — это не только сегменты

текста, не только части речевого высказывания и, тем более, не только классы слов. С другой стороны, «классы слов» в их современной интерпретации — это выделенные из текста его части, сгруппированные по определенным признакам для удобства работы с ними не только лингвистов-теоретиков, но и лексикографов, грамматистов, специалистов по переводу и компьютерной обработке языковых данных, преподавателей и многих других, каждый из которых нередко видит в данных явлениях именно то, что интересует конкретно его.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- АДМОНИ В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. — Л.: Наука, 1988. — 239 с.
- БЮЛЕР К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. — М.: Прогресс Универс, 1993. — 502 с.
- ВСЕВОЛОДОВА М. В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // Вопросы языкознания. — 2009, № 3. — С. 76—99.
- ЕРМОЛАЕВА Л. С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. — М.: Высшая школа, 1987. — 128 с.
- ЖИВОВ В. М. Части речи // Ярцева В. Н. (гл. ред.) Языкознание. Большой энциклопедический словарь. — М.: Большая российская энциклопедия, 1998. — С. 578—579.
- ЗАЛИЗНЯК А. А. Словоформа // Ярцева В. Н. (гл. ред.) Языкознание. Большой энциклопедический словарь. — М.: Большая российская энциклопедия, 1998. — С. 470.
- КАСЕВИЧ В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. — М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1983. — 296 с.
- КИБРИК А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. Универсальное, типовое и специфичное в языке. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 336 с.
- ОМЕЛЬЯНОВИЧ Н. В. Части речи в современном бирманском языке // Алпатов В. М. (отв. ред.) Части речи. Теория и типология. — М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1990. — С. 138—166.
- ПЕРЦОВ Н. В. О точности в филологии // Вопросы языкознания. — 2009. № 3. — С. 100—124.
- ТЕСТЕЛЕЦ Я. Г. Наблюдения над семантикой оппозиций «имя/глагол» и «существительное/прилагательное» (к постановке проблемы) // Алпатов В. М. (отв. ред.) Части речи. Теория и типология. — М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1990. — С. 77—95.
- ШУТОВА Е. И. О некоторых универсальных закономерностях в соотношении синтаксического и морфологического уровней (в связи с синтаксической ролью порядка слов и форм слов) // Языковые универсалии и лингвистическая типология. — М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1969. — С. 141—152.
- ЩЕРБА Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. — М.: Эдиториал УРСС, 2004. — С. 24—39.

BERGENHOLTZ H., SCHAEDEB. Die Wortarten des Deutschen. Versuch einer syntaktisch orientierten Klassifikation. — Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1977. — 243 S.

KALTZ B. Zur Wortartenproblematik aus wissenschaftsgeschichtlicher Sicht. — Hamburg: Helmut Buske Verlag (Hamburger philologische Studien; Bd. 57), 1983. — 155 S.

VOGEL P. M. Wortarten und Wortartenwechsel. Zu Konversion und verwandten Erscheinungen im Deutschen und in anderen Sprachen. (Studia Linguistica Germanika, Bd. 39. Hrsg. v. S. Sonderegger/O. Reichmann). — Berlin/New York: Walter de Gruyter, 1996. — 311 S.

И. В. Матвеева

I. V. Matveeva

Нижний Новгород, Россия, matveeva_i@lunn. ru

**ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
КОМПОНЕНТОВ ПОЛЯ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

**THE PARADIGM DESCRIPTION OF THE COMPONENTS
OF THE SPHERE OF THE PERSONIFICATION
IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE**

Аннотация. Оптимальный выбор языковых средств для сообщения непосредственному собеседнику. Три основных типа выражения персональности в современном немецком языке. Модальные выражения с имплицитным ego-компонентом.

Abstract. The optimal choice of the language means for communication to the direct interlocutor. The three main variants of expression of the personification in the modern German language. The modal expressions with implicated ego-component.

Ключевые слова: коммуникативное намерение; «категория персональности»; эксплицитный тип; транспонированный; имплицитный; элементы семантических категорий.

Keywords: the communicative purpose; the category of personification; explicated; transposed; implicit; the elements of the semantic categories.

УДК 811.112.2

Автор текста или высказывания, воплощая в языковой оболочке содержание, предназначенное им для сообщения непосредственному собе-

© Матвеева И. В., 2011

седнику, должен всегда решать ономаσιологические задачи, чтобы осуществить оптимальный выбор языковых средств соответственно характеру сообщаемого содержания, своему коммуникативному намерению. Одно и то же коммуникативное намерение можно передать в одной и той же речевой ситуации несколькими способами. Собеседник извлекает из предъявленного текста всю предназначенную ему информацию, то есть решает задачи семасиологического характера.

Поскольку категория лица в широком смысле слова понимается как «категория персональности» или «категория коммуникативных ролей», то при идентификации языковых средств следует учитывать не только морфологические, но также синтаксические, лексические и просодические средства, а иногда контекст. Данный подход позволяет охватить и такие языковые средства, которые остаются вне поля зрения при описании функций противочленов грамматических морфологических категорий. Содержание функций определяется характером того результата, с которым она соотносит языковую единицу. По этому признаку «существуют две различные, хотя и взаимосвязанные сферы означивания: 1) сфера первичного, собственно семиологического способа образования словесных знаков, называющих повторяющиеся представления объективной действительности и субъективного опыта носителей языка; 2) сфера вторичного означивания, создания высказываний как «полных знаков». Существование и функционирование знаков вторичной номинации объясняется как асимметрией языковых знаков, так и «тенденцией языковой экономии, избегающей при образовании новых наименований увеличения единиц плана выражения» (В. Г. Гак, В. Н. Телия, А. А. Уфимцева). Знаки прямой номинации указывают непосредственно на экстралингвистический объект. То, что один и тот же экстралингвистический элемент может обозначаться разными средствами, свидетельствует о глубокой идентичности значимых элементов языка.

В общей сложности можно выделить три основных типа выражения персональности: эксплицитный тип, который однозначно ссылается на один из трех базовых функциональных компонентов:

1. простые номинативные единицы:

Peter ist bekannt.

2. метафорические и фразеологические номинативные единицы:

Nur ein Esel glaubt das.

3. вокативные единицы:

Herr Minister, das ist ein Irrtum.

4. личные местоимения:

Ich schreibe den Brief.

5. притяжательные местоимения:

Mein Haus ist groß. (презентация ego- и aliud- компонента)

6. другие типы местоимений:

Man sollte nochmals fragen.

7. единицы замещения (в тексте):

Erna hatte damals einen Unfall. Außerdem verlor sie ihre Arbeit. Und schließlich kam die Scheidung. Das alles war sehr schwer.

8. личные морфемы финитных форм глагола:

Du rauchst nicht.

9. директивные выражения в сочетании со специфической интонацией (с выраженной tu-функцией):

Ist Sabine zu Hause?

Marsch, an die Arbeit!

10. комплексные номинативные единицы, содержащие в своей структуре частично «лицо в лице»:

Du mit der Mütze, mach mal Platz!

Транспонированный, при котором вторичные функции наслаиваются на первичные:

1. личные местоимения и морфемы ego- и tu- компонентов для выражения обобщенноличности:

Hier kommst du nie zur Ruhe.

(Stellen Sie sich vor): Sie warten drei Stunden, und alles vergeblich.

Wie helfe ich mir selbst? (Titel einer Reparatureinleitung)

2. aliud-компонент в функции ego-/tu-компонента:

Der Autor dieser Zeilen... (= ich)

Hat der Herr (= Sie) schon gefrühstückt?

Das Gericht (= wir) zieht sich zur Beratung zurück.

3. единицы обобщенноличности в функции ego:

Man (= ich) müsste noch mal zwanzig sein.

4. личные местоимения ego-компонента в функции tu:

Arzt: Wie fühlen wir (= Sie) uns heute? (псевдосолидарность)

5. в рамках одних и тех же функциональных конститuentов:

Wir (= ich) kommen nun zum 2. Kapitel.

Имплицитный тип, когда собственное значение маркировано также характеристикой лица:

модальные выражения с имплицированным ego-компонентом:

Eigentlich ist das schade.

Du weinst ja.

Das dürfte teuer werden.

Темпоральные единицы с импликацией ego:

Heute fährt Otto nach Berlin.

Эллиптические формы в разговорной речи:

Hast du Hunger? — Ja.

[Jachnow 1999: 30].

Так, совокупность языковых средств, служащих для обозначения коммуникативных ролей с позиции функционально-семантического подхода образует определенную систему языковых средств — поле персональности. Функционально-семантическое поле персональности (= ФСП), по определению А. В. Бондарко, базируется на одноименной семантической категории, которая квалифицируется как «категория, характеризующая участников обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации речи — прежде всего говорящему» [Бондарко 1999: 125].

Г. Яхнов придерживается мнения, что, определяя элементы семантических категорий как ядерные или периферийные, нужно в любом случае ориентироваться на системные и функциональные моменты: чем определеннее и чаще языковая единица представляет данную семантическую категорию, тем ближе к центру поля она располагается [Jachnow 1999: 21].

Квалифицировать номенклатуру поля следует, ссылаясь на конкретные реализаторы. Таким образом, приняв во внимание количество сем лица в каждом конституенте, ядро поля составляют отвлеченные от конкретных форм граммема (1 и 2 лицо), представленные прономинальными и глагольными формами (*Ich schreibe/du schreibst den Brief*), то есть имеющий морфологический (флективный) способ актуализации; номинативные единицы (*Der Mann ist bekannt*) aliud-сферы. А. В. Бондарко оставляет без внимания номинативные единицы, хотя они выступают представителями категории лица в их первичной функции. Их прономинальные эквиваленты — это, прежде всего, анафорические заместители с текстоорганизующими функциями

В центре поля располагаются третье лицо (при референции лиц) и конституенты, предполагающие опосредованное выражение отнесенности действия к лицу: местоимение *man* — нейтральное местоимение, имеющее четкую семантическую маркировку «лицо» и используемое в качестве эквивалента личных местоимений. А. В. Исаченко указывает на признак «участие в диалоге не сигнализируется» у местоимения *man*, а наряду с местоимениями 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа местоимение *man* обладает признаком «лицо». Ср.: *Man arbeitet. — Er arbeitet (Motor oder Peter)* [Isacenko 1966: 286]. Так, к центру поля персональности могут относиться только местоимения в именительном падеже, синтакси-

чески и реально соотносимые с личными формами глагола: я, ты, он, она, оно, мы, вы, они, выступающие в роли субъекта-подлежащего при глаголе-сказуемом. Формы личных местоимений в косвенных падежах, выступающие в роли дополнения или объекта, переходят от сферы имени в глагольную сферу и не характеризуются соотносимостью с личными формами глагола и, следовательно, занимают переходную позицию от центра к периферии.

Понимание лица в рамках поля персональности позволяет группировать различные языковые средства, выражающие категорию лица отдельно или в комбинации с другими языковыми уровнями, поэтому структура поля представляет собой сочетание разных содержательных и формальных перспектив, но при этом всегда выделяется центр и периферия.

На периферии поля персональности можно наблюдать модальные выражения с имплицированным эго-компонентом (*Eigentlich ist das schade; Du weinst ja; Das dürfte teuer werden*); темпоральные единицы с импликацией эго (*Heute fährt Otto nach Berlin*); эллиптические формы в разговорной речи (*Hast du Hunger? — Ja*). Своеобразный эллипсис наблюдается в конструкциях с так называемым безличным пассивом: *Hier wird getanzt*. Немецкий безличный пассив формально только 3-е лицо ед. ч., но он персонально отнесен, то есть это только действие лиц, человека [Jachnow 1999: 30].

Таким образом, компоненты функционально-семантического поля персональности могут исполнять роль обозначения одного и того же лица, различаясь по своей семантике, грамматическим характеристикам. Однако контекст выражения определенного значения лица предопределяет ситуативный анализ средств выражения лица.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- БОНДАРКО А. В. Семантика лица / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. — СПб.: Наука, 1991. С. 125—141.
- ГАК В. Г. К типологии лингвистических номинаций / В. Г. Гак // Языковая номинация. Общие вопросы. — М.: Наука, 1977. С. 236—262.
- ТЕЛИЯ В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация. Виды наименования. — М.: Наука, 1977. — С. 129—221.
- УФИМЦЕВА А. А. Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева. — М.: Наука, 1974. — 205 с.
- JACHNOW H. Die Personalität als sprachliche Universale. Funktionen und Formen / H. Jachnow // Personalität und Person. — Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999. — В. 9. — С. 1—36.
- ISACENKO A. V. Semantik der Grammatik / A. V. Isacenko, R. Ruzicka // Zeichen und System der Sprache. — Berlin: Akademie — Verl., 1966. — В. 3. — С. 281—287.

И. Э. Меликова

I. J. Melikova

Астрахань, Россия, loveirada26@rambler.ru

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ НАРЕЧИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (XVIII—XIX ВВ.)

HISTORY OF DEVELOPMENT OF ADVERBS IN THE RUSSIAN LANGUAGE (XVIII—XIX CENTURIES)

Аннотация. Способы образования наречий в XVIII—XIX веках. Продуктивность наречий. Новые типы образования наречий.

Abstract. Ways of adverb formation in XVIII—XIX centuries. Productiveness of adverbs. New models of adverb formation.

Ключевые слова: *качественные наречия; бесприставочные и приставочные способы; просторечие.*

Keywords: *qualitative adverbs; unprefixal and prefixal ways; colloquial language.*

УДК 81'0:811.161.1

XVIII и XIX века стали ключевыми в вопросе образования новых и развитии имевшихся моделей образования качественных наречий.

С начала XVIII века широко употребляются бесприставочные и приставочные способы образования наречий. Продуктивный способ образования наречий на *-и по-русски* от прилагательных с суффиксом *-ск*. Основные наречия на *-и* имели в основе названия городов, языков, национальностей [Буслаев 1959].

В 30-х годах XIX века появляется новая модель образования наречий, пришедшая из просторечия. Эти наречия образованы от качественных прилагательных на *-ский, по-русскому, по-французскому*. Данный тип наречий встречался у многих писателей того времени и имел стилистическую окраску для придания сельского колорита говорящему [Франчук 1961]. К концу XIX века модель на *-и* оказалась преобладающей.

В XVIII в. получило развитие образование наречий с суффиксом *-о*. В основном они образовывались от прилагательных формы, цвета, размера и других внешних характеристик, например, *кругло, желто, тонко, голубо*. В XIX в. данная модель получила развитие, и стали образовываться наречия с префиксом *без-*, например, *безначально, бесповоротно, безотсрочно* [Востоков 1958].

В связи с развитием образования прилагательных с суффиксом *-тельный* стали образовываться наречия с суффиксом *-тельн*, например, *относи-*

© Меликова И. Э., 2011

тельно, почтительно, несомненно. Имели значение «выражая что-то». К середине XIX века данный тип наречий приобретает активное глагольное значение (*соблазнительно, укорительно, успокоительно*).

С середины XIX в. вырастает продуктивность наречий на *-енно, -нно*, образованных от прилагательных и по образованию соотносимых с причастиями, например, *униженно, уединенно, отдаленно*. Данные наречия обозначают душевное состояние, качественные значения, редко внешние признаки [Кочинева 1953].

Новый тип образования наречий от адъективированных действительных причастий настоящего времени, например, *вопрошающе, торжествующе, вызывающе*.

Таким образом, XVIII и XIX века становятся важными в развитии и появлении новых моделей образования наречий, которые являются продуктивными и в современном русском языке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- БУСЛАЕВ Ф. И. Историческая грамматика русского языка. — М.: Учпедгиз, 1959. — 623 с.
- ВОСТОКОВ А. Х. Русская грамматика. — М.: Наука, 1958.
- КОЧИНЕВА О. К. Продуктивные типы словообразования качественных наречий в современном русском языке: дис... канд. филол. наук / О. К. Кочинева — М., 1953. — 219 с.
- ФРАНЧУК В. Ю. Наречия, образованные от имен прилагательных в русском литературном языке XVIII веке: автореф... дис. канд. филол. наук / В. Ю. Франчук. — Киев, 1961. — 16 с.

Н. В. Плетнева

N. V. Pletneva

Екатеринбург, Россия, pletnevalex@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСЕЧЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ FUNCTIONAL PECULIARITIES OF REDUCTION IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE

Аннотация. Сокращения и усечения — продуктивный способ образования новых слов. Сферы и причины распространения усечений. Параллельное существование редуцированной и полной форм слова.

Abstract. Abriivation and reduction as the productive way of new words formation. Spheres and causes of dissemination of the reduc-

© Плетнева Н. В., 2011

tion. Simultaneous existence of the reduced and full form of the words.

Ключевые слова: усечения; намерения говорящего; типы сленга; популяризация; классификация усечений.

Keywords: reduction; speaker's intention; types of slang; popularization; classification of the reduction.

УДК 811.111.1

Специфика современного мира — свобода от ограничений разного рода, разрушение старых стереотипов мышления, — не могла не отразиться в языке. В настоящее время сокращения вообще и усечения в частности являются продуктивным способом образования новых слов. Усечения представляют собой особое языковое явление. Усечения являются лексическими единицами со своими структурными, семантическими и функциональными особенностями. Усечения приемлемы во всех английских языковых жанрах. Усечения не находятся на периферии словарного состава. Они становятся достоянием всего языкового коллектива, отражают важные социальные понятия, употребляются для обозначения предметов реальной действительности, повседневной жизни, науки, политики, культуры и т. д.

Многие усечения функционируют в разговорной речи. Например, И. В. Арнольд отмечает, что очень многие сокращения обладают яркой стилистической окраской и относятся к обиходной разговорной лексике. Например, в разговорной речи используются такие усечения, как *tellie*, *pressie*, *ciggy* и другие. Кстати, можно заметить, что именно в разговорной речи употребляется большое число усечений, сопровождаемых суффиксацией. В разговорной речи говорящий использует различные усечения, чтобы продемонстрировать свое расположение к адресату, создать обстановку непринужденности, снять эмоциональный стресс, подшутить над адресатом, унижить адресата, завладеть вниманием адресата и склонить его сделать что-либо в своих интересах, воздействуя эстетически и психологически привлекательной формой. В зависимости от намерений говорящего он может использовать как усечения с положительной окраской, так и с негативной.

В официальном языке используются полные формы указанных наименований, в разговорном — редуцированные. Усечения служат главным образом маркером особого языкового стиля, обиходной разговорной речи, обычно сниженной речи. Усечения маркируют отнесение человека к определенному социуму, т. е. их употребление показывает принадлежность к некоторой профессиональной группе или коллективу.

Многие лингвисты отмечают, что усечения характерны для различных типов сленга (школьного, спортивного, газетного). Так, к сленгу школьников и студентов относятся следующие усечения: *caf* < *cafeteria*, *digs* < *diggings*, *ec*, *eco* < *economics*, *lab* < *laboratory*, *maths* < *mathematics*, *prelims* < *preliminary examinations*, *prep* < *preparatory*, *prof* < *professor*, *undergrad* < *undergraduate*, *vac* < *vacation*, *varsity* < *university*. Многие усечения, используемые в школьном и студенческом жаргоне, служат для обозначения названий учебных дисциплин, ср.: *math* < *mathematics*; *chemmy* < *chemistry*; *trig* < *trigonometry*; *bio* < *biology*; *geol* < *geology* и т. п., а также некоторых должностей и общепотребительных слов.

В качестве примеров усечений, относящихся к военному жаргону, можно привести такие сокращенные единицы, как *bish* < *bishop*, *non-com* < *non-combatant*, *corp* < *corporal*, *sarge* < *sergeant*, *to demob* < *to demobilize*, *civvy* < *civilian*, *op* < *operator*.

В настоящее время динамично развивается компьютерный сленг. В компьютерном сленге часто используются такие усечения, как: *gig* < *gigabytes*, *bot* < *robot*, *Inet* < *Internet/Intranet*.

Ю. В. Горшунов полагает, сленговые усечения выступают «маркерами тональности речевого акта, неофициальных и непринужденных отношений между коммуникантами, одновременно они выступают как символы их социальной, социально-возрастной и социoproфессиональной общности, принадлежности к одному и тому же социальному микромиру» [Горшунов: 12]. Носители языка используют усечения, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к той или иной социальной группе.

Достаточно часто усечения возникают именно на уровне сленга. По этому поводу Г. Марчанд пишет, что усечения создаются как слова, не принадлежащие к литературному языку. Они появляются как слова отдельной группы людей, где намек достаточно, чтобы обозначить целое.

Г. Марчанд приводит примеры усечений, возникших в различных социальных группах людей. Так, например, в школьном жаргоне появились усечения *digs* (*diggings*), *exam*, *grad* (*uate*), *graph* (*ic formula*), *gym* (*nastics*), *math*, *matric* (*ulation*), *lab*, *mods* (*moderations*, *an examination at Oxford*), *prog* (*proctor*), *dorm* (*itory*) и многие другие. Усечения *consols* (*consolidated securities*), *divvy* (*dividend*), *spec* (*ulation*), *tick* (*et = credit*) и другие появились в жаргоне фондовой биржи, усечения *vet* (*eran*), *cap* (*tain*), *loot* (*lieutenant*) и другие относятся к военному жаргону.

Другая сфера распространения усечений — публицистические тексты, страницы газет и журналов. Н. А. Соловьева отмечает увеличение числа

усечений на страницах газет и журналов в настоящее время. Такие усечения как *ad* < *advertisement*, *biz* < *business*, *blog* < *weblog*, *info* < *information*, *Net* < *Internet*, *tech* < *technology*, *digi* < *digital* и др. достаточно часто употребляются в прессе. Н. А. Соловьева указывает на особую роль газет и журналов в популяризации усечений: «...печатные издания во многом способствуют популяризации усечений в речи, повышая степень «привычности» данного языкового явления. По причине активного употребления стилистически сниженные усечения со временем переходят в разряд нейтральной лексики» [Соловьева: 18]. В газетах усечения достаточно часто употребляются в заголовках. Можно привести пример такого заголовка: *Lift ads ban — ex-Minister*.

Лингвисты приводят различные причины распространенности усечений в прессе. Так, О. Д. Мешков объясняет распространенность сокращений в газетах, в частности в газетных заголовках следующими причинами: экономия места, желание воздействовать на читателя необычностью и экспрессивностью заголовка, желание заинтересовать, а иногда заинтриговать читателя.

М. А. Ярмашевич отмечает, что аббревиация наилучшим образом отвечает целям и задачам информационно-политического дискурса и его газетного формата в особенности. Использование аббревиатур обеспечивает сочетание как информативности и краткости, так и информативности и экспрессивности.

Усечения могут употребляться в рекламных текстах. По поводу употребления сокращений в рекламе М. А. Ярмашевич отмечает: «В рекламных текстах употребляются, как правило, уже известные сокращения. Использование же неизвестных аббревиатур привносит в текст оттенок стилистического усиления, подчеркивания новизны или важности информации, служит для привлечения внимания адресата. Аббревиатуры употребляются как средство языковой игры» [Ярмашевич: 32].

Е. А. Дюжикова приводит классификацию усечений с точки зрения их сферы употребления. Так, по мнению Е. А. Дюжиковой, с точки зрения сферы употребления и назначения слоговых аббревиатур-усечений можно выделить три разновидности:

1. Общераспространенные, нейтральные слова типа *metro* < *metropolitan*; *auto* < *automobile*; *cinema* < *cinematograph*; *stylo* < *stylograph*; *taxi* < *taximeter* и другие, которые вошли в лексику языка и практически вытеснили исходные формы;

2. Усечения с выраженной стилистической характеристикой, иногда фамильярного характера, с отношением говорящего к определённому социуму. Часто в словарях сокращений такие аббревиатуры снабжены по-

метами разг., жарг., диал., амер., *brum.*: *con* < *consumption* — *жарг.*; *veg* <; *advert* < *advertisement*.

3. Усечения, у которых «сдвиг»/перенос значения обнаруживается в самом значении аббревиатур: 1) метафора, 2) метонимия, 3) приращённые значения, связанные с различными коннотациями: а) расширение значения; б) сужение значения: *pub* < *public house*; *commem* < *commemorative postage stamp* в) компрессия: *comms* < *communications*; г) избыточность: *con* < *confidence (trick)*; д) эллипсис (результат совмещения процессов аббревиации и суффиксации): *blackie* < *blacksmith*.

Таким образом, некоторые усечения проходят такой путь: сленг — разговорный язык — нейтральные слова. Некоторые усечения, несмотря на то, что они появились достаточно давно, продолжают функционировать как разговорные или даже сленговые слова.

Итак, если в языке сохраняются и усечение, и полная форма слова, то они функционируют параллельно, при этом полное слово является нейтральным, а усечение — стилистически окрашенное. Многие усечения функционируют в языке параллельно со своими полными формами и не пересекаются с ними, так как используются в разных функциональных стилях речи. Если усечение вытесняет полное слово из употребления, то оно становится стилистически нейтральным словом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- АРНОЛЬД И. В. Лексикология современного английского языка. — М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1980. — 352 с.
- БОРИСОВ В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. — М.: Воениздат, 1972. — 320 с.
- ГОРШУНОВ Ю. В. Прагматика аббревиатуры: Автореф. дис... д-ра филол. наук. — М., 2000. — 32 с.
- ДЮЖИКОВА Е. А. Аббревиация сравнительно со словосложением: Автореф. дис... д-ра филол. наук. — М., 2003. — 32 с.
- ЗАБОТКИНА В. И. Новая лексика современного английского языка. — М.: Высш. шк., 1989. — 126 с.
- СОЛОВЬЕВА Н. А. Усечения в современной англоязычной прессе: Автореф. дис... д-ра филол. наук. — М., 2006. — 34 с.
- ЯРМАШЕВИЧ М. А. Аббревиация в современных европейских языках: структурные, семантические и функциональные аспекты: автореф. дис... д-ра филол. наук. — Саратов, 2004. — 41 с.
- MARCHAND H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. // Хидекель С. С., Гинзбург Р. З., Князева Г. Ю., Санкин А. А. Английская лексикология в выдержках и извлечениях. — Л.: Просвещение, 1969. — С. 111—146.

Л. Г. Попова

L. G. Popova

Мичуринск, Россия, larageorg@inbox.ru

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙНОЙ
И ЦЕННОСТНОЙ ЧАСТЕЙ ФРЕЙМА «РЕМЕСЛО»
В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ
VERBALIZATION OF CONCEPTUAL
AND VALUE PARTS OF THE FRAME «CRAFT»
IN THE GERMAN AND RUSSIAN LINGUOCULTURES**

Аннотация. Применение фреймов в исследовании концептов в виде изучения их предметно-образной стороны. Фрейм «ремесло» в немецкой и русской лингвокультурах.

Abstract. The frame usage in the research of the concepts as the studying of their objective figurative aspects. Frame “craft” in the German and Russian linguocultures.

Ключевые слова: *фрейм; паремия; дополнительные оценки.*

Keywords: *frame; paroemia; supplementary appreciation.*

УДК 81'37

В языкознании наших дней отмечается такой подход к исследованию концептов в виде изучения их предметно-образной стороны, которая моделируется фреймами [Виноградова 2005]. Под фреймом понимаются обобщенные структуры данных представлений стереотипных ситуаций. Фреймы — это модели измерения и описания знаний (ментальных репрезентаций), хранящихся в памяти людей. Фреймы конкретизируют, что в данной культуре характерно и типично, а что нет [Карасик 2004].

Обратимся к сопоставлению слов, представляющих понятийную часть фрейма «ремесло» в немецкой и русской лингвокультурах. В русском языке под ремеслом понимается требующая специальных навыков работа по изготовлению изделий ручным, кустарным способом. А в переносном смысле это профессия, работа.

Таков был этот, в некотором рода, знаменитый Клопский. Прочие были не знамениты, но тоже хороши. Это были братья Д., севишие на землю под Полтавой, люди необыкновенно скучные, тупые и самомнительные, хотя с виду весьма смиренные, затем некто Леонтьев, шуплый и маленький молодой человек болезненной, но редкой красоты, бывший паж, тоже мучивший себя мужицким трудом и тоже лгавший и себе, и другим, что

© Попова Л. Г., 2011

он очень счастлив этим, затем громадный еврей, похожий на матерого русского мужика, ставший впоследствии известный под именем Тенорома, человек, державшийся всегда с необыкновенной важностью и снисходительностью к простым смертным, нестерпимый ритор, софист, занимавшийся бондарным ремеслом [Бунин Воспоминания <http://bookz.ru>].

В этимологическом плане это существительное обладает сходством с лексемами в таких славянских языках, как: в украинском языке — ремесло, в белорусском языке — ремяство, в чешском языке — řemeslo, в словацком языке — remeslo, в польском языке — rzemiosło, в верхне- и нижнелужицком языке — rjemjesło. Слово происходит из индоевропейского корня *rem- и родственно древневерхненемецкому слову rama — подставка, станок.

В немецком языке этому русскому слову соответствуют варианты: das Handwerk, das Gewerbe.

Und wäre ich nicht gewesen, bis heute triebe er sein Handwerk noch, würde es bis ins hohe Alter weiterbetrieben haben, um schließlich als ehrwürdiger Patriarch im Kreise seiner Lieben, angetan mit hohen Ehren, künftigen Geschlechtern ein leuchtendes Vorbild, seinen Lebensabend zu genießen, bis — bis endlich auch über ihn das große Verrecken hinweggezogen wäre [Meyrink Der Golem <http://andrey.tsx.Org>].

Ansätze zur Demokratie zeigten sich und neue Ideen: Pestalozzi, arm, schäbig und glühend, zog im Lande herum, von einem Unglück ins andere. Eine radikale Wende zu Geschäft und Gewerbe setzte ein, drapiert mit den entsprechenden Idealen. Die Industrie begann sich breitzumachen, Eisenbahnen wurden gebaut [Dürrenmatt Grieche sucht Griechin <http://artefact.lib.ru>].

Существительное das Handwerk имеет значение в немецком языке такого плана, как профессия ремесленника. А существительное das Gewerbe обладает семантикой «профессиональная деятельность, не связанная со свободными профессиями и профессиями в лесном деле и сельском хозяйстве». Можно констатировать тот факт, что в немецком языке оба существительных по-своему представляют понятийную часть изучаемого фрейма. Если в русском языке ремесло — это просто без уточнения профессия, то в немецком языке это профессия в определенных сферах деятельности.

Обратимся к сопоставительному анализу ценностной части фрейма «ремесло» в виде паремий немецкого и русского языков. Как в немецких, так и в русских паремиях присутствует информация о том, что человек, владеющий ремеслом, всегда сможет материально обеспечить себе жизнь.

Handwerk nähert seinen Meister.

Ремесло и учит, и кормит.

В немецких паремиях дается характеристика ремесла, подчеркивая, что это, прежде всего, физический труд именно вручную.

Grobes Handwerk macht grobe Finger.

Дополнительно к сказанному в немецких поговорах присутствуют и дополнительные оценки ремеслу. Ремесло может быть разным, важно, чтобы владеть им мастерски.

Seines Handwerks braucht sich niemand zu schämen.

Важным является в немецких поговорах присутствие чувства меры.

Viel Handwerke verderben den Meister.

Следовательно, в обоих сопоставляемых лингвокультурах под ремеслом понимается профессия, но в немецкой лингвокультуре имеется перечень уточнений сфер профессиональной деятельности человека. Как в русской, так и в немецкой лингвокультурах владение ремеслом ценится высоко, так как ремесло материально обеспечивает жизнь человека. В немецкой лингвокультуре дополнительно подчеркивается важность проявления чувства меры в ремесло наряду с мастерским владением своим ремеслом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

ВИНОГРАДОВА С. Г. Фрейм «экзистенциальность» как когнитивная основа значимых английских экзистенциальных глаголов // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. трудов. — Тамбов: изд-во Тамбовск. гос. ун-та, 2005. — 395 с.

КАРАСИК В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004. — 390 с.

БУНИН И. Воспоминания. [Электронный ресурс]. URL: <http://bookz.ru>.

DÜRRENMATT Friedrich Grieche sucht Griechin. [Электронный ресурс]. URL: <http://artefact.lib.ru>.

MEYRINK Gustav Der Golem. [Электронный ресурс]. URL: <http://andrey.tsx.org>.

Л. В. Попова

L. V. Popova

Омск, Россия, la-09@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ТРАКТОВКИ ТЕРМИНОГРАФИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ PECULIARITIES OF THE INTERPRETATION TERMINOGRAPHY AND LEXICOGRAPHY IN THE RUSSIAN AND FOREIGN RESEARCHERS' WORKS

Аннотация. Составляющие понятия «терминография», их особенности. Характеристика специализированной лексикографии. Различие и сходство понятий: терминография и лексикография.

Abstract. The formation of the notion “terminography”, its peculiarities. The characteristic of the language for special purposes. The difference and similarity of the notions: terminography and lexicography.

Ключевые слова: специализированная лексикография; терминография; лексикография.

Keywords: language for special purposes; terminography; lexicography.

УДК 81'1

Одним из наиболее востребованных направлений теории и практики лексикографии на современном этапе, по мнению С. А. Крестовой, является терминологическая лексикография (специализированная (LSP) лексикография — терминография) [Крестова, 2003]. В связи с данным высказыванием возникает несколько вопросов: что входит в понятие терминографии и каковы его особенности, а также чем характеризуется специализированная лексикография, так называемая LSP.

Понятие LSP подробно рассматривается в работах А. И. Комаровой, В. М. Лейчика, К. Я. Авербуха, И. П. Массалиной, В. Ф. Новодрановой, Е. Вюстера. Аббревиатура LSP происходит от английского *Language for Special Purposes* и в переводе на русский язык означает «язык для специальных целей». Полагаем, что наиболее точным и полным определением является следующее определение: «LSP — это система лингвистических средств общенационального языка, которая репрезентирует структуры знания, сложившиеся в определенный период развития науки и демонстрирующие достигнутый в этот период особый уровень развития в конкретной предметной области знания, важный для социума и обеспечивающий его собственное развитие и прогресс» [Массалина, Новодранова 2009: 32]. Выясним, каким образом связаны понятия терминографии, лексикографии и LSP.

Понятия *терминографии* и *лексикографии* выделены в работе Х. Бергенхольц [Bergenholtz, 2006]. *Терминография* определяется как «запись, обработка и представление терминологических данных, полученных при помощи терминологического исследования» и является составной частью терминологии [Bergenholtz 2006: 283], а *лексикография* подразделяется на две ветви: 1) лексикография для общелитературного языка (LGP) и 2) лексикография для языка для специальных целей (LSP) [там же]. Автор отмечает, с одной стороны, сходство понятий: 1) терминография и лексикография являются синонимами, поскольку у них одинаковые или почти одинаковые значения; 2) и терминография, и лексикография имеют специализированные словари в качестве объекта. С другой стороны, автор, характеризуя каждое понятие с точки зрения целей, задач и способа описания,

формулирует пять отличительных свойств, присущих указанным явлениям, а именно: **терминография** (*terminography*) сосредотачивается на описании терминов языка для специальных целей; терминографы предпочитают системную макроструктуру; терминография является предписывающей; целевая группа — специалисты в определенной области; задачей терминологов является в том, чтобы помочь пользователям кодировать тексты. Заметим, что терминография входит в состав *терминологии* (*terminology*) наряду с *лексикой определенной предметной области* (*the vocabulary of a specific subject field*) и *набором способов и методов для сбора, описания и представления терминов* (*the set of practices and methods used for the collection, description, presentation of terms*). При этом **лексикография** (*lexicography*) имеет дело с описанием слов языка в целом, т. е. общелитературного языка; лексикографы работают с алфавитными макроструктурами; лексикография является описательной; целевая группа — дилетанты; цель лексикографов — помочь пользователям расшифровать тексты. Между тем, неоднократно подчеркивается, что четкой границы между данными понятиями все же не существует, поскольку лексикография тоже работает с терминами языка для специальных целей, а также с системными и алфавитными макроструктурами. Лексикография, по мнению автора, должна быть и описательной, и предписывающей. Адресатом могут быть и дилетанты, и эксперты. Кроме того, словари готовятся как с целью кодирования, так и расшифровки текстов.

В отечественном терминоведении имеется прикладное терминоведение, семь направлений которого выделяет в своей работе В. М. Лейчик [Лейчик, 2006]. В первую очередь автор обращается к практике создания терминологических словарей, и эта деятельность называется *терминологической лексикографией*, или *терминографией*. Проводя некую аналогию с формулировками зарубежных ученых, нетрудно заметить разницу уже в самом названии направлений: терминография и лексикография у Х. Бергенхольца и терминография у В. М. Лейчика. Но для того, чтобы увидеть ситуацию более четко, следует подробнее рассмотреть точку зрения В. М. Лейчика. Так, по мнению ученого, классификации терминологических словарей могут базироваться на определенных принципах. Они следующие: тематический охват, содержание левой части (заголовочного слова) словарной статьи, содержание правой части словарной статьи, способ упорядочивания словника, цель (функция) и назначение словаря, охват языков, новизна терминов [Лейчик 2006: 205]. Следовательно, на первом месте оказывается тематический охват.

Интересно, что определенный набор признаков терминологического словаря имеется и в работе Х. Бергенхольца, а именно: целевая аудитория,

т. е. адресат, лексикографические функции, цель словаря и данные для включения в словарь [Bergenholtz 2006: 287—290]. Ясно, что в работе Х. Бергенхольц приоритет отдан адресату, а тематический охват завершает список. Такое положение дел свидетельствует, на наш взгляд, о выдвигении антропологического подхода на центральное место.

Таким образом, создание специализированных словарей является объектом терминографии в отечественном терминоведении, а также и терминографии, и лексикографии в зарубежной лингвистике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- АВЕРБУХ К. Я. Общая теория термина / К. Я. Авербух. — Иваново, 2004. — 252 с.
- КОМАРОВА А. И. Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей (LSP) / А. И. Комарова. — М.: Едиториал УРСС, 2007. — 192 с.
- КРЕСТОВА С. А. Лексикографическое описание терминологической системы «лексикография»: дис... канд. филол. наук / С. А. Крестова. — Иваново, 2003. — 300 с.
- ЛЕЙЧИК В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. — М.: КомКнига, 2006. — 256 с.
- МАССАЛИНА И. П. Дискурсивные маркеры в английском языке военно-морского дела / И. П. Массалина, В. Ф. Новодранова. — Калининград: Издательство ФГОУ ВПО «КГТУ», 2009. — 278 с.
- BERGENHOLTZ H. Subject-field components as integrated parts of LSP dictionaries / H. Bergenholtz, S. Nielsen. — John Bengamin Publishing Company, 2006. — Pp. 281—306.
- WÜSTER E. Die allgemeine Terminologielehre — eine Grenzgebiet zwischen Sprachwissenschaft, Logic, Ontologie, Informatik und Sachwissenschaften / E. Wüster // Linguistics. — 1974. — № 119. — Pp. 61—106.

Е. Г. Скребова

E. G. Skrebova

Воронеж, Россия, dolgorukaja1@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕМЕЦКИХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ В ТЕКСТЕ

PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF THE GERMAN COMPOUND SENTENCES OF LOCALIZATION IN THE TEXT

Аннотация. Механизмы процессов текстообразования. Языковое описание пространства. Протяженность — общее свойство времени и пространства.

© Скребова Е. Г., 2011

Abstract. Mechanism of the process of text formation. Linguistic description of location. Extent as the general feature of time and location.

Ключевые слова: пространственно-временная характеристика; отношение адресата к отражаемому объекту; симметрия текста; эвристический сигнал.

Keywords: spatio-temporal feature; relationship of the addressee to the reflecting object; symmetry of text; heuristic signal.

УДК 811.112.2

В последнее время вопросы описания процессов порождения и функционирования текста привлекают к себе все большее внимание исследователей разных направлений. Это связано со значительными достижениями в развитии лингвистики текста, проблемное поле которой образуют основные признаки текста, внутренние связи, формирующие его как единое целое, разработка различных методов исследования, направленных на анализ онтологических качеств текста. Однако, несмотря на многоаспектность изучения текста, ученые не пришли к единому мнению относительно механизмов процессов текстообразования, поскольку закономерности, регулирующие синтагматическое развертывание структур от начала к концу текста, а также правила трансформаций и типы взаимоотношений разнородных элементов, оказываются недостаточно изученными.

Эвристически многообещающим, согласующимся с последними тенденциями в развитии лингвистики текста, нам представляется подход, при котором текст понимается как речевое произведение, порожденное языковой личностью и адресованное языковой личности. Введение в онтологическую область текста коммуникантов, как новых для этой области физических тел, предполагает структурирование их взаимодействия. Таким образом, порождение и функционирование текста представляет собой сферу межличностных отношений адресанта (отправителя данного текста) и адресата (лица, к которому обращен данный текст) [Москальчук 2003; Степанов 2001; Тарасов 1987].

Структура текста в рамках описанного выше подхода предстает в виде конечной последовательности переходящих друг в друга синтаксических конструкций в заданном пространстве-времени. Эта последовательность неоднородна по ряду параметров: по типу предложений, моделирующих пространство текста; по их закреплённости за тем или иным коммуникативным регистром речи; по потенциальной реализации в системе текста. С учетом сказанного предложение представляет собой базовый элемент процесса текстообразования, функционирование которого в тексте обуслов-

лено взаимозависимостью целого и его составных частей [Жинкин 1982: 79]. Предложение, участвуя в организации текста, является носителем его свойств, в то же время эти свойства оказываются существенными признаками, составляющими отличительную особенность самого предложения.

Настоящая статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования немецких сложноподчиненных предложений локализации в тексте.

Сложноподчиненные предложения локализации характеризуют соотносимые ситуации с точки зрения их пространственных отношений. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что языковое описание пространства в немалой степени зависит от восприятия адресанта, которое включает в себя пространственно-временную характеристику того или иного объекта, с одной стороны, и отношение адресанта к отражаемому объекту — с другой. Восприятие адресанта также определяет способ репрезентации отношений локализации.

Наиболее полное и адекватное выражение интересующие нас отношения получают в сложноподчиненном предложении, поскольку данный тип синтаксических конструкций, будучи комплексным языковым знаком, позволяет передать не только всю совокупность элементов, присутствующих в сознании адресанта и составляющих его представление о пространстве, но и специфику их взаимной связи.

Сложноподчиненные предложения локализации фиксируют место реализации основной ситуации, выдвигая на передний план статические состояния: *Und wo sich die Fürsten erniedrigt hatten, fiel den Dichtern Ansehen zu (G. Grass); Weißt du noch den hübschen Abend am Ufer, wo nebenan im Zelt das Grammophon gespielt hat, und wo wir hinter den Bäumen zu der fremden Musik getanzt haben? (K. Tucholsky); Drüben am Parlamentspalast, wo die Gasse eine Biegung machte, verlor er ihn aus den Augen und war außerordentlich erleichtert (P. Süskind).*

Здесь следует подчеркнуть, что овладение языковыми средствами, позволяющими ориентироваться в пространственной действительности, тесно связано с процессом формирования понятия времени. Пространство и время сопоставимы в том смысле, что они обладают общим свойством — протяженностью. Протяженность принято рассматривать топологично, а именно: каждой точке соответствует определенное количество окружений, а каждому объекту — характерная пространственная сфера, в которой он доминирует и взаимодействует с другими объектами. Исходя из сказанного, способы глагольного действия с закрепленными за ними акциональными значениями оказывают существенное влияние на выражение отношений локализации, указывая на полное/частичное вхождение пространств друг в друга, на их границу. Они также предопределяют реализацию сложного

целого в тех или иных коммуникативных регистрах речи, так как оказываются тесно связанными с показателями пространственно-временной позиции адресанта [Золотова 2004: 59].

При анализе особенностей функционирования сложноподчиненных предложений локализации необходимо сделать несколько оговорок, оказывающих определенное воздействие на нашу интерпретацию текстового фрагмента, в который они включены. Во-первых, пространство в сложноподчиненных предложениях локализации представляется как горизонтальная, расположенная примерно на одном уровне с адресантом область, окружающая его в момент, о котором идет речь. Во-вторых, соотносимые в сложноподчиненном предложении пространства могут входить друг в друга полностью или частично.

При полном вхождении пространств друг в друга в главной и придаточной частях сложного целого реализуются, как правило, глаголы неопредельных способов действия с количественно-временным, процессно-длительным или активно-процессным акциональным значением: *Wo der eine war, da war auch der andere (S. Fenton); Wo sie stand oder bei Kaffee und Kuchen saß, war sie Mittelpunkt (G. Grass); Jüli gehörte das obere Stockwerk, wo sie höchstens vorübergehend Nina duldeten (J. Steinberg).*

Приведенные выше сложноподчиненные предложения относятся к информативному регистру, поскольку в акциональном значении глаголов (наряду с характеристикой меры длительности) заложено имплицитное указание на узуальность действий, состояний, что сигнализирует о модусном вмешательстве адресанта, т. е. о коррелятивной операции мыслящего субъекта над представлением об описываемых событиях.

Частичное вхождение пространств друг в друга передается посредством комбинации глаголов предельных способов действия с результативным акциональным значением и неопредельных способов действия с процессным акциональным значением: *Denn auf der Seite, wo er gelegen war, waren seine Kleider mürrig geworden und verfault (J. P. Hebel); Die vier Panzer rollten die Straße entlang, die unter schwerem Artilleriefeuer lag, erreichten die Oder und kletterten über den Damm, wo ein Wagen im Einschlag einer 21-Zentimeter-Granate auseinanderbrach (D. Noll); Vor dem Schutthaufen, wo ihr Elternhaus gewesen war, blieb sie stehen, nur aus Gewohnheit, da sie früher hin und wieder etwas noch Brauchbares in den Trümmern gefunden hatte (L. Frank).*

Сложноподчиненные предложения рассматриваемого подтипа обычно функционируют в репродуктивном/изобразительном регистре. Это объясняется тем, что они тесно связаны с хронотопом адресанта, иначе — с дейктической триадой «я» — «здесь» — «сейчас». При этом как адресант может не совпадать с перцептором (персонажем-наблюдателем) в 3-м лице,

так место и время наблюдаемого события могут не совпадать с «наблюдательным пунктом» адресанта [Золотова 2004: 169].

В тексте сложноподчиненные предложения локализации реализуются, как правило, в «гармоническом» центре — наиболее защищенной от лексических и грамматических потерь зоне, обеспечивающей структурно-информационную устойчивость всего текста. Например: *(Auch die Claire existiert noch.) Sie lebt als eine wacklige, etwas tropfnasige Alte in Ducherow, unweit Pasewalk, wo sie neugierigen Fremden vom Rathauskastellan gegen ein Entgelt von fünfundzwanzig Pfennigen gezeigt wird; vormittags von elf bis eins und nachmittags von drei bis fünf (K. Tucholsky); Und mit den roten Punkten markierte er den Rumpf dort, wo die Torpedos ihr Ziel gefunden hatten: einen Punkt auf die Backbordseite des Vorschiffes, den nächsten dorthin, wo auch ich im Schiffsinneren das Schwimmbad vermutet hätte, der dritte Punkt war für den Maschinenraum bestimmt (G. Grass); (Der altenglische König Cymbelin hadert mit seiner Tochter Innogen, weil die einen nichtswürdigen Edelmann geheiratet hat.) Der wird vom Hof verwiesen und findet ausgerechnet beim bedrohlichen Feind in Rom Asyl — wo er eine blöde Wette auf die Treue seiner Frau abschließt (Der Spiegel. 1998. № 25).*

Синтаксические конструкции, подобные приведенным выше, функционируют в качестве дуплексных элементов, которые образуют взаимосвязь с инициатором своей подструктуры и имеют одностороннюю входящую связь с инициатором другой подструктуры. При этом интересующие нас предложения оказывают существенное влияние на процесс текстообразования, поскольку являются организующим моментом сюжетной линии. По наблюдениям Н. К. Гея, в тексте принято различать два типа пространств, а именно: пространство наблюдателя (иначе — адресанта), с одной стороны, и пространство персонажей, с другой. Пространство наблюдателя/адресанта доминирует над пространством персонажей, поскольку подвижность точки зрения адресанта объединяет разные ракурсы описания и изображения [Гей 1975: 256—257]. С учетом сказанного сложноподчиненные предложения локализации оказываются одним из основных средств создания так называемых «закрытых» пространств, ограничивающих существование персонажей известными пределами. Закрытые пространства, впрочем, как и существование в них характеризуются статичностью.

Проведенный нами анализ немецких сложноподчиненных предложений локализации показывает, что описываемый тип синтаксических конструкций принадлежит к базовым структурам процесса текстообразования, посредством которых создается симметрия текста. Являясь аргументированными коннекторами основных направлений развития сюжетной линии, предложения данного типа обслуживают коммуникативное действие, и их появление в тексте оказывается эвристическим сигналом для адресата, ко-

торый через характеристики рассмотренных построений то возвращается к ожидаемому, то погружается в «новое».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ГЕЙ Н. К. Художественность литературы. Поэтика. Стилль / Н. К. Гей. — М.: Наука, 1975. — 470 с.
- ЖИНКИН Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. — М.: Наука, 1982. — 156 с.
- ЗОЛОТОВА Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. — М.: Наука, 2004. — 542 с.
- МОСКАЛЬЧУК Г. Г. Структура текста как синергетический процесс / Г. Г. Москальчук. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 296 с.
- СТЕПАНОВ Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. — 2-е изд. — М.: Едиториал УРСС, 2001. — 312 с.
- ТАРАСОВ Е. Ф. Тенденции развития психолингвистики / Е. Ф. Тарасов. — М.: Наука, 1987. — 168 с.

А. И. Томилова

A. I. Tomilova

Екатеринбург, Россия, alexara@list.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КОНТЕКСТУАЛЬНОЙ ПСЕВДОЭКВИВАЛЕНТНОСТИ THEORETICAL BASES OF THE STUDYING OF THE CONTEXTUAL PSEUDO-EQUIVALENCE

Аннотация. Классификации и концепции понятия эквивалентности. Явление псевдоэквивалентности на материале русского и французского языков. Классификация ложных эквивалентов. Структура предлагаемого словаря.

Abstract. Classifications and conceptions of the notion of the equivalence. Pseudo-equivalence phenomenon in the Russian and French texts. Classification of false equivalents. Structure of the offered dictionary.

Ключевые слова: *контекстуальная псевдоэквивалентность; контекст; ложный аналог; аспект.*

Keywords: *contextual pseudo-equivalence; context; false analogue; aspect.*

УДК 81'37

Возрастающий во всем мире интерес к проблемам перевода и понимания текста обуславливает актуальность изучения контекстуальной псевдо-

© Томилова А. И., 2011

эквивалентности, степень теоретического осмысления которой представляется нам недостаточной. Авторы рассматривают лишь контекстуальную эквивалентность (Я. И. Рецкер, В. Г. Гак, Л. С. Бархударов, В. В. Виноградов и др.) или псевдоэквивалентность в целом (С. В. Грецова, О. Ю. Инькова, Р. А. Будагов, А. В. Федоров, К. Г. М. Готлиб, В. В. Акуленко и др.).

Понятие эквивалентности является базовым для теории перевода. Многие авторы для определения эквивалентности отталкиваются от определения эквивалентов. Основные расхождения в этих определениях связаны, на наш взгляд, с пониманием эквивалентности как мелкомасштабной (эквивалентность существует на уровне слова, словосочетания, предложения и сверхфразового единства) и крупномасштабной (на уровне всего текста, и, если идти еще дальше, на уровне сверткста) [Латышев 1988: 129]. Помимо разделения эквивалентности на мелкомасштабную и крупномасштабную, в литературе по переводоведению встречаются и другие классификации и концепции. Выделяются постоянные эквиваленты (В. Г. Гак, Я. И. Рецкер), словарные (В. Г. Гак, Ю. И. Львин), контекстуальные (В. Г. Гак, Я. И. Рецкер), формальные (В. Г. Гак), смысловые и ситуационные (В. Г. Гак, Ю. И. Львин, А. Д. Швейцер) и др. Понятие эквивалентности описывают следующие концепции: концепция динамической эквивалентности (Ю. Найда), концепция формального соответствия и нормативно-содержательного соответствия (Л. К. Латышев), концепция полного и адекватного перевода (Я. И. Рецкер, А. В. Федоров) и др.

Обратной стороной эквивалентности правомерно, на наш взгляд, считать явление псевдоэквивалентности. Авторы работ по переводоведению еще не пришли к единому пониманию псевдоэквивалентности и к единой номинации данной категории слов. В своем исследовании мы используем термин «псевдоэквиваленты», под которыми мы понимаем лексические единицы двух языков близкие фонетически и/или графически, но имеющие разные семантические, грамматические, функциональные и стилистические значения, тем самым вызывающие ложные аналогии при переводе. Этимологическую общность в нашей работе мы не считаем обязательным фактором, в отличие от М. Кёсслера, Ж. Дерокиньи, А. В. Федорова, для которых это явление является важным условием установления псевдоэквивалентности. Среди прочих факторов, влияющих на возникновение псевдоэквивалентности, можно выделить многозначность, расхождение реаллий, семантического развития интернациональных слов, несовершенство двуязычных словарей.

Обзор литературы показывает, что существует немало различных классификаций ложных эквивалентов. Так, М. Кёсслер, Ж. Дерокиньи и Ф. Буайо выделяют ложные эквиваленты по трем признакам: формальное сходство, общая этимология и различия в семантике [Boillot 1956: 7—10]. Недоста-

ток этой классификации — в отсутствии единого критерия для отбора слов данной категории. Другие авторы (Ж.-П. Колинзон, П.-В. Бертье и др.) предлагают для определения «ложных друзей» иные критерии: сходство по форме и расхождение в значениях, при этом они относят к «ложным друзьям» слова, существующие как в разных языковых системах, так и внутри одной языковой системы (омонимы). К. Г. М. Готлиб выдвигает три критерия для отбора «ложных друзей»: 1) этимологическая связь, 2) внешняя форма и 3) смысловая структура слова [Готлиб 1966: 7]. А. В. Л. Муравьев вводит еще один очень важный критерий для определения «ложных друзей переводчика» — функциональный, и предлагает две классификации. Автор различает «ложных друзей» по частоте употребления и контекстуальных «ложных друзей» [Муравьев 1970: 8—10]. В. Л. Муравьев при изучении псевдоэквивалентов учитывал так же пять аспектов: семантический аспект, фразеологический аспект, стилистический аспект, формальный и этнографический. Р. А. Будагов, анализируя типы отношений, существующих между псевдоэквивалентами, выделяет 8 типов: 1) в одном языке слово имеет более общее (менее специальное) значение, чем в другом языке; 2) родовое значение в одном языке, видовое — в другом; 3) однозначность в одном языке, многозначность — в другом; 4) межязыковая стилистическая неэквивалентность слов и словосочетаний; 5) живое, неархаичное значение в одной языке, архаичное (в большей или меньшей степени) — в другом языке; 6) лексически свободное значение в одном языке — лексически несвободное значение в другом языке; 7) термин в одном языке, не-термин в другом языке; 8) слово в одном языке, словосочетание в другом языке [Будагов 1971: 362—368].

Явление псевдоэквивалентности на материале русского и французского языков остается малоизученным. В литературе можно встретить детальное описание псевдоэквивалентов лишь для французского и итальянского (О. Ю. Инькова), русского и английского языков (В. В. Акуленко), испанского и русского языков (С. И. Канонич), чешского и русского языков (А. И. Журавлев), немецкого и русского языков (В. В. Келтуяла, К. Г. М. Готлиб), что находит отражение в публикации словарей псевдоэквивалентов. На материале русского и французского языков мы можем назвать только учебное пособие-словник В. Л. Муравьева, выпущенное в 1969 году. В последние годы внимание проблеме псевдоэквивалентности русского и французского языков уделялось С. В. Грековой (2008), однако переводческие псевдоэквиваленты в этой работе не рассматриваются по объему значений. Ввиду этого мы предлагаем свою модель словарной статьи и словаря псевдоэквивалентов русского и французского языков.

Структуру словаря можно представить схематически следующим образом:

Слово французского языка

Псевдоэквивалент

Истинный перевод
на русский язык

Истинный перевод
псевдоэквивалента

Значения слов французского языка раскрываются в словарной статье, взятой из французского толкового словаря. *Истинный перевод на русский язык* данных слов представлен значениями, взятыми из франко-русского словаря. *Псевдоэквивалент* — это русское слово, похожее по форме (звучанию) на слово французского языка, но семантически неэквивалентное ему. Поэтому значения псевдоэквивалента представлены статьей, взятой из русского толкового словаря. *Истинный перевод псевдоэквивалента* на французский язык — это перевод, взятый из русско-французского словаря.

Обращаем внимание, что в нашем словаре даны все значения слов, зафиксированные в использованных словарях, а не только основные. Это позволяет точнее установить степень эквивалентности (или псевдоэквивалентности) этих пар слов.

Пример:

Anecdote n. f. (*gr. anecdota, choses inédites*).

Bref récit d'un fait curieux, amusant ou peu connu.

1. Рассказик; **забавная история**; анекдот; любопытный случай; занятная подробность; *raconteur une* ~ рассказать случай из жизни 2. второстепенная деталь, малозначительная подробность

Анекдот [от греч. *anékdotos* —неопубликованный]

1. Один из жанров фольклора: короткий юмористический рассказ, обычно высмеивающий кого-л., что-л.

2. *Разг.* Необычное происшествие, событие.

●Первоначально: занимательный или поучительный рассказ из жизни исторического лица, легендарного героя и т. п.

Historiette f, Histoire f drôle

Очевидно, что слова различаются по объему выражаемого ими понятия и по сфере их использования. Нередки случаи, когда слову в одном языке соответствует ряд слов в другом, обозначающих тот же объект, но с добавлением экспрессивно-эмоциональной положительной или отрицательной окраски, уточняющих различные стороны явления, относящиеся к разным функциональным стилям речи [Томашпольский 2007: 92—94].

Выбор эквивалента при переводе зависит не только от словарных значений, но напрямую связан и определен контекстом, в связи с чем необходимым представляется рассмотреть понятие контекста и его влияние на перевод.

Понимание контекста философами и лингвистами отличается. В целом, можно сказать, что под контекстом принято понимать языковое окружение, в котором употребляется та или иная лингвистическая единица. Авторы выделяют различные виды контекста, но, на наш взгляд, основным можно считать разделение контекста на узкий и широкий (микро и макро-контекст). Обзор литературы показывает, что многие лингвисты (Л. С. Бархударов, Э. В. Кузнецова, В. В. Виноградов, В. Г. Гак и др.) убеждены во влиянии узкого и широкого контекстов на выбор эквивалента при переводе.

Контекстуальная псевдоэквивалентность почти не рассматривается учеными. В нашей работе под контекстуальными псевдоэквивалентами мы понимаем лексические единицы двух языков, близкие фонетически и/или графически, в целом эквивалентные или частично-эквивалентные в своих словарных значениях, но проявляющие разные семантические, грамматические, функциональные и стилистические значения в определенном контексте, тем самым вызывающие ложные аналогии при переводе. Например, две лексические единицы могут быть относительно эквивалентны в своих словарных значениях, но их реализация в рамках определенного контекста и определенного языкового окружения может вызвать у переводчика ложные аналогии, как например, французское «*décoration*» и русское «декорация». Обратившись к толковым словарям французского и русского языков, мы выяснили значения этих слов: *décoration* — n. f. 1. Action, art de décorer; ensemble de ce qui décore. *La décoration d'un appartement*. 2. Insigne d'une distinction honorifique d'un ordre de chevalerie [Larousse 2009: 213];

декорация — [франц. *décoration*] живописное или архитектурное изображение места и обстановки действия, устанавливаемого на сцене. || О том, что является показным, служащим для прикрытия недостатков, непривлекательной сущности чего-л [Щерба, Матусевич 2001: 96].

Таким образом, очевидно, что в своих словарных значениях эти лексические единицы практически эквивалентны, несмотря на незначительное расхождение в объеме значения данных слов. Но выражение *décerner une décoration à qn* (наградить кого-либо орденом) может вызвать некоторые трудности у русского переводчика. Контекстуальные значения возникают в процессе употребления слов в речи, в зависимости от окружения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

BOILLOT F. Le second vrai ami du traducteur anglais-français et français-anglais. — P., 1956.

- БУДАГОВ Р. А. Несколько замечаний о ложных друзьях переводчика / Р. А. Будагов. // Мастерство перевода. — М., 1971. — сб. 8 Советский писатель. — С. 362—368.
- ГОТЛИБ К. М. Междязыковые аналогизмы французского происхождения в немецком и русском языках: автореф... канд. фил. наук / К. М. Готлиб — Новосибирск, 1966.
- ЛАТЫШЕВ Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М., 1988. — 160 с.
- МУРАВЬЕВ В. Л. Псевдоэквивалентные пары слов в русском и французском языках: автореф. дис... канд. филол. наук / В. Л. Муравьев — М., 1970.
- ТОМАШПОЛЬСКИЙ В. И. Сравнительная типология французского и русского языков / В. И. Томашпольский. — Екб., 2007. — 110 с.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

- ГАК В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь: 5-е изд., испр. — М.: Русский язык, 2000. — 1195 с.
- СКЛЯРЕВСКАЯ Г. Н. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения — СПб.: Фолио-Пресс, 2000. — 613 с.
- ЩЕРБА Л. В., Матусевич М. И., Никитина С. А. Большой русско-французский словарь — М.: Русский язык, 2001. — 561 с.
- Larousse de poche 2009. Dictionnaire et encyclopédie (poche) — Paris: Larousse, 2009. — 1033 p.

Т. Н. Федуленкова

T. N. Fedulenkova

Северодвинск, Россия, taniafed@atnet.ru

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ И ИХ БИБЛЕЙСКИМИ ПРОТОТИПАМИ DIFFERENTIATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS AND THEIR BIBLICAL PROTOTYPES

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ фразеологических единиц и их библейских прототипов.

Abstract. The article gives the comparative analysis of phraseological units and their biblical prototypes.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, Библия, прототип.*

Keywords: *phraseological units, Bible, prototypes.*

УДК 81'373+811.111.1

The paper is based on the phraseological conception introduced by A. V. Kunin [Кунин 1964: 9] and his method of phraseological identification

© Федуленкова Т. Н., 2011

[Кунин 1996: 38]. After A. V. Kulin we maintain that the phraseological unit (PU) is a stable combination of words with a full or partial transference of meaning [Кунин 1970: 210].

The peculiarity of the phraseological units (PUs) of the biblical etymology is that, even while we study them from the synchronic point of view, there always exists their genetic source, or a prototype, which is considered to be the linguistic or associative material on the basis of which the meaning of a new unit is materialized [Fedulenkova 2001: 4]. More than that any kind of phraseological studies is based on the conscious or unconscious comparison, or contrasting, of the phraseologism with its prototype.

Some phraseological units have an absolute prototype in the Bible, i. e. their componential organization, lexical meaning and grammatical structure are identical to those of the biblical expression, e. g.: a) daily bread — meaning ‘one’s necessary means of existence’: «*Give us this day our **daily bread***» (Matthew, VI: 11) — «*Хлеб наш насущный дай нам днесь*» (От Матфея, 6: 11); b) before smb’s face — meaning ‘very close to smb’: «*Behold, I send my messenger **before thy face**, which shall prepare thy way before thee*» (Mark, I: 2) — «*Вот, я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою*» (От Марка, I: 2).

Phraseological units of this group may be subdivided into two following subgroups: a) the PUs the biblical prototypes of which are used in the Bible in figurative sense as in example 1; b) the PUs which appear as the result of transformation of the biblical prototype which is considered to be a free/variable group of words or a sentence and is used in the Bible in literal meaning as in example 2.

The first group includes the biblical PUs whose genetic prototype is semantically transformed. The most widespread form of semantic transformation is formation of the PUs by means of full or partial semantic transformation of free/variable word groups or sentences when the meaning of a unit is transferred from one thing or situation onto the other. The following examples prove this statement:

(a) Sodom and Gomorrah — this set expression is used in the Bible denoting the ancient cities which were wallowed in the sins and that is why they were destroyed: «*And the Lord said, «Because the cry of **Sodom and Gomorrah** is great, and because their sin is very grave, ...»* (Genesis, XVIII: 20). — «*И сказал Господь: вопль Содомский и Гоморрский, велик он, и грех их, Тяжел он весьма*» (Бытие, 18: 20). Later the word combination gained the meaning of ‘a vicious, sinful place’;

(b) balm in Gilead — this phrase dates back to the biblical text and is of literal meaning: «*Is there no **balm in Gilead**, Is there no physician there? Why then is there no recovery for the health of the daughter of my people?*» (Jeremiah, VIII: 22) — «*Разве нет бальзама в Галааде? Разве нет там врача? Отчего*

же нет исцеления... народа моего?» (Книга Пророка Иеремии, 8: 22). The text tells us about the balm which had cured the people from all the diseases and which was made from the juice of a bush growing in the suburbs of Gilead. Later the set expression 'balm in Gilead' gained a more general and abstract meaning of 'comfort, consolation, recovery'.

A great number of such PUs belonging to this group derived from their prototypes as a result of metaphorical transference, the nature of which depends on the parameters according to which the PU coincides with its prototype.

The second group includes those PUs which are used in the very biblical text as the units consisting of the components with a figurative meaning. The presence of a large amount of such units in the Bible is ascribed to the artistic nature of the Bible which proclaims not only the commandments of the religious doctrine but has an emotional impact upon the people due to the bright and memorable images. The pragmatic aim might have induced the authors to include the phraseological units into the Bible, e. g.: the salt of the earth — the finest citizens, persons with very high qualities; the beam (mote) in smb's (one's own) eyes — one's own faults; walk in darkness — act at random; cast pearls before swine — offer smth valuable or beautiful to those who cannot appreciate it; dead dog — *familiar* a useless thing or a harmless person, etc.

As it has been observed there is such a PU like 'dead dog' used in the Biblical text as a word combination with a transformed meaning of 'a man who is not dangerous to anybody': «*After whom is the king of Israel come out? After a dead dog, after a flea*» (I Samuel, XXIV: 14) — «Против кого вышел царь Израильский? За кем ты гоняешься? За мертвым псом, за одною блохой» (1-я Книга Царств, XXIV: 15).

Let us analyse some more phraseological units of this kind:

(a) walk in darkness — meaning 'to act blindly, at random'. In the Bible we read the following: «Then Jesus said to them, «*A little while longer the light is with you. Walk while you have the light, lest darkness overtake you; he who walks in darkness does not know where he is going*» (John, XII: 35) — «Тогда Иисус сказал им: ещё на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма, а ходящий во тьме не знает, куда идет» (От Иоанна Святое благовествование, XII: 35);

(b) cast pearls before swine — meaning 'to offer something very valuable to somebody who cannot appreciate it'. «*Do not give what is holy to the dogs; nor cast your pearls before swine, lest they trample them under their feet, and turn and tear you in pieces*» (Matthew, VII: 6) — «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (От Матфея Святое благовествование, VII: 6).

In spite of the fact that the phraseological units of this group are characterised by transformed meaning and are frequently used, their status in the biblical texts can be defined as the potential PUs, i. e. they are at the stage of formation and don't possess all those necessary qualities of a linguistic sign. The level of expression is reproduced in the context of their first mentioning with a full set of functional and semantic parameters. As these word combinations were transformed initially in the Biblical texts their further transformation is equal to that of phraseological abstraction [Fedulenkova 2009: 45], of acquiring informational redundancy, of semantic renewal.

Besides there is a set of phraseological units which have a relative prototype in the biblical text. They usually appear by means of change of the form of the biblical expression, i. e. the matter is whether we deal with variation of the prototypes of the PUs in the Biblical text or with the usual variations of the PUs. The variation of the PUs in the system of language takes place in the following cases:

(a) The substitution of one component of the biblical prototype by the synonymic word or lexical variation, e. g.: corn in Egypt — meaning 'abundance, plenty of something', in the Bible we read: «*And he said, «Indeed I have heard that there is **grain in Egypt**; ...»*» (Genesis, XLII: 2); a tinkling cymbal (a part of the PU 'a sounding brass and a tinkling cymbal') — meaning 'pompous but vacuous words', in the Bible we read: «*... I have become sounding brass or a **clanging cymbal***» (I Corinthians, XIII: 1); the beam in one's own eye — meaning 'a major fault in one's own character, outlook, etc., which one disregards while observing or criticizing minor faults in others', which is represented in the Bible in the following way: «*...but do not consider **the plank in your own eye?***» (Matthew, VII: 3).

(b) The change of the word-order of the components in the PU in comparison to its biblical prototype, or morphological-syntactical variation, e. g.: he who runs may read — everybody understands, everybody grasps it. In the Bible we see the following phrase: «*... That **he may run who reads it***» (Habakkuk, II: 2).

(c) Modernization of the biblical prototype and the truncation of the archaic forms, as in the following example: «*Ask, and it will be given to you; **seek, and you will find**; knock, and it will be opened to you*» (Matthew, VII: 7), at the same time the biblical PU is used nowadays in the following form: he that seeks finds — meaning 'try and you will succeed'.

(d) The addition of one component to the biblical PU (either a noun, a verb or a preposition). For example, the widespread PU 'make the cup run over' — meaning 'to be the last drop that resulted in catastrophe'. In the Bible the following expression is found: «*... You anoint my head with oil; **my cup runs over***» (Psalms, XXIII: 5), i. e. verb 'make' is added to the prototypical expression. One more example: the prototype of the PU 'dig a pit for somebody' — meaning 'contrive to trap or trick smb' — has the following form in the Bible: «*He who **digs a pit***

will fall into it...» (Ecclesiastes, X: 8), i. e. in this case we can see the addition of the pronoun together with a preposition to the verbal-object construction.

Some phraseological units date back to the biblical plot but do not have identical prototype in the Bible with which it would completely coincide. In this case we deal with a situational, or event prototype. For example, 'Jonah's gourds/ Prophet's gourds' — meaning 'something quick blossomed and at the same time something quick withered'. The expression appeared from the biblical story when God grew a plant in one night for it would rise above Jonah and there would be a shadow above his head, and the other night God made the worm to have gnawed this plant so that it withered: «*But the Lord said, «You have had pity on the plant for which you have not labored, nor made it grow, which came up in a right and perished in a night»*» (Jonah, IV: 6—10) — «*Тогда сказал Господь: «Ты сожалеешь о растении, над которым ты не трудился и которого не растил, которое в одну же ночь и пропало»*» (Книга пророка Ионы, IV: 10). In the Biblical text we encounter only elements of the would-be phraseologism — Jonah, gourds. Here we deal with the so-called elementary allusion.

Let us analyse one more PU of this kind 'a counsel of perfection' — meaning 'wonderful, but impracticable advice'. The expression is formed onto the advice Jesus gave a rich young man: «*Jesus said to him, «If you want to be perfect, go, sell what you have and give to the poor, and you will have treasure in heaven; and come, follow Me»*» (Matthew, XIX: 21) — «*И Господь сказал ему: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною»*» (От Матфея святое благовествование, XIX: 21). Thus, the given phraseological unit has a situational prototype like in case with the PU 'the curse of Cain' — meaning 'the lot or fate of smb who has to live a vagabond life, who wanders or is forced to move from place to place in a profitless way'. This expression dates back to the biblical plot when Cain, the son of Adam, is damned for the murder of his brother Avel: «*So now you are cursed from the earth, which has opened its mouth to receive you brother's blood from your hand»*» (Genesis, IV: 11) — «*И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей»*» (Бытие, IV: 11).

The following biblical phraseological units belong to the fiction and are frequently used in the colloquial speech as they have a situational prototype: forbidden fruit (Genesis, III: 6) — smth that is desired because it is forbidden or disapproved of; to worship the golden calf (Exodus, XXXII: 4) — to worship money, to subordinate everything else to mercenary considerations; give up the ghost (Genesis, XXV: 8) — cease to live; a Job's comforter (Job, XVI: 2) — someone who calls to offer sympathy but makes matters worse by blaming the bereaved person for what has happened; a dead letter (Romans, VII: 6) — a law which is no longer enforced; a

doubting Thomas (John, X: 24—25) — a sceptic, someone who will believe only the evidence of his own eyes; etc. (see also: [Fedulenkova 2001: 15]).

It should be stressed in conclusion that the comparative analysis reveals the three groups of relations between phraseological units and their biblical prototype: 1) the biblical phraseological units which have an absolute prototype in the biblical text; 2) the biblical phraseological units which have a relative prototype in the biblical text; 3) the biblical phraseological units which have a situational (event) prototype in the biblical text.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

КУНИН А. В. Английская фразеология: Теоретический курс. — М.: Высш. шк., 1970. — 344 с.

КУНИН А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 3-е изд., перераб. — М.: Высш. шк.: Дубна: Изд. Центр «Феникс», 1996. — 381 с.

КУНИН А. В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: Дис... д-ра филол. наук. — М.: МГПИИЯ, 1964. — 1229 с.

FEDULENKOVA T. Discourse value of biblical proverbial idioms in English // Textual Secrets: The Message of the Medium: Book of Abstracts of 21st PALA Conference. — Budapest: British Council, 2001. — P. 15.

FEDULENKOVA T. Idioms of Biblical Origin as Item of Global English // Global English for Global Understanding: Summaries of International Conference. — Moscow: Moscow State University, 2001. — P. 4.

FEDULENKOVA T. Phraseological Abstraction // Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology: ESSE-9, Aarhus, 22—26 April 2008 / T. Fedulenkova (ed.). — Arkhangelsk: Aarhus, 2009. — P. 42—54.

Ю. А. Филипацци

J. A. Filipacci

Екатеринбург, Россия, juliaflip@gmail.com

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФОРМЫ ГЛАГОЛА *ХЕ* В ВЕНЕЦИАНСКОМ ДИАЛЕКТЕ: СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

TO THE QUESTION OF ORIGIN OF THE VERB FORM *ХЕ* IN VENETIAN DIALECT: SYNTAGMATIC ASPECT

Аннотация. Рассматривая точки зрения многих ученых, автор делает попытку проследить возникновение формы глагола *хе* в венецианском диалекте.

© Филипацци Ю. А., 2011

Abstract. Taking into consideration opinions of many scientists the author tries to trace the appearance of the verb form *xe* in venetian dialect.

Ключевые слова: диалект, форма глагола, синтаксис.

Keywords: dialect, verb form, syntax.

УДК 811.131.1

«Особая форма третьего лица единственного числа глагола *esser* «быть» — *xe*, характерная для венецианского диалекта Италии, до сих пор не объяснена», — констатировал виднейший специалист по итальянским диалектам Г. Рольфс в середине XX века (Рольфс: 269). В последующий период ответ на этот вопрос, кажется, искать больше не пытались, судя по отсутствию в широком доступе специальных публикаций: в современных работах форму *xe* рассматривают, по всей видимости, как языковую данность, не интересуясь ее происхождением. Между тем, возникновение данной формы именно в венецианском диалекте может быть любопытной иллюстрацией к особенностям устройства его системы в целом. Так что же необычного в этой глагольной форме?

Во-первых, современная венецианская форма *xe* — единственная в романских языках и диалектах, имеющая структуру прикрытого слога CV. Для сравнения, в итальянском (тосканском), португальском и румынском языках ей соответствует *è*, во французском *est*, в испанском *es* как производные от латинской словоформы *est*. Можно было бы предположить, что данная форма возникла по аналогии с другими формами парадигмы, так как в романских языках большая их часть начинается на согласный: если в латинском таких форм было три: *sum, sumus, sunt* против трех форм, начинавшихся на гласный — *es, est, estis*, то в испанском и португальском таких форм четыре: *soy, somos, sois, son* (кроме *eser, es*) и *sou, somos, são, são* (кроме *és, é*) соответственно, а в итальянском — пять: *sono, sei, siamo, siete, sono* (кроме *è*). Здесь вполне можно предположить действие тенденции к выравниванию парадигмы и устранению неправильных форм, которая могла привести в венецианском диалекте к генерализации форм на *s*. Такого мнения, по свидетельству Г. Рольфса, придерживался Г. Инэйхем, который усматривал в форме *xe* адаптацию к другим формам венецианского глагола *esser*: *son, semo* (Рольфс: 269—270), однако его гипотеза не учитывает то, что в слоформе *xe* согласный — звонкий, а значит, речь идет о каком-то ином процессе. В самом деле, в то время как остальные формы глагола *esser* начинались на этимологический согласный *s*-, исконная форма *é* приобрела вид *še*, а для ее передачи даже стали применять специальный недиакритический знак *x* (Grafia veneta unitaria). Это

факт заставляет предполагать, что согласный *ś* пришел извне, с синтаксического уровня.

Именно синтаксическую природу *xe* пытался установить целый ряд исследователей. Так, Мейер-Любке считал, что здесь следует искать параллели с тосканской конструкцией *c'è* — формой 3-го лица глагола *essere*, которой предшествует местоименная частица. По мнению Гартнера, речь идет об особой комбинации типа *es (t) illa = es èla*, однако такой взгляд игнорирует особые обстоятельства развития исследуемой формы. Сальвиони, опираясь на формы фриулийского языка *vasel? 'va egli?', asel? 'ha egli?'*, объяснял вставку *x* стремлением устранить зияние. Т. Франчески, который, вслед за Мейер-Любке, пытался установить тождество между формой *xè* и тосканской формой *c'è*, предполагая слияние древней частицы *hic* с глаголом: *hic est* (ср. *acetum* > венецианское *axèo*), параллельно слиянию *hic habet* → *igà > ga*, произошедшему во многих венецких говорах. Ни одна из приведенных гипотез не выглядит достаточно правдоподобной; в последнем случае, например, Рольфс справедливо возражает, что форма *śe* в роли наречной частицы нигде не зафиксирована, тогда как наречие *gh* или *g* (из *hic + a-, o-, u-*) является речевой реальностью: ср. венецианское *mi g'andarò 'io ci andrò', mi g'urto 'io ci urto'* (Рольфс: 270).

Максимально приблизился к объяснению формы *xe* сам Г. Рольфс. По его словам, традиционное написание *xè* (также *xe*) не является очень древним, так как достаточно редко встречается еще в XIV веке, тогда как в предшествующих текстах эта форма передавалась на письме в виде *se* и *si* (Рольфс: 269). Он не уточняет, был ли *se* изначально звонким или же замена *se* на *xe* означала переход глухого согласного в звонкий. Между тем, независимо от характера написания (*xè, sè*), эта форма встречалась в строго определенной синтаксической позиции, а именно после союзов *che, e*, местоимений *la, le, li, chi, cosa*, из чего ученый делает вывод о том, что на возникновение этой формы повлияла ее фонотактическая позиция после гласного (Рольфс: 269). Мы предполагаем, что Рольфс имел в виду позиционные варианты *è — sè*, причем вторая форма звучала все же как [зэ], то есть согласный *s-* с самого начала был звонкий, чему соответствует и его передача на письме одним *-s-*: дело в том, что для передачи глухого свистящего в интервокальном положении использовался обычно знак *-ss-*, который противопоставлялся звонкому *-s-*, однако впоследствии, из-за наложения разных графических принципов и неоднозначности *s*, был введен специальный знак *x* (Grafia veneta unitaria). Поствокальные условия функционирования формы *xe* позволили немецкому ученому провести параллель с формой *edè* в Тоскане и в Марке, возникшей из сочетания *ched è, ed è*, однако он отложил развитие гипотезы в сторону, так как счел трудным обоснование того, как межзубный *d* превратился в

свистящий *ś*, пусть даже в других условиях такой переход в области Венето встречается: *loxa* 'egli loda', *erexe* 'eredede' (Рольфс: 270).

Напротив, нам его гипотеза представляется единственно верной, а ее успех заключается в том, что ученый искал синтаксический источник формы *xe* не в латыни, а на более позднем этапе — в итальянских вольгаре. Общая синтаксическая позиция, с помощью которой можно объяснить переход предполагаемого *-d-* в *-ś-* — это интервокальная позиция, причем подобный переход фиксируется не только в венецианском диалекте, но и в других диалектах, в частности, в тосканском, например, в формах причастий прошедшего времени глаголов на *-dere*: *decidere* — *deciso*, *ridere* — *riso*. Переход **ched è > *chex è > che xe* на межсловном стыке может свидетельствовать о том, что данная синтаксическая позиция воспроизводилась довольно часто, а переход *-d-* в *-ś-* был очень активным (это частное проявление общероманской тенденции к ослаблению интервокальных согласных), так как успел осуществиться за период жизни чередования. Почему же тогда данный процесс не привел к полной утрате *-ś-* в такой вдвойне слабой позиции: в положении между гласными и между двумя словами? По нашему предположению, эта общая тенденция в какой-то момент натолкнулась на сопротивление частной, внутренней, тенденции развития венецианского диалекта, о которой мы скажем ниже, которая заморозила процесс на довольно продвинутом этапе, не допустив падения согласного.

Следует обратить внимание на то, что предположительно общее для разных диалектов чередование дало разные результаты на синхронном уровне. Если принять обязательность в прошлом использования слов на конечный согласный перед начальным гласным последующего слова, как в употреблениях типа *ed e'*, *od ha* и им подобных, и сравнить с конечным результатом в тосканском и венецианском диалектах, мы можем обнаружить красноречивые расхождения. В тосканском диалекте чередование стало менее обязательным и охватывает в первую очередь последовательности двух одинаковых гласных, тогда как зияние с участием гласных разного качества допускается достаточно свободно (*ed e'*, но *e ha*). В венецианском диалекте, напротив, чередование стало ступенькой перехода к постоянному закреплению согласных за формой *xe* и формами глагола *avere* (*go*, *ga* и т. д.), так как в системе этого диалекта возник соответствующий запрос. Явление приращения согласного к начальному гласному слова характерно именно для венецианского диалекта, точнее, для Венеции и венецианской лагуны, а также непосредственно примыкающей к ней континентальной части региона — Падуи, Виченцы, Тревизо, тогда как в пограничных зонах севера (Беллуно) и запада (Верона) используются этимологические формы без согласного: *ó*, *è*, *á*, *avemo* для *avere* и форма *è* для *esser* (Brunelli: 21).

Дело в том, что здесь начинается переходная зона венецианско-фриульских и ломбардско-венецианских диалектов (Томашпольский: 103), и типично венецианские черты диалектов несколько ослабевают. Что же это за типично венецианские черты?

Мы уже обращали внимание на то, что, в отличие от тосканского диалекта, где начало словоформы или синтагмы довольно часто имеет форму неприкрытого закрытого слога VC (*ac-canto*, *ab-bandonare*, *ev-vivo* 'è vivo'), который, как правило, «прикрывается» конечным согласным предыдущего слова (*dov'è? cos'ha?* и др.), образуя цепочку из прочно сцепленных друг с другом слогов, для венецианского, напротив, характерна тенденция к взаимному обособлению слогов (морфем) за счет процессов дегеминации и диссимилиации: *coreto* 'corretto', *tenpo* 'tempo', как если бы в одном диалекте действовала центробежная сила, а в другом — центробежная сила (Филиппацци). Типичная венецианская фраза выглядит как последовательность прикрытых и преимущественно открытых слогов CV (C), например, *ti sa che ghe ve-do po-co; se no li go, no li tro-vo* (Rocca). Интонацию венецианской речи часто характеризуют через эпитет «cantinelante» — «тягучая, монотонная»: любая фраза словно бы распадается на слоги, каждый из которых обладает приблизительно равной долготой и скоростью произношения и словно бы начинает сам себя, а не является элементом единой цепи. Обособленность венецианских слогов друг от друга внешне очень напоминает обособленность суффиксов и морфем в словах языка агглютинативного строя (Мельников: 339). Подобное свойство характерно для речевой цепи, например, урало-алтайских языков, где действует принцип экономии служебных морфем: чтобы речевая цепь была членораздельной, «корни должны включать в себя и гласные, и согласные», «а корни из единственного гласного — чрезвычайно редкое явление» (Мельников: 346). Слоги структуры V в венецианском диалекте, в основном, являются экспонентами служебных слов и вспомогательных морфем: союзов, предлогов, артиклей и местоимений, междометий, приставок, окончаний имен и причастий. Историческая форма третьего лица единственного числа глагола «быть» *è*, а вместе с ней и параллельная форма глагола *aver* — *á*, таким образом, были репрезентированы внешне как служебные, незначащие слова, что, по нашему предположению, противоречило важности выполняемой ими функции и подлежало коррекции.

С другой стороны, венецианская речь, в отличие от той же тосканской, допускает монотонию гласных, особенно *e*: ср. *se xe, desmentego, Domenego* в венецианском и *si è, dimentico, Domenico* в тосканском, где за *e* обычно следует *i* и наоборот. Венецианский диалект очень редко использует контраст гласных для разграничения слоговых сегментов, тогда как ослабление

чередования в тосканском диалекте, о котором мы упомянули выше, свидетельствует как раз о хорошем дистинктивном ресурсе гласных. Отсутствие взаимной дифференциации гласных в синтагматическом ряду также сближает венецианский диалект с языком агглютинативного типа: четкое консонантное начало слога/морфемы и недостаточная контрастность гласных взаимно обусловлены. Таким образом, форма *xe*, вместе с формами *go*, *ga*, в синхронии может представлять собой результат усовершенствования недостаточно выразительной с точки зрения венецианской языковой системы словоформы, так как больше отвечает запросам языка/диалекта с развитыми признаками агглютинативности.

В таком свете мы можем не только объяснить появление формы *xe*, но и попытаться дать альтернативную реконструкцию появления форм глагола *avere*: *go*, *ga* и др. Развитие формы *ga* из *ha* [a] могло идти путем постепенного развития и закрепления призвука *-g*— (*elg ha* → *el ga* или *nong ha* → *no ga*) перед веллярным гласным, тем более что такое чередование имеется и в итальянском языке (*salgo*, *salga*: *sali*, *sale* и *vengo*, *venga*: *vieni*, *viene*). На синхронном уровне в позиционной дистрибуции начальных согласных глаголов *esser* и *aver* просматривается четкая логика: переднеязычный *ś* перед гласным переднего ряда *e*, заднеязычный *g* перед гласными заднего ряда *a*, *o*. Однако версия о развитии данных форм из сочетаний с клитиком *g'* остается по-прежнему очень правдоподобной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- МЕЛЬНИКОВ Г. П. Системная типология языков. — М.: Наука, 2003. — 395 с.
- ТОМАШПОЛЬСКИЙ В. И. Романские языки и диалекты: введение в изучение романских языков. — Екатеринбург: РИЭ, 2010. — 222 с.
- ФИЛИПАЦЦИ Ю. А. О системно-типологических особенностях тосканского и венецкого диалектов итальянского языка // Вестник ВГУ, 2009. — № 2. — С. 64—68.
- BRUNELLI M. Dizionario Xenerale de la lengua Vènetà e le só varianti. — Bassano del Grappa, 2006. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.dizionario.org/> (Дата обращения: 10.01.2011).
- BRUNELLI M. Manual Grammaticale Xenerale de la lengua Vènetà e le só varianti. — Bassano del Grappa, 2007. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://michelebrunelli.interfree.it/gramaticaveneta.html> (Дата обращения: 15.02.2011).
- Grafia Veneta Unitaria. Manuale // a cura della Giunta regionale del Veneto. — Venezia: Editrice La Galiverna, 1995. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.veneto.org/gvu/> (Дата обращения: 04.12.2010).
- ROCCA G. La scorzeta de limon. — [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gtempo.it/Copioni_R.htm (Дата обращения: 21.03.2011).
- ROHLFS G. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Morfologia. — Torino: Giulio Einaudi Editore s. p. a., 1966. — 402 с.

О. А. Хрущева
O. A. Khruscheva

Оренбург, Россия, hrox@mail.ru

**ОНИМЫ-БЛЕНДЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ
И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**
**BLEND ONIMS IN MODERN RUSSIAN
AND ENGLISH LANGUAGES**

Аннотация. В статье рассматривается применение блендинга как способа словообразования для создания географических названий и имен собственных в современном русском и английском языках.

Abstract. The article is devoted to blending as the way of word formation used to create geographical names and proper names in modern Russian and English languages.

Ключевые слова: *блендинг, словообразование, онимы-бленды.*

Keywords: *blending, word formation, blend onims.*

УДК 81'373.2+811.111.1+811.161.1

Блендинг как исконно английский способ словопроизводства, при котором образуются неординарные по своей структуре и семантике лексические единицы, обретает все большую популярность в ряде языков мира, в частности в русском языке. Данная работа посвящена описанию одного из подвидов блендов, а именно онимов-блендов, функционирующих в современном английском и русском языках.

В процессе анализа английских и русских онимов-блендов, вошедших в корпус примеров, стало ясно, что английский язык проявляет тенденцию к порождению онимов-блендов в большей степени, чем русский язык, что проявляется при создании названий для географических объектов, в бытовой номинации при имяназвании новорожденных, а также с целью удовлетворения творческих потребностей носителей языка для создания прозвищ и смешанных онимов известных личностей.

К блендам-топонимам относится ряд географических наименований, в число которых входит распространенный топоним *Westralia*, образованный от коррелятов *West* и *Australia* и используемый для сокращенного именованя Западной Австралии, названия городов: *Mexicalo* (Mexico + California) — город в Мексике близ Калифорнии; *Ohioa* (Ohio + Iowa) — город в штате Небраска, получивший свое название от древних поселенцев-выходцев из Огайо и Айовы; *Texarkana* (Arkansas + Texas) — город в Арканзасе рядом с Техасом;

© Хрущева О. А., 2011

Texico (Mexico + Texas) — город в Нью-Мексико близ Техаса [примеры Pound 2007: 15—16]. Необходимо отметить, что большая часть блендов-топонимов относится к американскому варианту английского языка, а их порождение является следствием приграничного месторасположения городов.

В английском языке наблюдаются случаи использования словообразовательного приема блендинга в процессе поиска имен для новорожденных. Л. Паунд отмечает распространенность на конкретной территории следующих имен, данных при крещении: *Olabelle* < *Ola* + *Isabel*, *Bethene* < *Elizabeth* + *Christine*, *Oluiise* < *Olive* + *Louise*, *Adrielle* < *Adrienne* + *Belle*, *Birdene* < *Birdie* + *Pauline* [Pound 2007: 16—17]. Указанные имена, образованные по типу блендинга, могут содержать в своей структуре имена отца и матери новорожденного, либо два женских имени, выбранных в соответствии с именами родственников по женской линии или предпочтениями родителей.

В сфере средств массовой информации и впоследствии среди населения обрели популярность онимы-бленды, используемые в отношении знаменитых супружеских пар, среди которых следует назвать *Bennifer* < *Ben Afflek* + *Jennifer Lopez*, *Billary* < *Bill* + *Hillary Clinton*, *Brangelina* < *Bred Pitt* + *Angelina Jolie*, *Tomkat* < *Tom Cruise* + *Katie Holmes*, *Vaughniston* < *Vince Vaughn* + *Jennifer Aniston*, *Filliam H. Muffman* < *William H. Macy* + *Felicity Huffman*, *Speidi* < *Spencer Pratt* + *Heidi Montag* [примеры Portmanteau Couple Name].

Учитывая склонность «звездных» личностей к созданию все новых супружеских союзов, можно предположить, что число подобных онимов-блендов регулярно пополняется, а блендинг выступает как высокопродуктивная структурно-словообразовательная модель. Некоторые из приведенных онимов-блендов не выходят из употребления даже после расставания пары, послужившей прообразом онима-бленда, и используются с некоторыми изменениями в структуре для именованья другой пары. Так бленд *Bennifer*, применявшийся ранее в отношении пары Бена Аффлека и Дженнифер Лопез, в настоящее время обрел форму *Bennifer 2* или *Bennifer Jr*, отражая изменения в паре, а именно новую избранницу Б. Аффлека — Дженнифер Гарнер.

Однако следует подчеркнуть, что образование онимов-блендов от имен супругов характерно не только в отношении пар знаменитостей, но и простого населения. Идея создания единой семейной фамилии от фамилий обоих супругов возникла в США и получила название «meshing», став альтернативой двусоставным фамилиям, используемым при желании невесты сохранить девичью фамилию после вступления в брак. Одним из вдохновителей этой идеи считается мэр Лос-Анджелеса А. Вилларайгоза, который объединил свою фамилию — Villar с фамилией жены — Raigosa. Высказываются мнения, что

благодаря принятию общей фамилии-бленда будет искоренена дискриминационная традиция, согласно которой женщина, выйдя замуж, переходит на фамилию мужа; более того, это решение может рассматриваться и как один из самых искренних способов проявления чувств [Winterman 2006].

Использование блендинга в качестве словообразовательного приема стало распространенной техникой среди носителей языка для создания онимов не только для реально существующих пар, но также и героев телесериалов и кинофильмов. Так, поклонники сериала «Анатомия страсти» (*Grey's Anatomy*) создали оним-бленд *Burktina* на основе имен персонажей Preston Burke и Cristina Yang. Аналогичный прием использовался фанатами сериала «Тайны Смолвилля» (*Smallville*), которые придумали оним *Clois* для обозначения пары героев Lois Lane и Clark Kent. Кроме приведенных онимов-блендов, служащих для именованя пар кино-героев, следует отметить также следующие бленды, бытующие в среде кинолюбителей: *Spuffy* < *Buffy and Spike* (*Buffy the Vampire Slayer*), *Ram* < *Pam and Roy*, *Jam* < *Jim and Pam*, *Dwangela* < *Dwight and Angela* (*The Office*), *Heron* < *Hermione and Ron*, *Dramione* < *Draco and Hermione* (*Harry Potter*) [примеры Portmanteau Couple Name].

В сфере политики онимы-бленды создаются для именованя политических союзов. К примеру, в Великобритании были созданы следующие бленды: *Mr Butskell* от имен собственных *Hugh Gaitskell* и *Rab Butler* для сатирического обозначения политического консенсуса, достигнутого в 1950-х годах между представителями Консервативной и Лейбористской партий; *Mr Blatcher* на базе коррелятов *Tony Blair* и *Margaret Thatcher* для обращения к Т. Блеру, который после вступления в должность премьер-министра возродил политический курс М. Тэтчер. Стоит заметить, что упомянутый курс называется *Blatcherism*, что представляет собой суффиксальное образование на базе бленда. Более того, *Blatcherism* пришел на смену курсу *Butskellism*, что также является дериватом от соответствующего вышеупомянутого бленда [Kingdom 2003: 301—302].

К онимам-блендам, созданным для использования в качестве прозвищ и основанным на проведении ассоциативных связей между человеком, в отношении которого возникло то или иное прозвище, и другим человеком, связанным с ним по определенным характеристикам, относится бленд *Scalito*, в структуре которого содержатся элементы фамилий двух судей Samuel Alito и Antonin Scalia. Отмечается, что оба судьи отличаются крайне консервативными взглядами, что объясняет возникновение бленда, объединяющего их фамилии и акцентирующего внимание на схожести их судейской позиции [Wilton 2005].

Кроме того, к блендам, относящимся к политической сфере, примыкает образование *Moosevelt* [пример Pound 2007: 14], который представляет

собой объединение имени президента США Т. Рузвельта — Roosevelt и неформального названия Прогрессивной партии США 1912 года — Bull Moose. Указанная единица вошла в употребление в связи с эмблемой партии, которой служил лось, а также высказыванием лидера партии Т. Рузвельта о том, что они должны быть «as strong as a bull moose», то есть «крепки как лось» [Silver 2010].

Имена собственные в русском языке также могут быть образованы по типу блендинга, но стоит отметить, что для русского языка характерной особенностью является образование блендов-прозвищ известных российских и зарубежных политических и общественных деятелей. Создание подобных онимов по типу блендинга обеспечивает прозрачность номинации, делая прозвища понятными большинству носителей языка, которые, как отмечают создатели словаря современных русских прозвищ Х. Вальтер и В. М. Мокиенко «выполняют общественный заказ на характеристику общественных деятелей, в том числе политиков, преподавателей, предпринимателей, звезд телеэкрана и радио уже потому, что потребность в их экспрессивных наименованиях как никогда ощущается обществом» [Вальтер 2005: 55].

Значительное распространение в настоящее время получают прозвища-бленды от фамилии премьер-министра Российской Федерации В. В. Путина. Указанная тенденция начала проявлять себя в период пребывания В. В. Путина на посту президента России, когда со стороны оппозиции и определенных слоев общественности выражалось негативное отношение к проводимой политике президента, что породило следующие онимы: *Путенок*, *Путлер*, *Капутин*, *Хапутин*, *Ути-Путин*, *Лилипутин* [Прибыловский 2004: 249].

На базе фамилии премьер-министра России, наряду с прозвищами, используемыми для именованя лица, было образовано также неофициальное наименование города *Путинбург*, что представляет собой бленд от коррелятов *Путин* и *Петербург* [пример Михайлов 2003].

Прозвища, образованные по типу блендинга, создаются также и для зарубежных политических деятелей, доказательством чего может выступить оним *Обамао*, возникший путем объединения имен президента США, Барака Обамы и вождя Китая Мао Цзэдуна в связи с тем, что американский лидер пользуется в Китае большой популярностью. Как отмечают средства массовой информации «дошло до того, что китайцы начали делать «под него» стрижки, а на прилавках появились футболки, на которых он изображен как «ОбаМао» [Александров 2009]. Кроме того, параллельно с вышеупомянутым блендом существует также единица, созданная от соответствующих коррелятов в обратном порядке расположения *Мао + Обама > Маобама*, но необходимо подчеркнуть, что оба приведенных бленда в отли-

чие от вышеупомянутых единиц имеют англоязычные аналоги и являются заимствованными элементами в корпусе блендов русского языка.

Как мы уже отмечали, в ряду онимов-блендов русского языка преобладают прозвища, что было показано нами выше, но, тем не менее, в данной группе также наличествует ограниченное количество блендов-топонимов. Одной из таких единиц является бленд, появившийся вскоре после вступления в должность нового губернатора Оренбургской области — Ю. Берга. Указанное событие привело к тому, что жители областного центра и области начали использовать наименование *Оренбургская область*, созданное от фамилии губернатора и названия области. Следующий бленд-топоним связан с городом Санкт-Петербург; производная единица имеет форму — *Летербург* [пример Хармс 2003] и объединяет в своей структуре два исторических названия города — *Ленинград* и *Петербург*.

Анализ онимов-блендов в английском и русском языках показывает, что данная тематическая подгруппа исследуемых единиц отличается широким разнообразием моделей и объектов для словопроизводства, значительным распространением и популярностью среди носителей языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- АЛЕКСАНДРОВ, В. Его назвали ОбаМао / В. Александров // Известия. Ру, 17 ноября 2009. URL: <http://www.izvestia.ru/world/article3135422>
- ВАЛЬТЕР, Х. Русские прозвища как объект лексикографии / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Вопросы ономастики. — 2005. — № 2. — С. 52—69.
- МИХАЙЛОВ, К. Санкт-Путинбург. Юбилей столицы вечных российских реформ / К. Михайлов // Родная газета. — № 4 (4), 23.05.2003. — С. 1.
- ПРИБЫЛОВСКИЙ, В. Операция «Наследник». Штрихи к политическому портрету В. В. Путина / В. Прибыловский, Ю. Фельштинский // NB. — август 2004. — № 4. — С. 323—252.
- ХАРМС, Д. Комедия города Петербурга / Д. Хармс. — М.: Кристалл, 2003. — 192 с.
- KINGDOM, J. Government and Politics in Britain / J. Kingdom. — Polity Press, 2003. — 311 p.
- PORTMANTEAU Couple Name // Television Tropes and Idioms. URL: <http://tvtropes.org/pmwiki/pmwiki.php/Main/PortmanteauCoupleName>
- POUND, L. Blends, their Relation to English Word Formation / L. Pound. — Kessinger Publishing, LLC, 2007. — 64 p.
- SILVER, A. The Bull Moose Party / A. Silver // Time. March 29, 2010. URL: http://205.188.238.181/time/specials/packages/article/0,28804,1975807_1975805_1976015,00.html
- WILTON, D. Scalito & Scooter / D. Wilton // Wordorigins. November 4, 2005. URL: <http://www.wordorigins.org/index.php/more/616/>
- WINTERMAN, D. What a Mesh / D. Winterman // BBC News Magazine. August 3, 2006. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/magazine/5239464.stm

Е. А. Хузина

Е. А. Khuzina

Набережные Челны, Россия, eka5551@rambler.ru

**К ВОПРОСУ О ВЫРАЖЕНИИ МОДАЛЬНОСТИ
ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ ИНФИНИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В ЯЗЫКЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК
TO THE QUESTION OF OBLIGATION MODALITY
OF INFINITIVE CONSTRUCTIONS IN RUSSIAN PROVERBS
AND SAYINGS**

Аннотация. В статье рассматривается семантика модальности долженствования инфинитивных конструкций в пословицах и поговорках и их взаимосвязь друг с другом.

Abstract. The article is devoted to the semantics and interrelation of obligation modality of infinitive constructions in Russian proverbs and sayings.

Ключевые слова: *модальность долженствования, инфинитив, пословицы, поговорки.*

Keywords: *obligation modality, infinitive constructions, proverbs, sayings.*

УДК 81'366+811.161.1

Категория модальности является одной из самых сложных и противоречиво толкуемых в грамматической теории. Несмотря на наличие достаточно длительной традиции исследования модальности и огромного количества литературы, ей посвященной, она по — прежнему остается в известном смысле белым пятном современной лингвистики, так как и поныне не определена однозначно ее природа, не выявлены ее подтипы, не выяснены ее отношения со смежной категорией — категорией предикативности, не всегда четко разъяснена связь между модальностью логической и модальностью языковой, да и объем этой категории не является твердо установленным.

Исследованию категории модальности посвящены многие лингвистические труды, наиболее известными являются работы: В. В. Виноградова, Ш. Балли, В. Г. Адмони, Г. А. Золотовой, Г. В. Колшанского, В. Г. Бондарко, Н. Ю. Шведовой, Н. Е. Беляевой, С. С. Ваулиной, Г. А. Немца, Н. Е. Петрова, Л. С. Ермолаевой, В. З. Панфилова, Н. К. Дмитриева и др.

Изучение модальности в отечественной лингвистической традиции заложено в трудах В. В. Виноградова, причислившего эту категорию к числу

основных, центральных языковых категорий, в разных формах «обнаруживающихся в языках разных систем». Вот как определяет модальность В. В. Виноградов, уделявший в своих работах этой теме большое внимание: «Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложений и выражающих одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» [Виноградов 1950: 53]. Вслед за В. В. Виноградовым, под модальностью нами понимается отношение содержания высказывания к действительности (сообщаемого к его реальному осуществлению) с точки зрения говорящего.

Наше обращение к семантически емким и употребляющимся в различных речевых ситуациях и с различными целями русским пословицам неслучайно. Исследуемые единицы, являясь устойчивыми в языке и воспроизводимыми в речи обобщающими полифункциональными изречениями, представляют собой вторичные языковые знаки (замкнутые устойчивые фразы), выступают маркерами ситуаций или отношений между реалиями, а также обладают целостной содержательно-смысловой, экспрессивно-образной структурами.

Материалом исследования послужили 100 устойчивых единиц (пословиц и поговорок), извлеченных из словаря «Пословицы русского народа» В. И. Даля.

Как и любое модальное значение в русском языке, значение долженствования в пословицах и поговорках может выражаться лексически — при помощи специальной лексики, морфологически — особыми модальными словами, синтаксически — особыми конструкциями.

В рамках данной статьи мы остановимся на конструкциях с инфинитивом в роли предикативного центра. Под инфинитивными конструкциями в нашей работе понимаются односоставные безличные и инфинитивные предложения с инфинитивом в роли сказуемого.

Данная статья видится актуальной, поскольку существует необходимость дальнейшего, более тщательного изучения модального потенциала инфинитива. Категория модальности не имеет формального представления в форме инфинитива, возможно, поэтому лингвисты отводили ему второстепенную роль в выражении значений категории модальности.

Опираясь на А. В. Бондарко, С. Н. Цейтлин, С. Н. Туровской и мн. др. мы полагаем, что модальное значение долженствования передает безальтернативное и неперемное превращение потенциального в актуальное. Модальность долженствования представляет собой разновидность предикативной модальности, отражающей оценку говорящим способа существования связи между предикатными предметами, то есть субъектом и его признаком [Теория функ-

циональной грамматики 1988: 123]. Потенциальность выражается различными средствами: лексико-грамматическими (модальными глаголами и их эквивалентами), морфологическими (видо-временными формами глагола), синтаксическими (инфинитивными конструкциями, конструкциями с формами повелительного наклонения и др. [Теория функциональной грамматики 1988: 125].

Модальные значения долженствования, обнаруживаемые в семантике слов и поговорок, могут быть эксплицитными, то есть имеющими лексическое, формальное или графическое выражение, или имплицитными — скрытыми. Одним из средств выражения скрытой модальности является инфинитив.

Любопытно отметить, что видовые значения в форме инфинитива не всегда релевантны для выражения той или иной модальности, особенно если она выражена лексически в конструкциях с зависимым инфинитивом, но в тех случаях, когда инфинитив выступает в качестве независимого компонента в модальной синтаксической конструкции, его модальное значение тесно связано с категорией вида [Теория функциональной грамматики 1988: 113]: *Заморить червячка. Жать под свой локоть (ноготь).*

Вместе с тем лексически выраженная модальность в тех конструкциях, где инфинитив представлен в качестве зависимого компонента, влияет на выбор частных значений видов: в утвердительных предложениях значение долженствования допускает употребление как совершенного вида, так и несовершенного вида: *Будешь меня поминать, когда станешь кобылу за хвост подымать. Умей у людей погостить, и к себе запросить, до ворот проводить и опять воротить.* В данных примерах употреблен как совершенный, так и несовершенный вид, также можно выделить значение предопределенности действия для говорящего. Особенности модального значения оказывают влияние на выбор частных видовых значений: одни модальные значения (в частности, побудительно-повелительное): «будешь поминать — когда станешь подымать» допускают реализацию всего набора частных значений видов, другой пример: «умей погостить, запросить, проводить, воротить» несет значение волюнтаривности, побудительной желательности) допускает главным образом противопоставленное употребление видов по признаку обозначения единичного совершенного вида и неединичного несовершенного вида характера предельных действий.

Важно заметить, что несовершенный вид обычно употребляется для выражения неединичных, а совершенный вид — для выражения единичных предельных действий: *Кто называет себя должником, тот хочет заплатить. Смерть не близко, так и не страшно; а близко — знать не миновать* (совершенный вид). *Бери, чтоб не каяться, жить в любви, да не маяться. Кому-нибудь и печи топить, а иному и трубы чистить. Коли день хвалить, так и ночь бранить* (несовершенный вид).

В. В. Виноградов считал, что существует «особый круг предикативных выражений, обозначающих модальную оценку, которые образуют сочетания с инфинитивом отыменных слов, употребляются для обозначения состояния»: *пора, время, должно, надобно, надо, нужно, суждено* [Виноградов 1950: 123]. *Кто хочет драться, тому надо с силой браться*. Семантика представленного примера сказуемого несет в себе высокую степень obligatorности, акцент ставится на предписании, глагол выражает значение долженствования в наиболее «чистом» виде и одновременно наиболее категорично, подразумевая значения: «необходимо», «нужно», «должно».

Употребление отрицательной частицы при безлично-предикативном слове сообщает о предписании не выполнять действие: *Вот жизнь: и помирать не надо. Не надо жить, как набежит*. Лексическое значение модального компонента в данных примерах содержит в себе негативную эмоциональную оценку действия.

Интересно отметить, что в пословицах и поговорках безлично-предикативное слово *надо* иногда употребляется в просторечной форме «*надоть*» и выступает в сочетании с инфинитивом в безличных предложениях типа: *Надоть покликать, да надоть и посыпать*.

Обращает на себя внимание тот факт, что в пословицах и поговорках большим числом реализаций представлены экспрессивные варианты предложений со сказуемым *инфинитив + надо*, в которых на первое место выносятся *инфинитив*, а зависящая от него словоформа остается на последнем месте, это «предложения с рамочной акцентной структурой» [Русская грамматика 1980: 325]. Такая инверсия с препозицией инфинитива и постпозицией безлично-предикативного слова *надо* являет собой отклонение от нормы, что в большей степени характерно для высказываний разговорного стиля. Данное несоответствие языковых явлений стандарту, лежащее в основе экспрессивности, нетипичность и поэтому необычность, выразительность речи, присущи стилю пословиц и поговорок: *Когда-нибудь умирать надо. Нанялся волк в пастухи, говорит: как быть, послужить надо. С его совестью и помирать не надо. Улов не улов, а обрыбиться надо*.

Лексема *пора* выполняет роль темпорального маркера ситуации долженствования и указывает на обстоятельства существующей необходимости, актуализирует частное значение потребности либо вынужденности. Выступая в модальной функции, *пора* указывает на временную обусловленность. Семантика самого слова содержит указание на принудительную причину, определяющую потенциальное действие [Крючков 1986: 57], либо может интерпретироваться как «имеется необходимость в совершении действия, так как настал для этого срок»: *Полно браниться, не пора ли помириться? Боже мой, боже, всякий день тоже: полдень приходит,*

обедать пора. Полно браниться, пора подраться. Старый хрыч, пора тебе спину стричь. *Пора* употребляется в значении сказуемого, в сочетании с инфинитивом имеет значение «настало время для чего-нибудь, надо».

Модификатор *пора* также может указывать на отношение к действию, которое должно последовать за каким-то другим, прямо или косвенно послужившим его причиной. В следующих примерах лексема *пора* сигнализирует о действиях, которые необходимо совершить в дальнейшем: *Чем все завтракать, так не пора ли пообедать? Пора спать, коли некого ждать. Хороши завтраки натоцак; а не пора ли повечерять. Полно пить, пора ум-разум копить.* Так, в последнем примере реализуется значение «пришло время разуместь, то есть копить разум», это действие должно последовать за другим, прямо послужившим его причиной — «долгое время пьянства».

Подводя итог вышеизложенного, следует отметить, что семантика модальности долженствования инфинитивных конструкций в пословицах и поговорках включает в себя многочисленные оттенки значений: волюнтаристичности, побудительной желательности, необходимости совершить или не совершить действие и т. д. Модальные значения долженствования в метких народных изречениях не просто накладываются друг на друга или «соседствуют» друг с другом, а находятся в мотивированных взаимосвязанных отношениях. Этот факт нам представляется неслучайным, поскольку использование пословичного жанра в прошлом было стремлением передачи опыта, народной мудрости молодым поколениям, служило средством воспитания в человеке нравственности и духовности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- БОНДАРКО А. В. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. — Л.: Наука, 1988. — 348 с.
- ВИНОГРАДОВ В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. / В. В. Виноградов. — Труды института русского языка. — Л.: АН СССР. М., 1950. — Т. 2. — С. 38—79.
- ДАЛЬ В. И. Пословицы русского народа. — М.: Русская книга, 1993. — 614 с.
- ДАЛЬ В. И. Иллюстрированный толковый словарь русского языка. — М.: Эксмо, 2008. — 895 с.
- КРЮЧКОВ А. Л. Синонимика односоставных и двусоставных предложений с модальным значением необходимости: дисс...канд. филол. наук. — М.: 1988. — 193 с.
- Русская грамматика, РГ. / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Наука, 1980. — Т. 1. — 743 с.
- ТИМОФЕЕВ К. А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке / Вопросы синтаксиса современного русского языка. — М.: Просвещение, 1950. — 410 с.

Е. И. Чукреева

E. I. Chukreeva

Екатеринбург, Россия, silver-23@yandex.ru

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕХНИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ

GNOSEOLOGICAL ASPECTS OF TECHNICAL ARTIFACTS

Аннотация. В статье рассматривается роль технических артефактов в познании мира человеком.

Abstract. The article shows the role of technical artifacts in the world studying.

Ключевые слова: *гносеология, технические артефакты.*

Keywords: *gnoseology, technical artifacts.*

УДК 81'373.46:811.111.1

Понятие «артефакта» является общеупотребительным термином и применяется как в естественных, так и в гуманитарных науках. Однако в философской литературе проблема технического артефакта исследована недостаточно. Как технический артефакт способствует отражению действительности в сознании человека? Как способствует познанию окружающего мира? Ответы на эти вопросы автор пытается дать в данной статье.

На наш взгляд легче всего раскрыть гносеологическую сущность технического артефакта через определение самого понятия «артефакт», в частности, — «технический артефакт».

Артефакт — это вещь, предмет, являющиеся продуктом целенаправленной человеческой деятельности (в отличие от природных объектов). С позиции гносеологии интересным является следующее определение: «Артефакт — это, по определению, нечто искусственно изготовленное, или хотя бы в минимальной степени содержащее момент творчества интеллекта. Это некий воспроизводимый конструкт, обуславливающий процессы социального наследования и организующий пространство человеческого бытия» [Тульчинский, Уваров 2000: с. 38].

В философской литературе выделяются два подхода к понятию «артефакта»: одни авторы склонны расширять данное понятие, включая сюда все без исключения продукты деятельности человека от идеальных до материальных, другие же авторы ограничивают понятие артефакта только материальными объектами.

Согласно первому подходу к техническим артефактам относятся все материальные средства деятельности, технологии их создания (производ-

© Чукреева Е. И., 2011

тва) и использования, а также идеальные знания о них (идеальные технические артефакты). В самом широком смысле все существующие артефакты можно было бы назвать техническими: в соответствии с этимологией греческого слова «techné» и латинского — «ars», обозначающих все виды способностей человека к мастерству, деятельности, искусству, а также все виды активности субъекта, артифицирующего мир и себя самого.

Согласно же второму подходу, технические артефакты — материальные элементы техники, которая имеет в своей структуре еще и действия человека [Игнатъева 2002: 73]. Нас интересует именно этот более узкий класс технических артефактов, представляющий собой «материальные артефакты, выступающие средствами преобразовательной деятельности и несущие информацию, необходимую для создания других артефактов» [Тульчинский, Уваров 2000: 39], а именно предприятия, приборы, инструменты, машины, аппараты, автоматические устройства и агрегаты.

Необходимо отметить, что благодаря своему количественному превосходству технические артефакты составляют сущностное ядро всего мира артефактов и, наряду с научными артефактами, занимают ведущее место среди систем артефактов.

С позиций гносеологии материальные технические (орудийные) артефакты, безусловно, являются средством познания мира и играют значительную роль в процессе репрезентации человеку окружающей действительности: во-первых, технические артефакты позволяют человеку артифицировать объекты естественной природы, во-вторых, выполняют функцию сохранения и трансляции социально значимого опыта.

Как мы уже отметили, материальные технические артефакты выступают средствами преобразовательной деятельности, несущими информацию, необходимую для создания других артефактов. Более того, создание новых артефактов является специфической функцией технических (орудийных) артефактов. Любой технический (орудийный) артефакт неоднократно используется в качестве функционального, производящего, артифицирующего средства.

В каждой орудии закодировано символическое значение, репрезентирующее ту форму деятельности, в которой оно производится или применяется. Главным признаком любого материального, в частности технического, артефакта является способность нести «некие осмысленные, особым образом зафиксированные в структуре объекта следы (воздействия), которые позволяют идентифицировать такой объект с неким узнаваемым знаком, несущим значимую для другого человека социокультурную информацию» [Игнатъева 2002: с. 52—53]. Более того, само производство материальных артефактов является одновременно и производством репрезентаций, т. к. артефакты не только находят применение нашей деятельности, но и отра-

жают, представляют, репродуцируют те формы деятельности, в которых они производятся и применяются.

Что именно репрезентируется с помощью технических артефактов? В первую очередь технические артефакты, в отличие от других артефактов, предназначены для трансляции предметно-манипуляционных способностей (способностей, направленных на овладение материальной природой, в том числе и человеческим телом), на более высоких этапах технические артефакты используются и для трансляции способностей по овладению информацией (средства массовой информации, компьютеры и т. д.) [Игнатъева 2002: 81].

Необходимо отметить, что модель, репрезентация человеческой деятельности присутствует в любой форме артефакта, в особенности технической, — это является условием его причастности к процессам социальной памяти.

Гносеологическая значимость технических артефактов рассматривается и в контексте исторической эволюции форм познавательной практики человека (способность к созданию репрезентаций является «кардинальным свойством познавательной практики человека») [Вартофский цит. по Игнатъева 2002: с. 28], которое развивалось, начиная с первоначального производства материальных артефактов, прежде всего орудий труда и оружия). «Так, результатом изготовления топоров и копий явилась не только возможность рубить и охотиться: в них одновременно репрезентированы и методы их производства, и сами процессы рубки дров и охоты на животных как формы деятельности» [Вартофский цит. по Игнатъева 2002: с. 28].

Гносеологическая значимость технических (орудийных) артефактов не может быть оценена без их взаимосвязи с языком. Все орудия труда, используемые человеком в практике, так или иначе, связаны с языком, а язык, в свою очередь, является основой социальной памяти. И язык, и орудие являются инструментами: язык — инструмент для общения, а орудие — «язык» для производственной деятельности. Именно посредством инструментальности орудийного артефакта и репрезентируется определённая форма практики.

Таким образом, все технические артефакты несут в себе некие репрезентации, первоначально в форме орудийных, а затем более сложных проявлений, несут в себе физическую запись и, следовательно, являются важнейшими составляющими социальной памяти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ИГНАТЬЕВА И. Ф. Проблема артефакта: онтология, эпистемология, аксиология. — Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т, 2002. — 85 с.
КРЫСИН Л. П. Толковый словарь иностранных слов. — М.: Русский язык, 1998. — 848 с.

Перспективы метафизики: Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков / под ред. засл. деят. науки РФ, проф. Г. Л. Тульчинского и проф. Уварова М. С. / Российский гуманитарный научный фонд: Международная кафедра (ЮНЕСКО) по философии и этике СПб Научного центра РАН — С-Пб.: Алетейя, 2000. — 415 с.

Философия математики и технических наук: Учебное пособие для вузов / под ред. Лебедева С. А. — М.: Академический проект, 2006. — 779 с.

А. А. Шагеева

A. A. Shageeva

Россия, Екатеринбург, shageyeva@rambler.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ
НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ (на материале естественнонаучного текста)
FORMATION OF INFORMATIVE STRATEGY
OF THE SCIENTIFIC RESEARCH: LINGUISTIC ASPECT
(on the material of the natural-science text)**

Аннотация. В статье сделана попытка выявить и описать когнитивную функцию цитат и приемов их реализации на материале русского и английского языков.

Abstract. The author is trying to reveal and describe cognitive function of citations and receptions of their realization on the material of Russian and English languages.

Ключевые слова: цитата, познавательная стратегия, когнитивная функция.

Keywords: citation, informative strategy, cognitive function.

УДК 81'38+811.111.1

Одной из межнаучных проблем, решаемой сегодня на стыке современного интегративного языкознания, когнитологии, терминоведения, теории текста, науковедения, системологии и др., является проблема, связанная с получением и развитием научного знания и формами его манифестации.

Как известно, динамика развития научной мысли и этапы познания (от осознания проблемной ситуации до доказательства гипотезы и вывода) обуславливают композицию научного текста, а также выбор речевых средств при создании текста. Одним из таких средств, выступающих полноправным элементом любого научного текста, является цитата. Поэтому выявление и описание когнитивных функций цитат и приемов их реализации в научном тексте

© Шагеева А. А., 2011

(в нашем исследовании — естественнонаучном тексте) на материале русского и английского языков является ценным для решения общенаучной проблемы моделирования научного текста и манифестации научного знания.

Формирование познавательной стратегии научного исследования является одним из этапов мыслительного процесса, направленного на получение нового знания. Этот этап соответствует вопросу «каким образом получить результат?». Рассмотрим, как цитата участвует в формировании данной стратегии.

Цитата, являясь средством презентации предшествующего знания в научном тексте, может представлять не только содержание существующего знания об объекте исследования, но также и информацию об использованных предшественниками методах и методиках изучения объекта. Анализируя полученные предшественниками результаты проведенных исследований, сделанные выводы и сформированные ими концепции, ученый обращает свое внимание и на то, как они были достигнуты. Это необходимо для того, чтобы определить пути решения задач собственного исследования, сформировать программу познавательных действий, направленных на разрешение проблемной ситуации, то есть получение нового знания. Здесь возможны два варианта: исследователь заимствует методы и приемы, созданные предшественниками, либо вырабатывает собственную методику, еще не использовавшуюся в науке. И в первом и во втором случае невозможно обойтись без анализа методологических стратегий и тактик научного исследования других ученых.

Субъект познания рассматривает теоретические и эмпирические подходы, принципы, методы, способы, средства, приемы, и методики, существующие в научном фонде, чтобы определить их эффективность/неэффективность для решения поставленной им проблемы. В случае оценки метода предшественника как удовлетворяющего требованиям данного исследования, происходит его заимствование. Если автор-исследователь находит какой-либо метод неэффективным для достижения цели своей работы, тогда он предлагает собственную тактику, опираясь на уже существующие методы и методики, при этом он уточняет, развивает их, заменяет какие-либо составляющие метода. Как известно, методология научного исследования представляет собой многоуровневую структуру, включающую познавательные методы различной степени обобщенности: философские, общенаучные и специально-научные. Вырабатывая специально-научные способы познания, ученый опирается на общие философские методы, задающие общее направление исследования и принципы подхода к объекту изучения, а также на общенаучные методы, которые конкретизируются в каждой отдельной науке. Следовательно, в научном тексте могут быть изложены философские, общенаучные и специально-научные методы, уже вошедшие в научный фонд.

Анализ корпуса цитат в русскоязычном и англоязычном материале показал, что исследуемое явление может выступать способом актуализации использованных предшественниками методов и методик изучения объекта в структуре научного текста. Указание на методы и методики исследования, составляющие наличное знание, осуществляется за счет инструментальных маркеров, находящихся либо в вокругцитатном окружении, либо в самих цитатах.

Инструментальные операторы сигнализируют, что цитата эксплицирует методологическую информацию. К данным маркерам в русском языке относятся следующие когнитивные существительные: *метод, методика, процедура, средство, способ, подход, путь*. В англоязычных текстах инструментальные операторы представлены такими существительными, как *method, operation, technique, means, approach, strategy, instrument*. В каждой работе происходит конкретизация методов за счет наименования конкретных познавательных действий. Выбор того или иного инструментального оператора зависит от характера решаемой проблемы, направленности исследования, а также содержания примененной познавательной операции, выраженной цитатой.

Наряду с инструментальными операторами в текстовых отрезках, содержащих цитаты с описанием существующих в науке методов и методик, присутствуют и аксиологические операторы. Наличие аксиологических операторов сигнализирует о проведенной автором-исследователем оценке принципов, подходов, методик и конкретных действий предшественников. На основании анализа и оценки процедурной стороны чужих исследований ученый может заимствовать методы и приемы для достижения своей цели; разрабатывать собственные методики, основываясь на уже существующих; показывать ошибочность выводов, полученных коллегами в результате использования тех или иных методов.

Оценка метода может быть как позитивной, так и негативной. В русскоязычных и англоязычных текстах нами были обнаружены следующие аксиологические инструментальные операторы: примеры на русском языке — *эвристическая ценность принципа, достаточная результативность метода, ведущая роль принципа синхронизации, несовершенство методики, недостаточно высокая разрешающая способность метода спасения плазмид*; примеры на английском языке — *useful technique, powerful means, relatively simple apparatus, excellent method, desirable counting, very suggestive method, incomplete analysis, unusable instrument, meager calculations*.

Таким образом, актуализируя уже существующее знание, цитата может выполнять функцию методологического обоснования нового знания, участвовать в экспликации методологической стратегии и тактики научного исследования.

Обзор существующих в научном фонде методов и методик исследования и их оценка позволяют сформировать программу познавательных действий автора, направленных на разрешение проблемной ситуации, то есть получение нового знания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- БАЖЕНОВА Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности — Пермь: Перм. ун-т., 2001. — 272 с.
- БАЖЕНОВА Е. А. Еще раз об оценке в научном тексте // Стереотипность и творчество в тексте: межв. сб. науч. тр. — Пермь: Перм. гос. ун-т., 2003. — С. 172—187.
- ВОРОБЬЕВА М. Б. Особенности реализации оценочных значений в научном тексте // Научная литература: язык, стиль, жанры. — М.: Наука, 1985. — С. 47—56.
- ДАНИЛЕВСКАЯ Н. В. Познавательная оценка в научном дискурсе // Стереотипность и творчество в тексте: межв. сб. науч. тр. — Пермь: Перм. гос. ун-т., 2003. — С. 153—171.

Н. В. Ширпужева

N. V. Shirpuzheva

Екатеринбург, Россия, schir@mail.ru

СВЯЗЬ ГЛАГОЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИМЁН COMMUNICATION OF THE VERB MEANING AND THE MEANING OF NOUNS

Аннотация. В статье рассматриваются способы конкретизации семантического значения глагола.

Abstract. The article is devoted to different ways of giving concrete definition to the semantic meaning of a verb.

Ключевые слова: глагол, семантическое значение, лексема.

Keywords: verb, semantic meaning, lexeme.

УДК 81'37+81'366

А. А. Уфимцева указывает, что «объективная трудность в изучении семантики глагольных лексем заключается, прежде всего, в характере их логико-предметного содержания. В отличие от имени понятийная основа глагола бывает настолько широка, что зачастую глагол стоит на грани полной десемантизации и перехода из «символического» в «указательное поле» языковых знаков». [Уфимцева 1972: 421]. Закономерно наблюдение, что значение имён существительных определяется в словарях какой-либо дефиницией, а семантика глагола раскрывается обычно через синонимичные ему глаголы.

Согласно мнению А. А. Уфимцевой конкретизировать эту чрезмерно

© Ширпужева Н. В., 2011

широкую понятийную основу глагола позволяют: 1) конкретное значение сочетающегося с ним слова; 2) структурный тип дополнения (простое, сложное); 3) характер семантики субъекта и объекта глагольного действия (категория одушевленных, неодушевленных, лиц, вещей, животных, конкретной, абстрактной лексики и т. п.) [Уфимцева 1972: 421].

Конкретное лексическое значение, тот или другой лексико-семантический вариант глагола зависит от структуры, синтаксической позиции и лексического наполнения распространяющих его слов, т. е. системного семантического контекста, манифестирующего отдельные значения глагола.

Смысловая структура слов в пределах одного языка или разных языков составляет специфическую черту лексико-семантической системы и варьируется в зависимости от принадлежности слова к той или другой части речи, а последней — к тому или иному типу языка и определить контекстуальную зависимость конкретных частей речи в данном языке.

По мнению А. А. Уфимцевой, определить семантическую структуру слова означает «выявить порядок внутреннего сцепления и соподчинения неоднородных смысловых элементов в пределах слова, определить тот дифференцирующий признак, по которому один ЛСВ противопоставляется другому, установить какими средствами осуществляется внутрисловное разграничение семантики слова, т. е. определить тип семантического контекста и место каждого ЛСВ по отношению к другим единицам языковой системы в целом» [Уфимцева 1972: 422].

Анализируя смысловую структуру глагольных лексем, А. А. Уфимцева пишет: «Понятие отношения, лежащее в основе лексического значения глагольных лексем как номинативных единиц, определяется в терминах их синтагматических связей и, прежде всего, по субъектно-объектной локализации (направленности) действия [Там же]. И отсюда делаются два вывода:

1) смысловая структура глагола предполагает изучение и строгое противопоставление двух типов смысловых связей (соответственно моделей) слов — лексических и синтаксических;

2) в семантике глагольных лексем зафиксированы субъектные или объектные его связи, либо те и другие; поэтому глаголы можно условно назвать (по локализации их семантических связей) субъектными, объектными и двунаправленными субъектно-объектными и объектно-субъектными.

Субъектные глаголы могут быть односубъектными (например: жеребиться может только лошадь), т. е. только одна семантическая категория имён может быть совместима по семантике с данным глаголом. Семантический субъект (агенса) может не совпадать в разных языках.

Семантика других глагольных лексем ориентирована на предмет их действия, но большинство из них фиксируют двойные связи: субъектные

и объектной направленности. В силу того, что у таких глагольных лексем может быть несколько типов семантических субъектов и объектов, относящихся к разным категориям слов (одушевлённые/неодушевлённые, лицо/не-лицо, исчисляемые/неисчисляемые, конкретные/абстрактные, обозначение единичных предметов или собирательных имён т. п.), их семантическая структура имеет сложное строение, а смысловой объем широк.

А. А. Уфимцева пишет, что «глаголы, как правило, имеют сложный семный состав: одни обладают внутренней дистрибуцией семантических признаков, т. е. включённых в само название («внутренний объект»), другие глаголы распространяются, вернее, семантически восполняются внешней синтагматической сочетаемостью с предметными или обстоятельственными словами. При «соединении» семантические признаки выступают на паритетных началах, между ними нет никакой субординации» [Уфимцева 2002: 163]. При описании субъектных глагольных наименований в словарях неслучайно вместо вектора семантических отношений субъектного глагола и его семантического субъекта в скобках даётся указание на тип агенса, источника данного действия (там же).

Л. Теньер, ввёл понятие «актант» (от лат. ago — привожу в движение, действую), противопоставив актант (существа и предметы, участвующие в той или иной мере в процессе) сирконстантам, указывающим на время, место, образ действия, и другие обстоятельства процесса. Различие актантов и сирконстантов у Л. Теньера было не чётким, связывалось с предложно-падежной формой слова. Далее развитие теории актантов шло по пути уточнения номенклатуры актантов, более точного разграничения актантов и сирконстантов. Для семантического синтаксиса стало важным противопоставление синтаксических и семантических (реальных) актантов. В число актантов многие лингвисты стали включать любой субстантивный член предложения (дополнение орудия, обстоятельство места и т. д.).

С. Г. Бережан, исследуя природу связей глагола и его актантов, пишет: «У глагола указание на актанты и сирконстанты даются в самом тексте, толкующем их значения. Целесообразно, однако, упорядочить подаваемую синтагматическую информацию с тем, чтобы во всех необходимых случаях она была представлена унифицировано: у глагола указание на субъектную позицию можно давать до толкования в скобках, сопровождая её предлогом «о» (как это и делается), указание на объектную позицию давать там же, но без предлога, а указание на разного рода сирконстанты давать в скобках после толкования, учитывая, что это уже текст, а не собственно глагольное значение» [Бережан 1988: 14].

Лексикографическое описание глагольной лексики с учётом сем субстантивного характера (актантов) проводится двумя способами. Первый представлен в Функциональном словаре русских глаголов Г. А. Золотовой.

Она видит потребность в возникновении словаря нового типа, «задача которого — в словарных параметрах охарактеризовать систему русских глаголов так, чтобы их категориально-семантические и грамматические свойства были ориентированы на раскрытие их коммуникативных потенций, реализуемых в определённых регистрах речи».

Второй способ: изучение структуры лексического значения глагола позволяет определить правила его сочетаемости. На этом базируется ролевая грамматика, грамматика глубинных падежей (см. Л. Теньер, Ч. Филмор, ВВ. Богданова, Ю. Д. Апресян). Однако в отечественной лексикографической практике актанты в словарных статьях глаголов представлялись не всегда последовательно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

БЕРЕЖАН С. Г. Отражение семантических системных связей лексических единиц в одноязычном (толковом) словаре. / Словарные категории. — М.: Наука, 1988, — С. 3—15

ТЕНЬЕР Л. Основы структурного синтаксиса, пер. с франц. — М.: Прогресс, 1988. — 656 с.

УФИМЦЕВА А. А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики / Под ред. Ю. С. Степанова. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — Издание 2-е, стереотипное. — 240 с.

УФИМЦЕВА А. А. Лексика / В кн.: Общее языкознание (внутренняя структура языка). — М.: Наука, 1972 — С. 394—451.

С. И. Шумарин

S. I. Shumarin

Балашов, Россия, sshumarin@yandex.ru

АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ АББРЕВИАТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ

ANTHROPONIMIC ABBREVIATIONS IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE: SEMANTICS AND FUNCTIONS

Аннотация. В статье рассматривается возникновение антропонимических аббревиатур в русском языке, соотнесение современных аббревиатур с исходными именами собственными и функции, которые они выполняют.

Abstract. The article is devoted to the appearance of anthroponimic abbreviations in the Russian language, their correlation with the initial proper names and their functions.

© Шумарин С. И., 2011

Ключевые слова: антропонимическая аббревиатура, антропоним, имя собственное.

Keywords: anthroponimic abbreviation, anthroponim, proper name.

УДК 81'373.611+81'37

Первые антропонимические аббревиатуры в русском языке стали появляться в послеоктябрьский период как личные имена, образованные от имен и фамилий революционных деятелей (*Владлен, Вилен, Вилена, Владлен* от Владимир Ильич Ленин) [см.: Селищев 2003: 190], классиков марксизма-ленинизма, других известных людей: *Виль* (Владимир Ильич Ленин), *Марлен* (МАРкс и ЛЕНИн), *Тролебузина* (ТРОцкий, ЛЕНИн, БУХарин, ЗИНовьев), *Мэлс* (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин), *Нисерха* (НИкита СЕРгеевич Хрущев), *Юралга* (Юрий Алексеевич ГАгарин) (<http://www.kr.ru/daily/24354.3/541005>). Для русского языка конца XX — начала XXI вв. такие аббревиатуры не актуальны, антропонимическая аббревиация в этот период развивается в иных направлениях.

90-е годы прошлого века характеризуются активизацией аббревиатурного производства, на что обращают внимание не только исследователи-лингвисты, но и неспециалисты: «Первое десятилетие после образования СНГ можно назвать по-разному, в том числе и «эпохой аббревиатур». Причудливые сочетания букв, обозначавших различные политические, экономические, общественные «союзы», то возникали, то отмирали или же существовали просто на бумаге» (http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg162007/Polosy/4_3.htm).

Активизируется и образование аббревиатур на базе антропонимов: «Нынче аббревиатуры снова в моде. Правда, не такие длинные. ЕБН, например. ВВП опять же. А также: ЧВС (ежели кто забыл — напомним: Черномырдин Виктор Степанович), ВВЖ (надеюсь, напоминать не нужно), БАБ (не к ночи будь помянут). . . А еще — ДОР. Не знаете? Ну как же: Дмитрий Олегович Рогозин» (Московский комсомолец. 11.10.2004). По мнению Е. А. Земской, характерной чертой языка нашего времени является усиление личностного начала, что находит свое отражение в активном вовлечении в словопроизводство в качестве базовых основ собственных имен лиц наших современников. «Имена лиц порождают целые серии производных разнообразной семантики и структуры» [Земская 2000: 99], в том числе и аббревиатуры, которые «используются не только как средство официальной номинации, но и как средство экспрессии, художественной выразительности» [Там же: 121].

Таким образом, антропонимические аббревиатуры в современном русском языке выполняют две основные функции — номинативную и эстетическую. Номинативная функция проявляется в том, что вместо полно-

го имени и фамилии называемого лица используются двухбуквенные или трехбуквенные сокращения (имени и отчества; имени и фамилии; имени, отчества и фамилии), т. е. часто аббревиатуры синонимичны полному имени собственному. В то же время они являются средством эстетического оформления речи и в определенном контексте могут приобретать добавочные оттенки значения.

Сокращения антропонимов в качестве прозвищ взрослых (учителей или воспитателей) известны в речи подростков еще с 20-х годов, правда, чаще всего это были сокращения слогового типа. Герои повести Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика Шкид» замечают, что замена полного наименования сокращением — «это по-советски», поэтому сокращают и имена собственные: Виктор Николаевич Сорокин — *Викниксор*, Элла Андреевна Люмберг — *Эланлюм*, Александр Николаевич Попов — *Алникпон*, Константин Александрович Меденников — *Косталмед*. Ср. также: «... мы решили всех шкрабов сократить для скорости: Алексей Максимыч Фишер будет теперь *Алмакфши*. Николай Петрович Ожигов — *Никнеож*; «Пришла новая шкрабиха, естественница Елена Никтишна Каурова, а по-нашему — *Елникитка*» (Огнев Н. Дневник Кости Рябцева). Сокращения имен собственных в качестве прозвищ учителей характерны и для речи современных школьников, правда, наиболее употребительными являются сокращения инициального типа, например: *ЕГ* [ЕГэ] — Елена Геннадьевна (учитель одной из школ г. Балашова); «*С. З.* (Сергей Зиновьевич — имя-отчество директора, сокращенное в школьном обиходе до общеупотребимой аббревиатуры) читает справку Минобразования вслух... На лице у *Сэ Зэ* отчетливо проступает отсутствие нормативной лексики по этому поводу» (Новая газета. 21.05.2008).

В современном русском языке высокочастотны аббревиатуры, базовыми основами которых являются имена собственные — ключевые слова эпохи, называющие лиц, находящихся «в фокусе социального внимания» [Земская 2000: 92], — политиков, общественных деятелей, писателей, артистов и т. п. Например, в интервью Б. Стругацкого корреспонденту газеты «Московский комсомолец» О. Герасимовой используется аббревиатура *АВС*: «Б. С.: ... В каждом окончательном тексте *АВС* (устоявшаяся аббревиатура «Аркадий и Борис Стругацкие»). — О. Г.) содержится на самом деле три-четыре-пять черновиков, которые никогда не были написаны, но зато были произнесены. / Оксана Герасимова: — Какие условия *АВС* считали идеальными для творчества — покой, комфорт или что-то другое?» (Московский комсомолец. 03.08.2001). Во многих случаях такие аббревиатуры приобретают добавочные коннотации, чаще негативного характера: «Традиционно напротив суда стоят противники Ходорковского, которые молча держат плакаты

с требованиями «Справедливого решения в отношении грабителей», «Вор должен сидеть в тюрьме», «МБХ — (аббревиатура фамилии, имени и отчества экс-главы ЮКОСа) покаялся и сиди в тюрьме» (Ведомости. 19.05.2009); «АБЧ — это Анатолий Борисович Чубайс. Для внутреннего пользования. Такой аббревиатурой его обозначали в неофициальных внутренних документах Администрации Президента в 90-е. Чубайс — звучит действительно мягковато. Есть очевидное упрямство, однако окончание, хоть и ударное, но без энергии и жесткости. АБЧ — совсем другое дело. Коротко. Ясно. Конкретно» (<http://gian.ru/autortvchess/20080704/113146212>).

Активно используются антропонимические аббревиатуры в качестве эргонимов — наименований «деловых учреждений, предприятий, обществ» [Исакова 2006: 63]. Чаще всего в основе таких аббревиатур — имена нескольких лиц. Аббревиатуры-эргонимы получили широкое распространение первоначально в США и странах Западной Европы: «Группа компаний *BBDO Russia* входит в рекламно-коммуникационный холдинг Omnicom Group и в состав мировой сети *BBDO Worldwide*, работает на российском рынке с 1989 года. Аббревиатура «*ББДО*» — это инициалы основателей агентства Бэттена, Бартона, Дерстайна и Осборна, открывших первый офис в 1891 году» (<http://gian.ru/economy/20070110/58795797.html>); «Весной 1948 года, вскоре после смерти главы семьи, братья Дасслер разделили компанию, и каждый из них организовал собственный бизнес: Рудольф забрал себе одну фабрику, впоследствии преобразованную в знаменитый концерн «Puma», а Адольф основал компанию «Addas», впоследствии изменив бренд на «Adidas» (аббревиатура от Ади Дасслер)» (<http://gian.ru/history/20071103/86521836.html>). Западная традиция названия фирм и компаний по имени их основателей проникла и в Советский Союз, однако наибольшую активность подобные аббревиатуры получили в постсоветской России: самолетостроительная корпорация *МиГ* (из первых букв фамилий конструкторов самолетов Артема Микояна и Михаила Гуревича), компания *МММ* (из начальных букв фамилий ее основателей Сергея Мавроди, Вячеслава Мавроди и Ольги Мельниковой), промоутерская компания *ЮКА* (от фамилий учредителей: Юнисов, Кузнецов, Александров), *ТОО «БИМС Ко LTD»* (аббревиатура фамилий учредителей товарищества — Баринов, Ильин, Маноконев, Серганов), издательство «ВАГРИУС» (аббревиатура, образованная от фамилий его основателей — О. Васильева, В. Григорьева и Г. Успенского) и т. п. К этой группе примыкают аббревиатуры-прагмонимы — наименования «товаров, . . . которые называют торговыми марками или словесными знаками» [Исакова 2006: 63]: фотоаппарат *ФЭД* (Феликс Эдмундович Дзержинский), телевизор *КВН-49* (по первым буквам фамилий трех его изобретателей — инженеров, создавших эту марку в 1949 г., — Кенигсона В. К., Варшавского Н. М., Николаевского И. А.), само-

лет *МиГ*, высокопоточный исследовательский реактор *ПИК* (аббревиатура от фамилий разработчиков проекта Петрова и Коноплева) и т. п.

Антропонимические аббревиатуры современной эпохи активно используются как средство языковой игры, что проявляется в обыгрывании омонимии аббревиатур и омонимии аббревиатуры и слова (словоформы). Сфера такой языковой игры — средства массовой информации, Интернет-ресурсы, живая разговорная речь.

Объектом обыгрывания являются, как правило, аббревиатуры, совпадающие по своему буквенному и звуковому составу, но относящиеся к разным денотатам. В основе языковой игры лежат ассоциации, связанные с той или иной широко известной аббревиатурой. В газете «Известия» по-разному обыгрывается, например, аббревиатура *МММ*: «С одной стороны, местным властям эти деньги нужны (его за ветхое жилье по головке не гладят), а людям эти деньги нужны вдвойне (сколько еще десятков лет им выживать в приватизированных аварийных домах?), но вот странная коалиция с подзабытой аббревиатурой *МММ* (мэр-муниципалитет-МУП) почему-то заинтересована в обратном» (15.07.2008). «*МММ* с плюсом» — название статьи: «В этом заголовке — игра даже не слов, а букв. За знакомой аббревиатурой, вызывающей у многих отрицательные эмоции, в данном случае скрываются фамилии трех ветеранов-известинцев» (Мамлеев, Менделеев, Мушкина — С. Ш.) (20.05.2009). Ср. также: «А в знаменитой связке «*ММММ*» он держится особняком (в материале речь идет об актере А. Маковецком, а аббревиатура *ММММ* — первые буквы фамилий четырех популярных российских актеров: О. Меньшикова, О. Машкова, Е. Миронова, А. Маковецкого)» [Крюкова 2006: 256]. Активно включается в языковую игру аббревиатура *ВВП* — «Владимир Владимирович Путин» и «валовой внутренний продукт». Так, на сайте *gazeta.ru* опубликована статья под заголовком «*ВВП* не слушает Путина» с подзаголовком «МЭР (Министерство экономического развития — С. Ш.) снижает прогноз роста *ВВП* в этом году до отметки ниже 4%». Интересен комментарий одного из посетителей сайта (орфография и пунктуация оригинала сохранены): «ждите на каналах новостей репортаж о том как *ВВП* лично поднимает *ВВП* до 4% и держит, не сгибаясь, на достигнутом уровне. Впрочем, не знаю, как это выглядеть будет, *ВВП* в экзоскелете что-ли» (<http://www.gazeta.ru/financial/2010/10/27/3431964.shtml>).

Многочисленные примеры языковой игры, связанной с аббревиатурой *ВВП*, представлен А. В. Стахеевой [Стахеева 2009: 110—113]. В этой же работе отмечаются случаи обыгрывания имени Дмитрия Анатольевича Медведева, при этом «используется инверсия (МДА, а не *ДАМ*)». По мнению автора, «игра с МДА не столь популярна у журналистов» [Там же: 113]. Как показывают наши наблюдения, в средствах массовой информации последних

лет эта аббревиатура проявляет значительную активность в виде *ДАМ*, что не осталось незамеченным в комментариях посетителей сайта газеты «Московский комсомолец» (орфография и пунктуация оригинала сохранены): «а почему везде пишут *ДАМ*? вот Ельцина писали с фамилии — ЕБН... кажется медведа тоже так писать надо — МДА, ну или тупо мда уж» (<http://www.mk.ru/politics/article/2010/11/15/544227-gulyay-vasya.html?action=comments&>). Здесь аббревиатура *ДАМ* противопоставляется аббревиатуре *МДА*, и в то же время противопоставляются омонимичные формы — глагол *дам* и междометие *м-да* (*уж*). На обыгрывании омонимии сокращения *ДАМ* и формы будущего времени глагола *дать* — *дам* построен и следующий текст: «Теперь в лексиконе власти входит аббревиатура *ДАМ* (Дмитрий Анатольевич Медведев). Что бы это значило — государство со своего нефтегазового плеча щедро одарит народ социальными доходами? А может, с новой силой даст по шапке заокеанским империалистам? Или *ДАМ* — гарантия скорого возврата власти тому, кто по Конституции вынужден её сейчас уступить?» (АиФ Online. 25.12.2007). «Новая газета» помещает анекдот, якобы рассказанный сотрудником правительства, в котором обыгрывается омонимия аббревиатуры *ДАМ* с формой мн. ч. родительного падежа существительного *дама* — *дам*: «Раньше пили первый тост за *дам*, а теперь за *ДАМ* (Дмитрия Анатольевича Медведева)» (Новая газета. Цветной выпуск. 14.03.2008).

Таким образом, в современном русском языке все большую активность проявляют антропонимические аббревиатуры, которые по-разному могут соотноситься с исходным именем собственным — быть семантически тождественными или приобретать дополнительные коннотации. Такие аббревиатуры несут как собственно номинативную, так и эстетическую нагрузку.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ЗЕМСКАЯ Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 90—141.
- ИСАКОВА А. А. Тенденции развития современной ономастики // Филологические науки. — 2006. — № 3. — С. 63—69.
- КРЮКОВА С. В. «Языковая игра в медиатекстах» // Журналистика и медиаобразование в XXI веке: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 25—27 сентября 2006 г.) — Белгород: Белгородский гос. ун-т, 2006. — С. 253—257.
- СЕЛИЩЕВ А. М. Язык революционной эпохи. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 248 с.
- СТАХЕЕВА А. В., ВЛАСКИНА Н. А. Функциональные и этнокультурные аспекты изучения русского языка. — Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2009. — 376 с.

***Общетеоретические проблемы германистики,
русистики, индоевропеистики: исследования
в области когнитивной лингвистики,
дискурса и стилистики***

Т. Ю. Быкова

Т. У. Вукова

Челябинск, Россия, bykova74@mail.ru

**МИЛИТАРНАЯ МЕТАФОРИКА В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ
1930–1935 ГГ.**

**MILITARY METAPHORIC IN THE SOVIET PRESS
OF 1930—1935s**

Аннотация. Данная статья содержит разработку военной метафорической модели, лежащей в основе советского образа и представления действительности советского довоенного периода. Внутри модели автор выделяет фреймы и слоты, которые однозначно определяют основную идею рассматриваемого времени, а именно, Советский союз — поле боя.

Abstract. The article exposes the description of a military metaphoric model which served the base for the Soviet image and representation of the reality of the Soviet pre-war period. The author reveals some frames and slots within the model that undoubtedly shows the main idea of that time, i. e. the Soviet Union is the field of battle.

Ключевые слова: *военная метафорика, советский человек, фрейм, слот.*

Keywords: *military metaphors, Soviet citizen, frame, slot.*

УДК 81'27+811.161.1

Метафорический образ современной России уже неоднократно рассматривался как отечественными, так и зарубежными специалистами, в то время как советские метафоры исследованы в значительно меньшей степени (Р. Д. Андерсон, Д. Вайс, А. А. Пшенкин), а метафоры предвоенного десятилетия по существу еще не были предметом специального изучения.

© Быкова Т. Ю., 2011

Данная статья содержит разработку военной метафорической модели, лежащей в основе советского образа и представления действительности советского довоенного периода.

Военные метафоры в современной политической речи были предметом исследования в публикациях А. А. Касловой (2003), Е. В. Колотниной (2001), А. Б. Ряпосовой (2002) и ряда других исследователей. Мы ставим перед собой задачу исследовать роль военной метафоры в убеждении советского человека.

Мы проанализировали 1370 концептуальных метафор. Любая классификация метафорических моделей, равно как и попытка отнесения метафорических обозначений к исходной понятийной сфере, определенно страдают некоторым субъективизмом, поскольку «возможные пути классификации очень разнообразны и едва ли какая-либо из возможных классификаций окажется принятой всеми» [Чудинов, 2001: 74].

Следует отметить, что в анализируемом периоде военная метафора является наиболее частотной и развернутой. Это не удивительно, ведь это время характеризуется постоянными столкновениями и междоусобицами как внутри страны, так и за ее пределами. Отсюда вытекает метафорическая модель Советский Союз — поле боя. Опираясь на классификацию Э. В. Будаева [Будаев: 2009], мы можем разграничить несколько фреймов:

1. Фрейм «Война и ее разновидности»

К данному фрейму мы относим такие метафоры как *блицкриг*, *война плакатов*, *дуэль*, *борьба*.

— *В ответ вредителям и интервентам, пытавшимся организовать **крестовый поход** капиталистов на Советский союз и потопить в крови пролетарскую революцию!»* (3 декабря. 1930. Правда. № 332—4777)

— *Попытки империалистов помешать нашему **строительству**, втянуть нас в новую бойню...* (21 августа. 1930. Знамя Пионера. №68)

— *Беспощадно продолжать **борьбу** с носителями правого оппортунизма и хвостизма, играющими на руку классовому врагу.* (15 июня. 1930. Приокский рабочий. № 137—315)

2. Фрейм «Организация военной службы»

2.1. Слот «Иерархические отношения военнослужащих»

Солдаты, новобранцы, полководец, флагман

— *Покупатели — **шпики**, **провокаторы**, **диверсанты из штабов и банкирских разбойничьих гнезд** почти всей страны, — сидели, лениво разваливаясь, разбросав локти над чашками кофе, рюмками ликеров.* (М. Кольцов 30 ноября. 1930. Правда. № 329—4774)

— Это говорит за то, что коммунисты в производстве передовиками не являются. Они не являются **застрельщиками** в решительной борьбе с рвачами. (6 марта 1930. Приокский рабочий. № 51—232)

2.2. Слот «Воинские подразделения»

Рать, дивизия, полк, батальон, рота

— Генералитет приходит к убеждению, что при помощи остатков **разложившейся армии** нельзя ликвидировать революционное движение. (Карл Радек. Известия. № 62 (4269) 4 марта 1931)

3. Фрейм «Воинские действия и вооружения»

3.1. Слот «Военные действия»

— В ответ на безжалостные информации из московского Колонного зала срочно, дозарезу понадобилась **встречная канонада. Защитная дымовая завеса**. (М. Кольцов. 30 ноября. 1930. Правда. № 329—4774)

— Трудящиеся нашей страны уже **выстроились в единый фронт** для защиты завоеваний Октября. (3 декабря. 1930. Правда. № 332—4777)

— Надо со всей силой **ударять** по кулаку, кулак обладает большой способностью **маневрировать**, он действует через середняка и бедняка, и часто по этому **удар**, предназначенный кулаку, попадает на бедняка и середняка. (13 апреля 1930 Приокский рабочий № 85—263)

— Органы прокуратуры и суда должны **открыть истребительный огонь** против великодержавных шовинистов. (Борьба. № 30. 21 января 1931)

3.2. Слот «Виды вооружения и военных сооружений»

— Международный империализм и внутренний классовый враг вновь пробуют путем провокации, **диверсии** и **штыка** свергнуть советскую власть в СССР... (Обращение пленума ВМБИТ 3 декабря 1930. Правда. №332—4777)

— Национал-фашизм и социал-фашизм являются **послушным оружием** трестовского капитала. (Правда. № 46 (4851) 16 февраля 1931)

— ...превратим каждый колхоз в **форпост** мировой революции. (В. Билюи. Известия. № 333—4180. 4 декабря 1930)

4. Фрейм «Начало войны и ее итоги»

4.1. Слот «Начало войны»

Подготовка, рекрутировать, мобилизация

4.2. Слот «Коней войны»

— Берите пример с тех, кто активно ведет борьбу за укрепление колхозов и **деритесь за победу** социализма (28 марта. 1930. Приокский рабочий. № 72—250)

Как мы видим, в советском публичном дискурсе того времени преобладает тематика войны, хотя события происходят не в реальном бою, а внутри об-

щества. Идеальный большевик принимает как должное тот факт, что его жизнь посвящена продвижению коммунизма, невзирая на лишения и невзгоды.

Советский Союз рассматривается как поле боя, и становится ясно, кто является главным противником в борьбе за политическое пространство. Все силы направлены на истребление классового врага. Пролетариат предстает в данной модели в роли героического бойца, в то время как белогвардейцы находятся по ту сторону фронта. Большевики *открывают огонь по противнику, выстраиваются в единый фронт* для защиты страны, отечества от классового врага.

Можно привести много других примеров, чтобы проиллюстрировать советскую действительность того периода, но мы не должны забывать, что картина мира, которую рисуют газеты, не беспристрастна.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

БУДАЕВ Э. В. Метафорический образ России в современном мире. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. — 276 с.

ПШЕНКИН А. А. Метафорический образ СССР/России в американском политическом дискурсе второй половины XX — начала XXI веков // Дисс... канд. филол. наук. — Барнаул: Графикс, 2006. — 194 с.

ЧУДИНОВ А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. — 238 с.

Т. П. Ваганова

T. P. Vaganova

Екатеринбург, Россия, vaganova.85@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА СМЕРТЬ/DEATH В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ COMPARING ANALYSIS OF THE CONCEPT DEATH/СМЕРТЬ IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу концепта смерть в русском и английском языках. Автор приводит три различных подхода к пониманию концепта и осуществляет анализ словарных дефиниций лексемы «смерть» в русском и английском языках. На основании анализа автор делает вывод о практически полном совпадении значения концепта СМЕРТЬ в словарных дефинициях в сравниваемых языках.

© Ваганова Т. П., 2011

Abstract. The article is devoted to the comparing analysis of the concept concept DEATH/СМЕРТЬ in the English and Russian languages. The author gives three different approaches to understanding the concept and carries out the analysis of the dictionary entries of the word DEATH in the English and Russian languages. Relying on the analysis the author draws the conclusion about practically complete equivalence of the meanings for the concept DEATH in the English and Russian languages.

Ключевые слова: концепт, смерть, сопоставительный анализ, русский язык, английский язык.

Keywords: concept, death, comparing analysis, Russian language, English language.

УДК 81'27:811.161.1:811.111.1

Использование термина концепт в русских текстах начинается в 80-х годах XX столетия, и главным образом это было связано с расширением предметного поля лингвистики за счет ее взаимодействия с философией. В научной литературе выделяют несколько подходов к пониманию концепта:

1. *Лингвокультурологический*, представители данного подхода (Ю. С. Степанов, С. Г. Воркачев и др.) подчеркивают тесную связь культуры и концепта и на его этносемантическую специфику. Концепт — «как бы сгусток культурной среды в сознании человека» [Степанов, 2001: 42];

2. Представители *лингвокогнитивного подхода* (Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.) считают, что концепт — это «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, 1996];

3. *Философский* подход, представителем которого является В. В. Колесов, включающий термин концепт в сферу ментального описания, задача которого формулируется следующим образом: «выявление и формулирование семантической доминанты, не изменяющейся с течением времени, как основного признака в содержании выраженного словесным знаком концепта». При этом В. В. Колесов подчеркивает, что концепт выражает со-значение «национального колорита», подразумевая под этим способность к выражению концептом всех принципиально возможных значений в символично-смысловой функции языка как средства мышления и общения [Колесов, 1999: 157]. Таким образом, можно сказать, что концепт является условной ментальной единицей, направленной на комплексное изучение

языка, сознания и культуры. Концепт включает все ментальные признаки того или иного явления, которые отражены в сознании народа на определенном этапе его развития. Концепт рождается в виде первичного образа, который в процессе познавательной деятельности человека, постепенно начинает приобретать в сознании человека новые концептуальные значения, тем самым, увеличивая объем концепта.

Мысль о переплетенности жизни и смерти очень стара. Всему на свете приходит конец — это одна из жизненных истин, так же как и то, что мы боимся этого конца и должны жить с сознанием его неизбежности. Нам достаточно и минуты размышлений, чтобы понять, что, уже рождаясь, мы находимся в процессе умирания и в начале заложен конец. Практически каждый большой мыслитель думал и писал о смерти; многие приходили к заключению, что смерть является неотъемлемой частью жизни и, постоянно принимая ее в расчет, мы обогащаем жизнь. Б. Спиноза говорит о том, что «человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти», тем самым выражая пантеистически-умиротворенное отношение человека к смерти [см. подробнее: Спиноза Б. Богословско-политический трактат, 1957]. Своеобразное понимание проблемы отношения человека к смерти можно обнаружить в философии русского космизма (Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев, А. К. Горский, Н. А. Бердяев, К. Э. Циолковский и др.). В рамках данного направления возникает тема преодоления смерти у Н. Федорова это было связано с переходом от «неродственного состояния мира» к обществу психократии; у К. Циолковского же речь идет об устранении страдания в космосе [Ефремова Н. М., 1996: 3]. Интересной представляется трактовка смерти с точки зрения Н. Бердяева «смерть есть самый глубокий и самый значительный факт жизни, возвышающий самого последнего из смертных над обыденностью и пошлостью жизни. И только факт смерти ставит в глубине вопрос о смысле жизни... смысл связан с концом» [Бердяев Н., 1993: 216].

В результате анализа словарных дефиниций концепта СМЕРТЬ, позволил выделить следующие основные параметры рассматриваемого концепта:

1. Прекращение существования живого организма (человека, животного) — *клиническая смерть, биологическая смерть*;
2. Конец земной жизни, переход к другой вечной, духовной жизни — *Бог прибрал, переселиться в лучший мир, приложиться к предкам*;
3. Конец жизни и обстоятельства смерти:
 - а) естественная смерть — *умереть своей смертью, закрыть (свои) глаза, испустить последний вздох, перестало биться сердце*;
 - б) внезапная смерть, смерть от несчастного случая — *геройская, ранняя, скоропостижная*;

в) самоубийство — *наложить на себя руки, покончить с собой, решиться жизни*;

г) избавление от жизненных мук — *отмучиться, отмаяться*;

д) насильственная смерть — *убить, ухлопать, пристукнуть, прикончить*;

4. Пограничное состояние между жизнью и смертью — *стоять одной ногой в гробу, быть на волоске от смерти, смерти в глаза смотреть, находиться между жизнью и смертью*;

5. Сон (вечный, последний) — *уснуть вечным сном, почить вечным сном, уснуть последним сном*;

Дефиниции концепта DEATH в английском языке распределены следующим образом:

1. Полное и окончательное прекращение жизни — *terminate, finish, die, determine*;

2. Свойственность смерти человеческому бытию (удел, человеческая судьба) — *doom, fate, fatality*;

3. Конец жизни и обстоятельства смерти:

а) естественная смерть — *die, stop, dead-end*;

б) внезапная смерть, смерть от несчастного случая — *fallen, expired, casualty*;

в) самоубийство — *suicide, commit suicide*;

г) истребление, уничтожение — *holocaust, carnage, butchery*;

д) насильственная смерть — *croak, kill*;

4. Утрата, печаль — *loss, bereavement, great divide*;

5. Сон, покой, забвение — *repose, eternal rest, paradise, oblivion*.

В обоих языках было выделено одинаковое количество пунктов при характеристике смерти. Полное совпадение отмечено в следующих пунктах: третьем и пятом — в русском и английском языках. Понимание смерти как прекращения существования живого организма является общим для двух языков. В обоих языках самоубийство не относится ни к естественной смерти, ни к насильственной, и составляет отдельную категорию. Таким образом, можно отметить практически полное совпадение значения концепта СМЕРТЬ в словарных дефинициях в сравниваемых языках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- БЕРДЯЕВ Н. О назначении человека / Н. Бердяев. — М.: Республика, 1993. — 383 с.
- ЕФИМОВА Н. М. Русский космизм о природе жизни и смерти: Н. Федоров, К. Циолковский, А. Платонов: автореф. диссертации... канд. филос. наук: 09.00.03. — Киров, 1996.
- КОЛЕСОВ, В. В. Жизнь происходит от слова... / В. В. Колесов. — СПб.: Златоуст, 1999. — 157 с.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]; под ред. Е. С. Кубряковой. — М.: Филол. фак. МГУ, 1996. — 90 с.

СПИНОЗА Б. Богословско-политический трактат. — М., 1957.

СТЕПАНОВ, Ю. С. Константы: слов. рус. культуры / Ю. С. Степанов. — М.: Акад. проект, 2001. — 990 с.

А. М. Гайворонская

A. M. Gayvoronskaya

Тюмень, Россия, tamutina_alyona@mail.ru

**ИНВЕРСИИ КОНЦЕПТОВ «ДОВЕРИЕ» И «ОБМАН»
В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКИХ ЭПИСТЕМАХ XIX ВЕКА
INVERSION OF THE CONCEPTS «TRUST» AND «DECEIT»
IN THE RUSSIAN AND ENGLISH EPISYSTEMS
OF XIX CENTURY**

Аннотация. В статье приводятся лингвистические особенности концептов «доверие/trust», «обман/deceit». Автор анализирует словарные значения данных концептов в русском и английском языках, а также реализацию словарных значений в текстах классической литературы. Автор делает вывод о том, что понятие доверие и обман одинаково концептуализируются в обеих национальных культурах, при этом, в русском языке концепт «обман» отражен в большей степени, чем в английском языке, и в обоих языках проявляется инверсия концептов.

Abstract. The article represents the linguistic peculiarities of the concepts “trust” and “deceit”. The author analyses the meanings of these concepts in dictionary entries of the Russian and English languages and also the realization of these dictionary meanings in the texts of classical literature. The author concludes that the notions “trust” and “deceit” are functioning alike in both national cultures but in the Russian language the concept “deceit” is realized on a wider scale than in the English language and both languages reveal an inversion.

Ключевые слова: *концепт, доверие, обман, русский язык, английский язык, инверсия.*

Keywords: *concept, trust, deceit, Russian language, English language, inversion.*

УДК 81'27:811.161.1:811.111.1

В нашей статье мы постараемся отразить некоторые лингвистические особенности выражения концептов «доверие/trust», «обман/deceit», а

© Гайворонская А. Н., 2011

также выявить концептуальные инверсии применительно к этим концептам на материале таких писателей XIX века, как А. П. Чехов, Н. В. Гоголь, М. Ф. Достоевский — в русской литературе, O. Wilde, Ch. Dickens, W. M. Thackeray — в английской литературе.

Начать, прежде всего, необходимо с пояснения того, что мы понимаем под концептуальной инверсией. Гипотеза концептуальной инверсии была обоснована в работе Н. Н. Белозёровой и Л. Е. Чуфистовой «Шекспир и компания, или использование электронных библиотек при лингвистическом исследовании». Под концептуальными инверсиями мы, вслед за авторами, будем понимать «крупные концептуальные преобразования в исторической перспективе» [Белозёрова, Чуфистова 2007: 64].

Перед тем как перейти непосредственно к самому анализу понятийного компонента концептов в художественных произведениях, мы считаем нужным описать концепты «доверие», «обман», «trust» и «deceit». С помощью дефиниционного и компонентного анализа мы выявили и описали лексико-семантические поля изучаемых концептов в русском и английском языках [Стернин 2001: 58—65]. При дефинировании имен концептов мы пользовались электронными версиями наиболее популярных русских и английских словарей. Результаты дефиниционного анализа показали, что англоязычные и русскоязычные концептоносители вкладывают примерно одинаковый смысл в слова *trust* и *доверие*, вербализуя один и тот же концепт в разных языках. Доказательством данного утверждения служит совпадение некоторых компонентов: *a strong belief in the honesty of someone* — *уверенность в чьей-н. искренности*, *a task assigned to someone in the belief that they will perform it well and conscientiously* — *убежденность, уверенность в чьей-н. добросовестности*. Однако в английском толковании присутствует ряд периферийных сем, которые не отражены в русском понятии: *a group of companies that work together*, *a financial arrangement by which someone has legal control of your money or property*. В этих семах подчеркивается использование данного концепта в экономической сфере. В русском языке мы не обнаружили аналогов использования концепта «доверие» в данном значении.

Проведя сравнительный анализ основных понятийных характеристик концептов «deceit» — «обман», мы также выявили сходные компоненты: *behaviour that is intended to make someone believe something that is not true in order to get what you want* — *намеренное искажение истины, неправда, ложь*. Периферийная сема *an attempt or device to cause to accept as true or valid what is false or invalid* — *плутство, мошенничество по отношению к кому-либо* присутствует в обоих языках. При этом в русском толковании присутствует несколько периферийных сем, не отраженных в английском

понятии: *ложное представление о чем-н., заблуждение, проявление обмана в любви, измена; обольщение, соблазнение (девушки, женщины).*

Теперь, мы можем перейти непосредственно к рассмотрению реализации изучаемых концептов в концептуальной семантике текста. При анализе понятийного компонента концептов в художественном произведении в нашу задачу входило выяснить какие компоненты значения реализуются в произведениях и какие из них являются доминантными, а также выявить случаи концептуальной инверсии. При помощи метода сплошной выборки и поисковой программы The Concordance Programme было отобрано 366 примеров. Поскольку мы придерживаемся широкого взгляда на понятие ЛСП, следовательно, все части речи были включены в общую группу.

В общей сложности, концепт «trust» представлен в произведениях английской классической литературы 269 лексемами при общем количестве 877 лексем, что составляет 31%. Наиболее часто встречающаяся лексема — confidence, она представлена 170 лексемами, что составляет 28% от общего количества. Что касается реализации концепта «доверие» в произведениях русской литературы, то он представлен 592 лексемами и 300 из них лексема доверие, что составляет 50%. Наиболее часто встречающаяся лексема — вера, она представлена 135 лексемами, что составляет 23% от общего количества. Концепт «deceit» представлен 17 лексемами при общем количестве 356 лексем, что составляет 5%. Наиболее часто встречающаяся лексема — falseness, она представлена 100 лексемами, что составляет 28% от общего количества. Концепт «обман» представлен 147 лексемами при общем количестве 726, что составляет 20%. Наиболее часто встречается лексема ложь, она представлена 107 лексемами и это составляет 14% от общего количества.

Проанализировав примеры, в которых отражены исследуемые концепты, мы пришли к выводу, что не все значения концептов находят выражение в произведениях авторов. Так, в произведениях английских авторов, концепт «trust» наиболее часто понимается как a strong belief in the honesty and reliability of someone or something: *The other gentlemen concerned were strangers to Mr. Brock, who felt little inclined to trust either of them upon such a message, or with such a large sum to bring back* [W. M. Thackeray, Catherine: электронный ресурс].

Также, в произведениях концепт «trust» отображен в значении a charge or duty imposed in faith or confidence or as a condition of some relationship: *He had told me that he accepted the charge as a sacred trust, and he was ever true to it in that spirit* [Ch. Dickens, Bleak house: электронный ресурс].

В словарях нередко слово «trust» обозначает a group of companies, однако в произведениях это значение не было отражено, в то время как, trust часто употребляется в значении hope (to want something to happen or

to be true): *«I won't speak to you again about this horrible thing, after to-day. I only trust your name won't be mentioned in connection with it. The inquest is to take place this afternoon. Have they summoned you [O. Wilde, The Picture of Dorian Gray: электронный ресурс]?»* Также, trust приобретает новое значение naivety (always believing that other people are good or honest and will not harm or deceive you or that life is simple and fair): *They both looked up when I came in, and I saw in the young lady, with the fire shining upon her, such a beautiful girl! With such rich golden hair, such soft blue eyes, and such a bright, innocent, trusting face [Ch. Dickens, Bleak House: электронный ресурс]!* — что свидетельствует о концептуальной инверсии.

Что касается, концепта «доверие» в произведениях русских авторов, то мы находим отображение всех значений данного концепта, в отличие от английских произведений. Однако, как и в английском языке, доминантной является сема честность (уверенность в чьей-н. искренности, честности, порядочности): *Это доверие, которое оказало ему слабое прекрасное существо, это доверие наложило на него обет строгости рыцарской, обет рабски исполнять все повеления ее [Н. В. Гоголь, Невский Проспект: электронный ресурс].* В русском языке «доверие», также приобретает новое значение, которое не закреплено в словарях — наивность, легковерие (простодушный, не подозревающий обмана и лжи; легко, без размышления доверяющий другим): — *Покойник муж, действительно, имел эту слабость, и это всем известно, — так и вцепилась вдруг в него Катерина Ивановна, — но это был человек добрый и благородный, любивший и уважавший семью свою; одно худо, что по доброте своей слишком доверялся всяким развратным людям и уж бог знает с кем он не пил, с теми, которые даже подошвы его не стоили [М. Ф. Достоевский, Преступление и Наказание: электронный ресурс]!* Заем — другое новое значение, которое не отражено в словарях, но представлено в тексте: *И почему бы, например, вам, чтоб избавить себя от стольких мук, почти целого месяца, не пойти и не отдать эти полторы тысячи той особе, которая вам их доверила [М. Ф. Достоевский, Братья Карамазовы: электронный ресурс]?* — это указывает на концептуальную инверсию.

Далее мы проследили реализацию концепта «deceit» в классической английской литературе и пришли к выводу, что это лексема представлена не во всех своих словарных значениях и чаще встречается в значении behaviour that is intended to make someone believe something that is not true in order to get what you want: *«I am to remain on this gaudy platform on which my miserable deception has been so long acted, and it is to fall beneath me when you give the signal?» she said slowly [Ch. Dickens, Bleak House: электронный ресурс].*

В тексте лексема «*deceit*» встречается в новом значении, не имеющим отражение в словарях — *a misleading falsehood*: «*It was a fond mistake. Isn't the whole course of life made up of such? Why pine, or be ashamed of my defeat?*» *The more he thought of this long passage of his life, the more clearly he saw his **deception*** [W. M. Thackeray, *Vanity Fair*: электронный ресурс] — это свидетельствует о том, что концепт инвертирован.

В произведениях русской художественной литературы концепт «обман» отображен во всех значениях закрепленных в словаре, но доминантной является интегральная сема намеренное искажение истины, неправда, ложь: *Теперь же, когда доктор своим отказом грубо наемкнул ему на **обман**, ему стало понятно, что ложь понадобится ему не только в отдаленном будущем, но и сегодня, и завтра, и через месяц, и быть может, даже до конца жизни* [А. П. Чехов, Дуэль: электронный ресурс].

Также, в произведениях концепт «обман» часто отображен в значении заблуждение (ошибочное, мнимое представление, иллюзия): *Все **обман**, все мечта, все не то, чем кажется! Вы думаете, что этот господин, который гуляет в отлично сшитом сюртучке, очень богат? Ничуть не бывало: он весь состоит из своего сюртучка* [Н. В. Гоголь, Повесть о том, как Поссолился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем: электронный ресурс].

В русской литературе концепт «обман» встречается в значении хитрость (сокрытие истинных намерений), которое не представлено в словарях: «*Юлия Михайловна просила меня как-нибудь **обманом** у вас выпытать, какой это сюрприз вы готовите к балу послезавтра?*» — *вдруг спросил Петр Степанович* [Ф. М. Достоевский, Бесы: электронный ресурс] — что указывает на наличие концептуальной инверсии.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что понятие доверие и обман одинаково концептуализируются в обеих национальных культурах, при этом, в русском языке концепт «обман» отражен в большей степени, чем в английском языке. Также в данном разделе мы проследили основные направления концептуальных инверсий концептов «доверие/*trust*», «обман/*deceit*», которые реализуются на вербальном уровне. Так, лексемы «доверие/*trust*», «обман/*deceit*» приобретают в художественной литературе значения, которые не зафиксированы в словарях, а именно «*hope, naivety*» для лексем **trust**; «*заем, наивность, легковерие*» для лексем **доверие**; «*a misleading falsehood*» для лексем **deceit** и «*хитрость*» для лексем **обман**.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

БЕЛОЗЕРОВА Н. Н., ЧУФИСТОВА Л. Е. Шекспир и компания или использование электронных библиотек при лингвистическом исследовании — Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2007. — 320 с.

ГОГОЛЬ Н. В. Повести, драматургия, поэмы, рассказы [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w.

ДАЛЬ В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ [Электронный ресурс] URL: <http://vidahl.agava.ru>.

ДОСТОЕВСКИЙ Ф. М. Романы, повести и рассказы [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/

ОЖЕГОВ С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] URL: <http://www.departments.bucknell.edu/russian/language/ozhegov.html>.

СТЕРНИН И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научн. изд. / под ред. Стернина ВГУ, 2001. — С. 58—65.

ЧЕХОВ А. П. Собрание сочинений [Электронный ресурс] URL: <http://www.kulichki.com/inkwell/hudlit/classic/chehow.html>.

BRITANNICA Online Encyclopedia [Электронный ресурс] URL: <http://www.britannica.com>.

DICKENS Ch. Bleak House [Электронный ресурс] URL: http://online-literature.com/ch_dickens/bleak_house.

OXFORD Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс] URL: <http://www.oup.com/elt/catalogue/teachersites/oald7/?cc=global>.

MERRIAM-Webster's Online Dictionary, 10 th edition [Электронный ресурс] URL: <http://www.m-w.com>.

ROGET's New Millennium™ Thesaurus, First Edition [Электронный ресурс] URL: <http://thesaurus.reference.com>.

THACKERAY W. M. Vanity Fair [Электронный ресурс] URL: <http://www.gutenberg.org/etext/599>.

THACKERAY W. M. Catherine [Электронный ресурс] URL: <http://www.gutenberg.org/etext/581>.

WIKIPEDIA, the free encyclopedia [Электронный ресурс] URL: <http://en.wikipedia.org>.

WILDE O. The Picture of Dorian Gray [Электронный ресурс] URL: <http://www.gutenberg.org/etext/9765>.

Н. Ю. Григорьева

N. J. Grigoryeva

Магнитогорск, Россия, dmitri-grigoriev@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОМИКСА

COGNITIVE ASPECTS OF REPRESENTATION OF POLITICAL COMICS

Аннотация. Статья посвящена когнитивным структурам репрезентации комиксов, которые рассматриваются как поликодовые

© Григорьева Н. Ю., 2011

сообщения, сочетающие вербальные и невербальные языковые знаки. Автор отмечает, что такие структуры требуют от адресата анализа всей совокупности знаков.

Abstract. The article is devoted to the cognitive structures of representation of comics, which are considered to be polycoded messages, and they combine verbal and non-verbal language signs. The author point out the fact that these structures require the analysis of the language signs in total from the addressee.

Ключевые слова: политический комикс, когнитивный аспект, образ-схема.

Keywords: political comics, cognitive aspect, image-bearing scheme.

УДК 81'27

В современной лингвистике язык рассматривается в неразрывной связи с когнитивной деятельностью, осуществляемой человеком. В основе такой деятельности лежат, по мнению З. А. Харитончика, механизмы получения, переработки и передачи информации об окружающем мире, образование когнитивных структур репрезентации [Харитончик 1992: 99]. Под термином «репрезентация» Э. Бейтс понимает «вызывание в памяти различных процедур действия для оперирования с объектом при отсутствии перцептивного подкрепления со стороны объекта» [Бейтс 1984: 95].

В нашем исследовании, вслед за Е. С. Кубряковой, мы называем такие когнитивные структуры репрезентации концептуальными структурами, понимая концепт как «оперативную единицу сознания» [Кубрякова 1999: 11], и используем данное понятие для описания процесса познания политического комикса (далее комикса).

Когнитивные структуры репрезентации комикса могут быть представлены в виде сценариев и фреймов, образов-схем, прототипов и т. д. По определению И. А. Тарасовой, сценарий (скрипт) — это «структура сознания, описывающая стереотипные сцены событий» [Тарасова 2004]. А. Н. Баранов называет сценарий «концептуальной структурой для процедурного представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении» и считает, что его можно представить в виде сети, состоящей из ситуаций и связи между ними [Баранов 2001: 18]. Аналогичной точки зрения придерживаются З. Д. Попова и И. А. Стернин, которые акцентируют процессуальность сценария, его протяженность во времени, смену событий [Попова, Стернин 1999: 74]. Мы предполагаем, что любую когнитивную структуру репрезентации комикса всегда можно отразить схемой «источник — путь — цель», предложенной Дж. Лакоффом [Lakoff 1987: 286]

для понимания исходного состояния ментальной репрезентации, а также её конечного состояния (то есть цели репрезентации). При этом события между ними мы рассматриваем как точки на пути репрезентации комикса. В изучаемых нами сценариях политических комиксов «конечное состояние», или цель, как правило, стереотипна и предсказуема — формирование в сознании массового потребителя определенного образа политика. «Точки на пути» в данном случае можно рассматривать как когнитивную модель построения образа-схемы. По мнению А. Ченки, образ-схема «это повторяющийся динамический образец наших процессов восприятия, который придает связность и структуру нашему опыту» [Ченки 1997: 348]. Она является абстрактным и предельно упрощенным представлением о действии, включающим в себя понятия объекта и пространства, из которых в каждом конкретном случае «выхватываются» наиболее существенные признаки. Концептуальная образ-схема, в нашем понимании, организует комикс-сообщение как совокупность отдельных единиц или фреймов, предназначенных для ментальной репрезентации человеком определенной стереотипной ситуации. Такие концептуальные фреймы, как пишет Т. ван Дейк, «содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которые как сценарии определенным образом организуют наше поведение и позволяют правильно интерпретировать поведение других людей» [Т. ван Дейк 1989: 16]. Лингвист-когнитолог М. С. Небольсина развивает концепцию Т. ван Дейка и показывает, что знания, представленные фреймами, строго структурированы. Она выделяет в структуре фреймов ядерную ситуацию и слоты как информацию, необходимую для уточнения некоторых конкретных объектов и событий фреймовой модели. Ключевые моменты такой модели фиксируются в виде набора концептов, списка стереотипных действий и признаков, входящих в определенную ситуацию [Небольсина 2002].

Организация сценариев и фреймов в сознании индивида реализует динамику когнитивных изменений. По нашей гипотезе, человек, получая информацию комикса, соотносит ее с уже имеющейся в его сознании и порождает новые смыслы. Мы считаем, что продвижение репрезентации реального события внутри комикса, отражает неоднократное взаимодействие исходной репрезентации с сознанием (индивидуальной картиной мира) для разработки когнитивной тактики и стратегий восприятия, вербальной/невербальной интерпретации явлений окружающей действительности.

Появление текста нового типа — политического комикса — предполагает новые способы его концептуализации и репрезентации. Можно предположить, что для понимания и порождения политического комикса как поликодового сообщения используются когнитивные механизмы, отличные от задействованных при восприятии вербального или изобразительного сооб-

щения, и репрезентация такого гетерогенного вербально-невербального знака имеет свои особенности. Один из известных исследователей комиксов, А. Г. Сонин, выясняет специфику создания и восприятия поликодовых сообщений через мотивационные, когнитивные механизмы и семиотические системы в рамках одного сообщения; устанавливает степень эффективности и целесообразности использования таких сообщений в пропагандистских целях.

Экспериментальные исследования А. Г. Сонины показали, что индивид не всегда в состоянии освоить новые когнитивные стратегии восприятия и может сталкиваться с серьезными затруднениями, пытаясь усвоить информацию, предлагаемую в поликодовой форме комикса [Сонин 2001]. Следует отметить, что для определения связующего звена между предметами и знаниями о них, необходимо принимать во внимание структуру различных языковых знаков — вербальные и невербальные. Образы-фигуры ментальной репрезентации проявляют свое истинное значение только тогда, когда интерпретируются и анализируются индивидом во всей своей совокупности [Shapiro 1988: XIII]. Действительно, язык как сложный набор символов обозначает определенное явление внешнего мира и в своей совокупности формирует языковую картину специфической социальной среды, которая определенным образом воздействует на эмоции адресата. Из ряда близких по семантике лексических единиц, синонимов в частности, адресант выбирает те, которые наиболее полно отвечают цели его высказывания, передают нужную информацию, воздействуют на психическое и политическое сознание собеседника, то есть осуществляют определенные коммуникативные функции. Отправитель (адресант) комикс-сообщения частично заменяет более сложные для восприятия знаки-символы менее сложными, используя образы, изображения — иконические знаки.

Таким образом, ментальные репрезентации политического комикса носят знаковый характер, они «замещают» предметы и явления в процессе восприятия мира человеком. Ряд видных ученых [Александрова, Кубрякова, Демьянков 2007: 14] считают, что именно подобная заместительная функция репрезентации и делает ее знаковым образованием. И такие репрезентации в отличие от других ментальных образований, имеющих знаковую природу, всегда осознаваемы, так как мы на внутреннем «экране» можем представить любой объект [Кубрякова, Демьянков 2007: 15].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- АЛЕКСАНДРОВА О. В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. — М.: Изд-во МГУ, 2003. — С. 89—100.
- БЕЙТС Э. Интенции, конвенции и символы // Психолингвистика: Сб. ст. — М.: Прогресс, 1984. — С. 50—102.

- ДЕЙК ВАН. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. — 312 с.
- БАРАНОВ А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 360 с.
- КУБРЯКОВА Е. С. Предисловие к сборнику научных трудов Текст. / Е. С. Кубрякова // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: Сб. науч. трудов. — М.—Калуга: Эйдос, 2007. — С. 7—18.
- НЕБОЛЬСТИНА М. С. Полиситуативный анализ семантики глаголов в контексте когнитивных исследований [Электронный ресурс] // Вестн. Барнаульского гос. пед. ун-та. Гуманитар. науки. — Барнаул, 2002. — Вып. 2. URL: <http://www.uni-altai.ru/Journal/vestbspu/2002/gumanit/PDF/nebolsina.pdf> (09.11.10).
- ПОПОВА З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Истоки, 1999. — 30 с.
- СОНИН А. Г. Синкретичные компоненты комикса // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы / Под. общ. ред. В. А. Пищальниковой. — Барнаул: Изд-во ААЭП, 2001.
- ТАРАСОВА И. А. Категории когнитивной лингвистики в исследовании идиостилия / И. А. Тарасова // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарный выпуск. — Самара, 2004. — № 1(31). — С. 163—169.
- ХАРИТОНЧИК З. А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка Текст. // Язык и структуры представления знаний. — М.: ИНИОН РАН, 1992. — С. 98—123.
- ЧЕНКИ А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: Сб. обзоров. — М.: МГУ, 1997. — С. 340—369.
- LAKOFF G. Women, Fire and Dangerous Things What the Categories Reveal About Mind. — Chicago: The University of Chicago. Press Chicago — London, 1987. — 614 p.
- SHAPIRO Michael, SHAPIRO Marianne. Figuration in verbal act. - Princeton (N. J.): Princeton UP, 1988. — 286 с.

О. В. Гудина

O. V. Gudina

Москва, Россия, guodolga@yandex.ru

**СКАЗКА КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-
КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ
ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА**

**FAIRY TALE AS A REFLECTION OF NATIONAL
CULTURAL PECULIARITIES IN THE SURROUNDING
WORLD PERCEPTION**

Аннотация. Статья посвящена сказке как отражению национально-культурных особенностей восприятия окружающего мира.

© Гудина О. В., 2011

Системным элементом анализа является логоэпистема в содержании немецких народных сказок. Автор рассматривает логоэпистему в синхроническом и диахроническом аспекте.

Abstract. The article is devoted to a fairy tale as a reflection of national cultural peculiarities in the perception of the surrounding world. The system element of the analysis is a logoepistema in the contents of German fairy tales. The author analyses the logoepistema in its synchronic and diachronic aspect.

Ключевые слова: немецкая народная сказка, логоэпистема, этнокультурная общность, этнокультурные различия.

Keywords: German fairy tales, logoepistema, ethno-cultural unity, ethno-cultural differences.

УДК 398.21

В центре современных лингвистических исследований находится триада «язык-культура-человеческая личность». Языковеды пытаются объяснить, как языковые выражения, категории, единицы связаны с восприятием мира и как отражают его познание. В настоящее время существуют различные подходы к объективизации культурного тезауруса языковой личности. К предложенному Е. М. Верещагиным, В. Г. Костомаровым описанию фоновых знаний носителем языка и культуры в последнее время прибавился ряд новых лингвокультурологических и лингвометодических подходов: описание лингвокультурологических полей в сравнительной лингвокультурологии с единицей описания — «лингво-культуремой». В. В. Воробьева, выделение национальных социокультурных стереотипов речевого общения как основы изучения и описания языковой личности Ю. В. Прохорова, диахронный подход к описанию национально-культурной специфики речевой коммуникации, предложенный В. М. Шаклеиным, а также теория «логоэпистем» Н. Д. Бурвиковой и В. Г. Костомарова, использующих особенности формирования «культурной мифологии» современного общества. Под логоэпистемой понимается одна из единиц описания текста в лингвокультурном аспекте: «это языковое выражение закреплённого общественной культурной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения ими духовных ценностей отечественной и мировой культур» [Костомаров, Бурвикова 2000: 5]. Неоспоримым фактом является утверждение, что человек выступает носителем той культуры, в которой он вырос и сформировался как личность. Культурная идентичность является одним из основных элементов принадлежности человека к определённой общественной группе.

Становление этнокультурной общности происходит в мире, где многое со временем меняется. В процессе адаптации человеческого коллекти-

ва к окружающей природно-социальной среде складываются этнические константы, которые составляют основу мировидения и мироощущения данной лингвокультурной общности. В процессе социализации человек усваивает культурные стереотипы как систему предметных и стоящих за ними когнитивных значений.

Культурный тезаурус человека формируется в процессе его естественной социализации: воспитания его в определённой культурно-языковой среде, приобретения им жизненного опыта как человека своего времени, приобщение к системе ценностных ориентиров своего общества. Сказка как продукт устного народного творчества вобрала в себя все национальные черты своего народа, она отражает и его сознание: «... говоря о структуре сознания, и в частности о когнитивном мире человека, можно заметить, что всё это отобразено в сказке как хранилище национального сознания» [Берестнев 1997: 47].

Для познания национальной культуры сказка с порождёнными ею образами и ассоциациями представляет большую ценность. Сказка является источником опыта народа. Она учит на доступных примерах жизненной мудрости, программирует становление человека, ориентируя его на достижение идеалов, учит бороться против зла, настраивая на победу и заражая оптимизмом героев, побеждающих в самых сложных ситуациях. Сказка отражает менталитет и аксиологию нации.

Для исследователя сказка представляет собой источник этносоциокультурной информации. В сказке как форме духовного освоения мира понимание тесно увязано с возможностью провести аналогию между предметной областью и символической, т. е. с раскрытием знаково-символических характеристик вещей и событий.

У самых разных народов можно найти схожие сказочные сюжеты. В их основе лежит относительное единство типологического человеческого мышления. Но реальное понимание возможно, если оно ориентировано не только на совпадающие знания, но и на осознание различий. Сказки связаны с архетипом языкового сознания. Они стали частью коллективной памяти нации. Общее знание в его индивидуальной интерпретации задаёт общую структуру образов, всплывающих в сознании. Оно является своего рода паролем для возникновения ассоциаций и способом оказания речевого воздействия.

Для немца сказки братьев Grimm являются той культурной информацией, которой практически каждый владеет с детства. В переводе и пересказе эти сказки известны во всём мире. За многими хорошо известными логоэпистемами стоит когнитивный смысл, оформленный как текст сказки. Однако, буквальный перевод логоэпистем, пришедших из сказок, не может

раскрыть того значения, которое связывает с ними носитель языка. Для адекватного восприятия необходим культурный комментарий.

Логоэпистемами стали многие имена сказочных героев: das tapfere Schneiderlein «храбрый портняжка» с его «sieben auf einen Streich», «семерых одним ударом», das Rotkäppchen und der böse Wolf, «Красная Шапочка и Серый волк» из одноимённых сказок. Они стали олицетворением отдельных черт характера.

Например, Rumpelstilzchen — «Румпельштильцхен» — герой одноимённой сказки братьев Гримм. Маленький злобный человечек, сумевший помочь дочери мельника пряхть из соломы золото. За эту помощь дочь мельника обещала отдать своего первенца, и только её способность угадать имя человека спасло её от выполнения обещания. Крылатым стало и имя сказочного героя, и слова из его песенки: «Ach, wie gut ist, daß niemand weiß, daß ich Rumpelstilzchen heiß» [Kinder— und Hausmärchen 1959: 254] «Ах, хорошо, что никто не знает, что Румпельштильцхен меня называют». Эти слова употребляют шутливо, когда кому-то удаётся угадать что-то от окружающих. А имя Румпельштильцхен ассоциируется с образом злобного человека, ненависть и гнев которого становятся причиной гибели его самого.

По мнению немецкого социолога О. Негта сказка «Волк и семеро козлят» является самой немецкой сказкой (das besonders «deutsche» Märchen), поскольку она даёт наиболее яркое представление о национальной трактовке пространственной модели мира. Особое значение исследователь уделяет закрытой двери, которая символизирует для него границу внутреннего личного мира, связанного с понятием уверенности, и внешнего — полного неизведанного и опасностей. Негт следует одному из стереотипных представлений, что характерной национальной чертой немцев является их концентрация на семейных ценностях, доме и в гораздо меньшей степени на общественной и политической жизни, связывая это утверждение с недавним историческим прошлым немцев. (Die eigentliche Dramatik und Aufmerksamkeit des Märchens konzentriert sich auf die Tür als den Übergang von innen nach außen, von sicher und unsicher. Verbarrikadierung im Innern, Unsicherheit beim mißtrauischen Versuch, das Außen zu erkennen und zu unterscheiden, all das verweist auf eine die deutsche Geschichte kennzeichnende Grundstörung des Verhältnisses von Innen und Außen). [Negt O. 1980: 123]

Представление о сказочной стране, — символе сказочной жизни есть в любом языке: у немцев это das Schlaraffenland — у русских — сказочная страна, где молочные реки и кисельные берега. В отличие от русского представления об изобилии у немца эта сказочная страна ассоциируется в первую очередь с местом, где случаются самые необычные вещи. Это раскрывает содержание сказки «Das Schlaraffenland»: «In der Schlaraffenzeit

da ging ich, und sah, an einem kleinen Seidenfaden hing Rom und der Lateran und ein fußloser Mann der überlief ein schnelles Pferd und ein bitterscharfes Schwert das durchhieb eine Brücke». [Kinder- und Hausmärchen 1959: 631]

«В те блаженные времена пошёл я раз и вижу — висит на маленькой шёлковой ниточке Рим и Латеран, и бежит безногий человек быстрее самого резвого коня, а острый меч мост пополам рассекает». [Братья Гримм 1957: 576] Именно это представление возникает при употреблении *das* «Schlaraffenland» в современном немецком языке.

Frau Holle «Госпожа Метелица» из одноимённой сказки хорошо известна немецкому читателю. Гораздо меньшее внимание уделяется этому образу русским читателем. В поверьях и легендах немцев Frau Holle является одной из наиболее известных мифологических фигур. В ранней германской мифологии Holle была божеством, управляющим погодой. Она обитала на дне колодца, ездила на колеснице, впервые научила людей ткацкому ремеслу. Поэтому её часто представляют с веретеном. Именно Holle согласно дохристианскому фольклору была той богиней, которая переводила умерших людей из царства живых в царство мёртвых. Таким образом более понятным становится сюжет самой сказки: падение девушки вслед за веретеном в колодец, поручение ей фрау Холле взбивать перину и проводы волшебницей девушки до ворот. Приказание фрау Холле: «Die mußt nur achtgeben, daß du mein Bett gut machst und es fleißig aufschüttelst, daß die Federn fliegen, dann schneit es in der ganzen Welt». [Kinder- und Hausmärchen 1959: 125] стало основой для выражения — Frau Holle macht / schüttelt ihr Bett auf — когда шутливо говорят о том, что идёт густой снег.

В современном немецком языке хорошо известно выражение «Kreide fressen», пришедшее из сказки «Волк и семеро козлят» «Der Wolf und die sieben jungen Geißlein». Волк, желая обмануть козлят, прибегает к хитрости, он покупает ein Stück Kreide и меняет свой хриплый голос на более тонкий. Русскому читателю эта сказка известна более в пересказе

А. Толстого, который несколько изменяет действие, отсылая волка к кузнецу, чтобы тот перековал ему «толстый голос» «rauhe Stimme» на тонкий. Поэтому выражению «Kreide fressen», на котором в немецком языке делается особый акцент, не уделяется особого внимания при переводе на русский язык. Во всех переводах сказки, включая и современные, слово «Kreide» переводится буквально как мел, что, однако, нельзя признать верным. «Da ging der Wolf fort zu einem Krämer und kaufte sich ein großes Stück Kreide; die aß er und machte damit seine Stimme fein». [Kinder— und Hausmärchen 1959: 31] «Пошёл тогда волк к купцу и купил себе мела большой кусок, съел его, и стал у него голос тонкий». [Братья Гримм 1957: 24]

При более внимательном рассмотрении можно увидеть, что одним из значений *Kreide* [spätahd, krida] является «Brei, Mus, Schlacke» [Wahrig 1980: 790] «мусс, пюре». В сказке речь идёт о «Kirschkreide» = «Kirschmus» как особом средстве для лечения горла. На северо-востоке Германии уваренный до особой консистенции вишнёвый сироп издавна использовался наряду с мёдом для лечения хрипоты и осиплости горла. Это снадобье существовало и существует до сих пор как в виде сиропа, так и пастилок. Оно считается достаточно эффективным средством и в настоящее время. О том, что в этом значении слово употребляется и сегодня, свидетельствует цитата из романа «Technophobia» современного немецкого писателя С. Фестера: «Als ich das nächstmal aufwachte, waren die Kopfschmerzen verschwunden, aber mein Mund war trocken, als hätte ich Kreide gefressen, und meine Lippen waren aufgeplatzt». [Fester 1996: 53]

Логоэпистема как языковая единица обладает определённой динамикой, позволяющей развивать её сравнительно-оценочную функцию. Возникший на основе выражения из сказки фразеологизм «Kreide fressen» приобрёл значение «умерить свой пыл». Он широко употребляется в современной немецкой политической речи. Der stramm rechte Fernsehmoderator Glenn Beck und die ebemfalls Ikone der Rechten, Sarah Palin hatten Kreide gefressen. [Mitteldeutsche Zeitung; 29.08.10]

Для носителя языка название статьи «Putins Knüppel aus dem Sack» [Die Presse 14.12.2000] перекликается с содержанием известной сказки: «Tischchen deck dich, Goldesel und Knüppel aus dem Sack». «Столик-накройся, золотой осёл и дубинка». Немецко-русские словари переводят «Knüppel aus dem Sack» как «волшебную палочку». Однако, и это хорошо известно носителю языка, речь идёт о дубинке, с помощью которой сказочный герой решает все проблемы: «...sage ich 'Knüppel aus dem Sack', so springt der Knüppel heraus und macht mit dem, der es nicht gut mit mir meint, einen schlimmen Tanz, und läßt nicht eher nach, als bis er auf der Erde liegt und um gut Wetter bittet». [Kinder- und Hausmärchen 1959: 175] «...стоит мне только сказать ей: «Дубинка, из мешка»!, и вмиг выскочит она и заставит того, кто плохо со мной обращался, так заплясать, что на земле лежать будет да просить о пощаде». [Братья Гримм 1957: 165] В упомянутой выше статье, посвящённой отношениям российского президента с олигархами, речь идёт о давлении на олигархов.

Ещё одним примером возможности логоэпистемы видоизменяться в пределах сохранения опознаваемости является выражение «Hannemann, Geh du voran»!, пришедшее из сказки «Семь швабов» «Die sieben Schwaben». Каждый из них, считая, что сражается с драконом, посылает вперёд другого из страха быть первым: «Gang, Veitli, gang,

gang du voran, I will dahinte vor die stahn». Семеро швабов считаются олицетворением безграничной человеческой глупости. Это выражение более известно в виде «Hannemann! Geh du voran! Du hast die größten Stiefel an, daß dich das Tier nicht beißen kann». [Kinder- und Hausmärchen 1959: 485] Оно употребляется в современном языке, когда хотят уклониться от выполнения какого-либо неприятного поручения, посылая вместо себя другого.

Не менее интересна судьба выражений из сказки «Dornröschen» — «Шиповничек». Имя героини сказки, впавшей в глубокий сон, от чар которого её освободил поцелуй принца, более известно как Спящая красавица. Из этой сказки часто употребляется выражение im Dornröschenschlaf liegen — спать непробудным сном, бездействовать. Но в современном языке оно обозначает не только состояние глубокого сна и покоя, но и подчёркивает момент упущенных экономических возможностей.

«Hans im Glück — «Ганс-счастливчик». Это выражение пришло из одно-имённой сказки. Перевод не раскрывает его истинного значения. Герой совершает в сказке поступки, которые ставят под сомнение его удачливость. Ганс вместо слитка золота в результате многократного обмена получает точильный камень, который роняет в колодез. Но это не мешает ему считать себя счастливым. Это выражение употребляется обычно иронично, когда видимое благополучие представляется сомнительным. Не случайно наряду с формой Hans im Glück можно встретить уточняющую Hans im (Un) Glück.

Лингвоэпистемы, за которыми стоят тексты сказок, являются хранителями культурной информации. Адекватное понимание этих ценных с лингвострановедческой точки зрения языковых единиц требует проникновения в особенности национального мышления и не может ограничиваться буквальным переводом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- БЕРЕСТНЕВ Г. И. О «новой реальности» языкознания. — М.: НДВШ ФН, 1997. — № 4. — С. 45—51
- БРАТЯ ГРИММ. Сказки. — Минск: Гос. изд-во БССР, 1957. — 717 с.
- КОСТОМАРОВ В. Г., Бурвикова Н. Д. Об одной из единиц описания текста в аспекте диалога культур — «ИЯ в школе», 2000. — № 5. — С. 3—6
- FESTER S. Technophobia. — Berlin: Rütten/Loening Verlag, 1996. — 425 S.
- KINDER- und Hausmärchen. Gesammelt durch die Brüder Grimm. — Berlin: Aufbau-Verlag, 1959. — 832 S.
- NEGT O. Blick zurück nach vorn. Brüder Grimm: Der Wolf und die sieben Geißlein. In: Freibeuter 5, 1980. — S. 5—36
- Wahrig G., Deutsches Wörterbuch. — München: Mosaik Verlag, 1986. — 1492 S.

С. Н. Денисова

S. N. Denisova

Армавир, Россия, svetlankajan@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕЯ ВОЗДАНИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

LINGUISTIC CULTURAL IDEA OF RECOMPENSE IN SCIENTIFIC DISCOURSE

Аннотация. Статья посвящена лингвокультурной идее воздаяния в этических и психологических текстах. Автор рассматривает данную идею в рамках концептуального кластера и подчеркивает, что основным отличием воздаяния от близлежащих понятий является универсализм, безличность и мерность.

Abstract. The article is devoted to the linguistic cultural idea of recompense in ethic and psychological texts. The author examines the idea in the limits of conceptual cluster and points out that the main differences of this idea from the closest ones are universalism, impersonal character and measure.

Ключевые слова: *воздаяние, концептуальный кластер, основной признак.*

Keywords: *recompense, conceptual cluster, main differences.*

УДК 81'27

Представления о воздаянии в этических и психологических текстах предстают в «обработанном» виде: как совокупность концепций и теорий, построенных на определенных сущностных основаниях, что дает приоритетную возможность формирования семантического прототипа — эталона для последующего сопоставления междискурсных вариантных реализаций лингвоконцептов, составляющих лингвокультурную идею воздаяния.

Дисциплинарный статус воздаяния в достаточной мере неопределен и позволяет говорить о нем как о «зонтиковой» категории, покрывающей предметные области этики, религии и права. Общекатегориальный статус воздаяния двуедин: как естественный язык является одновременно системой знаков и средством общения, так и воздаяние представляет собой одновременно идущее от античности принцип равного и справедливого воздаяния и мера нравственности, критерием оценки божественного воздаяния оказывается высшая сила, обладающая исключительным правом на воздаяние.

В русском языковом сознании воздаяние рассматривается как неотвратимая расплата перед Богом за совершенный грех против Бога и людей,

© Денисова С. Н., 2011

не только как справедливая физическая кара, но и духовно-нравственное наказание по совести. В рамках нравственного воспитания ребенок усваивает связь между достоинством совершенного поступка и реакцией со стороны окружающих людей, которая в специфической для него форме и соответственно характеру поступка определяет воздаяние в виде какого-либо вознаграждения или наказания.

Воздаяние является универсалией духовной культуры, оно способно создавать смысл существования человека и формировать цель жизни за пределами индивидуального бытия, универсалии представляются как высшие духовные ценности, образующие и воплощающие для человека нравственный идеал, стремление к которому создает моральную оправданность его жизни, — идеал, ради которого стоит жить.

В семантическом составе воздаяния, формируемого на основе данных научного дискурса, можно выделить три основные группы признаков: 1) дефиниционные, позволяющие отделить воздаяние от смежных и близких семантических категорий и сохраняющиеся при всех ее дискурсных вариациях; 2) эссенциальные, лежащие в основе различных концепций воздаяния; 3) энциклопедические или избыточные.

В дефиниционной области воздаяние рассматривается как награда, предоставляемая за добрые дела, какие-либо заслуги, или возмездие, кара и наказание. Воздаяние может проявляться в виде заслуженного и должного (благодарность, месть) или недолжного и незаслуженного (несправедливость, неблагодарность).

В концептуальном кластере ближе всего к воздаянию расположена месть, т. е. плата злом за зло; исторически представления о воздаянии сформировались через институт родовой мести. Однако воздаяние отличается от мести сразу по нескольким признакам, прежде всего, это степень универсализма и мерность: если воздаяние универсально и безлично, его принцип — каждому по заслугам, то месть индивидуальна и личностна; если воздаяние основано на мере, то месть меры не знает и «определяется только чувствами мстителя» [Веллер 2010: 473]. В отличие от возмездия, кары личная месть носит этически отрицательный характер, так как рассматривается как незаконное присвоение личностью моральных и правовых функций общества [Кон 1989: 182]. Человек обязан следовать предписаниям божества, при этом постоянно помнить, что истинным воздаятелем является только Творец; выражение «Мне отмщение, аз воздам» (Рим. 12: 19) правомерно только в устах субъекта Божественного закона. От воздаяния отличается благодарность также по степени универсализма и мерности как плата добром за добро, по мнению Руссо, это «долг, который надо оплатить, но который никто не имеет права ожидать». Благодарность связана со справедливостью распределительной.

В ретрибутивном концептуальном кластере рационализму воздаяния должного, выраженного справедливостью, противопоставит интуитивизм воздаяния «сверхдолжного», представленного в виде милосердия; милосердие как разновидность любви, например, христианская любовь, любовь-милость, любовь к ближнему, при всей своей рассудочности на фоне всех разновидностей этого морального чувства [Воркачев 2005: 49], формальная справедливость, требующей одинаковой меры к разным людям, эмоционально и «пристрастно» к своему предмету — «любовь всегда готова дать больше, чем велит справедливость» [Шрейдер 1998: 225]. Таким образом, дефиниционные, родовидовые признаки воздаяния включают справедливость как интегральный признак, общий для всего одноименного семантического кластера, универсализм и мерность, отличающие ее от конкретно-личностных мести и благодарности, рассудочность и формальность, отличающие ее от милосердия.

Воздаяние как и любая категория морального сознания деонтологична, т. е. включает в себя запрет на нарушение определенных норм («Не делай другому ничего такого, чего сам не хотел бы от других») и императив на их соблюдение («И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» — Лк. 6: 31), заложенные представления о воздаянии должного напрямую связаны с представлениями о вине и преступлении (возмездие), заслуге и достоинстве (вознаграждение).

Если принцип воздаяния личной мести «Око за око, зуб за зуб» относительно прост и ясен, то универсализация этого принципа в воздаянии ставит вопрос о мере должного и как воздавать равным за разное и разным людям. Воздаятельно-распределительные отношения — это отношения эквивалентности, соразмерности, пропорциональности, гармонии [Аристотель 1998: 260; Гуревич 1984: 250—251], целостности [Кропоткин 1991: 59]; в их основе лежит идея мерности (меры, мерила, принципа, критерия, масштаба, удельного веса) как существования своего рода коэффициента преобразования, обеспечивающего «равенство неравного» [Аристотель 1998: 252; Гуревич 1984: 142; Золотухина-Аболина 1999: 144; Москаленко-Сержантов 1984: 219; Шрейдер 1998: 218]. Сущностная, концепциеобразующая семантика воздаяния основана на принципе ее мерности, на том, как должна осуществляться ее реализация, как соизмеряется сущее и должное, деяние и воздаяние, блага и бедствия этой жизни с добродетелью или порочностью человека.

Таким образом, наблюдения над представлениями о воздаянии в научном дискурсе позволяют выделить в семантическом составе этой категории три группы признаков: дефиниционные, эссенциальные и энциклопедические. Дефиниционные признаки «универсализм», «мерность», «рассудоч-

ность», «формальность» позволяют отделить ее от прочих составляющих концептуального кластера воздаяния — мести, благодарности, милосердия; от мести и благодарности воздаяние отличается универсализмом и мерностью, а от милосердия — рассудочностью и формализмом. Признак мерности в свою очередь лежит в основе концепциеобразующей, эссенциальной семантики воздаяния как универсального морального долга и определяет принципы воздаяния: «всем поровну», «каждому по заслугам», «всем по их правам». Энциклопедические, дефиниционно избыточные признаки воздаяния указывают на его религиозный характер, вынужденность, неизбежность, производность от морального несовершенства человека, обязательную вербализованность, неоднозначность связи с правом, относительность и неполноту, духовно-нравственный характер: «Мы ищем возмездия совершенного нами добра и зла во времени и часто не находим его. Но добро и зло совершаются в душе, вне времени, и истинное возмездие осуществляется в нашей совести» (Л. Н. Толстой). Сущность воздаяния — «воздавать каждому должное», что обуславливает необходимость меры: коэффициента преобразования проступков, преступлений и заслуг в наказания и вознаграждения.

Таким образом, семантический прототип (модель) воздаяния в научном дискурсе представлен как категория морального сознания, гарантирующая социально приемлемую меру распределения благ и тягот совместной жизни людей, которыми она расценивается как высшая добродетель, а также как ответное стечение жизненных обстоятельств, адекватное предшествующим поступкам, действиям, деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- АРИСТОТЕЛЬ Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. — Минск: Литература [Минск], 1998. — 1391 с.
- ВЕЛЛЕР М. И. Все о жизни. — М.: АСТ, Астрель, 2010. — 752 с.
- ВОРКАЧЕВ С. Г. Дискурсивная вариативность лингвоконцепта: Любовь-милость. — М.: Известия РАН: Серия литературы и языка, 2005. — Т. 64. — № 4. — С. 46—55.
- ГУРЕВИЧ А. Я. Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1984. — 350 с.
- ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА Е. В. Курс лекций по этике. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. — 368 с.
- КОН И. С. Словарь по этике. — М.: Политиздат, 1989. — 447 с.
- КРОПОТКИН П. А. Этика. — М.: Политиздат, 1991. — 184 с.
- МОСКАЛЕНКО А. Т., Сержантов В. Ф. Личность как предмет философского познания. — Новосибирск: Наука, 1984. — 319 с.
- ШРЕЙДЕР Ю. А. Этика. Введение в предмет: Учебное пособие для вузов. — М.: Текст, 1998. — 271 с.

А. Н. Евдак

A. N. Evdak

Челябинск, Россия, sasha_juin@mail.ru

**РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ЯЗЫКЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
СОЦИОЛИНГВИСТИКИ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА КРИЗИС)
THE ROLE OF A METAPHOR FROM SOCIOLOGICAL POINT
OF VIEW (ON THE MATERIAL OF THE CONCEPT «CRISIS»)**

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния на язык социального фактора. Основной единицей языка в данном исследовании представлена метафора, отражающая кризис как серьезное социально-политическое событие, отображенное во французской прессе. Автор выделяет несколько метафорических моделей и приводит примеры употребления метафор.

Abstract. The article is devoted to the problem of the influence of sociological factor on a language. The basic element for analysis is metaphor, which reflects the crisis as a serious social and political event, described in French press. The author of the article distinguishes several metaphoric models and gives examples of their usage.

Ключевые слова: *метафора, модель, кризис, французская пресса.*

Keywords: *metaphor, model, crisis, French press.*

УДК 81'27

Язык изменчив, как изменчиво и общество, использующее его. Существует множество способов обогащения лексической и семантической сторон языка. Одним из таковых является использование метафоры. Ведь известно, что язык не копирует реальность, а лишь определенным образом отражает процесс ее познания человеком. Одним из механизмов такого отображения и является метафора. Метафора — фигура речи (троп), использующая название объекта одного класса для описания объекта другого класса.

Кроме того, язык — явление социальное. Поэтому изучение языка становится практически невыполнимым без такой науки, как социолингвистика. Социолингвистика — научная дисциплина, развивающаяся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии и изучающая широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 481—482].

© *Евдак А. Н., 2011*

Особое место в современной социолингвистике уделяется вопросу о связи и взаимодействии языка и культуры, о взаимодействии нескольких культур. Особый интерес для нас представляют именно межкультурные связи, раскрывающие реакцию разных обществ на один и тот же феномен.

В ходе исследования, в качестве фактора, воздействующего на язык, мы решили взять экономический кризис последних лет. Именно ему уделялось и уделяется большое количество внимания в современной прессе; являясь серьезным социально-политическим событием, кризис значительно повлиял на концептосферу носителей различных культур, что не могло не отразиться на языке и представляет собой достаточно интересную сферу лингвистических исследований. А поскольку метафора — один из ярчайших источников для создания образа, то такое актуальное явление, как экономический кризис — прекрасное поле деятельности для языка, чтобы передать всю гамму чувств, переживаемых тем или иным обществом, попавшим под влияние этого явления. В качестве языка для исследования мы выбрали французский, как пример отражения европейского менталитета, ведь реакция русских СМИ нам, как представителями данной культуры, хорошо известна и, следовательно, не столь интересна. Материалами для исследования послужили интернет-версии французских газет «Le monde», «Le Figaro» [www.lemonde.fr], [www.lefigaro.fr].

Метафора в современной когнитивистике определяется как основная ментальная операция, как способ познания, концептуализации, оценки и объяснения мира [Рикер П. М 1990]. В метафорах наиболее наглядно отражается национальная специфика мировосприятия, что обуславливает важность исследований, направленных на выявление общих закономерностей и национально-культурных особенностей концептуализации действительности представителями различных лингвокультурных общностей и необходимость описания возможных моделей её метафорического осмысления.

Реальная действительность представлена в сознании индивида в виде системы концептов, т. е. определенным образом структурированных знаний о той или иной реалии действительности. Опираясь на существующие в современной лингвистике определения термина концепт [Ахманова О. С. 2007], мы сочли необходимым предложить рабочее определение концепта. Мы понимаем концепт как структурированную ментальную единицу, отражающую знание о предмете реального или идеального мира и хранимую в памяти носителей языка в вербально обозначенном виде. Следовательно, метафорическое описание входит в описание концептов, объективирующих отражение мира в сознании носителей разных культур.

Итак, корпус выявленных нами метафорических конструкций, объективирующих концепт «КРИЗИС» в медийном дискурсе, составил 62

единицы. При выборе метафор нами учитывались частотность и степень структурированности соответствующих моделей, функции модели в языке средств массовой информации, продуктивность модели. В данной работе в качестве иллюстрации нами используются наиболее репрезентативные и яркие примеры.

Анализ материала, показал, что наиболее частотными и структурированными являются метафорические модели, которые можно условно объединить в группы, представляющие «КРИЗИС» как: нейтральное понятие, механизм, природное явление, болезнь, живое существо, явление театра. Чаще других встречается нейтральная метафора (25%), на долю «Кризис как живое существо» приходится 27%, «Кризис как театр» встречается в 14% случаев. Доля метафорических моделей в совокупности, использующих другие сферы истоchnики, составляет 34%.

Среди выделенных групп метафор в первую очередь обратимся к нейтральной метафоре, где понятие «кризис» выступает чаще всего как объект действия, нежели субъект. В данном случае рассмотрение кризиса в СМИ не представляется, как нечто особенное, данному понятию не отводится ни особой роли, ни выразительности: *Les impayés de loyers ont nettement progressé à cause de la crise (непогашенные задолженности по арендой плате возросли из-за кризиса)* [www.lemonde.fr]; *Jean-Claude Trichet critique l'attitude des banques après la crise financière (Ж.-К. Трише критикует отношение банков к финансовому кризису)* [www.lemonde.fr].

Модель «Кризис — живое существо, хищник» является самой многочисленной. Объяснить это можно тем, что человеку свойственно все окружающие его предметы и явления наделять качествами живого существа, будь то человек или животное: *La crise grecque a réveillé de vieux démons qu'on croyait endormis (Греческий кризис разбудил старых демонов, считавшихся спавшими)*; [www.lemonde.fr]; *La crise a rendu le conglomérat allemand méfiant (Кризис сделал немецкий конгломерат недоверчивым; Crise oblige (кризис заставляет)* [www.lemonde.fr].

Модель «кризис — театр». В данном контексте КРИЗИС предстает и как сценарий с действующими лицами, и как целый рассказ. Все это свидетельствует о том, что в данном контексте КРИЗИС — явление управляемое, в котором можно что-то изменить, в него можно вклиниться и описать изнутри: *Sans même qu'un tel scénario se réalise, le maintien d'un chômage de longue durée à un niveau élevé est la conséquence la plus dramatique de la crise (Даже если подобный сценарий реализуется, поддержка длительной безработицы высокого уровня — это самое драматическое последствие кризиса); En réduisant ses acteurs à l'état de pantins, Mathieu Larnaudie réussit un brillant récit de la crise (Сводя своих работников к состоянию*

марионеток, Матье Ларноди удалось написать блестящий рассказ кризиса) [www.lefigaro.fr].

Модель «Кризис как болезнь, эпидемия, состояние». В современном обществе КРИЗИС — своего рода бич, нечто, что вторгается в нашу жизнь и прочно в ней оседает: *Le Crédit agricole souffre de la crise grecque (Сельскохозяйственный кредит страдает от греческого кризиса)* [www.lefigaro.fr]

«*La crise, nous ne la sentons pas beaucoup du côté des entreprises avec lesquelles nous travaillons, car leur intérêt pour la recherche est très vif. (Кризис, мы не чувствуем его по отношению к предприятиям, с которыми мы работаем, так как их интерес в исследованиях очень высок)*» [www.lemonde.fr].

Модель «Кризис как машина, механизм». Век высоких технологий не мог не отразиться на данном концепте. Чтобы управлять неким процессом, необходимо его структурировать, понять его механизм, принцип работы: *Mais c'est faire fi de l'un des moteurs principaux d'une crise: l'ignorance (но мы пренебрегаем одним из главных моторов кризиса: невежеством); L'actualité: Le décryptage de la crise (расшифровка кризиса)* [www.lefigaro.fr].

Модель «Кризис как стихийное бедствие, природное явление». Как ни странно, но именно данная категория метафор является в нашем исследовании наименее численной (3 ЛЕ из 62). Видимо, человечество уже перешагнуло то порог, когда природа была от него неотделима: *Le noeud de la crise (гнездо кризиса)* [www.lefigaro.fr].

Метафора служит не только украшению речи и более точной передаче мысли, но и участвует в создании единиц формирования и хранения информации о мире, т. е. когнитивных концептов. Благодаря возникающей образности, метафоры позволяют не только называть явление жизни, но и характеризовать его, что играет немаловажную роль и для характеристики того, кто использует в своей речи такое средство выразительности, а, следовательно, это представляет живой интерес для социолингвистики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

АХМАНОВА О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 2007. — 571 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. — М.: Советская Энциклопедия, 1990. — 685 с.

РИКЕР П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение. / Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — 427 с.

[Электронный ресурс]. URL: www.lefigaro.fr

[Электронный ресурс]. URL: www.lemonde.fr

И. С. Жилина

I. S. Zhilina

Липецк, Россия, irene-zhiling@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ — ПОНИМАНИЯ, ОСМЫСЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКИХ, НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ XX ВЕКА

SEMANTIC CHARACTERISTICS OF IMPERSONAL DIRECT SPEECH — UNDERSTANDING, COMPREHENSION IN ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN TEXTS OF FICTION OF XX CENTURY

Аннотация. В данной статье предлагается сопоставительная характеристика семантики глаголов ввода в трёх родственных языках: английском, немецком и русском. В качестве примеров глаголов ввода несобственно-прямой речи автор предлагает глаголы «понимать», «understand/realize», «verstehen». В статье приводится анализ словарных статей и этимологический анализ данных понятий, а также определяются сходства и различия в их значениях.

Abstract. The article contains comparing characteristics of semantics of the introductory verbs in three congeneric languages: English, German and Russian. As the examples of introductory verbs for impersonal direct speech the author suggests the verbs “понимать”, “understand / realize”, “verstehen”. The article also contains the analysis of dictionary entries and etimological analysis of these notions. The author defines the similarities and differences in their meanings.

Ключевые слова: *несобственно-прямая речь, вводные глаголы, понимать, семантическая характеристика.*

Keywords: *impersonal direct speech, introductory verbs, understand, semantic characteristics.*

УДК 81'37

Виды передачи чужой речи, к разряду которых относится несобственно-прямая речь, является объектом исследования лингвистики текста, которая изучает правила построения связного текста и базовые, существенные свойства текста, отличающие текст от не текста (категории).

Функционирование чужой речи в тексте оформляется в виде текстовых форм чужой речи, которые имеют специфическую, ответную структуру,

© Жилина И. С., 2011

связанную с особенностями композиционной, тема-рематической и связочно-медиальной формы ответного типа текста [Максимова 2005].

О связи несобственно-прямой речи с прямой речью в основном высказываются русисты. Не обходят они так же вниманием и исследования возможностей переплетения несобственно-прямой речи с речью автора и речью персонажей [Молдавская <http://philologoz.ru/tamar/t12.htm>: 238—239].

Отличительной особенностью несобственно-прямой речи является то обстоятельство, что она может вводиться глаголами мышления и чувств, обладает контаминацией и содержит индикативные глагольные формы [Козловский 1977].

В данной статье мы предлагаем сопоставительную характеристику семантики глаголов ввода в трёх родственных языках: английском, немецком и русском.

Среди вводящих несобственно-прямую речь глаголов и глагольных конструкций в английских, немецких и русских текстах выделяется такая тематическая группа как глаголы понимания, осмысления. В состав этой тематической группы входят английские глаголы «**realize**», «**understand**», немецкий глагол «**verstehen**» и русские глаголы «**понять**», «**осмыслить**».

Используя данные переводных и толковых словарей, была составлена подробная семантическая характеристика этих глаголов.

Перечислим современные значения английского глагола «**realize**»: 1) представлять себе, понимать ясно, в деталях; 2) осуществлять, выполнять план, намерение [Большой англо-русский словарь 2005: 795]; 3) понимать: знать и понимать что-либо или неожиданно начать понимать; 4) достигать то, на что надеялись [Longman 2007: 1365].

Среди современных значений английского глагола «**understand**» находим следующие значения: 1) понимать; 2) подразумевать; 3) (у) слышать, узнать; 4) предполагать, догадываться; 5) уметь, смыслить [Большой англо-русский словарь 2005: 1047]; 6) понимать значение того, о чём кто-то рассказал или язык, на котором говорят люди; 7) знать или понимать что-то как факт, процесс или ситуацию, проявляя себя особым образом, посредством приобретения опыта или изучения; 8) осознавать, как кто-то чувствует или почему они ведут себя так и сопереживать; 9) полагать, думать, что что-то является верным, так как вы об этом слышали или читали [Longman 2007: 1803].

Что касается немецкого глагола «**verstehen**», то в словарях мы обнаруживаем следующие его значения: 1) понимать, разуместь; 2) понимать, разбирать, различать на слух; 3) уметь, знать, например, своё дело; владеть каким-либо искусством [Большой немецко-русский словарь Т. 2: 532];

4) что-то отчётливо слышать; 5) а) осознать смысл чего-либо, распознать; б) определённым видом воспринять всё в деталях; 6) а) уметь войти в чьё-либо положение, показать понимание чего-либо; б) чью-либо позицию, реакцию, чувства находить естественными, верными, последовательными и естественными; 7) находить с кем-либо понимание; 8) а) хорошо владеть мастерством; б) в чём-либо иметь особые познания [Duden. Deutsches Universalwörterbuch 2008: 1834].

При прочтении русских словарных статей можно отметить следующие значения глагола «**понять**»: 1) достигнуть понимания кого -, чего-нибудь [Ожегов 1964: 552]; 2) уяснить себе, уразуметь смысл чего-нибудь, начать понимать, постигнуть; уяснить себе чьи-нибудь слова, действия, намерения, чей-нибудь характер, психологию; 3) признать, оценить по достоинству [Ушаков 2006: 744]; 4) «**понимать**» — постигать умом, познавать, разуметь, уразумевать, обнять смыслом, разумом; находить, в чём смысл, толк, видеть причину и последствия [Даль 2007 Т. 3: 235—236].

При анализе современных значений русского глагола «осмыслить» в тех же словарях можно найти следующую информацию: 1) открыть смысл, значение чего-либо, понять [Ожегов 1964: 451]; 2) придать тот или иной смысл, понять [Ушаков 2006: 616]; 3) придать чему-либо смысл, толк, оживить мыслящим духом [Даль 2007 Т. 2: 580].

Было установлено, что по своим современным значениям сходство проявляют английский глагол **realize** и немецкий глагол **verstehen**.

*He was working late one Sunday evening, putting the final touches to a new design for a space helmet when he suddenly **realized** that he was no longer alone. Slowly he turned from the workbench and faced the door. It had been locked-how could it have been opened so silently?*

[Кларк 2003: 45]

*Der Direktor gab unterdessen den Psychologen die Hand, nahm schmunzelnd Grüße entgegen, die man ihm aus Zürich, aus Cleveland, Ohio, aus Stockholm mitgebracht hatte, trug sodann, mit etwas zu lauter, zu bewegter Stimme, Gegengrüße auf und **verstand** es dabei geschickt, seine Besucher so aufzustellen, daß sie mich in einem Halbkreis umgaben. Was hatte er vor? Was verriet sein Auge? Welche Nummer wollte der pädagogische Kunstreiter abziehen? Dressurakt? Balanceakt? Psychologischen Schwebeakt? Wollte er mich auf das Trapez seines Ehrgeizes hinaufschieben, um sich selbst, nach meinem zweieinhalbfachen Salto, als zuverlässiger Fänger zu bestätigen?*

[Lenz 1973: 145]

У данных глаголов присутствует значение «понимать ясно, в деталях» [Большой англо-русский словарь 2005: 795, Duden. Deutsches

Universalwörterbuch 2008: 1834]. Логично возникает вопрос о причине сходства их значений. Поэтому считаем необходимым обратиться к данным историко-этимологических словарей.

Английский глагол «realize» стал употребляться в языке с 17 века. По своему образованию он восходит к прилагательному «real», которое стало использоваться в языке с 15 века, имея значения: реальный (по отношению к вещам, а не к человеку); существующий или присутствующий в действительности; представляющий верное обозначение именем (XVI в.). В древненормандском языке это было слово «real», пришедшее из старофранцузского языка, где слово имело вид «reel». Во французском языке слово было заимствовано из латинского языка, в котором «rēs» имело значение «вещь» [English Etymology 2003: 391].

В немецком языке глагол «verstehen» по своему происхождению является западногерманским глаголом. Сравните: древневерхненемецкий язык «firstān», нидерландский язык «verstaan», древнеанглийский язык «forstanden». Этот глагол восходит к глаголу «stehen» и является префиксальным образованием. Уже в древности глагол «verstehen» обладал переносным значением: «верно воспринимать, понять духовно, распознать». В средние века у него прибавилось значение: «иметь ясное представление о чём-либо, что-либо уметь» (например: «уметь делать по своему ремеслу») — [Duden. Das Herkunftswörterbuch 1997: 786].

Сравнив этимологические характеристики глаголов «realize» и «verstehen», вводящие несобственно-прямую речь — понимание, осмысление можно констатировать отсутствие их этимологического родства. Но у них в одинаковой мере отмечается наличие значения «восприятие объективности фактов происходящих событий».

У глаголов ввода «understand» и «понять» присутствует одинаковое значение «осознание психологической причины поведения других людей».

*Connie **understood** it all perfectly. But why not? This was one of the fleeting patterns in the mirror. What was wrong with it?*

[Lawrence 1983: 16—17]

*Таис вдруг **поняла**, что назвала безвестную критскую девочку охотницей на быков — эпитетом Артемиды. Боги завистливы и ревнивы к своим правам, но не может богиня сделать той, которая ушла в недоступное самому Зевсу прошлое и скрылась тенью в подземельях Аида. Правда, Артемиды может прогневаться на живую Таис... Что общего у девственной охотницы с ней, гетерой. Служанкой Афродиты?*

[Ефремов 1990: 31]

Но у английского глагола «understand» имеется дальнейшее дополнение к этому значению: «непросто понимать, почему ведут себя именно так люди, но и уметь сопереживать этим людям». Отсюда можно говорить о частичном характере сходства семантики несобственно-прямой речи, вводимой данными глаголами.

Отличительной особенностью семантики несобственно-прямой речи — понимания, осмысления, вводимой глаголом «осмыслить», является факт не только понимания, но и толкования, объяснения восприятия происходящих событий.

*Умер он страшно, решил убежать от смерти. Его нашли мёртвым в грязной проточной канаве. Когда революция сошёлт Николая II с его семейством в Екатеринбург, там, сидя на брёвнах, сваленных возле дома купца Ипатьева, царь на свой лад **осмыслит** давно минувшее в юности.*

— Господь покарал меня за Георгия, — говорил он. — Это я виноват в смерти брата. Если б не пихнул его тогда в люк, бог не гневался б на меня — и не было бы революции на Руси...

В его тогдашнем положении мог бы он быть и умнее!

[Пикуль 1989: 41]

Следовательно, в английских и немецких художественных текстах несобственно-прямая речь — понимание, осмысление представляет собой отражение результата понимания объективного характера происходящих событий. В английских и русских художественных текстах эта разновидность несобственно-прямой речи может выражать понимание — уяснение причины поступков других людей. В английских текстах дополнительно к этому наблюдается выражение сопереживания. В русских художественных текстах несобственно-прямая речь — понимание, осмысление может выражать не только осознание, но и толкование происходящих событий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ЕФРЕМОВ И. А. Таис Афинская. Исторический роман. — Воронеж: Центр. — Чернозем. кн. изд-во, 1990. — 464 с.
- КЛАРК А. Ч. Стрела времени. Рассказы: Сборник. — На англ. яз. / Состав. и комментарии М. В. Лагуновой. — М.: ОАО Издательство «Радуга». 2003. — 144 с. — (Серия «Полиглот»).
- КОЗЛОВСКИЙ В. В. Свободная косвенная речь в современном немецком языке: автореф. дис... канд. филол. наук. Киев, 1965.
- МАКСИМОВА Н. В. Функционирование «чужой речи» в ответном типе текста // Филол. науки. — 2005. — №3. — С. 33—42.
- МОЛДАВСКАЯ Н. Несобственно-прямая речь // Словарь литературоведческих терминов // http://www.kis.ksu.ru/dboduen/bodart_1.php?id=7&num=18000000.
- ПИКУЛЬ В. С. Нечистая сила: Роман. — М.: АСКИ — «Раритет», 1992—784 с.

LAWRENCE D. H. *Lady Chatterley's Lover*. — New York: A Bantam Book / February, 1968 / Bantam Classic edition / January, 1983. — 360 p.
Lenz S. *Deutschstunde Roman*. Munchen: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997. — 450 s.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

АДАМЧИК Н. В. *Англо-русский словарь / Сост.* — Минск: Харвест, 2003. — 832 с.
Большой англо-русский словарь. — М.: АСТ: Минск: Харвест, 2005. — 1168 с.
ЛЕПИНГ Е. И. и др. *Большой немецко-русский словарь: в 2-х т. / Под рук. Москальской О. И.* — 2-е изд. стереотип. — М.: Рус. яз., 1980. — в 2-х т. — 1312 с.
ДАЛЬ В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт.* — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 2450 с.
ОЖЕГОВ С. И. *Словарь русского языка. Изд. 6.* — М.: Советская энциклопедия, 1964. — 900 с.
УШАКОВ Д. Н. *Большой толковый словарь современного русского языка.* — М.: Альта-Принт, 2005. — 1239 с.
ФАСМЕР М. *Этимологический словарь русского языка. В 4 тт. / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачова.* — Санкт-Петербург: Азбука, 1996.
Longman. *Dictionary of Contemporary English.* — Harlow: Pearson Education Limited, 2007. — 1950 p.
The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. — Oxford: University Press, 2003. — 552 p.
DUDEN C. *Das Herkunftswörterbuch. Etymology der deutschen Sprache.* — Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1997. — 839 S.
DUDEN C. *Deutsches Universalwörterbuch.* — Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2008. — 2016 S.

Н. А. Завьялова

N. A. Zavyalova

Екатеринбург, Россия, st.conference@rambler.ru

ГЕНЕЗИС КИТАЙСКИХ И ЯПОНСКИХ ФЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИСКУРСА ПОВСЕДНЕВНОСТИ GENESIS OF SOME CHINESE AND JAPANESE PHRASEOLOGICAL UNITS AS A REFLECTION OF EVERY DAY LIFE DISCOURSE

Аннотация. Статья посвящена исследованию генезиса китайских и японских фразеологических единиц. Автор исследования подтверждает общность взглядов повседневной действительности китайской и японской картин мира. В то же время автор обращает внимание на влияние других языков и культур на генезис фразеологических единиц представленных народов.

© Завьялова Н. А., 2011

Abstract. The article is devoted to the research of genesis of some Chinese and Japanese phraseological units. The author proves the similarity of some every day life ideas of Chinese and Japanese picture of the world. At the same time the author draws the attention to the influence of some other languages and cultures on the genesis of phraseological units of the peoples described.

Ключевые слова: генезис, фразеологическая единица, картина мира, японская культура, китайская культура.

Keywords: genesis, phraseological units, picture of the world, Chinese culture, Japanese culture.

УДК 81'27

Фразеологизмы являются зеркалом души народа, в котором отражаются как специфические особенности ментальности, так и общие для разных народов черты. Общность фразеологии свидетельствует о том, что наши предки обладали духовной общностью, мировоззренческой близостью, идентичными картинами мира. Общность взглядов легко обнаружить анализируя фразеологические обороты китайцев и японцев. Фразеологическая единица (ФЕ) определяется нами как существующая в лексической системе языка на данном этапе ее исторического развития комбинация минимум двух словесных знаков, характеризующаяся раздельнооформленностью, номинативностью, устойчивостью, идиоматичностью и коннотативностью. При этом устойчивость — это ограничение на образование вариантов, а идиоматичность — это переинтерпретация значения ФЕ. Обратимся к китайским фразеологизмам *chéngyǐ*.

В китайском языке существуют фразеологизмы, значение которых легко понять из суммы значений каждого компонента выражения.

Sānyán liǎngyǐ — говорить в двух словах, вкратце.

Shìquán shìměi — превосходный, верх совершенства.

Однако существуют ФЕ, значения которых невыводимы из компонентов выражения, а для их понимания требуется знание истории, которая составила основу данного высказывания.

Yúgōng yí shān — глупый старик, передвигающий горы.

Глупому старику *Yúgōng*, жившему в Северных Горах, было уже девяносто лет. Дом его стоял напротив двух очень больших гор: Тайхан и Вайву, которые загораживали дорогу к дому. Однажды он созвал всю свою семью и сказал: «Давайте попробуем передвинуть горы, закрывающие дорогу к нашему дому. Что вы об этом думаете?» Всем понравилась эта затея и на следующий день старик вместе со всей своей семьей принялся за работу. Неподалеку жил другой старец, которого все звали Мудрый старик.

Наблюдая за тем, с каким рвением Глупый старик и его семья дробят камни и роют землю, он сказал с насмешкой: «Как же ты глуп! В твоём возрасте ты и несколько былинки с этих гор едва ли уберешь. Как ты думаешь убрать две огромные горы?!»

Глупый старик глубоко вздохнул и ответил: «Неужели ты так безнадежно глуп? Да, я стар, и жить мне осталось не так уж долго. Но после моей смерти этим будут заниматься мои сыновья. Когда умрут и они, дело продолжат мои внуки, потом — их сыновья и внуки, и так до бесконечности. Как бы ни были высоки горы, выше они уже не станут, а мой род никогда не закончится. Так почему же ты думаешь, что мы не сможем убрать отсюда эти горы?» Мудрый старик не нашелся, что ответить. Позднее боги приняли сторону Глупого старика и перенесли горы в другое место.

Рассмотрим другой пример. *Sāiwēngshīmǔ* (Старик потерял лошадь, а кто сказал, что это несчастье?) *Образ*. Нет худа без добра. Не было бы счастья — да несчастье помогло. Рассмотрим этимологию данной ФЕ. У одного старика пропала лошадь. Соседи над ним начали смеяться и говорить, что он глупый и несчастливый. Старик отвечал, что неизвестно плохо ли это, что его лошадь пропала. Через некоторое время лошадь вернулась и привела с собой еще одну. Соседи начали говорить, что старик счастливый и удача улыбается ему. На этот раз старик снова отвечал, что неизвестно хорошо ли это, что лошадь вернулась и привела с собой еще одну. Сын старика, катаясь на лошади, упал и сломал ногу. Соседи снова начали насмехаться над бедным стариком. На что старик спокойно отвечал, что неизвестно плохо ли то, что сын сломал ногу. Через некоторое время в деревне случилась война и всех мужчин забрали на войну, а сына со сломанной ногой не взяли. Эта *chéngyǔ* учит спокойно относиться к невзгодам судьбы. То, что сегодня печалит, завтра может обернуться счастьем. Возможно, в подобном мудром отношении к жизни скрывается секрет китайской стойкости духа и долголетия.

Значительную долю китайских ФЕ составляют единицы, в состав которых входит компонент «дракон». Китай традиционно является главной страной драконов. Прародители китайцев *Фу-си* и *Нюй-ва* представлялись драконоподобными существами и изображались со змеиными хвостами. Древнейший даосский трактат «Хуайнаньцзы» сообщает: «Нюй-ва всходила на громовую колесницу, в коренниках у нее был Откликающийся Дракон, а вместо пристяжной — Сине-зеленый Рогатый. Она брала в руки скипетр, садилась на циновку Лоту, желтые облака были шнурами ее колесницы, впереди проводником — Белый Безрогий Дракон, позади в свите — летящие змеи» [Демин 2006: 16].

В классической «Книге перемен» дракон обозначает мудреца. Великий Конфуций называл другого величайшего китайского мыслителя

Лао-цзы «драконом». По свидетельству древнекитайского историка Сым Цяня, Конфуций после личной встречи с Лао-цзы сказал ученикам: «Птицы, я знаю, могут летать, рыбы, я знаю, могут плавать, звери, я знаю, могут бегать. Бегающих можно изловить в силки, плавающих — вытащить леской, летающих — сбить привязной стрелой. Как же изловить дракона, мне неизвестно. На ветре и облаке он возносится на небо. Сегодня я был у Лао-цзы, и он походит на дракона» [Демин 2006: 71].

В Древнем Китае дракон стал символом Поднебесной империи и самой императорской власти, его изображение долгое время сохранялось на государственных флагах, на одежде императора и высших сановников. Трон императора называли Троном Дракона, лицо императора — Лицом Дракона, император — Дракон среди людей. После смерти императора утверждали, что он вознесся на небо верхом на драконе. Связь императора и дракона объяснялась следующим образом. Дракон — владыка Неба и властитель всех стихий, от которого зависит жизнь людей, животных и растений; точно так же император следит со своего трона за нуждами своих подданных и дарует им материальные и духовные блага, без которых они непременно погибнут. Широко известны в Китае и за его пределами ритуальный танец дракона и праздник Лодок дракона. Китайцы видят драконов в меняющих форму облаках.

В современном китайском языке находим следующие значения лексемы *lóng*: 1) дракон 2) императорский. Рассмотрим пословицы и поговорки с данной лексемой. *Lóng fēi fēng wǔ* — «дракон летает, феникс танцует» — беглый, размашистый, неразборчивый почерк. *Lóng kǒu duó liáng* — «вырвать зерно изо рта дракона» — бороться за урожай в ненастные дни. *Lóng pán hǔ jù* — «дракон в схватке обвился вокруг тигра» — неприступный участок, труднодоступный ландшафт. *Lóng shēng jiǔ zǐ* — «дракон рождает девять детей» — родные братья и то — разные. *Lóng tán hǔ xué* — «болото дракона, пещера тигра» — смертельно опасное место, «самое пекло». *Lóng xiāng hǔ bù* — «стать дракона, походка тигра» — внушительный, грозный, воинственный. *Lóng xiāng hǔ shì* — «стать дракона, взгляд тигра» — честолюбивые планы, широкие устремления, дальновидность. *Lóng zhēng hǔ dòu* — «битва дракона и тигра» — жаркая схватка двух равносильных соперников, соперники стоят друг друга.

Дракон значим для народов юго-восточной Азии в целом. Например, в японской культуре также существуют мифы, посвященные драконам. Японских драконов отличает жестокость и непредсказуемость. Согласно древней японской легенде, дракон *Ямата-но ороми* наводил ужас на всю страну Идзумо, расположенную на юго-западе острова Хонсю. Особенно дракон был жесток к одной семье, отбирая и пожирая у них по дочери. Од-

нако согласно другой легенде, прекрасной богине Бентен удастся влюбить в себя чудовище, вступить с ним в брак и прекратить его бесчинства. Обратимся к анализу языкового материала. В современном японском языке находим следующие значения лексемы [*ryu*: / *tatsu*] — «дракон»: 1) дракон 2) *устар.* императорский.

Рассмотрим японские пословицы и поговорки с данной лексемой.

Ryu: *ni tsubasa* — «дракону крылья» — двойная выгода. *Ryu*: *to: dabi* — «голова дракона, хвост змеи» — громкое начало и бесславный конец. *Garyo*: *tensei o hodokosu* — «поставить зрачок дракону (на картине)» — завершить дело. В плане выражения и содержания у японцев и китайцев имеется общая ФЕ с компонентом «дракон». Кит. *lóng pán hǔ jù* — «дракон в схватке обвился вокруг тигра» — неприступный участок, труднодоступный ландшафт. И японская ФЕ *ryo*: *kono araso*i — «схватка дракона и тигра» — равный бой.

Несмотря на то, что японский и китайский языки генетически совершенно не связаны между собой, японская система письменности восходит к китайской. Япония заимствовала китайские иероглифы в VI веке, и современная система письменности имеет сложную структуру, в которой китайские иероглифы используются в сочетании со знаками двух слоговых азбук, созданных на основе иероглифики. Японский язык свободно впитывал в себя заимствованные слова из других языков, прежде всего китайского (главным образом с VIII по XIX век) и английского (в XX веке). В настоящее время большинство исследователей сходится во мнении о том, что синтаксически японский язык сопоставим с алтайскими языками, но на определенном этапе своей протоистории лексически и морфологически находился под сильным влиянием малайско-полинезийской (австронезийской) семьи южных языков.

Среди выявленных нами черт японских ФЕ отметим следующие. Значительную долю японских ФЕ (около 5%) составляют выражения, содержащие оноματοпеею. *Baribari kamu* — грызть с хрустом. *Baribari saku* — разодрать. *Baribari yaru* — работать во всю. *Battarikonakunari* — прекратить посещения. *Batinto butsu* — шлепнуть. *Biribiri kanjiru* — остро чувствовать. *Bishyo*: *bishyo: ni nureru* — сильно промокнуть. *Bityabitya aruku* — ходить, шлепая. *Bura bura aruku* — идти не спеша, бродить. *Bonbonhanabi ga agaru* — взлетает феерверк. *Boribori kajiru* — кушать с хрустом. *Vosoboso hanasu* — говорить приглушенным голосом. *Botabota tareru* — капать. *Bu*: *bu: iyu* — ворчать, жаловаться. *Bunbun iyu* — гудеть, жужжать. *Butsubutsu iyu* — ворчать, жаловаться. *Berabera shyaberu* — говорить бойко, тараторить. *Bechabecha shyaberu* — тараторить, лепетать. *Bechakucha shyaberu* — тараторить, лепетать. *Byu*: *byu: fuku* — ветер

свистит. *Verobero yopparau* — выпить в стельку. Семантику ФЕ определяет следующий за ономастическим глагол, а сама ономастическая вносит дополнительный оттенок в передаваемое значение. Однако встречаются и одиночные случаи ономастической. *Gabugabu* — большими глотками. В плане выражения отметим случаи повторов ономастической, придающей ритм большинству ФЕ. В ряде ФЕ, не содержащих ономастической, также использован прием рифмы. *Aokitoiki* — «голубое/зеленое дыхание» — тяжелое дыхание, при последнем издыхании. *Aketemokuretemo* — «и при свете, и в сумерках» — и днем, и ночью; постоянно. *Daremo karemo* — «и вы, и он» — все, любой.

ФЕ японского языка стилистически дифференцированы. Большинство ФЕ не сопровождаются пометами, однако у некоторых ФЕ имеется помета *кн.*, что свидетельствует о строгом разграничении книжной и письменной речи. *Vo: gen o haku* — *кн.* «плевать грубой речью» — употреблять резкие выражения. *Bisenno mi* — *кн.* «тело низов» — человек простого происхождения. Помета *буд.* свидетельствует о принадлежности данной ФЕ к сфере сакрального, в данном случае буддизму. *Go: ga nieru* — *буд.* «карма варится» — выходить из себя, горячиться.

В некоторых японских ФЕ используется прием замены омонимов для достижения большей экспрессивности, эффекта комического. *Arimomi* — «плод бытия» — груша (*здесь ari* слово-каламбур, в котором вместо *nashi* (груша), омонимичное с *nashi* (нет), употреблен антоним последнего — *ari* (да, бытие)). *Aisatsu yori ensatsu* — «по сравнению с приветствием купюры (лучше)», аналог русского ««Спасибо» на хлеб не намажешь». В данном ФЕ обыгрываются омонимы *satsu* (фраза приветствия) и *satsu* (счетный суффикс для купюр).

В ряде ФЕ неодушевленные существительные сочетаются с глаголами, которые в русском языке с эквивалентными существительными не сочетаются. *Bisyo: o obiru* — «*несу* улыбку» — с улыбкой на лице. *Warai o ukaberu* — «*пускать плавать* смех» — засмеяться. *Gai o haru* — «*натягивать* упрямство» — настаивать на своем. *Gan o kakeru* — «вешать молитву» — давать обет, вознести молитву. Однако для английского языка подобные случаи сочетаемости не редкость. *To put on a smile on one's face* — «*повесить* улыбку на лицо» — с улыбкой на лице. *To catch one's attention* — «*поймать* чье-либо внимание» — привлечь чье-либо внимание.

На наш взгляд, можно сделать вывод о том, что благодаря внимательному отношению китайцев и японцев к своему культурному наследию, сформулированному во фразеологических единицах, этим народам удастся находить выход из тяжелейших ситуаций и находить свой ответ на глобальные вызовы современности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ДЕМИН В. Н. Драконы. Миф и реальность. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. — 480 с.
ГРЭЙ Дж. Г. История Древнего Китая / пер. с англ. А. Б. Вальдман. — М.: Центр-полиграф, 2006. — 606 с.
ЛЕЛЕКО В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. — СПб.: 2002. — 320 с.
Японско-русский фразеологический словарь. Около 4000 фразеологических единиц / С. А. Быкова. — 2-е изд. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2007. — 439, [9] с.

Н. Н. Кошкарлова

N. N. Koshkarova

Челябинск, Россия, nkoshka@rambler.ru

«БОРИС, ТЫ НЕ ПРАВ!», ИЛИ О ПОЛЬЗЕ ОДНОЙ РЕПЛИКИ

“BORIS, YOU ARE WRONG!”, OR ON ONE REPLY’S BENEFIT

Аннотация. Статья посвящена анализу высказываний российских политических лидеров с точки зрения диалогичности и конфликтности.

Abstract. The paper is devoted to the analysis of Russian political leaders’ utterances from the point of view of dialogic character and conflict potential.

Ключевые слова: диалог, угроза, предупреждение, языковая энтропия, инвективность.

Keywords: dialogue, threat, warning, language entropy, invective character.

УДК 81’27

Современные политические деятели входят в историю благодаря не только грандиозным реформам, которые они проводят как на территории своей страны, но и за ее пределами, но также (а в некоторых случаях, прежде всего) своим высказываниям, которые очень часто несут в себе агрессивный потенциал. Руководители государства общаются со своими подчиненными, со своими оппонентами, с целой страной в разном формате — на пресс-конференциях, во время интервью с журналистами, на различных заседаниях, в прямом эфире телеканалов и радиостанций, в форме обращений и посланий Федеральному Собранию РФ. В ходе тако-

го общения возможно проследить специфику диалогических отношений власти с народом [Гаврилова 2005]. Не следует отрицать тот факт, что не все из перечисленных форм взаимодействия руководителей государства с подчиненными и народом являются информационным диалогом в прямом смысле этого слова, так как в некоторых случаях мы не наблюдаем обмена репликами между коммуникантами, однако, все указанные виды текста преследуют вполне конкретную и реализуемую с разной степени успешности цель — трансформация информационного и эмоционального состояния адресата.

Приведем список свойств диалога, выделенных Т. Н. Колокольцевой [Колокольцева 2000]: 1. Антропоцентричность. 2. Демократизм. 3. Коммуникативный эффект. 4. Прагматический потенциал. 5. Экспрессивный потенциал. 6. Неожиданность, непредсказуемость.

Все эти черты присущи выделенным формам коммуникации, а цель информационного диалога достигается при помощи большого арсенала высказываний, некоторые из которых, как уже было отмечено выше, несут в себе агрессивный потенциал. Специфичность выделенным формам взаимодействия государственных деятелей с подчиненными и народом, на наш взгляд, добавляют следующие параметры:

— вариативность языкового наполнения указанных текстов и возникновение новых смыслов, вбирающих в себя значение, индивидуальность автора и дух времени [Гаврилова 2005];

— сужение диапазона стиливых регистров, примитивизация понятий, превращение массово-информационного дискурса в форум для всего населения [Карасик 2010].

Попробуем доказать состоятельность этих утверждений на примере некоторых высказываний российских лидеров. Как уже было указано выше, диапазон общения государственных деятелей варьируется от различных заседаний до непосредственного общения с народом в прямом эфире. Однако во всех этих случаях мы наблюдаем использование лексических единиц, конструкций, способов речевого воздействия, которые в данном контексте приобретают деструктивный характер и добавляют определенную конфликтогенность процессу общения. Так, например, В. В. Путин в его бытность Президентом РФ на заседании Госсовета российский лидер так обратился к своим подчиненным: *«Сюда смотреть, слушать, что я говорю»*. Во время пресс-конференции 14 февраля 2008 г. на вопрос журналиста об итогах второго президентского срока В. В. Путина так охарактеризовал свою работу: *«Все эти восемь лет я пахал, как раб на галерах»*. На вопрос польской журналистки о том, стоит ли Польше опасаться угрозы со стороны, России Президент России так

описал положение дел в отношениях двух стран: *«Я не считаю, что мы должны посыпать голову пеплом, бить себя веригами и доказывать всем, что мы хорошие».*

Конфликтность как черта подобных типов текста, на наш взгляд, присуща и Посланиям Президента Д. А. Медведева. К такому выводу мы приходим на основании использования в выступлении такого способа речевого воздействия, как угроза. Как показывает анализ языкового материала, в современных средствах массовой информации наиболее часто используется не угроза, а предупреждение как способ речевого воздействия. Предупреждение, на наш взгляд, также может обладать некоторым агрессивным потенциалом, так как, по мнению Н. В. Хохловой [Хохлова 2004], существует две разновидности данного речевого акта: этикетная и конфликтная. Семантические различия между двумя видами предупреждения автор видит в следующем: эмоциональное состояние автора этикетного предупреждения характеризуется нейтральностью; для автора конфликтного предупреждения первостепенным является карательное действие. Не вызывает сомнения тот факт, что современные политики не эксплицируют свои намерения наказать своих оппонентов за недостойное поведение на политической арене, однако предупреждение о возможных негативных последствиях для несогласных с проводимым главой государства курсом не лишено деструктивного и агрессивного начала. Так, например, в Послании Президента России Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ в 2008 г. докладчик следующим образом выразил свое отношение к недопустимым и безнравственным действиям правоохранительных органов: *«Сегодня легко заработать репутацию, но также легко ее потерять. Восстанавливать её потом придется очень долго. Если это вообще будет как-то возможно».* В данном случае речевое воздействие на адресата и аудиторию осуществляется при помощи предупреждения о возможных негативных последствиях противоправных действий в весьма деликатной, однако, не лишенной конфликтного потенциала форме. Предупреждение как способ речевого воздействия осуществляется также при помощи соответствующих лексических единиц, выражающих предостережение, указание на возможное совершение карательных действий в случае несоблюдения тех или иных правил, недопущение антиобщественных действий на территории подчиненного руководителю государства. Д. А. Медведев так выражает свое мнение по поводу дестабилизирующих настроений в обществе: *«Считаю своим долгом предостеречь тех, кто надеется спровоцировать обострение политической обстановки. Мы не позволим разжигать социальную и межнаци-*

ональную рознь, обманывать людей и вовлекать их в противоправные действия. Конституционный порядок и впредь будет обеспечиваться всеми законными средствами».

По нашему мнению, подобные случаи использования агрессивных речевых актов можно рассматривать как «проявление языковой энтропии» [Шарифуллин, 2004]. К фактам языковой энтропии автор относит те явления, которые разрушительно (деструктивно) воздействуют на процессы речевой коммуникации в разных сферах общения и взаимодействия людей. По мнению Б. Я. Шарифуллина [Шарифуллин, 2004], языковая энтропия заложена и в тех явлениях, которые в терминах экологической лингвистики получили название «языковая (речевая, вербальная, словесная агрессия» [Даньковский, 1995; Речевая агрессия, 1997; Булыгина, Стеклова, 2000].

Понятие языковой (речевой) агрессии, в свою очередь, тесно связано с явлением языковой (речевой, вербальной) инвективности. В современной лингвистике различают два вида инвективы, отличающиеся друг от друга объектом направленности (инвектумом): 1) эксплетивная инвектива (представляет использование табуированной лексики для выражения собственного отношения не к человеку, а к описываемой ситуации); 2) агрессивная инвектива (представляет культурно обусловленный и национально специфичный векторно-направленный континуум вербальной агрессии по отношению к участнику коммуникации, осуществляемый просторечной лексикой и фразеологией, характеризующейся стилистической маркированностью, предельной сниженностью и обладающей вульгарной коннотацией, реализующий интенцию говорящего или пишущего унизить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата своей речи). Современных государственных деятели часто используют агрессивную инвективу для выражения своего отношения к происходящим на мировой арене событиям, их несогласия с действиями той или иной стороны в сложившейся ситуации, оценки поведения участников конфликта как несоответствующих общепринятым человеческим и дипломатическим нормам. Так, например, в интервью Владимира Путина телекомпании CNN при обсуждении войны в Южной Осетии председатель правительства Российской Федерации выразил свое негодование поведением ведущего программы канала «Fox News»: *«Давайте вспомним хотя бы, как шло интервью маленькой 12-летней девочки и ее тети, проживающих, как я понял, в Соединенных Штатах, которая была свидетельницей событий в Южной Осетии. Как на одном из крупнейших каналов «Фокс ньюс» ее постоянно перебивал ведущий. Он постоянно перебивал. Как только ему не понравилось, что*

она говорит, он начал ее перебивать, кашлять, хрипеть, скрипеть. Ему осталось только в штаны наложить, но сделать это так выразительно, чтобы они замолчали».

Подобные высказывания со стороны лидеров государства заставляют лингвистов задуматься над некоторыми вопросами, часть которых была затронута во время проведения Интернет-конференции по юрислингвистике «Право как дискурс, текст и слово» (<http://konferenc.siberia-expert.com>). Среди обсуждаемых вопросов были и такие: отношение к агрессии в публичных выступлениях государственных деятелей, первых лиц государства; правомерность, оправданность речевой агрессии в подобных текстах; кто является объектом агрессии в выступлениях первых лиц государства (конкретное «живое существо» или целая социальная группа как носитель противоположных политических и социальных идей). Представляется, что обсуждение данных вопросов в формате различных научных форумов является средством изучения и элиминации подобного деструктивного явления, а в идеальном случае — и некоторым воспитательным фактором для государственных деятелей всех стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- БУЛЫГИНА Е. Ю., СТЕКСОВА Т. И. Проявление языковой агрессии в СМИ // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. — Барнаул, 2000. — С. 149—157.
- ГАВРИЛОВА М. В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: Дис... д-ра филол. наук. — СПб., 2005. — 468 с.
- КАРАСИК В. И. Коммуникативные тенденции: регистры, понятия, тональности, сферы // Дискурс, текст, когниция: коллективная монография. — Нижний Тагил, НТГСПА, 2010. — С. 164—183.
- КОЛОКОЛЬЦЕВА Т. Н. Роль диалога и диалогичности в современном коммуникативном пространстве (на материале средств массовой информации) // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов. — Саратов: Издательство Саратовского университета, 2000. — С. 50—56.
- РЕЧЕВАЯ агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. — 117 с.
- ХОХЛОВА Н. В. Способы и средства реализации коммуникативной категории угрозы в русском и английском языках: Дис. ... канд. филол. наук. — Самара, 2004. — 198 с.
- ШАРИФУЛЛИН Б. Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблемы инвективы // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права: Межвуз. сб. науч. тр. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. — С. 125—137.

Г. М. Мандрикова

G. M. Mandrikova

Новосибирск, Россия, mandrikova@mail.ru

**ИНВЕКТИВНАЯ ЛЕКСИКА В СТУДЕНЧЕСКОЙ РЕЧИ
(НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)
INVECTIVE WORDS IN THE SPEECH
OF STUDENTS (ON THE MATERIAL OF THE POLISH
AND RUSSIAN LANGUAGES)**

Аннотация. В статье описывается исследование употребления инвективной лексики польскими и российскими студентами и школьниками, проведенного методом опроса и анкетирования. По результатам исследования автор приходит к выводу о значительном совпадении мнения носителей польского языка с мнением представителей русской учащейся молодежи относительно функционирования инвективы в их речи, влияния некоторых факторов на предрасположенность человека к употреблению нецензурной лексики. Различия выявились в степени табуированности группы слов, закрепленных в русском и польском языках, как наиболее грубых.

Abstract. The article represents the research of using invective words by Polish and Russian students and schoolchildren which was carried out through the method of interviewing and questioning. The results of the research show the meaningful similarity in the opinions of Polish and Russian students and schoolchildren about functioning of invective words in their speech and about the influence of certain factors on predisposition of a person to use unprintable words. The differences comprise the level of taboo for some groups of words fixed as offensive in the Russian and Polish languages.

Ключевые слова: *инвективная лексика, студенческий социолект, польская культура, русская культура.*

Keywords: *invective words, student sociolect, Polish culture, Russian culture.*

УДК 81'373:811.161.1+811.162.1

Выбирая такую тему для статьи, мы в полной мере отдавали себе отчет в том, что никаких открытий не совершим: кто не знает, что не только студенты, но и школьники активно используют ненормативную лексику? Оставляя за рамками данной статьи всяческое негодование по этому по-

© Мандрикова Г. М., 2011

воду, мы обратились к довольно интересному материалу — результатам социолингвистического эксперимента, проведенного с русскими студентами и школьниками г. Новосибирска, по процедуре аналогичного польского исследования [Biernacka-Ligięza 2001].

Считаем необходимым пояснить, что понимается нами под инвективной / инвективной лексикой. Как известно, существуют две принципиальные трактовки термина «инвектива»: «в узком смысле инвектива представляется как способ существования словесной агрессии, воспринимаемый в данной социальной группе как резкий и табуированный; инвектива — это вербальное нарушение этического табу, осуществленное некодифицированными средствами. В широком смысле инвектива — любое словесно выраженное проявление агрессивного отношения к оппоненту» [Жельвис 2008: 214]. Следует заметить, что ругательства далеко не всегда употребляются как вербальное оружие. Так, к примеру, многие ученые не относят к инвективам ругательства, употребленные как междометия, ругательства в роли вокативов, хезитаций, связочных средств, т. е. все это, что можно определить фразой: «Они матом не ругаются, они на нем разговаривают». В данной статье мы используем термин инвектива в значении вербального нарушения этического табу, осуществленного некодифицированными средствами.

В. И. Жельвис по праву считается авторитетом в инвектологии, и к какому бы аспекту изучения инвективы мы ни обратились, без ссылок на работы этого автора любое исследование не может считаться теоретически основательным. Так, по В. И. Жельвису, инвективу можно рассматривать как код выражения мысли, который, выходя наружу, несет в себе признаки национальной специфичности. Естественно, что отношения между этническими группами, предельно далеко относящимися друг от друга в культурном и географическом плане, являются иногда наиболее контрастными, отчего сравнение их национально-специфических черт может оказаться особенно наглядным. Тем более интересным представляется нам рассмотрение проблемы инвективного словоупотребления в достаточно близких языках (и шире — лингвокультурах), каковыми являются русский и польский.

С позиции социолингвистики инвективные единицы можно рассматривать как определенные социальные маркеры, характерные для того или иного социолекта. Традиционно считается, что инвективная лексика является «достоинством» представителей социального «низа» или «деклассированных элементов». Ругаться, по мнению общества, может только человек с очень низкой внешней и внутренней культурой, в отличие от человека высокой культуры. Заметим, что инвективная лексика, благодаря множеству функций, представляет собой довольно обширный пласт, позволяющий

удовлетворить потребности любой социальной группы, и разница существует лишь в выборе и реализации инвективных формул, целенаправленном нарушении языкового табу.

Существенным фактором, способным влиять на инвективное словоупотребление, помимо прочих, является возраст. Говоря об инвективе и частотности употребления соответствующих формул представителями различных возрастных групп, необходимо отметить факт большей частотности употребления инвектив молодежью. Даже простое наблюдение над речью современной молодежи (в частности студентов) свидетельствует о том, что инвектива является одним из собственных средств общения, одним из базовых элементов, характеризующих молодежный сленг. Сравнение инвективных стратегий и формул в русском и польском языках позволяет выявить различия, несоответствия или же, наоборот, общие черты.

Польские лингвисты для обозначения пласта лексики, который мы рассматриваем в нашей работе, пользуются термином *wulgaryzmy* (вульгаризмы), у польских лингвистов за этим термином закреплены языковые средства, известные под названием «нецензурная лексика».

В последнее время в Польше существует общее убеждение в том, что современный польский язык стал более грубым. В печати и на телевидении часто можно услышать нецензурные, некорректные, «вульгарные» слова и выражения. Данное мнение высказывают деятели польской культуры, науки, психологи и, конечно же, лингвисты. В польском языке само прилагательное *wulgarny* (вульгарный) имеет негативную коннотацию.

До недавнего времени вульгарные выражения среди образованных людей функционировали по принципу цитат из другого регистра языка. Такие цитаты выполняли коммуникативную функцию (например, в текстах народных частушек и шутках) [Grybosiova 2003: 36]. Сейчас же люди, особенно студенческая молодежь, употребляя нецензурную лексику, стремятся тем самым показать свою принадлежность к определенной общественной группе, подчеркивая неофициальность коммуникативной ситуации: «я говорю это так, чтобы ты знал, что я интерпретирую тебя как знакомое лицо» [Kowalikowa 1994: 107—113].

Другой важной причиной популярности использования вульгаризмов является быстрое развитие СМИ и их влияние на польский язык. Грубые, нецензурные слова и выражения появляются в печати, на телевидении, в Интернете. Здесь подобные выражения активно используются, выполняя экспрессивную и подражательную функции, и ярче всего проявляются тогда, когда речь идет о таких темах, как, например, наркотики, секс, проституция, жизнь подростков, реалии определенных субкультур, в высказываниях индивидуальных лиц (например, в интервью с представителями

субкультур, подростковыми исполнителями песен и т. п.) [Warchala 2003]. Я. Коваликова называет факторы, которые оказывают влияние на распространение нецензурной лексики: а) специфическая расположенность поляков к фамильярному, грубому юмору; б) мода на использование нецензурной лексики среди известных лиц (политики, подростковые идолы); в) желание продемонстрировать социальную свободу; г) «детабурированность» [Kowalikowa 2000: 121—131].

Взяв за основу исследование И. Бернацкой-Лигенза «Вульгаризмы в польском молодежном сленге» [Biernacka-Ligieza 2001], мы решили провести аналогичную работу и сравнить полученные результаты. Бернацкая-Лигенза опрашивала 350 учеников (175 из 5-ти школ) и студентов (175 из 7-ми университетов), нами было опрошено 170 человек (школьники — гимназия «Содружество», школа № 15 (11-е классы) и студенты (Новосибирский государственный технический университет, Новосибирский торгово-экономический колледж). Анкетирование, проводимое среди носителей русского языка (студентов и школьников), должно было дать ответы на те же вопросы, что и в польском исследовании:

1) где обычно вы слышите нецензурную лексику? (варианты ответов: «В учебном заведении», «Дома», «На улице/в транспорте», «На работе» и свободный вариант ответа — «другое»).

Поляки отвечали, что инвективу они слышат практически везде: на работе, в школе, в кино, на телевидении, по радио, в общественных местах (студенты 48%, школьники 50%). Стоит отметить, что многие подчеркнули: чаще всего они слышат нецензурную лексику именно в образовательном учреждении или на работе (студенты 37%, школьники 45%). Чуть меньше польских респондентов заявило, что такие слова довольно часто можно услышать у них дома в межличностном общении с членами семьи (61%).

Самый популярный ответ русских студентов и школьников — «На улице/в транспорте» (73%). Чуть меньше респондентов отметили, что слышат подобную лексику чаще всего в своем учебном заведении (55%). Далее следуют ответы «Дома» (11%), «Везде» (9%) и «На работе» (6%). Существуют и единичные варианты ответов: *в клубе, на футбольном поле*.

Очевидное различие в ответах респондентов из Польши и России состоит в том, что подавляющее большинство новосибирцев слышит инвективную лексику в общественных местах, на улице, в транспорте. Поляки же подчеркнули лишь один ответ — учебное учреждение, остальные высказались в том духе, что конкретного ответа нет, и, скорее всего, подобные слова можно услышать «везде».

2) в какой среде чаще всего можно заметить подобное словоупотребление? (варианты ответов: «Между преподавателями/учителями», «В

общении между сверстниками/друзьями», «В семье», «Людьми в общественных местах» и свободный вариант ответа — «другое»).

Польские респонденты используют инвективу, в основном, в общении со сверстниками и стараются не употреблять такие слова, общаясь с преподавателями и родителями. Большое число анкетированных студентов призналось, что не слышат подобной лексики в разговорах между преподавателями вообще. Однако почти половина опрошенных учеников средних школ заявили, что такое явление можно встретить среди их педагогов (55,7%).

Только три русских школьника и девять студентов первых курсов колледжа (6%) сообщили, что подобные слова можно услышать из уст преподавателей. В своем большинстве информанты признались, что чаще всего инвектива используется в общении с друзьями, коллегами (80%). Далее идет ответ *«людьми в общественных местах»* (60%). Также респонденты отметили, что подобные слова можно услышать в общении членов семьи, родителей (8%). Почти аналогичный процент приходится на ответ *«преподавателями»* или *«учителями»* (9%). 2% заметили, что нецензурные слова используют люди, окружающие их в любой среде — ответ *«всеми»*. Большое число ответивших, что слышат нецензурную лексику в общении между *«сверстниками/друзьями»* свидетельствует о том, что в большинстве случаев это считается вполне нормальным и не пресекается в межличностном общении.

3) чему способствует использование подобных слов? (варианты ответов: «Снятие стресса», «Связка слов в предложении», «Реакция на сказанное/услышанное», «Установление контакта» и свободный вариант ответа — «другое»).

Обратимся к польскому исследованию. Ученики утверждают, что использование инвективной лексики помогает им завязать контакт с одноклассниками. Они признались, что пользуются такими словами, потому что все остальные их употребляют, и они не хотят выделяться. 85% студентов и 91% школьников пользуются грубыми выражениями и словами, чтобы нейтрализовать агрессию, снять нервное напряжение. По их мнению, стресс — главная причина употребления инвективы. Некоторые поляки заметили, что пользуются подобной лексикой в наиболее напряженные моменты, когда невозможно справиться с эмоциями (студенты 72%, школьники 71%). Польская молодежь отметила, что в качестве вводных слов и междометий инвективу они практически не используют (студенты 68%, студентки 97%, школьники 69%).

Проанализировав ответы русских, мы получили следующие результаты: наиболее часто респонденты используют нецензурные слова и вы-

ражения при реакции на услышанное или сказанное (56%). Также респонденты признались, что используют инвективу в качестве междометий либо в функции связки слов в предложении (31%). Для снятия стресса, нервного напряжения, эмоциональной разгрузки инвективу используют 28% респондентов. Несмотря на активное подчеркивание значения функции установления контакта во многих работах отечественных лингвистов, наше исследование показало, что респонденты не задумываются о том, что использование инвективы способствует установлению контакта. Такой ответ дали всего 5% опрошенных. Стоит заметить, что в это число входят в основном молодые люди (7 человек) и всего одна девушка. Некоторые опрошенные отметили влияние привычки (3 человека).

4) влияет ли массовая западная культура на русский язык в смысле появления и закрепления каких-то нецензурных выражений? Если да, то насколько сильно/очевидно такое влияние?

И. Бернацкая-Лигенза попыталась доказать огромное влияние СМИ на современную польскую культуру и язык. Однако негативное влияние отметили всего 57% студентов и 62% студенток. У учеников средних школ мнение по этому поводу еще не сформировалось. Некоторые даже не могли понять, что значит «массовая западная культура», а точнее, что можно отнести к данному понятию и как оно соотносится с нецензурной лексикой. Влияние на польский язык оказывают не только телевидение и радио, но и пресса. Исследователя интересовало, знают ли (и читают ли) участники эксперимента газеты и журналы, о которых можно говорить как о «вульгарных». По её мнению, самым частым ответом должен был оказаться еженедельник «Nie» Ежи Урбана (www.nie.com.pl), но респонденты привели примеры многих других изданий: «Cats», «Peepshow», «Wamp», «Playboy», «Playstar», «Sex donosiciel», «Bravo», «Kobra», «Gazeta Polska» и др. Девушки (как ученицы школ, так и студентки) назвали меньше подобных изданий. Самым популярным у них был ответ «не знаю», «не читаю таких изданий». По мнению исследователя, не всегда в ответах речь шла о наличии нецензурной лексики в статьях газет и журналов, поскольку внимание обращалось на общий стиль ведения издания.

Влияние западной культуры на русский язык отметили чуть меньше половины русских респондентов (48%). 16 человек считают, что влияние очень сильное: *очевидно; достаточно; сильно; безусловно; прилично*. Многие считают, что данное влияние оказывается посредством западных телевизионных программ, теле-шоу, кинематографа, а также музыки, в частности, рэп-культуры. Особо выделялся респондентами телевизионный канал Mtv, на котором показывают наиболее неприличные передачи. Также назывались периодические издания, преимущественно журналы для муж-

чин эротического характера. Были ответы, в которых давались примеры лексических единиц, пришедших в нашу речь: *фак, май гад, щит, битчи* и др. Данные слова из английского языка (*fuck, my god, shit*) бытуют не только в русском молодежном сленге. Польский интернет-словарь молодежного сленга даёт, как минимум, 15 производных слов и выражений от слова *Fuck*, образованных по правилам польского языка: *fakaj oko, fakitol, fakjuszka* и др. [<http://www.miejski.pl/slowo-fakjuszka>].

Действительно, влияние американской культуры было отмечено участниками опроса. Респонденты отвечали: *запад влияет, многое берут от американцев; вообще, запад плохо влияет, особенно Америка* (упомянутый выше телеканал Mtv имеет отношение к американскому телевидению, что также можно отнести к ответам об американском влиянии на нашу речь).

Ответ «не влияет» дали 37%, что говорит о неоднозначной оценке влияния западной культуры на русскую. К этому можно добавить то, что многие ответы носили неопределенный характер: *влияет, но пока не сильно; да, но незначительно; влияет, но не очевидно»* (данные ответы были отнесены к тем, кто считает, что влияние западной культуры есть). Интересны ответы о том, что влияние происходит, скорее, с нашей стороны: *у нас свой ненормативный лексикон достаточно богат, чтобы еще у кого-то заимствовать. Различные «факи» и «битчи» заимствуются в настолько незначительной степени и в таком кастрированном виде, что тут не о чем говорить; У нас и без неё всегда таких выражений было много; русские маты самобытны; на Западе материться-то не умеют. Нет. Просто появляются дурацкие интерпретированные слова, украденные из английского; Считаю, что не влияет, т. к. маты, нецензурная лексика, в основном, от нас и пошла*. Данные ответы нами были отнесены в общее число считающих, что западная культура не влияет на нашу речь.

Некоторые респонденты просто высказывались о своем явно негативном отношении к западу: *Западная культура ценит только себя и свою страну; Влияет на расслабление нации*.

5) насколько семейное воспитание формирует предпочтение человека употреблять неприличные слова?

В комментариях к ответу у поляков чаще всего встречалось мнение о влиянии школы, но все-таки подавляющее большинство отметило влияние семьи на молодого человека (студенты 95%, школьники 74%). По мнению И. Бернацкой-Лигенза, дети в полной мере отражают речь своих родителей, и дети из неблагополучных семей знают больше нецензурных слов, чем их ровесники из семей хотя бы среднего класса.

Российские респонденты (71%) отметили, что родители, семья влияют на последующее употребление ребенком нецензурных слов. К данному

числу мы относили и следующие ответы: *Считаю, что семья мало влияет на это, т. к. подобные выражения мы слышим в обществе; не больше, чем компания, среди которой человек находится; Не слишком влияет; Воспитание мало влияет.* Оценка влияния все равно присутствует в данных высказываниях, хотя и небольшая и даже неопределенная.

Всего 8% опрошенных выразили неприятие позиции влияния семьи: *влияние друзей порой выше; Я не думаю, что это зависит от воспитания, скорее от самого человека; От родителей не зависит, скорее от общества, компании; Воспитывает улица, а не родители; Семейное воспитание не влияет. Влияет школа, двор и круг общения; Нет, не влияют родители, в основном, мы слышим от других людей; Всё зависит от друзей; Нет, всё зависит от человека.*

б) зависит ли инвективное словоупотребление от уровня образования человека?

Обратимся к польскому исследованию. Высшее образование не влияет, на взгляд польских информантов, на стремление или расположенность к употреблению инвективной лексики. Это мнение подтверждается ответами на вопрос, где школьники признавались, что слышат от учителей неприличные слова. Напомним, их количество составило 55, 7% от всех школьников, принявших участие в анкетировании.

Ответы на данный вопрос у русских можно разделить на три группы: 1) «да, считаю» — 40%, 2) «нет, не считаю» — 58%, 3) «не знаю» («не уверен/не уверена») — 2%. Респонденты, считающие, что образованный человек ругается реже, приводили следующие аргументы: *образованный человек заменит непристойное слово другим; образованный человек может переформулировать или заменить слово.* Мы отнесли также в группу «да, считаю» и такие ответы: *Более того, образованный человек (а не быдло, отсидевшее на платном отделении 5 лет) ругается исключительно к месту, Просто лучше выбирает место и время, Даже образованные люди ругаются между своих друзей, Он ругается в душе.* То есть, респонденты признают вероятность употребления нецензурных слов, если их употребление происходит в подходящей ситуации (какой конкретно, респондентами не уточнялось). К данной группе мы также отнесли ответы: *Не обязательно; Возможно; Скорее да, чем нет; Наверное, да; Да, но не всегда; Да, но не во всех случаях.*

В группе отрицающих влияние образования можно выделить интересные ответы: *Нет, это вопрос не образования, а личной культуры — а это совсем не одно и то же; Зависит от его личных ценностей; Образованность и приличность разные вещи; Это также зависит и от характера и воспитания; Образованные люди бывают разные.*

7) как можно назвать мужской половой орган? 8) как можно назвать женские половые органы? 9) как можно назвать акт физической близости?

Сопоставив лексические единицы в нашем и польском исследовании, которые были вариантами ответов на 7, 8 и 9 вопросы, можно сказать следующее. По 7 вопросу: четыре самые популярные лексемы в результатах нашего исследования совпадают по смыслу либо грамматически с четырьмя вариантами ответов польских респондентов. Остальные лексемы являются вполне самостоятельными и характеризуют индивидуальные особенности наших языков. По 8 вопросу: проанализировав и сравнив русские и польские ответы, мы пришли к следующему выводу: семантически, фонетически и грамматически совпали семь из десяти лексем, что говорит об одинаковой системе ассоциаций и обозначений женских половых органов в польском и русском языке. По 9 вопросу: польское *uprawiać seks* соответствует нашему самому популярному ответу *секс*, однако не является популярным в обозначении акта физической близости у польской молодежи. Совпадающие лексемы можно объяснить этимологией. Встречались единицы, которые совпадали семантически, а это свидетельствует о близости ассоциативного ряда в обозначении физической близости в языках. У русских большинство ответов было в форме существительного, в то время как поляки чаще писали свои ответы в форме глагола, ввиду этого соотносить многие варианты ответов не всегда удавалось.

На наш взгляд, эксперимент удался, так как почти все информанты давали довольно четкие, полные, развернутые ответы, что отвечало задаче рассмотрения оценок, мнений информантов по предложенным вопросам, а также особенностей инвективного словоупотребления представителями русской и польской молодежи. Полученные ответы дали возможность проследить, как информант формирует свою позицию относительно инвективного словоупотребления. Практически все участники давали ответы на вопросы: процент респондентов, которые затруднились ответить на вопрос, присутствовал в каждом вопросе, однако был небольшим, что никак не повлияло на эффективность и общие результаты опроса. Респонденты старались информативно отвечать даже на те вопросы, которые были даны без вариантов ответа. Участники эксперимента открыто высказывали свое мнение, приводя интересные примеры, что в полной мере позволяло провести сопоставительный анализ результатов с результатами польского исследования.

Итак, исходя из анализа ответов на вопросы анкеты и сопоставления полученных результатов с аналогичными польскими, мы можем сделать вывод о том, что мнения носителей польского языка во многом совпада-

ет с мнением представителей русской учащейся молодежи относительно функционирования инвективы в их речи, влияния некоторых факторов на предрасположенность человека к употреблению нецензурной лексики. Также мы получили наиболее частые обозначения телесного низа и факта физической близости (наиболее сакральных понятий в любом языке) на предмет выявления общих ассоциативных, синонимических рядов в их обозначении. В ходе анализа выявились существенные различия в степени табуированности группы слов, закрепленных в русском и польском языках, как наиболее грубых, однако употребляющихся с разной степенью этического табу, существующим в данных лингвокультурах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ЖЕЛЬВИС В. И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема. — М.: АСТ, 2008. — 318 с.
- BIERNACKA-LIGIĘZA I. «Kląć na czym świat stoi» — analiza wulgaryzmów najczęściej wykorzystywanych w języku polskim i angielskim, w zbiorze, Język w komunikacji, red. G. Habrajska, t. 2, Łódź: Wyd. WSH-E, 2001, s. 259.
- GRYBOSIOWA A. Język wtopiony w rzeczywistość, Katowice: UŚ, 2003, s. 36.
- KOWALIKOWA J. Znaczenie i funkcja wyrazów tzw. brzydkich we współczesnej polszczyźnie mówionej, w zbiorze, Współczesna polszczyzna mówiona w odmianie opracowanej (oficjalnej), red. Z. Kurzowa, W. Śliwiński, Kraków: Universitas, 1994, s. 107—113.
- KOWALIKOWA J. Wulgaryzmy we współczesnej polszczyźnie, w zbiorze, Język trzeciego tysiąclecia, red. G. Szpila, Kraków: Tertium, 2000, s. 121—131.
- WARCZAŁA J. Kategoria potoczności w języku, Katowice: UŚ, 2003, s. 225—226.

Е. А. Нахимова

E. A. Nakhimova

Екатеринбург, Россия, v.nakhimov@mail.ru

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ОНИМЫ-НЕОЛОГИЗМЫ PRECEDENT-RELATED ONYMS-NEOLOGISMS

Аннотация. Статья посвящена вторичным значениям топонимов и антропонимов, которые автор относит к неологизмам, в силу того, что их метафорическое значение возникло недавно. Автор приводит историческую и криминальную справку, а также примеры текстов, в которых обнаруживается переход имени собственного в имя нарицательное. Обобщая общие закономерности функционирования прецедентных онимов, автор делает вывод о том, что высокая скорость исторических изменений, постоянное обновле-

ние состава неологизмов и архаизмов, значительное количество окказионализмов и историзмов — характерные черты современной системы русских прецедентных имен собственных.

Abstract. The article is devoted to the derived meanings of toponyms and anthroponyms, that the author refers to neologisms as their metaphoric meaning has appeared recently. The author gives some historical and criminal references and the examples of the texts, which reveal the transition of a proper name to a common noun. The author concludes that the high speed of historic changes, the constant renewal of the list of neologisms and obsolete words, a great number of occasional and historical words are all the features of contemporary system of Russian precedent-related proper names.

Ключевые слова: прецедентные имена собственные, метафорическое значение, топонимы, антропонимы, неологизмы.

Keywords: precedent-related proper names, metaphoric meaning, toponyms and anthroponyms, neologisms.

УДК 811.161.1

В современных массмедийных текстах активно используются вторичные значения топонимов, связанных с обозначением событий, происходящих в этих населенных пунктах. Ярким примером таких метафор служат названия городов *Пикалево* и *Кондопога*, которые стали своего рода символами социальных потрясений, межнациональных конфликтов и противоречий между трудящимися и работодателями. Отметим, что указанные названия городов как топонимы вовсе не являются неологизмами, но в качестве прецедентных феноменов они выступают именно как неологизмы, поскольку рассматриваемые метафорические значения данных топонимов возникли именно в начале XXI века.

Еще одна типовая модель — это метафорическое использование прецедентных антропонимов, среди которых заметное место занимают имена преступников (сексуальный маньяк Чикатило, киллер Солоник, создатель финансовой пирамиды Мавроди, майор Евсюков, без всяких причин открывший стрельбу в магазине, и др.).

Подобные метафоры обычно ярко вспыхивают (они активно используются самыми различными авторами, вызывают интерес у читателей, которые легко понимают смысл соответствующих аллюзий, образные значения этих онимов реализуются в текстах без дополнительных пояснений), но вскоре быстро уходят из активного употребления и остаются в памяти лишь немногих представителей социума. Возможно, подобная судьба ждет и получившие общероссийскую известность метафоричес-

кий топоним *Кушевская (Кушевка)* и метафорический антропоним *Цапок (цапки)*, которые рассматриваются в настоящей статье.

Первый из названных прецедентных онимов стал своего рода символом противоестественного сращения преступных сообществ и властных структур, результатом которого становятся жестокие криминальные события. Второй прецедентный оним превратился в метафорическое обозначение совершенно обнаглевших преступников, которые, пользуясь покровительством милиции и иных властных структур, совершают бесчеловечные преступления.

Историческая справка. История казачьей станицы Кушевская (Кушевка) начинается с 1794 года, когда по велению Екатерины Великой на Кубань были переселены запорожские казаки. Кушевские казаки прославились своими подвигами во многих боевых действиях. В настоящее время эта станица является центром самого северного района Краснодарского края с населением около 73 тысяч человек, из которых почти половина проживает в райцентре.

Криминальная справка. Ситуация в станице Кушевской привлекла особое внимание СМИ после того, как 5 ноября 2010 года в доме местного фермера были обнаружены трупы 12 человек, среди которых оказалось четверо детей. Преступники подожгли дом, чтобы скрыть следы преступления. Непосредственные исполнители преступления и его организаторы вскоре были задержаны, однако выяснилось, что это убийство было по существу лишь высшей точкой страшной череды преступлений, которые совершались в Кушевской при молчаливом согласии администрации и силовых структур. Некоторые офицеры милиции оказались прямыми пособниками бандитов, с ними заодно действовали следователи, судьи и прокуроры.

По версии следствия руководителем преступного сообщества в Кушевской был кандидат социологических наук, депутат и бизнесмен Сергей Цапок, который «продолжил» дело своего брата Николая, возглавлявшего кушевских бандитов до своей смерти в 2002 году.

В ноябре-декабре 2010 года события в Кушевской стали предметом активного обсуждения в российских электронных и печатных СМИ. В частности, проанализированный нами корпус интернет-реакций на запрос «Кушевская» насчитывает более трех тысяч текстов, причем абсолютное большинство из них тематическим связано именно с преступлениями, которые в последние годы были совершены в этой кубанской станице (по данным на конец декабря 2010 года). Преступников и попустительствовавших им чиновников осуждали самые различные авторы: политические лидеры страны, журналисты, сотрудники силовых структур, рядовые читатели и пользователи Интернета, среди которых были люди различных

профессий, политических убеждений, национальностей, принадлежащие к различным религиям.

В процессе официального расследования выяснилось, что в Куцевской члены банды Цапков (не обязательно носящие ту же фамилию, что и главарь банды) еще с конца прошлого века были известны как *цапки*. Таким образом, оказалось, что фамилия *Цапков* стала восприниматься как имя нарицательное, как обобщенное обозначение членов группы преступников, возглавляемой сначала Николаем, а потом Сергеем Цапками. Рассмотрим несколько характерных примеров, представленных в электронных и печатных СМИ.

*В 1997 году к Джалилю, сыну состоятельного фермера, подошли двое «бойцов» и заявили, что если он хочет «беспроblemно» встречаться со своей девушкой, то должен заплатить. Джалиль без особых разговоров их избил. С тех пор начались драки между друзьями Джалиля, которых стали называть «татарами» и **цапками** (kprf.debesi.ru). Местные бояться, что на смену **цапкам** в Куцевскую пришли новые отморозки (крг. ru — Краснодар).*

Следующий этап развития семантики рассматриваемого прецедентного онима определяется тем, что *цапками* стали называть не только членов преступной группы под руководством Николая и Сергея *Цапков*, но и иных преступников, среди которых было много уличных хулиганов и насильников. Ср.:

*Здесь так обычно бывает: появляется новая девушка — на нее набрасываются. У беспредельщиков есть фамилии, имена, клички, но их всех зовут **цапками** (Российская газета — Неделя, 16.12.2010). Доходило до того, что «**цапки**» заходили в аудитории прямо во время лекций, забирали понравившихся девушек и увозили их с собой (lenta.ru/news).*

Еще более показательны контексты, в которых прецедентный антропоним *цапки* используется как обобщенное метафорическое обозначение российских бандитов, которые, как известно, совершают свои преступления не только в кубанских станицах. Соответственно название станицы *Куцевская (Куцевка)* превратилось в обобщенное метафорическое обозначение российских населенных пунктов, где царствует криминал. Можно предположить, что многие из представленных ниже контекстов рождены болью и обидой, они представляют собой гиперболы, которые позволяют быстрее привлечь внимание общественности к делу борьбы с преступностью. Однако именно подобные метафоры наиболее ярко демонстрируют специфику рассматриваемого словоупотребления. Ср.:

*В Москву надо было писать. Так нет — все молчали, на что и расчитывали убищцы. А ведь таких **Куцевок** и таких **Цапков** в России ты-*

сячи (eg.ru/daily/crime). *Вся Россия* — это большая станция *Куцевская*, которой правят *Цапков* и *Цеповяз* (livejournal.com). Симбиоз чиновников, правоохранителей и уголовников является настолько типичным явлением, что Федерацию можно было бы называть *Куцевской*. На кого надеется президент Медведев, когда говорит о модернизации? На *цапков* и их подельников в органах власти? (pzrk.ru).

Отметим, что в рассмотренных выше контекстах обнаруживаются и собственно лингвистические показатели перехода имени собственного *Цапков* в имя нарицательное. Об этом говорит, в частности, вариантность в использовании прописных и строчных букв (*цапки* и *Цапки*). Еще один показатель рассматриваемого перехода — это использование форм множественного числа в случаях, когда речь вовсе не идет о членах одной семьи или однофамильцах. Важным показателем нестандартности словоупотребления служит и написание рассматриваемого прецедентного антропонима с использованием кавычек.

Можно предположить, что сначала прецедентная семантика топонима *Куцевская* (*Куцевка*) сформировалась в Краснодарском крае, однако в ноябре 2010 года региональный прецедентный топоним приобрел общероссийскую известность. Эта же закономерность обнаруживается и при изучении истории прецедентного антропонима *Цапки* (*цапки*). Подобные факты предопределяют необходимость дифференциации прецедентных онимов регионального и общероссийского характера.

Еще одну группу прецедентных онимов российского происхождения можно определить как интернационализмы. В данном случае имеются в виду прецедентные имена, которые получили известность не только в России, но и за ее рубежами. Политическая жизнь России в последние десятилетия предопределила широкую известность во всем мире таких прецедентных топонимов, как *Буденновск*, *Беслан*, *Хасавюрт*. Однако настоящему глобальную известность приобрел в конце советской эпохи город *Чернобыль*, в котором произошла страшная катастрофа на атомной электростанции.

Обобщая общие закономерности функционирования прецедентных онимов, можно сделать вывод о том, что высокая скорость исторических изменений, постоянное обновление состава неологизмов и архаизмов, значительное количество окказионализмов и историзмов — характерные черты современной системы русских прецедентных имен собственных [Отин 2003: 56; Нахимова 2010 а: 126]. Одни из них приходят всего на несколько месяцев, другие — остаются на века. Значительная часть таких онимов имеет региональный характер, тогда как другие топонимы и антропонимы становятся известными по всей России и даже за ее рубе-

жами. Но общая закономерность такова, что рассматриваемые метафоры, восходящие к именам собственным, как правило, менее долговечны, чем образы, восходящие к именам нарицательным.

М. Ю. Олешков

M. J. Oleshkov

Нижний Тагил, Россия, oleshkov@rambler.ru

**МАКРОИНТЕНЦИЯ В ДИСКУРСЕ:
ИНТЕГРАЦИЯ СМЫСЛОВ
MACROINTENTION IN DISCOURSE:
SENSE INTEGRATION**

Аннотация. В статье анализируется интегрированный дискурс на уровне макроинтенции и микроинтенций говорящего. Автор на примере показывает, как интеграция интенциональных дискурсов порождает иллокутивный результат, отражающий коллективный макросмысл.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the integrated discourse on the level of macro intention and micro intention of a speaker. The author uses the example to show how the integration of intentional discourses creates the illocutionary result, which reflects the collective macro sense.

Ключевые слова: *интегрированный дискурс, макроинтенция, микроинтенция, коллективный макросмысл, иллокутивный результат.*

Keywords: *integrated discourse, macro intention, micro intention, collective macro sense, illocutionary result.*

УДК 811.161.1

Дискурс как процесс интенционально обусловленной реализации устного текста является способом передачи смысла, соответствующего макроинтенции говорящего. При этом содержательная основа итогового («зафиксированного» наблюдателем) текста имеет интегративную природу и представляет собой своеобразный «макросмысл», коррелирующий с макроинтенцией продуцента речи.

Одной из существенных особенностей любого дискурса является так называемая «концептуальная интеграция». Под этим термином следует понимать взаимодействие аспектов (персонажей, предметов, явлений, событий и т. д.) в

© Олешков М. Ю., 2011

процессе линейного (чередa описываемых в тексте событий) или разветвленного (временные сдвиги, воспоминания о прошедших событиях, смена взглядов и т. д.) развертывания дискурса/текста во времени и пространстве. Концептуальная интеграция позволяет выделить для любого дискурса присущее ему (и только ему!) интегрированное ситуативно-речевое пространство.

Принцип интегративности может считаться универсальным, основополагающим, на котором базируется процесс формирования смысла, передаваемого любой языковой единицей в высказывании, что происходит под влиянием семантического, синтаксического и контекстуального факторов, дополняющих друг друга в той или иной степени. Когнитивным основанием формирования смысла при этом выступает концепт, который, являясь единицей нового знания «вообще», репрезентируется и как единица языкового знания (совокупность морфологических категорий) в виде конкретных грамматических смыслов (время, число, наклонение и др.). Исследователями отмечается, что «говоря о восприятии объектов мира, о придании им определенного смысла (концепта), с одной стороны, и об употреблении языковых выражений для обозначения воспринятых нами объектов, с другой, мы говорим как бы о двух уровнях оперирования нашими ментальными репрезентациями» [Алимурадов 2003: 177].

Дискурсивная интеграция смыслов в конкретной речевой ситуации может рассматриваться как интеграция следующих векторов речевоздействующих сил: *аргументирующей* (семантика), *аккумулирующей* (синтактика), *прагматической* (прагматика) и *мотивирующей* (сигматика). В четырехмерном пространстве речи, как правило, используются все четыре возможные речевоздействующие силы, функционирующие с разной степенью значимости в зависимости от структуры дискурса и макроинтенций участников дискурсивного процесса. В итоге, речевая активность продуцента речи обусловлена следующими соотношениями: семантическими (знак — действительность), синтаксическими (знак — знак), прагматическими (знак — человек) и сигматическими (знак — ситуация).

В «текстовом» аспекте дискурс может быть дефинирован как динамическое вербальное интертекстуальное пространство, в котором спонтанно (с определенной долей учета макроинтенций коммуникантов) интегрируется множество текстов. Основанием для объединения таких «рассеянных» в социуме текстов в подобные множества служит не простая тематическая общность, но общность смыслов, выражаемых в них. С этой точки зрения к «дискурсивному» тексту применимо понятие «*интердискурс*», с помощью которого обозначаются сложные конфигурации взаимодействующих дискурсов.

Так, рассматривая проблемы дискурс-анализа, В. Е. Чернявская отмечает, что сегодня наибольшим эвристическим потенциалом обладает

модель текста, опирающаяся на понятие дискурса как коммуникативно-прагматическую стратегию текстообразования, которая манифестирует отношение содержания высказывания и действительности, субъектные позиции и модальности высказывания, структуру хронотопа, формы жанровой организации и композиционного членения текста и др. (См. [Чернявская 2002]).

Действительно, *дискурсивные категории* любого развернутого высказывания связаны с *текстовыми категориями* (тема, мотив, повествовательный план, рассказчик-субъект, персонаж-объект, событие, хронотоп и др.) и *языковыми элементами*, оформляющими эти категории в структуре текста (когезия, когерентность, цельность, модус, дейксис, таксис и др.). Эта связь носит не жестко детерминированный, а *вероятностный* характер. Любой дискурс по сути своей является вероятностным: он реализуется в виде репрезентации нескольких локальных дискурсов на основе соотношения и взаимодействия смыслов, которые коммуниканты предъявляют в процессе вербализации собственных текстов. Такая «нестабильность» во многом обеспечивает интеграцию дискурсивного «макросмысла» и является источником смысловой динамики речевого общения в целом.

Например, при осуществлении директивного коммуникативного акта адресант облекает свою директивную интенцию в определенную вербальную форму с тем, чтобы убедить собеседника в необходимости или желательности совершения какого-либо действия и таким образом инициировать это действие. При этом, несмотря на кажущуюся «векторность», однонаправленность этого типа высказываний от говорящего к адресату и несомненный приоритет продуцента речи в директивном иллокутивном акте, в своей основе побудительные высказывания релевантны высказываниям любого другого типа и могут реализовываться в виде текстов только в составе двустороннего акта коммуникации при активном взаимодействии его участников. Именно текст, обеспечивающий (или блокирующий) успех коммуникации является центральным звеном содержания дискурса.

Рассмотрим проблемы порождения «коллективного» смысла на примере институционального (дидактического) дискурса.

Институциональный дискурс может рассматриваться как некое когнитивное пространство, в котором формируются релевантные смысловые позиции, обладающие значимостью для определенного профессионального (социального) сообщества. Этот коллективный смысл «интердискурсивно» формируется за счет интеграции смыслов множества высказываний/текстов, порождаемых коммуникантами.

Такие дискурсы, несмотря на множество их конфигураций, связаны в «итоговом» тексте инклюзивными отношениями, создающими единство и

целостность речевой и смысловой структуры, подчиненной некой коммуникативно-прагматической стратегии коммуникантов (говорящих).

Фрагмент школьного урока:

Учитель: Ну и как у нас, ребята, кто лучше всех отвечал?

Дети: («галдят») Никто!

Учитель: Никто. Разобрали? Правильно! Но ответить на вопросы не смогли. На какую оценку поработали? На «3», да? Сами себе поставили оценку. Все, тишина. Тише!

Ученик: Данилу — «5».

Учитель: Цель-то ведь не в том, поставить ему хорошую и получить друга, второго... — купить себе этой оценкой. А цель — услышать, правильно ли он ответил, или он ничего не знает. Даня, ты согласен с оценкой? Не согласен? Почему? А сколько бы ты себе поставил?

Данил: Не знаю.

Учитель: Не знаешь? Жалко стало себя, да? Так, тише! А теперь... Кто еще меня не слышит? Женя! Максим! Третий ряд! Максим, сегодня ты работаешь хорошо, но за поведение я тебе снижу оценку и все. До «3». Так. У тебя своя партка, свое место, и глаза устремлены только к доске. Все! Разберемся на перемене!

(Другому ученику) Развернись! (Ученик просит разрешения выйти) Что у вас случилось такое? Перемена была 15 минут! Ну, иди!

Представленный фрагмент урока демонстрирует попытку учителя как говорящего реализовать макроинтенцию «рефлексия» с целью осуществить анализ предыдущей деятельности и непосредственно перейти к изучению нового учебного материала. В итоге, первоначальный смысл вербальной активности говорящего (оценка учебной деятельности школьников с переходом к следующему этапу урока) трансформируется: учитель вынужден перейти к стратегиям назидания и угрозы. Поэтому, наряду с оценочными констативами («...сегодня ты работаешь хорошо»), учитель вынужден использовать коммуникативные акты (преимущественно побудительные конструкции) в рамках тактик «подчинение» и «контроль над инициативой и деятельностью»: регулятивы («Так. У тебя своя партка...») и директивы («Тише!», «Развернись!»). В результате анализа речевого фрагмента появляется возможность оценить уровень смысловой интеграции итогового текста в контексте используемых говорящим речевых стратегий и тактик (подробнее см. [Олешков 2006]).

Итак, «смыслы» текста во многом определяются спецификой дискурса. Формальная и смысловая завершенность любого «дискурсивного» текста, во многом эксплицируемая полидискурсивностью «вероятных» текстов которые, как уже отмечалось, интердискурсивны по своей сути, в итоге, проявляет себя на уровне реализации коммуникативного намерения, воп-

лощенного в «иллокутивном» результате. При этом информация, транслируемая в тексте/дискурсе на уровне «макроинтенциональных» смыслов, может рассматриваться как концептуальная структура, объединяющая знание фактов (объектов) и знание принципов их объединения. Таким образом, новые смыслы, формирующиеся и интегрируемые в сознании человека на ментальном уровне, основываются на концептуальных характеристиках «обобщенных» форматов знания, выполняющих специфическую роль в организации и оперативном использовании знаний о мире, о языке как части мира, о способах их обработки и интерпретации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- АЛИМУРАДОВ О. А. Смысл. Концепт. Интенциональность: Монография. — Пятигорск: Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2003. — 312 с.
- ОЛЕШКОВ М. Ю. Моделирование коммуникативного процесса: Монография. — Нижний Тагил: НТГСПА, 2006. — 336 с.
- ЧЕРНЯВСКАЯ В. Е. От анализа текста к анализу дискурса // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сб. науч. ст. — Рязань, 2002. С. 230—232.

Е. А. Пименов

E. A. Pimenov

Кемерово, Россия, EAPimenov@rambler.ru

ТИПОЛОГИЯ КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ: МЕТАЯЗЫК ОПИСАНИЯ THE TYPOLOGY OF COGNITIVE MODELS: METALANGUAGE OF DESCRIBING

Аннотация. В статье поднимается вопрос концептов, их классификации и принципов. Анализируются когнитивные модели
Abstract. The article deals with the question of concepts, their classification and principles. It is analyzed cognitive models.

Ключевые слова: метаязык; когнитивная лингвистика; концепт; когнитивные модели

Keywords: metalanguage; cognitive linguistic; concept; cognitive models

УДК 811.161.1+81'004.435

Содержание настоящей работы обусловлено стремлением осмыслить некоторые положения современной когнитивной лингвистики и, в част-

© Пименов Е. А., 2011

ности, современной концептологии, которая является на сегодня наиболее привлекательной областью исследований для многих лингвистов. Это осмысление не является критическим, но предполагает выявление путей, на которых концептуальные исследования (шире — когнитивная лингвистика) могут найти свое дальнейшее развитие.

На сегодня имеется значительное количество подробных исследований отдельных концептов (и результаты этих исследований, безусловно, представляют новую и интересную информацию). Не подлежит сомнению, что в недалеком будущем на этой основе (и это понятная цель) появятся достаточно полные словари концептов (в дополнение к уже имеющимся) на материале разных языков. Ясно, что результаты концептуальных исследований будут широко применяться в преподавании языков (прежде всего, в области транспозиции так называемых образных признаков (и других релевантных признаков) концептов (на основе изучения и описания сочетаемостных (синтагматических) потенций слов-репрезентантов определенного концепта).

Не секрет, что терминологический аппарат (метаязык) любой науки обновляется с периодичностью около 10—15 лет. Не является исключением также когнитивная лингвистика и (относительно молодая) концептология, которые «укладываются» в указанные сроки. Представляется, что они достаточно «созрели» для этого.

Понимание *концепта* как некоторой постулированной *ментальной (когнитивной, мыслительной) единицы* (то есть как объекта исследования), которая может иметь языковое воплощение (относительно часто в виде имени существительного), неизбежно влечет за собой признание того, что эта *единица* как онтологическая сущность существует не сама по себе, а в составе (и структуре) более сложных ментальных (когнитивных) образований (когнитивные структуры), которые, как представляется в данном случае, целесообразно описывать и называть *когнитивными моделями* (подчеркивая познавательную сущность таких постулируемых конструкторов). Следует отметить, что базовые (фундаментальные) понятия (термины) ни в одной науке не могут быть определены с исчерпывающей полнотой (ср.: электричество, атом, слово, концепт, когнитивная модель).

Весь интерес лингвистов сосредоточен на классификации и выделении *типов концептов* (политические [Пименова 2010], эмотивные и т.п.), на классификации и выделении *видов концептуальных* (онтологически семантических) *признаков* (которые, очевидно, сами являются концептами), инвентарь которых давно уже устоялся (антропоморфные, вегетативные, пространственные, темпоральные, орнитологические и т.п.). Справедливости ради надо отметить, что на этом фоне некоторую «отдушину» для благодарных читателей представляют работы, написанные отечественны-

ми авторитетными (и одаренными) авторами в относительно «вольном» терминологическом стиле, богатым русским языком.

Представляется, что сегодня для исследователей не столь уж важно, какими языковыми средствами актуализируется тот или иной концепт и его концептуальные (семантические) признаки, поскольку, как правило, языковые средства актуализации (репрезентации) конкретного концепта *системно* не описываются (да и соответствующие термины в привязке к теории концептов (к концептологии) — шире — к когнитивной лингвистике — отсутствуют или же не являются общепринятыми).

Но здесь мы уже говорим о *метаязыке* анализа и описания концептов и их языковых репрезентаций (объективаций, актуализаций и т.п.), то есть, собственно о теоретической и методологической базе для исследования концептов. Как известно, различаются семасиологический и ономасиологический подходы к анализу языковых фактов.

Семасиологический подход практикуется издавна в лексикологии и выражается в нахождении смыслов (значений) семантики конкретных языковых форм, в частности, отдельных слов (подход: *от формы — к содержанию*). *Ономасиологический подход* — от смысла (значения) семантики — к конкретным языковым формам (подход: от содержания — к форме). В реальности оба этих подхода, как правило, совмещаются.

При *концептуальном анализе*, как представляется, при поиске, анализе и описании «концептуальных признаков» вначале используется семасиологический анализ (например, выяснение семантики адъективной (признаковой, атрибутивной) части словосочетания, то есть конкретного слова (прилагательного, причастия). Далее должен был бы использоваться ономасиологический подход (*от содержания — к форме*).

Более раннее проявление методологии распространенных ныне концептуальных исследований усматривается в работе братьев Я. и В. Гримм (популярный словарь немецкого языка: *Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm*), которые, как представляется, и являются одними из предшественников и основоположников современной концептологии и ее подходов к конкретному языковому материалу (концептуальные метафоры и, в конечном счете, концептуальный анализ, выявляющий, в частности, концептуальные (семантические) признаки. Именно в этой работе братьев Гримм впервые зафиксированы такие подразделы словарных статей, как, например: душа как бабочка, душа как дом, душа как дух, душа как вместилище (контейнер) и т.п. То есть — в современном понимании — *концептуальные метафоры* как таковые.

С другой стороны, истоки отечественной и зарубежной когнитивной лингвистики усматриваются также в положениях лингвистической фи-

лософии, глоссематики и лингвистической типологии. *Типологическому анализу* обычно подвергаются некие смысловые (семантические) сущности, которые имеют этноспецифические (грамматические и лексические) параллели (в широком смысле слова) в разных (многих) языках. То есть речь идет об *ономасиологическом подходе* (совмещенном, естественно, с семасиологическим подходом, который является как бы первичным при анализе и описании).

Следует поставить как проблему описание и систематизацию *совокупности этих языковых средств* актуализации концепта и его признаков (хотя бы на примере конкретного концепта) в рамках *ономасиологического* подхода (сочетаемого с традиционным семасиологическим подходом как первичным, базовым уровнем анализа и описания). Другими словами, речь идет об анализе, описании и систематизации *номинантных репрезентантов* конкретного концепта.

Определим терминологический аппарат описания и анализа концепта X в рамках ономасиологического подхода (пригодный и приспособленный для анализа и описания других концептов, в том числе параллельных концептов в разных языках) и его языковых средств актуализаций, а также языковых средств актуализаций признаков концепта (то есть *номинантные репрезентанты*), а именно, аксиомы, постулаты и граничные характеристики собственно *метаязыка* в рамках когнитивной лингвистики (концептологии).

Почему в рамках когнитивной лингвистики? Потому что сам термин «концепт» (ср. определение выше) изначально вписан в постулируемый метаязык и отражает когнитивный подход к языку (абстрагируясь от частностей многочисленных определений термина «концепт», раскрывающих его сущность с той или иной стороны). Другими словами, речь идет о выявлении, анализе и описании неких постулируемых *ментальных единиц и структур*, которые могут иметь свои *номинантные репрезентанты* в конкретном языке (языках).

Сформулируем некоторые предварительные постулаты, необходимые для граничных характеристик создаваемого *метаязыка*.

Первое, как представляется, – это признание того, что ядром постулируемого метаязыка выступает именно *когнитивная модель* (служащая базовой единицей для исчисления типологии когнитивных моделей, см. ниже), в состав которой входит *обозначение концепта* (здесь: X) как априорно семантической сущности, а также *обозначение* (в обобщенной форме) некоторого *признака* (признаков), приписываемого (принадлежащих или приписываемых) собственно концепту как ментальной единице. Существенно, что традиционное описание концепта и его (концептуаль-

ных) признаков происходит на основе так называемого (многоаспектного) концептуального анализа *номинантных репрезентантов концепта* (и его синтагматического окружения) в *семантических* (смысловых, содержательных) *терминах*. Следует отметить, что традиционный концептуальный анализ затрагивает *синтагматическую сочетаемость* номинантных репрезентантов концепта, при котором затруднительным и проблемным представляется отграничение так называемых (относительно) «свободных» и (относительно) «связанных» словосочетаний. Однако в каждом конкретном языке существуют свои собственные *ограничения на сочетаемость слов*, которые являются этноспецифичными.

Второе: Если мы говорим о некоторой сущности (здесь – о концепте), которой свойственны (и приписываются нами) некоторые признаки, то тогда следует признать *логическую основу* постулируемой когнитивной модели (читается примерно так: существует некоторый X (= аргумент), которому присущ признак Y (= предикат, предикатная часть суждения)), то есть характеристики и свойства *логического суждения* (*аргумент* (аргументы) + *предикат*).

Третье: независимо от того, какими языковыми средствами репрезентируется сам концепт (а это могут быть разнообразные средства: слово (обычно – имя существительное и его синонимы), словосочетание, относительно свободное или связанное (ср.: дед Мороз, баба Яга), фразеологизм, идиоматическое выражение, пароним и т.п.), в когнитивной модели обозначение концепта (здесь: X) выполняет логическую функцию *аргумента* (то есть – переменной; с учетом (возможно многочисленных) синонимических языковых средств актуализации конкретного концепта), соответствующего в *референтном* смысле участнику/участникам (в широком смысле слова) *ситуации*, которую в *обобщенной форме* описывает *предикат* (предикатная часть) когнитивной модели (так как концепт, как онтологическая сущность, не существует сам в себе и для себя).

Четвертое: когнитивная модель представляет собой *перифразу более общего характера*, чем конкретное языковое выражение, в состав которого входит слово, репрезентирующее концепт (или более сложное образование) и слова, связанные с ним синтагматической сочетаемостью, то есть вся совокупность языковых средств, обозначенная выше как *номинантный репрезентант концепта*.

Перифраза может быть на русском языке или на языке, в котором репрезентируется данный концепт (оба варианта имеют свои плюсы и минусы), в состав этой перифразы (= когнитивной модели) входит аргумент (аргументы) и предикатная часть. Ср. определение «формулы толкования» (= прототип когнитивной модели), которая передает значения пропозиции,

то есть глагола-сказуемого с его аргументами (переменными) в обобщенной форме и выводится на основе анализа лексикографических толкований конкретных глаголов (см.: [Пименов 1995: 34—37]).

Пятое: в идеале когнитивная модель должна учитывать достаточно *отвлеченные грамматические признаки*, то есть семантико-морфологические и семантико-синтаксические характеристики набора конкретных языковых репрезентаций определенного концепта и его признаков, отраженных в предикатной части когнитивной модели (актуализируемые словами, синтагматически связанными с репрезентантом концепта). Таким образом, классы концептуальных моделей определяются одновременно в *семантических и синтаксических* (или морфологических) терминах.

Шестое: по признаку единственное/множественное число имени — репрезентанта концепта различается два семантико-морфологических класса: *индивидуализация* и *генерализация*. Это представляется необходимым, поскольку относительно большое количество имен существительных отвлеченного, абстрактного характера (ср. концептосферу внутреннего мира) почему-то *не может иметь формы множественного числа* (ср. в русском: любовь, ненависть, тоска, растерянность, зависть, гнев, безумие, а также месть, ревность, рок, старость, молодость и т.п. и их немецкие эквиваленты). Соответственно, учет возможности существования формы множественного числа имени-репрезентанта концепта имеет лингвистическую значимость и должен быть отражен в структурах постулируемых когнитивных моделей.

Седьмое: Существует минимум 19 семантико-синтаксических классов когнитивных моделей, различающихся по семантико-синтаксическим признакам (по типу предикатной части когнитивной модели). Когнитивные модели устанавливаются *на основе анализа номинантных репрезентантов концепта* (см. выше), то есть конкретного языкового материала. Аналогичное касается и семантико-морфологических классов когнитивных моделей.

С учетом семантико-морфологических признаков (индивидуализация/генерализация) количество когнитивных моделей удваивается и составляет 38 логически возможных типов, то есть речь идет о построении типологии когнитивных моделей, адаптированной к исследованиям именно концептов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ПИМЕНОВ, Е.А. Типология транзитивированных глаголов [Текст] / Е.А. Пименов. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. — 284 с.
- ПИМЕНОВА, М.В. Концептуальная система политики / М. В. Пименова // Политика в зеркале языка и культуры: сборник научных статей, посвященных 60-летию юбилею проф. А.П. Чудинова [Текст]; отв. ред. М. В. Пименова. — Москва: ИЯ РАН, 2010. — 573 с. — С. 86—100. (Серия «Филологический сборник». Вып. 10).

Н. Б. Подвигина

N. B. Podvigina

Воронеж, Россия, ya_witch@mail.ru

**КОНЦЕПТ «ПЕТРОВ ПОСТ»: НАЦИОНАЛЬНОЕ
И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА
ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»)
CONCEPT «PETROV'S FAST» NATIONAL AND
INDIVIDUAL (ON THE MATERIAL OF ANALYSIS OF WORK
«THE SUMMER OF THE LORD»)**

Аннотация. Данная статья посвящена анализу концепта Петров пост. Рассматриваются понятия национального и индивидуального в произведении.

Abstract. This article is devoted to the analysis of concept Petrov's fast. The concepts of national and individual are considered in the work.

Ключевые слова: *концепт; Петров пост; когнитивные признаки.*

Keywords: *concept, Pete's fast; cognitive signs.*

УДК 811.161.1

Петров пост — один из четырех многодневных постов православной церкви. Начинается спустя неделю после праздника Святой Троицы и завершается 12 июля, в День святых апостолов Петра и Павла, благодаря чему и называется «Петровым», или «Апостольским». Как и Великий пост, Петров пост напрямую зависит от Пасхи: он может длиться от полутора до шести недель.

Установлен этот пост в честь и подражание апостолам, которые постом приготавливали себя к подвигу проповеди. Апостолы — это ближайшие ученики Иисуса Христа, которых Он во время своей земной жизни посылал на проповеди; после сошествия на них Святого Духа они проповедовали по всем странам христианскую веру.

Апостолы Петр и Павел называются Первоверховными, так как они больше всех потрудились в проповеди Христовой веры. Русский народ любит и почитает сильного и пламенного духом апостола Петра, который занял подобающее место в сердцах русских православных людей, поэтому они назвали данный пост «Петровками».

Петров пост является нестрогим: из рациона исключается пища животного происхождения, но остается рыба и растительное масло. Согласно Уставу, рыбу позволено вкушать каждые субботу и воскресенье, а также в те праздники, накануне которых совершается Всенощное бдение. Рыба разрешается и в дни праздников, которым положена служба с Великим сла-

© Подвигина Н. Б., 2011

вословием — если, конечно, они выпадают на понедельник, вторник и четверг. Если же такие празднования приходятся на среду или пятницу, рыба не допускается, но позволена горячая пища с растительным маслом.

Рассмотрим когнитивные признаки концепта **Петров пост**, актуализируемого лексемой **Петровка** в произведении И. С. Шмелева.

*«На Вознесенье пекли у нас лесенки из теста — «Христовы лесенки» — и ели их осторожно, перекрестясь. Кто лесенку ломает — в рай и не вознесется, — грехи тяжелые. Бывало, несешь лесенку со страхом, ссунешь на край стола и кусаешь ступеньку за ступенькой. Горкин всегда уж спросит, не сломал ли я лесенку, а то поговей **Петровками**»* [Шмелев 2003: 88]; актуализируется когнитивный признак «прощение грехов за несоблюдение религиозных правил».

*«**Петровка** — пост легкий, летний. Горкин называет — «апостольский», «Петро-Павлов». Потому и постимся, из уважения»* [Шмелев 2003: 164]; актуализируется когнитивный признак «соблюдение ограничений из уважения к святым».

*«**Петровками** у нас не строго. И пора летняя, и не говеем. Горкин только да Марьюшка соблюдают строго, даже селедочки не едят. А Домна Панферовна, банная сторожиха, та и **Петровками** говееет, к заутреням и вечерам ходит. Горкин тоже говел бы, да летнее время, делов много — подряды, стройки ... — ну, Рождественским постом отговеет да Великим постом два раза обязательно»* [Шмелев 2003: 164—165]; актуализируется когнитивный признак «менее строгие ограничения, нежели во время других постов».

*«Я бегу к Марьюшке. Она говорит: «Будя с тебя, Панкратыч хлеба краюху взял, и луку зеленого, и кваску ... какие тебе еще разносолы. **Петровка** нонче!»* [Шмелев 2003: 166]; актуализируется когнитивный признак «соблюдение ограничений в еде».

*«И вдруг я помру без покаяния?! Ну, поговею, поживу еще, хоть до **Петровок**, все-таки чего-нибудь нагрешу, грех-то за человеком ходит ... и вдруг мало окажется добрых дел ...!»* [Шмелев 2003: 263]; актуализируется когнитивный признак «точка отсчета времени».

Итак, в русской национальной концептосфере по материалам словарей выделяются следующие когнитивные признаки концепта **Петров пост**: «воздержание от определенных видов пищи и некоторые другие ограничения по предписанию Церкви»; «период, в который, по предписанию церкви, запрещается употребление скоромной пищи и действуют некоторые другие ограничения».

В анализируемом произведении концепт **Петров пост** актуализирует следующие когнитивные признаки: «прощение грехов за несоблюдение религиозных правил», «соблюдение ограничений из уважения к святым», «менее строгие ограничения, нежели во время других постов», «соблюдение ограничений в еде», «точка отсчета времени».

Индивидуально-авторскими когнитивными признаками концепта Петров пост в языковой картине мира И. С. Шмелева являются следующие когнитивные признаки: «прощение грехов за несоблюдение религиозных правил», «соблюдение ограничений из уважения к святым», «менее строгие ограничения, нежели во время других постов», «точка отсчета времени».

Данные когнитивные признаки представлены лексемой Петровки. Производные от лексемы *Петровки* для объективации когнитивных признаков анализируемого концепта автором не используются.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

МАЛЫЙ православный толковый словарь / Н. С. Мовлева. — М.: Рус. яз. — Медиа, 2005. — 527 с.

ШМЕЛЕВ И. С. Лето Господне. Человек из ресторана / И. С. Шмелев. — М.: Дрофа, 2003. — 540 с.

Н. В. Попова

N. V. Popova

Мичуринск, Россия, natpopova25@mail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ДИАДЫ ПОНЯТИЙ ВНУТРЕННЕГО БЕЗОБРАЗИЯ И ВНЕШНЕЙ КРАСОТЫ В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ИДИОМАХ

THE VERBALIZATION OF A DYAD OF CONCEPTS OF INNER UGLINESS AND OUTER BEAUTY IN GERMAN AND RUSSIAN IDIOMS

Аннотация. В статье рассматривается существование понятий внутреннего безобразия и внешней красоты в немецких и русских идиомах. Сопоставляются фразеологические синонимы данных идиом в немецком и русском языках.

Abstract. It is considered the existence of concepts of inner ugliness and outer beauty in German and Russian languages. It is compared the phraseological synonyms of these idioms in German and Russian languages.

Ключевые слова: понятия красоты и безобразия, немецкие и русские идиомы.

Keywords: concepts of beauty and ugliness, German and Russian idioms

УДК 81.276

Актуальность данного исследования определяется необходимостью изучения и описания диалектической действительности бинарной оп-

© Попова Н. В., 2011

позиции понятий красоты и безобразия во фразеологических картинах мира немецкого и русского языков, так как оно осуществляется в новом для современной сопоставительной лингвистики направлении — философии языка.

Рассмотрим имплицитное выражение диалектики существования понятий внутреннего безобразия и внешней красоты в немецких и русских идиомах. В процессе словарной выборки нами были найдены идиомы, сформированные нами в следующие тематические группы: I. «Недостатки ↔ оптимизм»; II. «Лицемерие ↔ красота внешности». Сопоставим найденные нами идиомы «Etwas in rosarotem Licht sehen» и «Видеть что-либо в розовом свете». Выделим ключевые слова: «rosarot» и «розовый».

Лексема «розовый» появилась в русском языке от немецкого существительного «die Rose» [Фасмер Т. 3, 2007: 494]. Слова «rosarot» и «розовый» в обоих сопоставляемых языках обозначают ‘бледно-красный цвет’, а в переносном значении — ‘представляемый в приятном виде’ [Duden 2007: 1407; Ожегов 2005: 672]. Следовательно, благодаря родственным этимологическим отношениям и общему лексическому значению ключевых лексем, мы можем считать данные идиомы эквивалентными.

Отсюда диалектика взаимовлияния понятий красоты и безобразия выражается одинаково: внутреннее безобразие — имплицитно в виде игнорирования недостатков и отрицательных сторон проявления человеческой личности и внешняя красота — эксплицитно за счет лексем «rosarot» и «розовый» как оптимистическое восприятие внешней стороны предмета.

В обоих сопоставляемых языках существуют фразеологические синонимы данных идиом в виде следующей пары: «Etwas durch die rosarote Brille sehen» — «Смотреть сквозь розовые очки».

Далее сопоставим тематическую группу «Лицемерие ↔ красота внешности», в которую мы включили немецкие идиомы «Ein falscher Fuffziger», «Eine falsche Katze», «Ein falscher Hund» и русскую «Двуличный (фальшивый) человек».

В обоих сопоставляемых идиомах мы выделяем ключевые слова в нем. — «falsch», в рус. — «фальшивый». Сопоставим их. Данные лексемы между собой связаны этимологически. Они восходят к латинскому — «falsus» — ‘фальшивый, ошибочный’ и через древнефранцузский — «fals» («falsch» — нем.), через польский — «falsz» («фальшивый» — рус.) — к средневерхнемецкому «valsch» [Duden 2007: 549; Фасмер Т. 4, 2007: 184].

Среди множества значений лексем «falsch» и «фальшивый» имеется и такая семантика, как ‘скрывать свои настоящие планы под видом притворных, ханжеских действий человека’ [Duden 2007: 549; Ожегов 2005: 830], отображая тем самым внутреннее безобразие человеческой сущности.

Хотелось бы ответить на вопрос, почему с немецкой лексемой «falsch» употребляются именно слова «der Fuffziger», «die Katze», «der Hund»?

Немецкое «der Fuffziger» (провинциальный диалект) восходит к «Fünffziger» — ‘монета в пятьдесят пфеннингов’ [Duden 2007: 620], которая привлекает внимание своим блеском. Употребление слов «die Katze» и «der Hund», возможно, связано с поведением этих животных, которые могут ластиться к человеку, и с их внешним видом, а именно: мягкой, пушистой шерстью, что указывает на внешнюю красоту.

Употребление слов «der Fuffziger», «die Katze», «der Hund» в выше-названных идиомах является специфичным для немецкого языка. Они отображают внешне проявление красоты.

В русской идиоме «Двуличный или (фальшивый) человек» специфичным признаком является употребление нейтрального слова «человек».

Таким образом, в немецких идиомах диалектика существования понятий красоты и безобразия отражается более явно за счет слов «der Fuffziger», «die Katze», «der Hund», чем в русской. Однако понятие внутреннего безобразия выражается одинаково за счет слов «falsch» и «фальшивый» как неискренние действия человека, а внешняя красота — как проявление внимания к блеску («der Fuffziger») и мягкой шерсти («die Katze», «der Hund»).

Итак, диалектические отношения понятий внутреннего безобразия и внешней красоты на примере данных идиом и паремий могут выражаться на имплицитном уровне схожим образом за счет общих моментов в этимологии и современной семантике и со спецификой.

Общим в имплицитном выражении внутреннего безобразия является семантика ‘игнорирование отрицательных сторон личности человека и лицемерные действия’ («falsch» и «фальшивый») и внешней красоты как оптимистическое восприятие внешней стороны предмета («rosarot» и «розовый»).

Специфичными признаками в имплицитном выражении понятия внешней красоты за счет привлекательного вида является употребление слов «der Fuffziger», «die Katze», «der Hund» в немецком языке и слова «человек» в русском языке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ФАСМЕР М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М.: Астрель: АСТ, 2007. — 4-е изд., стер.
- ОЖЕГОВ С. И. Словарь русского языка: Ок. 53000 слов / Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. — М.: Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2005. — 896 с.
- DUDEN C. Deutsches Universalwörterbuch. 6., überarbeitete und erweiterte Auflage. Herausgegeben von der Dudenredaktion. Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich: Dudenverlag, 2007. — 3427 s.

Л. М. Салатова

L. M. Salatova

Челябинск, Россия, salat_78@is74.ru

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС СКВОЗЬ ПРИЗМУ
МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ**
**THE ECONOMIC CRISIS THROUGH THE PRISM
OF METAPHORIC MODELS**

Аннотация. В статье рассматриваются модели метафор и актуализируемые ими когнитивные признаки мирового кризиса
Abstract. The article describes models of metaphors and actualized cognitive signs of world crises

Ключевые слова: модели метафор; мировой экономической кризис
Keywords: models of metaphors; world economic crises

УДК 811.161.1+81'373.161.2

Восприятие кризиса носителями языка представляется актуальной проблемой, так как занимает огромную долю коммуникативного пространства и предоставляет возможность наблюдать за тем, как современное общество осваивает происходящие в мире события. Тема кризиса затрагивает огромное число людей и поэтому существует множество вариантов его восприятия. Для конкретного человека кризис предстает в индивидуальном облике и видится через особую призму. С древних времен человек моделирует, ассоциирует окружающий его мир исключительно по своему образу и подобию, наделяет различные объекты и явления наиболее близкими и понятными ему свойствами и характеристиками [Чудинов, 2003: 248]. Поэтому антропоцентризм является ключевой парадигмой современной лингвистики. Центром лингвистического когнитивного исследования является «внутренняя и внешняя жизнь человека, ценности материальной и духовной культуры, отношения между людьми и отношение к себе» [Пименова, 2003: 5]. Рассматривая модели метафор (и актуализируемые ими когнитивные признаки мирового кризиса), отраженные в работах А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова, мы видим, что наиболее актуальными являются модели:

1. **Дорога** и следующие метафоры этой когнитивной сферы: «распутье», «тупик», «ухабы», «пробуксовывание», «глухой угол», «пропасть».
2. **Болезнь и смерть.** Эти модели очень близки по лежащему в их основе концептуальному сближению. Словарь содержит такие метафоры: «паралич», «дистрофия», «столбняк», «дряхление»; «смерть», «разложение», «гниение».

© Салатова Л. М., 2011

3. **Плохая погода, природные катаклизмы** (метафоры «ветреная политическая погода», «буря», «гроза», «заморозок», «туман», «штормит», «пасмурно»). Представленные примеры неоднородны, однако имеют общий семантический компонент, позволяющий им метафорически репрезентировать понятие «экономический кризис».

Обозначенные метафорические модели объединяет то, что лежащие в их основе семантические признаки являются помехой человеческой деятельности, а иногда и самой жизни. Обращаясь к образу современного экономического кризиса, создаваемого российскими СМИ, мы видим, что, антропоморфная метафора представляет экономический кризис в виде человеческого организма, который зарождается, развивается, дышит, питается и умирает. Рассматриваемая метафорическая модель «Кризис — это человеческий организм» является доминантной, актуализированной в данном дискурсе. Базой для данного исследования послужили 900 словоупотреблений из примерно 500 текстов, опубликованных в российских СМИ за период 2008—2010 гг. Для исследования были выбраны 100 МЕ (метафорические единицы) (1,1% в российском медиа-дискурсе) и выделены следующие фреймы: «Части тела», «Физиологические процессы организма», «Физические действия организма». Проведем детальный анализ метафорической модели.

1. Фрейм «Части тела»

Причины экономического кризиса, его последствия метафорически изображаются в виде различных частей тела. Они могут быть внешне обычные, уродливые или даже пугающие. Данный фрейм занимает 3 место по продуктивности МЕ в данной модели. (27 МЕ / 5,4% в российском медиа-дискурсе). Структуру анализируемого фрейма составляют следующие слоты: «Лицо», «Рот», «Ноги и руки».

Слот 1.1 Лицо

Фигурально лицо кризиса имеет обычные, но чаще уродливые черты. Высказывание данного слота обладает коннотацией с отрицательным вектором: «*Экономисты растерялись перед лицом кризиса...*» [Комсомольская правда, 05.02.2009]. «...*перед лицом явной и серьезной опасности — экономического кризиса...*» [Независимая газета, 25.03.09]. «*Гримасы кризиса: гигантские скидки разоряют москвичей*» [Комсомольская правда, 16.07.09]. В представленных примерах наблюдается явление олицетворения, вызывающее яркие ассоциации в сознании читателя. В последнем примере автор использует явление дисфемизма, вызывая негативные реакции адресата.

Слот 1.2 Рот

Ведущая функция метафор, составляющих данный слот — вызвать яркую негативную ассоциацию у читателя: «*В то время как во всем мире экономика под зубами кризиса трещит по швам, в Китае она растет.*» [АиФ, 10.03.09].

Автор метафорически репрезентирует экономику в виде некоего предмета одежды или ткани, над которым производится физическое воздействие, заставляющее его трещать. В анализируемом примере также наблюдается явление персонификации, где кризис представлен в роли живого агрессивного существа.

Слот 1.3 Ноги и руки

«Когда он придет, встанет здесь на пороге, растопырит свои страшные ноги и руки, то разрушатся все иллюзии, замолкнут сладкозвучные речи.» [Завтра, 24.03.2010]. Метафорический образ кризиса представлен в виде человека, несущего в себе угрозу для всех присутствующих.

2. Фрейм «Физиологические процессы организма»

Данный фрейм метафорически представляет экономический кризис в виде существа, живущего по естественным физиологическим законам. Оно рождается, питается, имеет свой специфический запах и умирает. Данный фрейм занимает 2 место по продуктивности МЕ в данной модели. (30 МЕ / 6% в российском медиа-дискурсе). В структуру данного фрейма вошли следующие слоты: «Питание организма», «Рождение и смерть», «Физиологическая работа организма».

Слот 2.1 Питание организма

«Кризис поглотил банкротов» [Коммерсант, 08.04.09]. *«Кризис» съел «половину бизнес-ланчей»* [Комсомольская правда, 10.11.08]. *«Экономический кризис поглощает страну, и надо искать виноватых, а заодно предлагать формулу действия.»* [Независимая газета, 10.10.2008].

Данные метафоры представляют образ существа, способного к поеданию чего угодно и кого угодно, перед лицом которого люди чувствуют свою безысходности и беспомощность.

Слот 2.2 Рождение и смерть

«Глобальный экономический кризис на минувшей неделе сделал новый шаг, там где он зародился, — на американской земле.» [Независимая газета, 09.02.2009]. *«Кризис 2008: обновление или смерть?»* [Независимая газета, 31.03.09]. Подобно живому организму, кризис имеет способность рождаться и умирать.

Слот 2.3 Физиологическая работа организма

«Финансовый кризис в Китае отдаст сталью» [Коммерсант, 02.10.08].

Данная метафора репрезентирует кризис как живой организм, имеющий свой специфический запах, далеко не притягивающий, а скорее наоборот, — имеющий отталкивающий, холодный, неприятный оттенок.

3. Фрейм «Физические действия организма»

Антропоморфные метафоры данного фрейма имеют наибольшую продуктивность в анализируемой модели и занимают в ней 1 место (43 МЕ /

8,6% в российском медиа-дискурсе). В данный фрейм вошли следующие слоты: «Движение руками», «Движения ногами».

Слот 3.1 Движение руками

Действия, последствия экономического кризиса метафорически ассоциируются с движением рук. «*Масло в огонь подливает мировой экономический кризис...*» [Независимая газета, 10.05.2009].

В представленном примере автор апеллирует к хорошо известному фразеологизму «подливать масло в огонь», обладающего прагматическим смыслом — усиливать воздействие и последствия.

«*Кризис своими руками ударил по Мурыгино*» [Коммерсант, 22.07.09]. «*Экономический кризис сломал стремление российских предпринимателей к выводу из тени своего бизнеса.*» [Независимая газета, 07.09.2009]. «... когда экономический кризис обрушил на россиян чертову кучу стрессов.» [Независимая газета, 17.06.2009].

«... А что поделаешь, если экономический кризис всех отбросил назад, а рост Китая лишь затормозил...» [Независимая газета 13.11.2009]. «*Кризис обнажил беспомощность правящей элиты.*» [Комсомольская правда, 20.09.09]. В данных примерах кризис фигурально предстает перед нами человеком с длинными руками, способными бить, ломать, наносить вред, совершающим активные действия: отбрасывать, тормозить, обнажать. «*Кризис берет не числом, а умением...*» [Коммерсант, 02.04.2009]. Метафора строится на основе известного фразеологизма, вызывая знакомые ассоциации у реципиента. Данные концепты: «сломал», «подливает масло в огонь», «ударил», «обрушил», «отбросил», «обнажил» несут в себе векторы агрессивности, негативного воздействия на внешний мир.

Слот 3.2 Движения ногами

Кризис предстает в роли человека, совершающего различные движения ногами. «*Кризис пошел в народ — паника только начинается*» [АиФ, 24.10.08]. «*Мировой финансовый кризис дал завершающий пинок слабющему бизнесу.*» [Комсомольская правда, 24.09.2008]. «... *Кризис обошел стороной отечественную фармацевтическую промышленность*» [Экономическая газета, 20.10.2009]. «*Кризис века гуляет по миру...*» [АиФ, 10.10.2008]. В примерах, составляющих исследуемый слот, наблюдается явление персонификации — кризис метафорически представлен как действующее лицо, полноправный субъект экономической и социальной жизни общества.

Проведенный анализ метафорической модели «Кризис — это человеческий организм» показал, что в текстах российских СМИ, представляющих экономический кризис, начавшийся с осени 2008 г., присутствует антропоморфная метафора, имеющая негативную коннотацию с векторами агрессивности, жестокости, подавляющей силы, направленной про-

тив внешнего мира. Экономический кризис сравнивается с неким живым существом, или объектом, имеющим свой жизненный цикл, способным совершать негативные действия, поступки, чреватые разрушающими последствиями. Обозначенные модели, зафиксированные в словаре А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова, и рассмотренная в данной статье метафорическая модель «Кризис — это человеческий организм», объединяются тем, что лежащие в их основе семантические признаки являются помехой человеческой деятельности, а иногда и самой жизни. Наличие таких компонентов значения позволяет им репрезентировать отрицательное воздействие экономического кризиса на все сферы человеческой жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- БАРАНОВ А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. — М.: Прогресс, 1994. — 351 с.
- ПИМЕНОВА М. В. О типовых структурных признаках концептов внутреннего мира человека (на примере концепта душа) // Язык. Этнос. Картина мира. — Кемерово: Комплекс «Графика», 2003. — С. 28—39.
- ЧУДИНОВ А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): Монография. — Екатеринбург: Уральский гос. пед. институт, 2003. — 2-е изд. — 238 с.

Е. Д. Степанова

E. D. Stepanova

Волгоград, Россия, sstepanov61@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОТЕРИ СОБСТВЕННОСТИ

THE REFLECTION OF NATIONAL SPECIFICITY OF RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN LANGUAGES IN PHRASEOLOGY WITH THE MEANING OF LOSS OF THE PROPERTY

Аннотация. В статье анализируются фразеологизмы в русском, английском и немецком языках со значением потери собственности
Abstract. It is analyzed phraseology in Russian, English and German with the meaning of loss of the property

Ключевые слова: фразеологизмы; потеря собственности; микрогруппа, макрогруппа

Keywords: phraseology; loss of the property; macrogroup; micro-group

УДК 81'27

Фразеологизмы ярко отражают национальную специфику языка того или иного общества, его самобытность. Согласно В. А. Масловой, в своей семантике они отражают длительный процесс, передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы [Маслова 2004: 82].

Рассматривая русскую фразеологию, В. А. Маслова выдвигает следующие гипотезы [Маслова 2004: 82]: в большинстве фразеологизмов есть «следы» национальной культуры, которые должны быть выявлены; культурная информация хранится во внутренней форме фразеологических единиц, которая, являясь образным представлением о мире, придает фразеологизму культурно-национальный колорит; главное при выявлении культурно-национальной специфики — вскрыть культурно-национальную коннотацию.

В данной статье мы проводим сравнительно-сопоставительный анализ фразеологизмов в русском, английском и немецком языках со значением «потеря собственности» в двух аспектах: структурно-семантическом и лингвокультурологическом. Материалом для анализа послужили тексты художественной литературы русских, английских и немецких авторов; использовались фразеологические и толковые словари русского, английского и немецкого языков.

Все исследуемые нами фразеологизмы можно разделить на следующие группы: потеря личной собственности материального характера; потеря собственности, где в роли субъекта выступает сама собственность; потеря личной собственности абстрактного характера. Каждая группа имеет микрогруппы. Мы рассмотрим микрогруппу «потеря собственности в результате неудачных действий субъекта», которая относится к первой группе фразеологизмов.

Микрогруппа «потеря собственности в результате неудачных действий субъекта» в русском языке представлена следующими фразеологизмами: *выпускать из рук; пустить (продать) с молотка; вылетать в трубу; остаться ни с чем: ...чуть было совсем не пустил все заводы с молотка (Мамин-Сибиряк); Павел Иванович как-то особенно не любил выпускать из рук денег (Гоголь).*

Значение потери вследствие продажи субъектом личной собственности, имеющей значительную ценность и размеры, в результате публичного торга, с аукциона выражено в русском языке фразеологическим сращением *пустить с молотка*, которое с функционально-стилистической точки зрения является разговорным, но пассивного запаса, историзмом. Сущест-

вительное *молоток* используется в данном обороте, так как удары молотка возвещают присутствующим, что вещь продана.

Фразеологическое сращение активного запаса, разговорное *вылетать в трубу* носители русского языка употребляют для выражения значения «совсем разориться, остаться без денег ввиду неудачных действий», экспрессивность коннотации достигается посредством использования существительного *труба*. Значение потери денег, не сумев воспользоваться ими, выражено во фразеологизме *выпускать из рук*; результат потери субъектом собственности отражен во фразеологизме *остаться ни с чем*. По грамматическому составу фразеологические единицы в русском языке представлены оборотами, являющимися сочетанием глагола с именем существительным либо местоимением (с предлогом и без него).

В английской лингвокультуре данное значение потери передают следующие фразеологические обороты: ситуация полной потери в результате неудачной деятельности «вылететь в трубу»: *to go to the dogs; fail and suspend; to go to the pot*; «обанкротиться, полностью разориться» — *to be (become) bankrupt; go bankrupt; go smash; to be ruined root and branch*; «продавать с молотка» — *to bring (to send) to a hammer; to sell out*; значение «выпускать из рук деньги» — *to part with money*, а также выражение значения «результат неудачной деятельности»: *to go into the thing head down; to have nothing*; глаголом *to bust*: *There was a perfect plague of banks, ... issuing notes ... and failing and suspending with astonishing rapidity; The country seemed to be going to the dogs; ... the chances are he will bust* (Dreiser); *... I made him bring every penny into settlement — lucky thing, too — they'd ha had nothing by this time* (Galsworthy); *Cowperwood would ought to be punished, sold out; I'm going into the thing head down* (Dreiser). Фразеологическое единство *to go into the thing head down* означает «рушиться, погибать, теряя все», экспрессия коннотации достигается употреблением сочетания существительного *head* + наречие *down* (букв.: «головой вниз»).

В словосочетании *to have nothing* (букв.: «ничего не иметь») выражено значение результата полной потери «остаться безо всего, не получив ожидаемого из-за определенных действий». В примере выше ... *they'd ha had nothing* эмоциональное значение фразеологического выражения усиливается сослагательным наклонением и отрицательным неопределенным местоимением. Фразеологическое выражение *to have nothing* совпадает по значению с русским выражением, отличается лексическим составом.

Носители английского языка результат неудачной деятельности выражают также словосочетанием *to be in a hole* — «сесть в лужу»: *Cowperwood's been using this money of Stener's to pick up stocks, and he's in a hole* (Dreiser). Словосочетание *be in a hole* — «сесть в лужу» означает «ставить себя в нелепое, глупое положение, в итоге остаться ни с чем».

Существительное *hole* (дыра, отверстие) создает яркую образность этого состояния, ассоциируется в народе с местом, из которого трудно выбраться, в русской языковой картине мира данное состояние образно связано с существительным *лужа*.

Значение потери собственности в результате неудачных действий субъекта в немецком языке выражают следующие фразеологические обороты: *Geld aus der Hand geben*; ситуацию продажи с аукциона («с молотка») — *unter den Hammer bringen*; ситуацию полного разорения — *vor die Hunde kommen* («вылететь в трубу»); сложный глагол *sitzenbleiben* имеет значение «прогореть, остаться ни с чем»: *In vier Jahren kann man allerliebste vor die Hunde kommen! Er Sigismund Gosch — werde damit sitzenbleiben... damit sitzenbleiben werde er* (Т. Mann).

Значение результата потери из-за неумелых действий выражен также в разговорных фразеологизмах *Vermoegen verfruestuecken* («проесть состояние», потерять все ввиду каких-либо обстоятельств) и *leer ausgehen* (букв.: «выходить пустым»): *Er hatte sein ganzes Vermoegen verfruestueckt* (Т. Mann). Фразеологизм *leer ausgehen* имеет аналогичное значение с соответствующими фразеологизмами в русском и английском языках, внешняя форма отличается: *остаться ни с чем*, *to have nothing* соответственно, в немецком языке значение отсутствия денег, состояния представлено прилагательным *leer*.

Следующие примеры демонстрируют значение больших потерь собственности в немецком языке: *peinliche Verluste haben*; *hoechst stoerende Einbuessen erleiden*: *Ich weiss, dass dein Vater ziemlich peinliche Verluste gehabt hat. ... Er hat bei mehreren Kunden hoechst stoerende Einbuessen erlitten* (Т. Mann). Словосочетания *peinliche Verluste haben*; *hoechst stoerende Einbuessen erleiden* состоят из знаменательных компонентов: переходные глаголы + существительные, которые имеют определения — прилагательные *peinliche*, *hoechst stoerende*, дающие эксплицитную оценку размера потери собственности.

Проанализировав представленную микрогруппу фразеологизмов, можно заключить, что они являются «межнациональными», так как встречаются во всех трех языках, что говорит о взаимодействии культур данных стран, об аналогичном представлении, стереотипах народов. Однако, полностью тождественных фразеологизмов во всех трех языках нет, существуют частично тождественные. Например, значение потери объекта собственности в результате торга во всех языках связано с предложным существительным *молоток*: в русском языке в сочетании с предлогом *с*, обозначающим начало отдаления предмета, в данном случае его продажи, в английском и немецком языках — с предлогами *to* и *unter* соответственно: *to bring (to send) to a hammer* (букв.: «принести (отправить) к молотку»), *unter den Hammer bringen* (букв.: «принести под молоток»). Фразеологизмы с данным значением синонимичны, в английской и немецкой лингво-

культурах имеют лексическое сходство: отличие только в употреблении предлогов. По грамматическому составу фразеологические единицы имеют одинаковое строение: глагол + существительное с предлогом.

Значение полного разорения «вылететь в трубу» выражено также частично тождественными фразеологизмами: в русской языковой картине мира оно ассоциируется с трубой, из которой, скорее всего, трудно что-либо вернуть; в английском и немецком языках, как близкородственных, наблюдается сходство как внешней, так и внутренней форм фразеологизмов: включен компонент *собака*, который в данном случае связан с отрицательной характеристикой: *to go to the dogs; vor die Hunde kommen*.

Фразеологизмы данной микрогруппы активного использования в речи; тесно связаны с национально-культурными стереотипами людей, их отношением к поступкам других, проявляя сожаление, либо осуждение, либо предупреждением о нежелательном результате.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

МАСЛОВА В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений . — 2-е изд., стереотип. — М.: Издательский центр «Академия», 2004, 208 с. — С. 84.

В. И. Теркулов

V. I. Terkulov

Горловка, Украина, terkulov@rambler.ru

ЛИНГВАЛЬНАЯ КОГНИТОЛОГИЯ LINGUAL COGNITIVE SCIENCE

Аннотация. В статье рассматривается одно из самых популярных направлений в современном языкознании — лингвокогнитология.

Abstract. It is considered one of the popular sector in modern linguistics — lingual cognitive science.

Ключевые слова: лингвокогнитология; лингвальный мир; элемент языковой структуры.

Keywords: lingual cognitive science; lingual world; element of lingual structure.

УДК 81-11

Лингвокогнитология, когнитивная лингвистика стала одним из самых популярных направлений современного языкознания. Н. Н. Болдырев опре-

© Теркулов В. И., 2011

деляет ее как «одно из самых современных и перспективных направлений лингвистических исследований, которое изучает язык в его взаимодействии с различными мыслительными структурами и процессами: вниманием, восприятием, памятью и т. д.» [Болдырев 1998: 3].

Базовой единицей лингвокогнитологии является концепт. Наиболее авторитетная и в то же время наиболее широкая трактовка концепта определяет его как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; это оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1997: 90]. Язык же при этом «осмысливается в наши дни как обусловленное культурой и переживаемое в индивидуальном сознании знание о мире*, проявляющееся в коммуникативной деятельности» [Карасик 2007: 4]. Логика подсказывает, что совмещение двух указанных утверждений должно привести нас к предварительному выводу о том, что концепт является *элементом языковой структуры*. В связи с этим очень важным становится определение статуса концепта в языке и описание его не просто как ментальной единицы, а как языкового конструкта. Концепт, воплощаясь в языке, создает мир языковых сущностей и, вследствие этого, создает мир социума, что, как мне кажется, подтверждается фразой К. К. М. Клакхона: «Человек видит и слышит только то, к чему его делает чувствительным грамматическая система его языка, то, что она приучила его ждать от восприятия... Человек, выросший в той или иной языковой среде, воспринимает последнюю как часть самой природы вещей, всегда остающихся на уровне фоновых явлений» [Клакхон 1998: 190]. Именно поэтому в предлагаемой Вашему вниманию работе концепт рассматривается не столько как достояние психики человека, что, отмечу, абсолютно справедливо и мною ни в коем случае не оспаривается, сколько как языковая инфраструктура, центр семантической и формальной организации языка, определяющий границы и формы существования языковых знаков. Это — одна из функций концепта, правда, на мой взгляд — взгляд, как я уже говорил, традиционно сориентированного лингвиста, — самая важная из всех возможных его функций.

Задача описания концепта как языкового конструкта и сформировала идею описание языка через концепты. Лингвокогнитология, в одном из наиболее перспективных, как мне видится, своих направлений, которое я рекомендую назвать *лингвальной когнитологией* или *когнитивной лингвальной семиотикой*, все же обращается к когнитивному исследованию именно язы-

* В моем представлении лингвальное знание о мире само по себе является миром.

ка, а не того, что находится за его пределами. В этом направлении, представленном работами Е. С. Кубряковой, посвященными проблемам когнитивной трактовки процессов номинации и деривации [Кубрякова 1981; 1986; 2004], М. В. Пименовой, рассматривающей особенности формирования лингвальных когнитивных классов [Пименова 2001; 2004], Н. Н. Болдырева, изучающего проблемы когнитивной семантики [Болдырев 2000], Е. А. Селивановой, описывающей особенности когнитивной ономазиологии, фразеологии и дериватологии [Селиванова 2000; 2004], А. М. Эмировой, рассматривающей когнитивно-коммуникативный аспект фразеологии [Эмирова 2008], и мн. др., объединяется собственно когнитивная лингвистика, исследующая связи между номинативной единицей и вещью, контенсивная лингвистика, изучающая семантические «прототипы» — модальность, залоговость, темпоральность и под., и концептуальная лингвистика, изучающая собственно концепты [Колесов 2005: 16]. При этом важным моментом является включение в систему конструкторов лингвальной когнитологии (когнитивной лингвальной семиотики) *традиционной лингвистики*, которая и становится поставщиком первичных сведений о языковой системе.

Базовый постулат методологии «лингвальной когнитологии» (конечно же, без употребления данного наименования) был выведен Е. С. Кубряковой, которая утверждала, что «каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [Кубрякова 2004—1: 16]. В связи с этим, цель описываемого в пределах предлагаемой серии направления когнитивной лингвистики состоит в том, чтобы «не только поставить в соответствие каждой языковой форме ее когнитивный аналог, ее концептуальную или когнитивную структуры (объясняя тем самым значение или содержание формы через определенную когнитивную структуру, структуру мнения или знания), но и объяснить причины выбора или создания данной «упаковки» для данного содержания» [Кубрякова 2004—1: 16], то есть установить тактики формирования наименования и процессов коагуляции. Данный путь, на мой взгляд, перспективен. Как отмечает Н. Н. Болдырев, исследования языка, построенные на осознании его как когнитивной сущности, «приводят к новому осмыслению и пониманию многих традиционных проблем языкознания, таких как: природа и структура языка, проблема частей речи, соотношение семантики и синтаксиса, значения и смысла, вопросы полисемии и производности значений и многие другие. Все эти проблемы получают адекватное объяснение в рамках теорий когнитивных моделей, концептуализации и категоризации, прототипической и фреймовой семантики, то есть в русле решения основных проблем когнитивной лингвистики» [Болдырев 2001: 30]. Такие изыскания настроены

на изучении языка уже не столько как математической структуры, сколько как мира существования человека. И в этом смысле «рассматриваемый в самом себе и для себя» язык учитывает и нахождение в нем человека как создателя мира лингвальных существований.

Знак представляет собой объективированное сознание (концептосферу) человека, основанное на лингвальном знании (лингвоконцепт), то есть сформированном языком знания о мире, которое, в свою очередь, является миром лингвального бытия человека. Точно так же, как мне кажется, толковал соотношение указанных сущностей и В. В. Колесов, писавший, что «путь от символа в концепт лежит не через знание («всё известно») или познание (номинализм), а через сознание (реализм), ибо это — не объяснение и не переименование, а преобразование в содержательных формах концептуального квадрата» [Колесов 1999]. Напомню, что квантом знания и является, в сущности, концепт. Таким образом, именно символ, знак продуцирует преломленное через сознание концептуальное знание.

Лингвальная природа концептов позволяет предположить, что язык, стремясь обозначить реалии объективного, онтологического мира, организует *свой* мир событий, то есть речь идет о перформативном лингвальном бытии социума и субъекта. Существует три модели взаимопроникновения онтологического и лингвального мира, следовательно, существует три способа организации знаний в концептах. Во-первых, это ситуация, когда лингвальный мир стремится к относительно адекватному описанию онтологического мира, что формирует номинативные концепты — знания о внеположенном мире. Во-вторых, это ситуация, когда лингвальный мир стремится переформатировать онтологический мир по своим законам, прибегая к услугам перформативных тактик, манипулятивных тактик, нейролингвистического программирования. В этом случае формируются перформативные концепты, в которых отражается идея индивида преобразовать мир. В перформативных концептах реализуется не номинативное, стремящееся к адекватности онтологического и реального миров знание о связанном концептом объекте, а желаемое, настроенное только на внушение своей истинности коммуниканту, знание. В-третьих, это ситуация, когда лингвальный мир является единственной реальностью — миром вымысла. В этой ситуации следует говорить о поэтических концептах, существующих только как лингвальное знание о вымышленном мире. Во всех случаях пользователь языка, пытаясь обозначить внеязыковую реальность, онтологический мир, в сущности, создает новую — лингвальную — действительность, которая подчиняется законам субъекта, стереотипам, являющимся отражением заложенных в языке моделей преобразования внеязыкового мира в языковой, преломленных через лингвальную компетенцию номинанта.

При таком подходе концепт становится не столько категорией мышления вообще, сколько категорией лингвального мышления, лингвального мира. Связанность его с именем в большинстве работ когнитологов только констатируется. Важно выяснить, каким образом концепт связан с именем, как он входит в его структуру. Определение параметров существования концепта и основной номинативной единицы языка должно учитывать различие языковой и речевой номинации как статико-динамических комплексов. Номинативная единица представляет собой языковую сущность, ориентированную на означивание референта своими речевыми модификациями, каждая из которых является реальным воплощением данного виртуального номинативного языкового образования. Явление языковой номинации, следовательно, существует одновременно и как формула границ процесса означивания, и как система потенциальных речевых номинативных знаков, а явление речевой номинации — как конкретная ситуация означивания и как используемая при этом конкретная единица — модификация языкового инварианта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- БОЛДЫРЕВ Н. Н. О функционально-семиологическом подходе к анализу языковых единиц / Н. Н. Болдырев // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития. — Тамбов, 1998. — Ч. 1. — С. 3—4.
- БОЛДЫРЕВ Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. — Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. — 123 с.
- БОЛДЫРЕВ Н. Н. Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. — Воронеж, 2001. — С. 25—36.
- КАРАСИК В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. — Волгоград: Парадигма, 2007. — 520 с.
- КЛАКХОН К. К. М. Зеркало для человека: введение в антропологию / Клайд Кей Мейбен Клакхон. — Санкт-Петербург: Евразия, 1998. — 352 с.: обложка с цв. илл.
- КОЛЕСОВ В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов // Русистика и современность. — Т. 1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. — СПб., 2005. — С. 12—16.
- КОЛЕСОВ В. В. Реализм и номинализм: определения и классификации / В. В. Колесов // Русские философы о языке и познании. — Вып. 1. — Красноярск: КГУ, 1999. — 64 с. — Режим доступа: <http://katrina-z.fromru.com/lib/kolesovrealizm.htm>.
- КУБРЯКОВА Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. — М.: Наука, 1981. — 199 с. — (АН СССР, Ин-т языкознания).
- КУБРЯКОВА Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. — М.: Наука, 1986. — 158 с.: ил. — (АН СССР, Ин-т языкознания).
- КУБРЯКОВА Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общей редакцией Е. С. Кубряковой. — М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. — 245 с.

КУБРЯКОВА Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 6—17.

КУБРЯКОВА Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 555 с., [1] л. портр. — (Язык. Семиотика. Культура).

ПИМЕНОВА М. В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): дис... докт. филол. наук / Пименова Марина Владимировна. — С-Петербург, 2001. — 497 с.

ПИМЕНОВА М. В. Душа и дух: особенности концептуализации / М. В. Пименова. — Кемерово: ИПК «Графика», 2004. — 386 с. — (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 3).

СЕЛИВАНОВА Е. А. Когнитивная ономазиология / Е. А. Селиванова. — К.: Фитосоциоцентр, 2000. — 248 с.

СЕЛИВАНОВА О. О. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти) / О. О. Селіванова. — К. Черкаси: Брама, 2004. — 276 с.

ЭМИРОВА А. М. Избранные научные работы / А. М. Эмирова. — Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2008. — 366 с.

Шань Саншань

Shan Sanshan

Гуаньдун, КНР, discourse@yahoo.cn

RELEVANT FEATURES AND IMAGE OF BARACK OBAMA FROM ONE WORD «MEASURE» ON

ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА И ИМИДЖ БАРАКА ОБАМЫ, КОТОРЫЕ МОЖНО ВЫДЕЛИТЬ ПОСРЕДСТВОМ АНАЛИЗА ЛЕКСЕМЫ «MEASURE»

Аннотация. Статья посвящена анализу функционирования понятия «мера» в публичных выступлениях американского президента Барака Обамы. Автор делает акцент на той идее, что речь индивида является свидетельством наличия у него определенных черт характера. Автор исследует реализацию понятия «мера» на примерах производной от данного корня лексике и приводит статистический отчет об употреблении президентом Обамой лексической единицы «мера» и ее производных.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the notion “measure” in some public speeches of the American President Barack Obama. The author focuses on the idea that any speech of an individual can

witness his definite features of character. The author examines the way the notion “measure” is functioning on the examples of its derivatives and gives some statistics of using this word and its derivatives by President Obama.

Ключевые слова: Барак Обама, мера, экономика, политика, публичные выступления.

Keywords: Barack Obama, measure, economics, politics, public speech.

УДК 811.111.1

The popular question if Mr. Barack Obama is a principled pragmatist shows a worldwide interest in who he is as a USA president and the way he leads the nation. In the present study, instead of giving him a political identity category, I will try to understand how his presidency is constructed and construed from a discursive perspective. For this purpose, a corpus of his addresses is collected, containing two parts: the addresses during his election campaign and the addresses during his first year in the White House. This study consists of three sections. In the first, a featured expression “full measure of” in Obama’s inaugural address in 2009 is traced up and compared even with his keynote address at the Democratic National Convention in 2004. In the second, the nature and meaning of the expression are justified and explained to some extent. In the last, the key word “measure” from the expression is traced down again in the corpus along two directions, which shows how his political feature is constructed and thus his image should be construed.

1. A small difference

It is the keynote address Obama delivered at Democratic National Convention in 2004 that makes him more popular widely. The address then and there was such a success that “CNN’s Wolf Blitzer observed that Obama ‘electrified the crowd here’” and one lady even said to Obama the next day, “I just cannot wait till you are president” (Mendell 2007: 285). To give an impression, an Excerpt of the address is presented below.

Excerpt 1

I stand here today, grateful for the diversity of my heritage, aware that my parents’ dreams live on in my precious daughters. I stand here knowing that my story is part of the larger American story, that I owe a debt to all of those who came before me, and that, in no other country on earth, is my story even possible. Tonight, we gather to affirm the greatness of our nation, not because of the height of our skyscrapers, or the power of our military, or the size of our economy. Our pride is based on a very simple

premise, summed up in a declaration made over two hundred years ago, “We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal, that they are endowed by their Creator with certain inalienable rights, that among these are life, liberty and the pursuit of happiness.” (Obama, Key-note address at Democratic National Convention, 2004)

In this Excerpt, Obama directly and literally quotes the well-known expression from the Declaration of Independence (see the underlined part) and it is the practices of many political figures in the history of the United States of America. For instance, Martin Luther King also quoted the very expression in his influential speech “I Have a Dream” in a similar way, but just fitting it in grammatically without any significant modification. The relevant portion of the speech is given below.

Excerpt 2

In a sense we’ve come to our nation’s capital to cash a check. When the architects of our republic wrote the magnificent words of the Constitution and the Declaration of Independence, they were signing a promissory note to which every American was to fall heir. This note was a promise that all men, yes, black men as well as white men, would be guaranteed the “unalienable rights” of “life, liberty and the pursuit of Happiness.” It is obvious today that America has defaulted on this promissory note, insofar as her citizens of color are concerned. Instead of honoring this sacred obligation, America has given the Negro people a bad check, a check which has come back marked “insufficient funds.”

However, in the relevant part of his inaugural address in 2009, Obama made a moderate but significant modification to the almost fixed expression that represents the premise, promise and spiritual and ideological pride of the United State of America. Compare the following Excerpt of this address with counterpart of his keynote address in 2004 and the original document in 1876.

Excerpt 3

We remain a young nation, but in the words of Scripture, the time has come to set aside childish things. The time has come to reaffirm our enduring spirit; to choose our better history; to carry forward that precious gift, that noble idea, passed on from generation to generation: the God-given promise that all are equal, all are free, and all deserve a chance to pursue their full measure of happiness. (Obama, Inaugural Address at the White House, 2009)

There are two obvious features in this modification, the three components of the inalienable right are parallelized and the last one is modified particularly. Comparing the two modifications and considering the rhetorical device of

parallelism is more popular, the second modification will be focused upon. Is this small but salient difference, we have to question, an instinct and random modification or a purposed and functional highlight? If it is not just a rhetoric choice, we might be curious about its reason and root.

2. Where does the expression “full measure of” come from? And why?

When the phrase “full measure of” is typed in Google search engine, well over 100 millions of hits popped up and among them, Lincoln’s address at Gettysburg ranks high and frequently. The expression “that government of the people, by the people and for the people” is known all over the world but not the expression “the last full measure of devotion” (See the underlined part of in the Excerpt below). However, it is equally significant and expressive expression worthwhile a deep appreciation. Besides the propositional meaning in it, i. e. “they sacrificed their final and last blood and breath”, the heroic way to devote is also coded in at the same time. Can the phrase “full measure of” in such an expression escape from the notice of Obama’s writing team? It might be certain that many will doubt about.

Excerpt 4

It is rather for us to be here dedicated to the great task remaining before us — that from these honored dead we take increased devotion to that cause for which they gave the last full measure of devotion — that we here highly resolve that these dead shall not have died in vain — that this nation, under God, shall have a new birth of freedom — and that government of the people, by the people, for the people, shall not perish from the earth. (Lincoln, Gettysburg Address, 1863)

Though we can almost conclude that Abraham Lincoln is a great influential president and whose discourse is a must reader for many of his followers, including Obama, not mentioning he has a special respect to the slave liberator, we need to find out if there is any motive inside Obama’s mind and heart. According to the present study, the following portion of a speech might shed some light on the motive behind the expression borrowing.

Excerpt 5

The document [the Declaration of Independence] they produced was eventually signed but ultimately unfinished. It was stained by this nation’s original sin of slavery, ... Of course, the answer to the slavery question was already embedded within our Constitution — a Constitution that had at its very core the ideal of equal citizenship under the law; a Constitution that promised its people liberty, and justice, and a union that could be and should be perfected over time. ... And yet words on a parchment would

not be enough to deliver slaves from bondage, or provide men and women of every color and creed their full rights and obligations as citizens of the United States. What would be needed were Americans in successive generations who were willing to do their part — through protests and struggle, on the streets and in the courts, through a civil war and civil disobedience and always at great risk — to narrow that gap between the promise of our ideals and the reality of their time.

The explanation given by Obama in this Excerpt shows that the addition of the expression “full measure of “to one of the three components of inalienable right, i. e. “happiness” is rationally motivated and ideologically driven. Such an explanation is in fact deeply rooted in his life experience. This can be justified by the repetitive telling of his small stories and his way to share them (See Excerpt 6—12).

Excerpt 6

Tonight is a particular honor for me because, let’s face it, my presence on this stage is pretty unlikely. (2004-07)

Excerpt 7

I stand here knowing that my story is part of the larger American story, that I owe a debt to all of those who came before me, and that, in no other country on earth, is my story even possible. (ibid.)

Excerpt 8

It was an amazing experience for me. A humbling honor. A tremendous opportunity. And if you had come up to me a few years earlier and told me I’d be there (National Democratic Convention as the keynote speaker), I would’ve politely told you that you were out of your mind. (2006—06 Commencement Address at the University of Massachusetts)

Excerpt 9

I am the son of a black man from Kenya and a white woman from Kansas. I was raised with the help of a white grandfather who survived a Depression to serve in Patton’s Army during World War II and a white grandmother who worked on a bomber assembly line at Fort Leavenworth while he was overseas. I’ve gone to some of the best schools in America and lived in one of the world’s poorest nations. I am married to a black American who carries within her the blood of slaves and slaveowners — an inheritance we pass on to our two precious daughters. I have brothers, sisters, nieces, nephews, uncles and cousins, of every race and every hue, scattered across three continents, and for as long as I live, I will never forget that in no other country on Earth is my story even possible. (2008-03-18)

Excerpt 10

I know that I don't look like the Americans who've previously spoken in this great city. The journey that led me here is improbable. (2008-07 A World that Stands as One Berlin)

Excerpt 11

Four years ago, I stood before you and told you my story — of the brief union between a young man from Kenya and a young woman from Kansas who weren't well-off or well-known, but shared a belief that in America, their son could achieve whatever he put his mind to. (2008-08)

Excerpt 12

PRESIDENT OBAMA: This is an excellent point. The United States, one of our strengths is that we are a very diverse culture. We have people coming from all around the world. And so there's no one definition of what an American looks like. In my own family, I have a father who was from Kenya; I have a mother who was from Kansas, in the Midwest of the United States; my sister is half-Indonesian; she's married to a Chinese person from Canada. So when you see family gatherings in the Obama household, it looks like the United Nations. (Laughter.) (Shanghai, 2009-11-16)

From the Excerpts above, one thing can be seen, that the borrowing of the expression "full measure of" is deeply rooted in his political vision, mission and passion. To Obama, there is a substantial gap between the ideal and the reality, which should be confronted firmly and can be filled up gradually.

3. From a word family to a principal means

With the assumption that if a thought is important, its linguistic expression will be repeated so that the thought can be reproduced, maintained and developed. Put it the other way, any important thought cannot be formed overnight. The following Excerpts (Excerpt 13 to 19) are retrieved from the subpart of the corpus containing the addresses delivered by Obama during his election campaign. They show clearly that the word family of "measure", i. e. all the words derived from the root word "measure" such as measures, measured, measuring, and so on are appearing respectively in various addresses.

Excerpt 13

This year, in this election, we are called to reaffirm our values and commitments, to hold them against a hard reality and see how we are measuring up, to the legacy of our forbearers, and the promise of future generations. And fellow Americans — Democrats, Republicans, Independents — I say to you tonight: we have more work to do. (2004-7-27)

Excerpt 14

The Administration owes the American people a reality-based assessment of the situation in Iraq today. For the past two years, they've measured progress in the number of insurgents killed, roads built, or voters registered. But these benchmarks are not true measures of fundamental security and stability in Iraq. (2005-11-25)

Excerpt 15

You see, we Democrats have a very different measure of what constitutes progress in this country.

Excerpt 16

We measure the strength of our economy not by the number of billionaires we have or the profits of the Fortune 500, but by whether someone with a good idea can take a risk and start a new business, or whether the waitress who lives on tips can take a day off to look after a sick kid without losing her job — an economy that honors the dignity of work.

Excerpt 17

The fundamentals we use to measure economic strength are whether we are living up to that fundamental promise that has made this country great — a promise that is the only reason I am standing here tonight. (2008-08-28)

Excerpt 18

Well, we have a different way of measuring the fundamentals of our economy. We know that the fundamentals that we use to measure economic strength are whether we are living up to that fundamental promise that has made this country great — that America is a place where you can make it if you try. (Golden 2008-09-16 Dunedin 2008-09-24 Greensboro 2008-09-27 Detroit 2008-09-28 Westminster 2008-09-29)

Excerpt 19

What we have lost in these last eight years cannot be measured by lost wages or bigger trade deficits alone. What has also been lost is the idea that in this American story, each of us has a role to play. Each of us has a responsibility to work hard and look after ourselves and our families, and each of us has a responsibility to our fellow citizens. And that's what we need to restore right now — our sense of common purpose; of higher purpose. (Canton 2008-10-27 Chester 2008-10-28 Raleigh 2008-10-29 Sarasota, FL 2008-10-30 Des Moines 2008-10-31)

Excerpt 20

I know that some are skeptical about the size and scale of this recovery plan. I understand that skepticism, which is why this recovery plan will include

unprecedented measures that will allow the American people to hold my Administration accountable. Instead of just throwing money at our problems, we'll try something new in Washington — we'll invest in what works. Instead of politicians doling out money behind a veil of secrecy, decisions about where we invest will be made public, and informed by independent experts whenever possible. (Washington DC 2009-01-28)

Excerpt 21

You know, from the moment I entered office, my administration has worked to beat back this recession by creating jobs, unfreezing credit markets, extending unemployment insurance and health benefits to Americans who are out of work. But even as we've worked to end this immediate crisis, we've also taken some historic measures to build a new foundation for growth and prosperity that can help secure our economic future for generations to come. (Washington DC 2009-07-24)

The next investigation is to look into the whole website of the White House by using a sort of online concordance software to obtain some statistics about the usage of various forms of the root word “measure”. The following table present result of the investigation. (www.whitehouse.gov)

Lexical items	Statistics
Measure	8334 500 / 4
Measures	8674 500 / 5
Measured	1312 500 / 21
Measuring	819 500 / 31
Measurement	1548 500 / 22
Measureable	27 25 / 2

Note: In the parentheses of the table above, the first figure indicates the number of webpages searched and the second the number of errors during the search.

Besides, some extracted Excerpts retrieved from the official websites of the Defense Department and State Department of the United States of America are also presented bellowed, which can show further the distribution of the idea based on the root word “measure”.

Excerpt 22

Individuals and nations, friends and foes alike, will always disagree on something. Like curiosity, disagreement is inherent in human nature. The

measure of success of a person or a civilization is not the avoidance of discord, but the ability to successfully and positively manage it. (次国务卿朱迪思 2010年3月在考彼学院毕业典礼上的讲话)。

Excerpt 23

“The ultimate measure of a man,” Martin Luther King, Jr. once said, “is not where he stands in moments of comfort and convenience, but where he stands at times of challenge and controversy.” The same is true of nations. (美国国防部长的讲话)

REFERENCES

- MENDELL D. From Promise to Power. — New York: Amistad, 2007.
OBAMA B. 2004. “Audacity of Hope”. (July 27, Keynote address transcript, Illinois). — 2008. — “A More Perfect Union”. (March 18, Speech transcript, Philadelphia, PA). — 2009. — Inaugural Address. (January 20, address transcript, Washington, DC). — [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.whitehouse.gov>

Ю. М. Шемчук

J. M. Shemchuk

Москва, Россия, shemchuk@rambler.ru

ЭВФЕМИСТИЧЕСКИЕ ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ EUPHEMISTIC RENAMINGS IN MODERN GERMAN

Аннотация. В статье рассматриваются эвфемистические переименования в современном немецком языке, как желание замаскировать действительность.

Abstract. The article deals with the euphemistic renamings in modern German as a willingness to disguise the reality.

Ключевые слова: эвфемизмы; маскирующие слова; эвфемистические переименования.

Keywords: euphemisms; disguising words; euphemistic renamings.

УДК 811.112.2

Неискренность и ложь пронизывают все аспекты человеческого существования, взаимоотношения людей между собой и в социуме. «Всю свою сознательную жизнь мы безуспешно стараемся «жить по правде», до конца не осознавая того факта, что ложь является неотъемлемой компонентом человеческой цивилизации. Вечный антипод истины, она как тень следует за ней, пропитывая все стороны нашей жизни. Рядом с ней шествуют тысячи

© Шемчук Ю. М., 2011

оттенков обмана — от добродетельного до злонамеренного» [Щербатых 1997: 2]. Что касается языка, то здесь уместно использовать термин «маскировка» вместо слов «неискренность», «ложь» и «обман».

Маскирующие слова по сути представляют собой эвфемизмы. И тип такого лексического обновления — явление нередкое.

Обновленные номинации могут быть вызваны к жизни потребностью в визуализации понятий, стремлением к эвфемистическим заменам. Эвфемизм психологически помогает абстрагироваться от негативного или прямого смысла понятия. «Подобные эвфемизмы нейтрализуют истинный смысл прямых наименований, смягчают его, облекая в обтекаемые словесные формы. Такой камуфляж не скрывает смысла, новые наименования воспринимаются однозначно, однако форма обличения смысла становится корректной и психологически более приемлемой» [Валгина 2001: 95].

Людам свойственно переименовывать действительность, выбирая при этом нетривиальное название, зачастую скрывающее от непосвященных истинное значение вещей. Однако принадлежность к непосвященным спорна. Получается, что человек обманывает сам себя. Сменой прежнего имени он маскирует понятие. Например, использование *User* вместо немецкого слова «*Drogenabhängiger*» («наркоделец»). Маскируя понятие *Drogen* («наркотики»), немцы также говорят *Speed*, *Türkischer Honig*, *Stoff* или *Lady Mary*.

В Германии с каждым годом жизнь в домах, предназначенных для людей преклонного возраста, становится комфортнее. Постепенно учитываются все пожелания, улучшаются условия проживания. Здесь присутствует уют, комфорт и возможность самореализации. Вероятно, чтобы заострить внимание на качественном признаке, *Altersheim* переименовывается в *Seniorenresidenz* или *Ruhehotel*. Но естественно, при общем улучшении уровня жизни эти дома, сохраняя идею своего существования, не могут оставаться прежними в мелочах. Поэтому подмена «-heim» на «-residenz» или «-hotel» явление, говорящее о напускной важности, помпезности.

Иногда прежнее слово приводит в замешательство, вызывает нежелательные ассоциации у носителей языка. Появляется необходимость в обновлении номинации. Неблаговидное по своей семантике понятие, выраженное немецким глаголом *stehlen* («воровать»), нередко переименовывается в *abgreifen*, *greifen*, *stauchen*, *klaufen*, *sich etwas (unter den Arm) klemmen*.

Жители деревни *Wolfpaizig* «местность, где кусает волк» переименовали ее в *Wolparzing* «приятная, поросшая кустарником возвышенность», так как свое прежнее название они воспринимали как обидное, оскорбляющее их. Примечательно, что для замены люди выбрали созвучную лексему, омоним.

Чрезвычайно специфичным тематическим полем является лексика, сгруппированная вокруг понятия «Половые отношения», на которое со стороны морально-этических норм было наложено табу. Именно по морально-этическим соображениям многочисленные эвфемистические переименования в статье не приводятся.

Человек инстинктивно ограждает себя от неприятного, заменяя названия явлений и предметов на их смягченные соответствия. Благозвучное переименование оказывается более необходимым, чем прежде. Замена таких слов объясняется маскирующим моментом. Особенно наглядно такая языковая тенденция проявляется в словесном обновлении политических явлений. Так, первый президент России Б. Н. Ельцин в газете «Аргументы и факты» затрагивал данную проблему следующим образом: «Термин «оппозиция» у нас имеет неприятный оттенок. Произносят его с трудом. На полпути были найдены слова «альтернатива» и «плюрализм». И после реплики собеседника: «Мне кажется, что «оппозиция» и «альтернатива» — это одно и то же», — Ельцин отметил: «В принципе да. Но никто не хочет это признавать. Такие слова, как «оппозиция», «фракция», внушают некоторый страх. Они тут же ассоциируются со словами «враги народа» [АиФ 1989: 27]. Анализируя «Толковый словарь языка Совдепии», а также словарь немецкого языка «Brisante Wörter von Agitation bis Zeitgeist», можно утверждать о существовании эвфемистических переименований в политической сфере. Однако количество их ограничено из-за неизбежного привнесения в новые слова иной идеологической семы.

В настоящее время немецкий язык приобретает высокую степень клишированности, демагогическое манипулирование языком с целью сокрытия подлинного смысла, использование условных эвфемистических наименований, избегание прямых номинаций: признаки, в сумме обозначаемые термином *политическая корректность*. Так, политической корректностью объясняется замена в прессе слова *Zigeuner* двумя переименованиями *Sinti* и *Roma*. Ср., также «ohne Fortune» вместо прежнего *Versager*, эвфемистическое переименование *Farbige* вместо *Schwarzer*. По причине политической корректности приходит эвфемистическая замена *Zuwendungsempfänger* (ср. прежде *Sozialhilfeempfänger*).

Маскировкой объясняется также следующий случай переименования: в разговорную лексику современного немецкого языка вошло слово «*Freisetzung*». По употребительности оно вытесняет лексему: «*Entlassung*» и выступает в роли камуфлирующего наименования. Это происходит по психологическим соображениям: принято не только скрывать связанный с тюрьмой промежуток жизни, но и просто открыто говорить о ней. Происходит замена одних слов на другие, создающие положительные или нейтральные ассоциации.

Люди, злоупотребляющие алкоголем, в оправдание своего пристрастия переименовывают «пьянку» в «расслабление». В немецком языке также обращает на себя внимание переименование, пришедшее на смену «*trinken*», глагол «*tschechern*» (österr.). Слово образовалось от существительного «*Tscheche*» («чех») и служит своеобразным самооправданием. Между тем, «обеляя себя», немецкий язык таким переименованием очерняет чешский народ. Думается, что можно дать схожее объяснение переименованию выражения «*Zukost zum Schnaps*» русским словом «*Sakuska*».

Одним из страхов современности является боязнь радиации. Бездумное обращение с атомной энергией привело к накоплению отходов, захоронение которых представляет собой проблему. Проблема актуальна, и актуальна она не только вследствие возросшего объема радиоактивных отходов, но также и из-за их большой опасности для всего живого. Лишнее напоминание об этом вызывает у человека смешанные чувства: здесь и протест, и негодование, и доля страха. В результате длинное и действующее на психику немецкое выражение «*Lagerstätten von radioaktivem Müll*» замаскировалось в *Entsorgungspark*.

Не конкретное называние, а описание понятия часто ослабляет эффект воздействия слова. Нередко под довольно безобидным именем случается обнаружить нечто иное. Бесспорно, общество предприняло немало усилий на рассмотрение экологического вопроса. Но все же он не теряет актуальность. Невинный немецкий эвфемизм «*Schadstoffe*» маскирует то, что раньше прямо называлось «*Gift*». Как бы занижая степень опасности для здоровья, слово «*Gift*» заменяют сегодня на «*Schadstoffe*», ставя между ними, обозначающими по существу разные понятия, знак равенства. *Schadstoffe* — это не так страшно как *Gift*, «*вредный*» еще не означает «*оппава*». Возможно, первыми использовали вместо слова «*Gift*» — «*Schadstoffe*» бюрократы и чиновники, в чьих интересах приуменьшить степень вреда.

Заемствованные слова, благодаря иноязычному звучанию, могут интерпретироваться по-иному. Эта возможность часто используется для сокрытия истинного смысла вещей. Так, например, за маской «*Innovation*» может скрываться любое, даже ни к чему не обязывающее преобразование. В отличие от слова «*Neuerung*», оно не такое звучное. Фирма, активно афиширующая свои «*Innovationen*», на самом деле может и не обладать новшествами.

Не секрет, что среди огромного числа различных рабочих мест есть такие, которые часто пустуют. Эвфемистические обновленные номинации поднимают их социальный престиж и уважение людей. Таким образом, *Putzfrau* становится *Raumpflegerin*, *Hebamme* → *Entbindungspflegerin*,

Straßenkehrer → *Betriebshelfer (der Straßenreinigung)*, *Tapezierer* → *Innenarchitekt*, *Blumenverkäuferin* → *Floristin*. Облагораживающие переименования притягивают, они — атрактивны.

«Современным немецким профессионалам свойственно наличие эмоционально нейтральных эвфемизмов, повышающих престиж той или иной профессии» [Новикова 2006: 16]. Ниже приведены примеры эвфемизации названий лиц по профессии, заимствованные из автореферата Е. Ю. Новиковой: *Recyclingtechniker* (ср. с прежним названием *Abfalltechniker*), *Asset-Manager* (ср. с прежним названием *Vermögens- oder Finanzverwalter*), *Art Direktor* (ср. с прежним названием *Künstlerischer Leiter*), *Büroinformations elektronikner* (ср. с прежним названием *Büromaschinenmechaniker*), *Clinical-Engineer* (ср. с прежним названием *Krankenhaustechniker*), *Community-Manager* (ср. с прежним названием *Community Specialist*), *Conference-Manager* (ср. с прежним названием *Außendienstkoordinator*), *DTP-Layouter* (ср. с прежним названием *DTP-Setzer*), *Energiebroker und -trader* (ср. с прежним названием *Stromhändler*).

Таким образом, эвфемизации подвергаются не весь словарный состав языка, а лишь лексика, связанная с определенными темами и сферами деятельности. Обобщая вышесказанное, можно выделить такие традиционные темы и сферы, как:

- некоторые физиологические процессы и состояния;
- определенные части тела, связанные с «телесным низом»;
- отношения между полами;
- болезни и смерть;
- социальная сфера (ср. классификацию в [Крысин 2004: 268]).

Главным основанием для появления обновленных имен — эвфемизмов можно считать желание замаскировать действительность. Таинственное звучание слова скрывает истину. Меняя имя, референт нередко маскируется, то есть такие переименования затушевывают смысл обозначаемого. В последнем случае классификации появление эвфемистических замен объясняется соблюдением одного из сформулированных Г. Грайсом постулатов — постулата вежливости [Грайс 1985: 223].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ВАЛГИНА Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. — М.: Логос, 2001. — 304 с.
- ГРАЙС Г. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. — М.: Прогресс, 1985. — С. 217—237.
- КАЦЕВ А. М. Языковое табу и эвфемия. — Л., 1988. — 80 с.
- КРЫСИН Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 888 с.

НОВИКОВА Е. Ю. Структура, семантика и тенденции развития наименования лиц по профессии в современном немецком языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. — М., 2006. — 25 с.

ЩЕРБАТЫХ Ю. Искусство обмана. — СПб.: Азбука-Терра, 1997. — 368 с.

Е. А. Шимко

E. A. Shimko

Мичуринск, Россия, Shimko_maksim@mail.ru

**РОЛЬ МЕНТАЛЬНЫХ И ВЕРБАЛЬНЫХ СТРУКТУР
НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА
В РАМКАХ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА
THE ROLE OF MENTAL AND VERBAL STRUCTURES
OF NATIONAL CULTURAL SPACE IN FRAMES
OF ETHNOLINGUISTIC TRANSLATION**

Аннотация. В статье раскрывается роль ментальных и вербальных структур национального культурного пространства в рамках этнолингвистического перевода

Abstract. The article deals with the role of mental and verbal structures of national cultural space in frames of ethnolinguistic translation

Ключевые слова: лингвокультурное сообщество; самодетерминация; этнолингвистический перевод

Keywords: *lingvocultural society; self-determination; ethnolinguistic translation*

УДК 811.112.2+81'25

Человеческое сознание в определенной степени детерминировано границами этнического языка как базового семиотического кода. Вербальные единицы, на наш взгляд, являются продуктом сложного процесса «осознания» реального мира, реального культурного пространства, посредством которых индивид интегрирует фрагмент действительности в свою ментальную реальность. При использовании вербальных единиц человек подчиняется тем их значениям, которые они имеют в рамках определенного лингвокультурного сообщества. Таким образом, вербальные единицы являются результатом процесса вербально-культурной переработки реального мира в процессе мышления, поэтому каждый язык национально специфичен, и в нем заложена та или иная концептуализация внешнего мира. Различия в концептуализации мира обусловлены национальным способом представления мира, национальным складом мышле-

© Шимко Е. А., 2011

ния, национальным характером, наконец. Результатом концептуализации реального культурного пространства выступает его ментальная модель, структурированная в человеческом сознании с учетом иерархии системных отношений отражаемых культурных феноменов. В ментальном культурном пространстве следует выделить ядро, «заполненное» культурными феноменами, общими для всех членов данного лингвокультурного сообщества, и периферию. Универсальные культурные элементы занимают в национальных культурных пространствах различные положения. Каждый индивид по-своему структурирует собственную ментальную модель культурного пространства, наполняя его феноменами, которые являются значимыми только для него самого, и может не признавать центрального положения других феноменов. Однако даже в этом случае он абсолютно свободно ориентируется в центральной части национального культурного пространства, не нуждаясь при этом в каком-либо «гиде». Представитель же иного национального культурного сообщества, пытаясь овладеть данной культурой, наоборот, «блуждает» в центре. Особые трудности у него вызывает то, что ядерные элементы культурного пространства чрезвычайно редко подвергаются осмыслению, рефлексии и экспликации со стороны тех, для кого это пространство является родным.

Каждый индивид «самодетерминируется» в национальном культурном пространстве, «обустраивая» собственную, индивидуальную модель культурного пространства. Его «самодетерминация» ограничивается однако рамками, определяемыми лингвокультурным сообществом, которое, представляет каждому индивиду культуру для присвоения и построения своей личности, позволяет ему формировать себя, с одной стороны, как целостного общественного человека, а с другой стороны, ограничивает его рамками своей культуры, объемом культурных предметов. Именно общность присвоенной культуры и определяет общность сознания коммуникантов, которая обеспечивает возможность знакового общения, когда коммуниканты, манипулируя в межкультурном пространстве телами знаков, могут ассоциировать с ними одинаковые ментальные образы.

Регулятором самодетерминации индивида, включая его социальное и речевое поведение, выступает этнолингвистическая база, определяемая как структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета, все говорящие на том или ином языке.

Входящие в данную базу знания и представления имеют надличностный характер, они инвариантны по своей природе, что позволяет индивиду

«ориентироваться в пространстве соответствующей культуры и действовать по ее законам».

При вхождении в определенное лингвокультурное сообщество индивид не только «присваивает» общую базу данного социума, но и на ее основе формирует собственное пространство, которое интерпретируется нами как презентуемая различными структурами совокупность знаний, образов и представлений индивида, имеющих национальную детерминированность.

Ментальное культурное пространство включает в себя представления и образы самого тела национальной культуры с их дифференциальными признаками и атрибутами. Ментальное культурное пространство инкорпорирует как существующую сферу культурного пространства, так и потенциальную, порождающую новые смыслы по существующим инвариантным смыслообразующим культурным моделям. Потенциальная сфера представляет собой устойчиво воспроизводимые ментальные основания данной культуры, принципы, механизмы и доминирующие способы и направления культурной активности. Образно говоря, ментальная база является обязательным минимумом знаний и совокупностью национально-детерминированных представлений и образует ядро, которое инкорпорирует также коллективные и индивидуальные знания и представления. В ментальное культурное пространство входят все структурные элементы. Таким образом, каждый человек обладает своим индивидуальным пространством, ментальным культурным пространством и определенной базой того лингвокультурного сообщества, членом которого он является. Формой кодирования и хранения информации в ментальных пространствах индивида являются языковые структуры, которые как базисные формируют его компетенцию. Эти особым образом структурированные участки ментальных пространств включают не только информацию о реальном мире (в том числе о реальном культурном пространстве), но также языковые знания. Таким образом, ментальные пространства человека «образуются» универсальными вербальными структурами, опосредующими процесс вербализации. В контексте наших исследовательских интересов необходимо подчеркнуть, что при переводе художественных текстов следует учитывать способы и схемы взаимодействия и организации всех типов знаний индивида, которые определены культурой того языкового сообщества, к которому он принадлежит. Векторы валентности, направленные от одной единицы к другой, ассоциативные связи между ними, клише и штампы сознания — все это оказывается не столько индивидуальным, сколько общенациональным.

В качестве иллюстрации подобного подхода проанализируем возможности перевода на русский язык лексемы «die Tante», встречающиеся

в переводных художественных текстах. При ее переводе она может быть обозначена как «тетя».

Er kommt niemals mit seinem Gelde aus, obgleich er wohl versorgt wird; und was Onkel Justus ihm verweigert, das schickt ihm *Tante* Rosalie... (Т. Манн 1985: 111).

(Ему всегда хватает денег, хотя он был обеспечен, а если дядя Юстус ему отказывает, то их посылает *тетя* Розалия).

Если бастует дядя Юстус, то посылает тетя Розалия (Т. Манн 1985: 79).

Отметим, что в немецком языке для лексемы «die Tante» характерны значения: 1) сестра или золовка, невестка, свояченица матери или отца; 2) обращение к старшей по возрасту женщине; 3) женщина (Duden Universalwörterbuch 2008: 1661). При переводе на русский язык эта лексема выражается следующими словарными эквивалентами: 1) тетя; 2) тетка (Большой немецко-русский словарь Т. 2 1980: 420).

В русском языке «тетя» — 1) сестра отца или матери, а также жена дяди; 2) незнакомая женщина; 3) рослая дородная женщина (Ушаков 2007: 1046).

Лексема «die Tante» может быть выражена в переводных немецких текстах лексемой «тетка».

Herr Göppel machte zärtlich Einwände, und der Chor *der Tanten* begleitete sie (Н. Манн 1985: 19).

(Господин Геппель мягко противоречил ей, а *тетки* хором подпевают).

Геппель мягко отговаривал ее, а *тетки* хором подпевали (Г. Манн 1985: 23).

Отметим, что «тетя» и «тетка» являются однокорневыми словами. (Историко-этимологический словарь современного русского языка Т. 2 2001: 67). При этом лексема «тетка» употребляется в разговорной речи в значениях: «сестра отца или матери; в просторечии: обращение к пожилой женщине» (Ушаков 2007: 1046)

Следовательно, в переводных русских текстах данные формы являются словарными эквивалентами.

В связи с этим лексема «die Tante» при переводе на русский язык может быть рассмотрена как:

die Tante тетя, тетка

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Большой немецко-русский словарь: В 2 т. / Сост. Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова и др. ; под рук. О. И. Москальской. — М.: Рус. яз., 1980. — 2-е изд. — 1416 с.

- МАНН Г. Верноподданный. Бедные. Пер. с нем. — М.: Правда, 1985. — 720 с.
- МАНН Т. Будденброки: История гибели одного семейства. Пер. с нем. — М.: Международные отношения, 1982. — 504 с.
- УШАКОВ Д. И. Большой толковый словарь современного русского языка. — М.: Альта-Принт, 2005. — 1239 с.
- ЧЕРНЫХ П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. — М.: Рус. яз., 2001. — 4—е изд. — 1184 с.
- DUDEN C. Deutsches Universalwörterbuch. - Mannheim, Leipzig, Wien, 2007. — 1379 s.
- MANN H. «Der Untertan». — Moskau: Verlag für Fremdsprachige Literatur, 1950 — 806 s.
- MANN T. Buddenbrocken. — Moskau: Verlag für Fremdsprachige Literatur, 1950 — 760 s.

T. С. Шишкина

T. S. Shishkina

Ростов-на-Дону, Россия, Rostov28Tancha@yandex.ru

**ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
КОНСТАТИВНОГО РЕЧЕВОГО АКТА В ФУНКЦИИ
ИНИЦИИРУЮЩЕЙ РЕПЛИКИ В ЖАНРЕ
НЕФОРМАЛЬНОГО ИНТЕРВЬЮ**

**EMOTIONAL AND EXPRESSIVE POTENTIAL
OF SPEECH ACT IN A FUNCTION OF AN INITIATIVE CUE
OF NON-FORMAL INTERVIEW**

Аннотация. В статье анализируется эмоционально-экспрессивный потенциал речевого акта в функции иницирующей реплики в жанре неформального интервью

Abstract. It is analyzed the emotional and expressive potential of speech act in a function of an initiative cue of non-formal interview

Ключевые слова: констативный речевой акт; инициатор интервью; медиа-дискурс

Keywords: speech act; initiator of the interview; media discourse

УДК 81'23+159.946.3

В рамках когнитивно-прагматического направления в современной лингвистике, ориентированного на анализ речевых актов в конкретных

© Шишкина Т. С., 2011

социально-психологических условиях их порождения, оказывается возможным по-новому взглянуть на семантические характеристики языковых единиц в их эмоционально-экспрессивной функции [Касторнова 2005: 120—124]. Отмечаемая функция в данной статье анализируется в отношении констативного речевого акта, который, согласно нашим наблюдениям, частотно употребляется не только в качестве стимулирующей, но и иницирующей реплики в рамках неформального интервью. Данная тенденция характерна, в частности, для неформальной коммуникации на английском языке, о чем свидетельствует наш анализ британских и американских изданий, специализирующихся на публикации интервью. В русскоязычных аналогичных изданиях подобной тенденции не отмечается.

Практическое значение исследования связано с возможностью применения отработанной в нем методики для исследования эффективности деятельности участников интервью, а также с перспективой объединения усилий теоретической лингвистики, психолингвистики и практической журналистики с целью повышения эффективности неформальной коммуникации в медиа-дискурсе. Выводы работы позволяют внести уточнения в существующие в журналистском сообществе представления о массовой аудитории, ее ожиданиях относительно качества журналистского продукта; а также могут быть использованы в практике преподавания дисциплин по специальности «Журналистика», курсов «Психолингвистика» и «Стилистика публицистического текста».

Исследование языковых средств в условиях неформальной коммуникации на английском языке, позволило нам установить, что одной из характерных особенностей содержания знакового образа в спонтанной эмоционально-окрашенной речи предстает тот факт, что теоретически любая значимая языковая единица в определенном контексте может стать носителем эмоционального заряда [Ларина 2003: 65]. В процессе спонтанного порождения единицы языка в эмоционально-окрашенной речи неформальной коммуникации одновременно выступают и знаком мысли участником интервью, и признаком их психологических переживаний, входящих в намерение автора интервью, оформляемого посредством констативного речевого акта. Актуализируемые языковые единицы характеризуются двойственной референциальной отнесенностью, репрезентируя когнитивное мышление и эмоциональные переживания участников интервью, предполагающих субъективную оценку фактов в аспекте мотивов, что становится возможностью для успешной реализации неформальной коммуникации [Кравченко 2008: 7].

Отличительной особенностью эмоциональных переживаний инициатора неформального интервью в процессе спонтанного конструирования диалога предстает их связь с мотивационно-потребностной сферой, поэ-

тому исследования эмоциональной речи позволяет комплексно изучить мотивационную составляющую неформальной коммуникации, представляющую особый интерес для современной лингвистики. Особенности семантики лексических единиц и иллокутивного значения репрезентирующих их речевых актов определяются тем, что в эмоционально-окрашенной речи достаточной частотностью отмечается «выход» во внешнюю речь отдельных звеньев стимулирующей реплики со структурой констативного речевого акта, в обычных условиях представленных лишь во внутренней речи и поэтому недоступных для наблюдения. Данные звенья служат прагматическим средством создания психологического контакта между участниками диалогического общения, нацеливают интервьюируемого на переход от предметно-денотативных форм отражения внеязыковой действительности к глубинным аффективно-ситуационным формам. В результате вскрываются неизвестные факты из частной жизни интервьюируемого, что немаловажно для последующего читательского успеха публикации интервью в прессе. Подобные формы фиксируют переход интервьюируемого, запрограммированный инициатором интервью, от предметных к коннотативным формам категоризации фактов своей частной жизни. Подобная категоризация фактов и составляет фокус повышенного читательского интереса.

Ср.: *Your use of lyrics often has a wonderful meandering aspect to it, with lots of wordplay and double meaning. Take «Fisher of Men» from this album: «He's got a line in the water...He's a fisher of men...he's got a lot on the line.» You seem to be sitting there with a thesaurus when you're writing tunes... When I hear that song, I think about the movie The Mission a bit. It might be about a missionary. And a missionary has a lot on the line. But it all happens so fast. It happens subconsciously. So much of it is stumbled upon. Sometimes you will find yourself when you're writing and playing guitar chords, you will be mumbling something that turns into words (Vanity Fair, 2009, February, 16, p. 27).* В приведенном выше контексте инициатор интервью сосредотачивает свое внимание на творческом процессе написания песен интервьюируемым. Одна и та же инвариантная смысловая единица внутренней программы реплики (денотатом которой выступает содержание песен) реализована в речи автора интервью разными лексемами: *wordplay, double meaning, thesaurus*. Данные лексические единицы передают тот концептуальный смысл, который песенное творчество интервьюируемого приобретает для инициатора интервью под влиянием аффективной ситуации диалогического общения. Выделенные слова в указанном контексте приобретают окказиональную поэтическую коннотацию, поскольку представляют результат напряженного творчества

интервьюируемого, что подчеркивается последним высказыванием реплики-стимула интервью, в которой актуализируется процессуальность, беспрестанная длительность действий. Даже в придаточном времени (...when you're writing tunes...) употребляется Present Continuous Tense, что свойственно речи при подчеркивании оттенка напряженности и беспрестанности действия [Declerck 2006: 363]. При этом инициатор интервью прибегает не к вопросительной, а констативной реплике, т. е. не запрашивает о возможности вывода из приведенных фактов, а делает вывод из данных фактов, тем самым стимулируя интервьюируемого к дальнейшей более детальной аффективно-ситуационной категоризации представленных фактов, в результате чего выясняются более новые обобщения, актуализируется неизвестная информация, пользующаяся повышенным спросом любопытных читателей.

Интересно заметить, что запрограммированная инициатором интервью нацеленность диалога на субъективную оценку характера творчества интервьюируемого под углом зрения мотивов успешно реализуется в реагирующем высказывании последнего. Каннотативная категоризация характера собственного творчества осуществляется реагирующим лицом посредством концептуально важных для собственной субъективной оценки лексем (*so fast, subconsciously, stumbled upon*). Констативный речевой акт в реплике-стимуле определил и прагматику грамматической «упаковки» аффективно-ситуационной категоризации фактов из собственной частной жизни в реплике интервьюируемого, в которой мы также встречаем Present Continuous Tense в том же значении, что и в реплике-реакции (Ср.: ...when you're writing and playing guitar chords, you will be mumbling something that turns into words). Другими словами, констативный речевой акт как реплика-стимул на уровне неформального интервью в прагматическом плане оказывается не менее действенным, чем более традиционный интеррогативный речевой акт в этой же функции.

Данное речевое действие воспроизводит коммуникативную стратегию интервьюера на поддержание читательского интереса к публикации интервью и, согласно нашим наблюдениям, закрепляется как содержательное основание в англоязычной культуре интервью вообще. В этом смысле мы вносим в данную коммуникативную стратегию содержание выбора в пользу констативных речевых актов и фиксации данного выбора как тенденции в жанре интервью в англоязычной прессе.

Приведем еще один пример: *I'm told you don't like improvisation on the set. This is kind of a factory, and it's got to be a standardized product, and you can't have — how many cast members do we have? You can't have everybody just saying what they want. People who do improvisation work on these things,*

before the movie starts, and then that stuff is written down. We don't have time for that. It's got to be exactly as we write it. Otherwise we would get so bogged down, and so out of control. I would like to do more of that. I think Larry David works that way: «A bagel? A bagel?! Not a bagel — a bagel! Yes, a bagel!» (Laughs.) (Vanity Fair, 2007, March, 13, p. 29). Реплика интервьюера, представленная констативным речевым актом, в приведенном контексте задает характер субъективной модальности реплики-реакции. В форме оценочного суждения инициатор интервью констатирует отрицательное отношение композитора к импровизации, интервьюируемый косвенно поддерживает данное суждение. Инвариантная смысловая единица внутренней программы реплики интервьюируемого (денотатом которой является импровизация) реализована в речи последним разными лексемами (*a factory, a standardized product, that stuff*). Данные лексические единицы реализуют концептуальный смысл, который импровизация приобретает для композитора под влиянием аффективной ситуации диалогического общения, которая и задается исходной репликой интервью, выявляющей негативное отношение композитора к импровизации. Слова *a factory, a standardized product, that stuff* в данном контексте приобретают негативную коннотацию, их контекстное значение, за исключением последнего слова, не совпадает со словарным. Выбор данных лексических единиц свидетельствует о том, что интервьюируемый, осуществляя данную речевую операцию, перешел с более расчлененного конкретно-денотативного уровня организации лексической оформленности своей реплики на глубинный коннотативный уровень.

В результате инициатор интервью успешно реализует избранную коммуникативную стратегию: лицо, дающее интервью, подтверждает оценочное суждение, выдвинутое в реплике-стимуле. В результате интервьюер поднимает свой профессиональный авторитет в глазах читателей интервью, которые в свою очередь получают свежую оригинальную информацию о характере творческой манеры популярного композитора.

Эмоциональная экспрессия констативов в функции иницирующей реплики на уровне неформального интервью нацелена не только на интервьюируемого, но и читающего индивида, активно воспринимающего и оценивающего тексты интервью при их публикации в соответствующих изданиях. В англоязычном неформальном медиа-дискурсе читатель выступает полноправным субъектом интервью, оценивающим коммуникативное поведение других участников общения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

КАСТОРНОВА О. Н. К вопросу о разграничении оценочности и эмоциональности в высказываниях со словами категории оценки // Проблемы систематики языка и

речевой деятельности: Материалы 8-го региональн. науч. семинара. — Иркутск, 2005. — С. 120—124.

КРАВЧЕНКО Я. Ю. Лексико-стилистические и социально-прагматические особенности неформального речевого общения: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. — Майкоп, 2008. — 7 с.

ЛАРИНА Т. В. Неформальность как одна из доминантных черт английской коммуникативной культуры // Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвуз. сб. науч. тр. Выпуск 6. — Нижний Новгород, 2003. — 65 с.

DECLERCK K. The Grammar of the English Tense System: A Comprehensive Analysis. — Berlin. New York, 2006. — 363 p.

Сведения об авторах

- АБДУЛЛАЕВА
Самира
Фархад Кызы
аспирант кафедры славянской филологии, Бакинский славянский университет
адрес: Азербайджан, AZ-1014, г. Баку, ул. Сулеймана Рустама, 25
e-mail: durdana_a@mail.ru
- АНДРИАНОВА
Алина
Николаевна
студентка филологического факультета, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова СФ
адрес: 163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 4
e-mail: kitty-105@mail.ru
- БАВАЕВА
Ольга
Кукаевна
преподаватель, Московский институт юриспруденции
адрес: 105203, Москва, ул. 14 Парковая, 6
e-mail: olgabov97@yandex.ru
- БАЕВА
Евгения
Васильевна
ассистент кафедры лингвистики и перевода, Вятский государственный гуманитарный университет
адрес: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
e-mail: evgenia.baeva@mail.ru
- БЕРЧАТОВА
Инна
Сергеевна
студентка филологического факультета, Уральский государственный университет
адрес: 620000 г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51
e-mail: berchinka@mail.ru
- БЫКОВА
Татьяна
Юрьевна
преподаватель кафедры делового иностранного языка факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет
адрес: 454001, Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129
e-mail: bykova74@mail.ru
- ВАГАНОВА
Татьяна
Павловна
ассистент кафедры английской филологии и сопоставительного языкознания, Уральский государственный педагогический университет
адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
e-mail: vaganova.85@mail.ru
- ВАНЯГИНА
Марина
Романовна
старший преподаватель кафедры иностранных языков, Екатеринбургское высшее артиллерийское командное училище
адрес: г. Екатеринбург, ул. Щербакова, 145
e-mail: marmalkina@rambler.ru

- ГАВРИЛОВА
Наталья
Викторовна доцент кафедры делового иностранного языка, Уральский
государственный экономический университет
адрес: 620219, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62
e-mail: natalvik_2000@mail.ru
- ГАЙВОРОНСКАЯ
Алёна
Михайловна ассистент кафедры иностранных языков, Тюменский
государственный университет
адрес: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 19
e-mail: mamutina_alyona@mail.ru
- ГРАЧЕВА
Наталья
Олеговна аспирант кафедры английской филологии, Поволжская
государственная социально-гуманитарная академия
**адрес: 443099, Самарская область, г. Самара, ул. М.
Горького, 65/67**
e-mail: Natta63@yandex.ru
- ГРИГОРЬЕВА
Наталья
Юрьевна старший преподаватель, Магнитогорский
государственный технический университет
адрес: 455000, г.Магнитогорск, пр. Ленина, 38
e-mail: dmitri-grigoriev@yandex.ru
- ГУДИНА
Ольга
Васильевна кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры
теории, практики и методики преподавания иностранных
языков, Российский Новый университет
адрес: 105005, г. Москва, ул. Радио, 22
e-mail: guodolga@yandex.ru
- ГУЗИКОВА
Валентина
Викторовна кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
иностраных языков, Уральский государственный
университет им. А.М. Горького
адрес: 620000 г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51
e-mail: V.Guzikova@e1.ru
- ДЕМИДОВА
Келерия
Ивановна профессор кафедры общего языкознания и русского языка,
доктор филологических наук, Уральский государственный
педагогический университет
адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
e-mail: demidova_k_i@mail.ru
- ДЕНИСОВА
Светлана
Николаевна аспирант кафедры английской филологии и методики
преподавания английского языка, Армавирская
государственная педагогическая академия
**адрес: 352901, Краснодарский край, г. Армавир, ул.
Розы Люксембург, 159**
e-mail: svetlankajan@mail.ru

- ДРОЖАЩИХ
Александр
Владимирович кандидат филологических наук, доцент кафедры
английской филологии, Тюменский государственный
университет
адрес: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 19
e-mail: ndro2004@rambler.ru
- ЕВДАК
Александра
Николаевна ассистент кафедры французского языка, Челябинский
государственный педагогический университет
адрес: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69
e-mail: sasha_juin@mail.ru
- ЖИЛИНА
Ирина
Сергеевна преподаватель кафедры английского языка, Липецкий
государственный педагогический университет
адрес: 398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42
e-mail: irene-zhiling@yandex.ru
- ЗАВЬЯЛОВА
Наталья
Алексеевна кандидат филологических наук, доцент кафедры
английского языка, Уральский государственный
педагогический университет
адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
e-mail: st.conference@rambler.ru
- КАЛМЫКОВА
Галина
Александровна кандидат филологических наук, доцент, заведующий
кафедрой иностранных языков, Ульяновский
государственный педагогический университет
им. И. Н. Ульянова
адрес: 432700, г. Ульяновск, пл. им. 100-летия
со д. рожд. Ленина, 4
e-mail: dr.kalmykova_g@mail.ru
- КАНТЫШЕВА
НАДЕЖДА
Геннадьевна аспирант кафедры перевода и переводоведения,
Тюменский государственный университет
адрес: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 19
e-mail: nkantyscheva@yahoo.de
- КОЛЕСНИЧЕН-
КО
Ирина
Игоревна кандидат филологических наук, доцент кафедры
немецкого языка, Ульяновский государственный
педагогический университет им. И.Н. Ульянова
адрес: 432700, г. Ульяновск, пл. им. 100-летия
со д. рожд. Ленина, 4
e-mail: NIrishka@yandex.ru
- КОЛТУНОВА
Светлана
Викторовна соискатель кафедры французского языка, Белгородский
государственный университет
адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
e-mail: svkoltunova85@yandex.ru

- КОМАРОВА
Зоя
Ивановна доктор филологических наук, профессор, профессор
кафедры немецкой филологии, Уральский
государственный педагогический университет
адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
e-mail: zikomarova@bk.ru
- КОНОПЛЯНИК
Екатерина
Александровна преподаватель-стажер кафедры немецкого языка,
Гродненский государственный университет им. Янки
Купалы
адрес: Беларусь, 230023, г. Гродно, ул. Ожешко, 22
e-mail: katerina.konopljanik@gmail.com
- КОШКАРОВА
Наталья
Николаевна кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
международных коммуникаций, Южно-Уральский
государственный университет
адрес: 454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76
e-mail: nkoshka@rambler.ru
- ЛУКИН
Олег
Владимирович доктор филологических наук, доцент, заведующий
кафедрой теории языка, Ярославский государственный
педагогический университет
**адрес: 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская,
108**
e-mail: oloukine@mail.ru
- МАНДРИКОВА
Галина
Михайловна кандидат филологических наук, доцент кафедры
филологии факультета гуманитарного образования,
Новосибирский государственный технический
университет
адрес: 630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20
e-mail: mandricova@mail.ru
- МАТВЕЕВА
Ирина
Владимировна кандидат филологических наук, доцент кафедры
немецкой филологии, Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова
адрес: 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а
e-mail: Iramatweewa@yandex.ru
- МЕЛИКОВА
Ирада
Эльдаровна преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной
коммуникации, Университет Российской академии
образования Астраханский филиал
**адрес: 414056, г. Астрахань, ул. Юрия Селенского,
2/100**
e-mail: loveirada26@rambler.ru

- НАХИМОВА
Елена
Анатольевна кандидат филологических наук, доцент, докторант
кафедры риторики и межкультурной коммуникации,
Уральский государственный педагогический университет
адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
e-mail: ap_chudinov@mail.ru
- ОЛЕШКОВ
Михаил
Юрьевич доктор филологических наук, профессор, профессор
кафедры русского языка, Нижнетагильская
государственная социально-педагогическая академия
адрес: 622013, Свердловская обл., г. Нижний Тагил,
ул Красногвардейская, 57
e-mail: oleshkov@rambler.ru
- ПИМЕНОВ
Евгений
Александрович доктор филологических наук, профессор, заведующий
кафедрой немецкой филологии, декан факультета романо-
германской филологии, Кемеровский государственный
университет
адрес: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6
e-mail: EAPimenov@rambler.ru
- ПЛЕТНЕВА
Наталья
Викторовна старший преподаватель кафедры германской филологии,
Уральский государственный университет им. А.М.
Горького
адрес: 620000 г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51
e-mail: pletnevalex@mail.ru
- ПОДВИГИНА
Надежда
Борисовна ассистент кафедры русского языка и межкультурной
коммуникации, Воронежский государственный
архитектурно-строительный университет
адрес: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84
e-mail: ya_witch@mail.ru
- ПОПОВА
Лариса
Георгиевна доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
иностраных языков, Мичуринский государственный
аграрный университет
адрес: 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск,
ул. Интернациональная, 101
e-mail: larageorg@inbox.ru
- ПОПОВА
Лариса
Владимировна кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
иностраных языков второй специальности, Омский
государственный педагогический университет
адрес: 644099, г. Омск, Набережная Тухачевского, 14
e-mail: la-09@mail.ru

- ПОПОВА
Наталья
Владимировна кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Мичуринский государственный аграрный университет
адрес: 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск,
ул. Интернациональная, 101
e-mail: natpopova25@mail.ru
- САЛАТОВА
Людмила
Маратовна старший преподаватель кафедры делового иностранного
языка, Челябинский государственный Университет
адрес: 454001, г. Челябинск, ул. Братьев
Кашириных, 129
e-mail: salat_78@is74.ru
- СКРЕБОВА
Екатерина
Геннадьевна кандидат филологических наук, доцент кафедры
иностраных языков, Российский государственный
торгово-экономический университет, Воронежский
филиал
адрес: 394030 г. Воронеж, ул. Карла Маркса, 67А
e-mail: dolgorukaja1@rambler.ru
- СТЕПАНОВА
Елизавета
Дмитриевна ассистент кафедры английского языка, Волгоградский
государственный университет
адрес: 400062, г. Волгоград, пр-т Университетский,
100
e-mail: sstepanov61@mail.ru
- ТЕРКУЛОВ
Вячеслав
Исаевич доктор филологических наук, профессор, проректор
по науке, Горловский государственный институт
иностраных языков, Украина
адрес: Украина, 84626, г. Горловка, ул. Рудакова, 25
e-mail: terkulov@rambler.ru
- ТОМИЛОВА
Александра
Игоревна аспирант кафедры немецкого языка и методики его
преподавания, ассистент кафедры романских языков,
Уральский государственный педагогический университет
адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
e-mail: alexara@list.ru
- ФЕДУЛЕНКОВА
Татьяна
Николаевна доктор филологических наук, профессор, профессор
кафедры германской филологии, Поморский
государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Северодвинский филиал
адрес: 164520, Архангельская область,
г. Северодвинск, ул. Торцева, 6
e-mail: taniafed@atnet.ru

- ФИЛИПАЦЦИ
Юлия
Александровна кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого языка и методики его преподавания, Уральский государственный педагогический университет
адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
e-mail: juliaflip@gmail.com
- ХРУЩЕВА
Оксана
Александровна ассистент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, Оренбургский государственный университет
адрес: 460352, Оренбургская область, г. Оренбург, пр. Победы, 13
e-mail: hrox@mail.ru
- ХУЗИНА
Екатерина
Александровна преподаватель кафедры иностранных языков, филиал Казанского (Приволжского) федерального университета
адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
e-mail: eka5551@rambler.ru
- ЧУКРЕЕВА
Елена
Игоревна ассистент кафедры английского языка, Уральский государственный педагогический университет
адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
e-mail: silver-23@yandex.ru
- ШАГЕЕВА
Анна
Алексеевна кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Уральский федеральный университет
адрес: 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19
e-mail: shageyeva@rambler.ru
- ШАНЬ
Саншань доктор филологических наук, профессор, содиректор Института Конфуция с китайской стороны при Уральском государственном университете, Гуаньдунский институт иностранных языков, КНР
адрес: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51
e-mail: st.conference@rambler.ru, discourse@yahoo.cn
- ШЕМЧУК
Юлия
Михайловна доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и переводоведения, Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова
адрес: 109240, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская, 16-18
e-mail: shemchuk@rambler.ru

- ШИМКО
Елена
Алексеевна кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры филологии и педагогики, Мичуринский
государственный аграрный университет
адрес: 393740, Тамбовская обл., г. Мичуринск,
ул. Интернациональная, 101
e-mail: Shimko_maksim@mail.ru
- ШИРПУЖЕВА
Наталья
Владимировна кандидат филологических наук, доцент кафедры делового
иностранного языка, Уральский государственный
экономический университет
адрес: 620219, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62
e-mail: schir@mail.ru
- ШИШКИНА
Татьяна
Семёновна старший преподаватель кафедры английского языка
гуманитарных факультетов, Южный федеральный
университет
адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая,
105/42
e-mail: Rostov-28Tancha@yandex.ru
- ШУМАРИН
Сергей
Иванович кандидат филологических наук, доцент, заведующий
кафедрой русского языка, Саратовский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского, Балашовский
институт (филиал)
адрес: 412300, Саратовская область, г. Балашов,
ул. Карла Маркса, 29
e-mail: sshumarin@yandex.ru

Information about the author

ABDULLAEVA Samira Farhad Kyzy	Post-graduate Student of the Chair Slavic Philology, Baku Slavic University (Baku)
ANDRIANOVA Alina Nikolaevna	Student of Philology Department, Pomorski State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
BAEVA Evgenija Vasilievna	Assistant Lecturer of the Chair of Linguistic and Translation, Vyatka State Humanities University (Kirov)
BAVAEVA Olga Kukaevna	Lecturer, Moscow Institute of Jurisprudence (Moscow)
BERCHATOVA Inna Sergeevna	Student of Philology Department, Ural State University (Ekaterinburg)
BYKOVA Tatyana Yurievna	Lecturer of the Chair of Business Foreign Language, Department of Linguistic and Translation, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk)
CHUKREEVA Elena Igorevna	Assistant Lecturer of the Chair of English Language, Ural State Pedagogical University
DEMIDOVA Kelerija Ivanovna	Professor of the Chair of General Linguistics and Russian Language, Doctor of Philological Sciences, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)
DENISOVA Svetlana Nikolaevna	Post-graduate Student of the Chair of English Philology and English Language Teaching, Armavir State Pedagogical Academy (Armavir)
DROZHASCHIKH Alexander Vladimirovich	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of English Philology, Tyumen State University (Tyumen)
EVDAK Aleksandra Nikolaevna	Assistant Lecturer of the Chair of French Language, Chelyabinsk State Pedagogical University (Chelyabinsk)

FEDULENKOVA Tatyana Nikolaevna	Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Chair of German Philology, Pomorski State University named after M. V. Lomonosov, Severodvinsk Branch (Severodvinsk)
FILIPACCI Julija Aleksandrovna	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of German Language and Its Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)
GAYVORONSKAYA Alyona Mikhailovna	Assistant Lecturer of the Chair of Foreign Languages, Tyumen State University (Tyumen)
GAVRILOVA Natalya Viktorovna	Associate Professor of the Chair of Business Foreign Language, Ural State Economy University (Ekaterinburg)
GRACHEVA Natalya Olegovna	Post-graduate Student of the Chair of English Philology, Volga State Socio-Humanitarian Academy (Samara)
GRIGORYEVA Natalya Jurievna	Senior Lecturer, Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk)
GUDINA Olga Vasilievna	Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Theory, Practice and Techniques of Teaching Foreign Languages, Russian New University (Moscow)
GUZIKOVA Valentina Viktorovna	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages, Ural State University named after A.M. Gorky (Ekaterinburg)
KALMYKOVA Galina Aleksandrovna	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Foreign Languages, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov (Ulyanovsk)
KANTYSHEVA Nadezhda Gennadievna	Post-graduate Student of Chair of Translation and Translation Studies, Tyumen State University (Tyumen)

KHRUSCHEVA Oksana Aleksandrovna	Assistant Lecturer of the Chair of English Philology and English Language Teaching, Orenburg State University (Orenburg)
KHUZINA Ekaterina Aleksandrovna	Lecturer of the Chair of Foreign Languages, Branch of Kazan (Volga) Federal University (Kazan)
KOLESNICHENKO Irina Igorevna	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of German Language, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov (Ulyanovsk)
KOLTUNOVA Svetlana Viktorovna	Competitor for a Degree of Candidate of Philological Sciences of the Chair of French Language, Belgorod State University (Belgorod)
KOMAROVA Zoya Ivanovna	Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Chair of German Philology, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)
KONOPLYANIK Ekaterina Aleksandrovna	Trainee Lecturer of the Chair of German Language, Grodno State University named after Yanka Kupala (Grodno)
KOSHKAROVA Natalya Nikolaevna	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Chair International Communications, South Ural State University (Chelyabinsk)
LUKIN Oleg Vladimirovich	Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Language Theory, Yaroslavl State Pedagogical University (Yaroslavl)
MANDRIKOVA Galina Mikhailovna	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Philology of the Department Humanitarian Education, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk)
MATVEEVA Irina Vladimirovna	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of German Philology, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov

MELIKOVA Irada Jeldarovna	Lecturer of the Chair of Linguistic and Intercultural Communication, University of the Russian Academy of Education, Astrakhan branch (Astrakhan)
NAKHIMOVA Elena Anatolievna	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, PhD Student of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)
OLESHKOV Mihail Jurievich	Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Chair of Russian Language, Nizhny Tagil State Social-Pedagogical Academy (Nizhny Tagil)
PIMENOV Evgenij Aleksandrovich	Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Chair of of German Philology, Director of the Romance and Germanic Philology Institute, Kemerovo State University (Kemerovo)
PLETNEVA Natalya Viktorovna	Senior Lecturer of the Chair of German Philology, Ural State University named after A.M. Gorky (Ekaterinburg)
PODVIGINA Nadezhda Borisovna	Assistant Lecturer of the Chair of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State University of Civil Engineering (Voronezh)
POPOVA Larisa Georgievna	Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Chair of Foreign Languages, Michurinsk State Agrarian University (Michurinsk)
POPOVA Larisa Vladimirovna	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Second Foreign Languages, Omsk State Pedagogical University (Omsk)
POPOVA Natalya Vladimirovna	Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Michurinsky State Agrarian University
SALATOVA Ljudmila Maratovna	Senior Lecturer of the Chair of Business Foreign Language, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk)
SHAGEEVA Anna Alekseevna	Candidate of Philological Sciences. Associate Professor of the Chair of Foreign Languages, Ural Federal University (Ekaterinburg)

SHAN Sanshan	Doctor of Philological Sciences, Professor, Co-Director from China of the Confucius Institute at Ural State University, Guangdong Institute of Foreign Languages, China
SHEMCHUK Julia Mikhailovna	Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Chair of Translation and Translation Studies, Moscow State Humanitarian University named after M.A. Sholokhov (Moscow)
SHIMKO Elena Aleksееvna	Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Chair of Philology and Pedagogy, Michurinsk State Agrarian University (Michurinsk)
SHIRPUZHEVA Natalya Vladimirovna	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Business Foreign Language, Ural State Economy University (Ekaterinburg)
SHISHKINA Tatyana Semyonovna	Senior Lecturer of the Chair of Humanitarian Institutes English Language, Southern Federal University
SHUMARIN Sergey Ivanovich	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Russian Language, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky, Balashov Institute (Branch)
SKREBOVA Ekaterina Gennadievna	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages, Russian State Trade-Economic University, Voronezh Branch (Voronezh)
STEPANOVA Elizaveta Dmitrievna	Assistant Lecturer of the Chair of English Language, Volgograd State University (Volgograd)
TERKULOV Vyacheslav Isaevich	Doctor of Philological Sciences, Professor, Vice-Rector for Science, Gorlovka State Institute of Foreign Languages, Ukraine (Gorlovka)
TOMILOVA Aleksandra Igorevna	Post-graduate Student of the Chair of German Language and Its Teaching, Assistant Lecturer of the Chair of Romance Languages, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)

VAGANOVA Tatyana Pavlovna	Assistant Lecturer of the Chair of English Philology and Contrastive Linguistics, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)
VANYAGINA Marina Romanovna	Senior Lecturer of the Chair of Foreign Languages, Ekaterinburg Higher Artillery Command School (Ekaterinburg)
ZAVYALOVA Natalya Alekseevna	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of English Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)
ZHILINA Irina Sergeevna	Lecturer of the Chair of English Language, Lipetsk State Pedagogical University (Lipetsk)

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНИСТИКИ,
РОМАНИСТИКИ И РУСИСТИКИ**

Часть I

Материалы ежегодной международной научной конференции

Подписано в печать 10.06.11. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 17,9. Уч.-изд. л. 16,5. Тираж 150 экз.
www.usru.ru

Оригинал-макет А. Б. Арабтанов

Отпечатано в ГУП СО «Режевская типография»
623750 г. Реж Свердловской обл.,
ул. Красноармейская, 22. Тел. (34364) 2-25-03
Заказ № 2011 г.